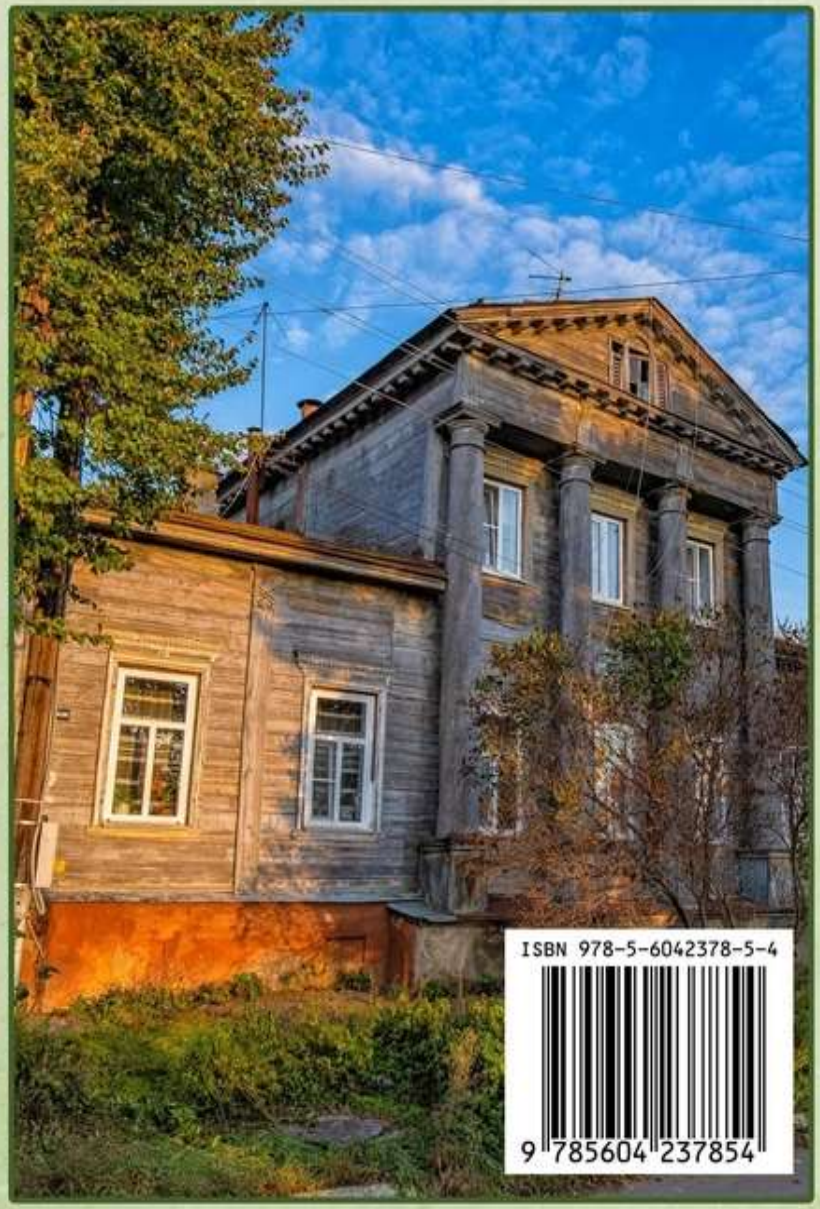


ISBN 978-5-6042378-5-4

2

Вопросы исторического и экологического регионоведения

2021

Вопросы исторического и экологического регионоведения

Арзамас 2021

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Арзамасский филиал ННГУ

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области

Централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
II РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

11 февраля 2021 г.

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2021

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43
В74

Печатается по решению ученого совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № 2 от 04.02.2021 г.)

Рецензенты:
д.и.н., профессор Е.П. Титков;
директор Государственного архива
Нижегородской области, г. Арзамас А.А. Гурьянов

Редакционная коллегия:
к.и.н., доцент В.И. Грубов (ответственный редактор),
к.филос.н. А.А. Исаков (научный редактор)

В74 **ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.** Сборник статей участников II Региональной научно-практической конференции (11 февраля 2021 г.) / Отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ; ГАНО, г. Арзамас; ИХМ г. Арзамаса, ЦБС г. Арзамаса. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2021. – 362 с. + 24 с. ил.

ISBN 978-5-6042378-5-4

В сборнике представлены доклады участников II Региональной научно-практической конференции «Вопросы исторического и экологического регионоведения», проведенной на базе Арзамасского филиала ННГУ 11 февраля 2021 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, учителя и ученики школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

ISBN 978-5-6042378-5-4 © Арзамасский филиал ННГУ, 2021

Раздел I.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ПУРГАСОВО ГОРОДИЩЕ – САРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

Александр Алексеевич Инжутов[1], Евгений Игоревич Парадеев[2]
[1] Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Шатковский районный историко-краеведческий музей»
Администрации Шатковского муниципального района, директор
Россия, Нижегородская обл., р.п. Шатки
E-mail: al.injutow2010@yandex.ru
[2] Независимый исследователь, г. Москва
E-mail: eparadeev@gmail.com

Статья посвящена вопросу локализации Пургасова городища, упоминаемого в письменных источниках XVII века. Описаны причины появления двух известных современной науке «Пургасовых» городищ, ни одно из которых не соотносится с истинным археологическим памятником, носившим такое название. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что только известное археологии Саровское городище изначально называлось Пургасовым. Городище было названо по имени Пургаса – правителя Пургасовой волости – раннефеодального политического объединения мордвы.

Ключевые слова: *мордва; Пургас; Пургасова Русь; Пургасова волость; Пургасово городище; Саровское городище; Арзамасский уезд, Кадомский уезд.*

Списки многих русских летописей сообщают нам о существовании перед монголо-татарским нашествием на мордовских землях Пургасовой Руси – Пургасовой волости во главе с правителем Пургасом. В Лаврентьевской летописи содержатся свидетельства о вторжении русских князей на земли мордвы после основания Нижнего Новгорода. В 1226 г. великий князь Юрий Всеволодович направил в них войска под предводительством своих братьев Святослава и Ивана: поход завершился победой над мордвой. В сентябре 1228 г. был организован еще один поход, но из-за непогоды отменен. Основные же события конфликта произошли в 1229 г.

В начале этого года (14 января) войска под предводительством самого Юрия Всеволодовича и трех удельных князей Северо-Восточной Руси в союзе с муромским князем Юрием Давыдовичем выступили в поход на мордовские земли, названные Пургасовой волостью. Количество князей говорит о значительном по численности объединенном войске.

Вторжение стало победоносным, что описано так: «Того же месяца [января 6736 (1229) г.] в 14 день Великый князь Гюрги и Ярослав и Костянтиновичи Василко Всеволод идоша на Мордву и Муромскый князь Гюрги Давидовичь вшед в землю Мордовьскую Пургасову волость пожгоша жита и потравиша и скот избиша полон послаша назад а Мордва вбегоша в лесы

своя в тверди а кто не вбегл тех избиша наехавше Гюргеви молодии…» [1, с. 451].

Опустошение Пургасовой волости русскими войсками даже привело к отказу булгар от нападения на союзника Юрия Всеволодовича – Пуреша: «А Болгарьскый князь пришел был на Пуреша ротника Юргева и слышав оже великый князь Юрги с братьею жжеть села Мордовьская и бежа прочь ночи а Юрги с братьею и со всеми полкы взвратишась в своя си добри здорови» [1, с. 451].

Ответной реакцией мордвы стало нападение в том же году на один из близко расположенных городов Северо-Восточной Руси – Нижний Новгород: «В лето 6737 [1229] месяца априля Придоша Мордва с Пургасом к Новугороду и отбишася их Новгородци и зажегше манастырь Святое Богородици и церковь иже бе вне града того же дни и отехаша прочь поимав свое избьеныя большия. Того же лета [1229/30] Победи Пургаса Пурешев сын с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову а Пургас едва вмале оутече» [1, с. 451].

В этом фрагменте упомянуто другое название Пургасовой волости – Русь Пургасова, а также указан предводитель мордвы Пургас, по имени которого получила название волость. Здесь же представлены сведения о том, что сын Пуреша нанес поражение Пургасу. Таким образом, 1229 г. можно считать переломным в истории Пургасовой волости, когда ей был причинен значительный ущерб. Юрий Всеволодович не дал соседям возможности восстановиться. Зимой 6740 (1232/33) г. состоялся еще один поход с участием нескольких русских князей на мордву, в ходе которого войска «пожгоша села их а Мордвы избиша много» [1, с. 459]. Через пять лет началось монгольское нашествие на Русь, которое кардинальным образом изменило геополитическую обстановку в Северо-Восточной Руси и положило конец русско-мордовскому противостоянию первой половины XIII века.

События 1229 г. – нападение русских князей на мордовские земли, последующий приход войск под предводительством Пургаса к Нижнему Новгороду и разгром мордвы – были освещены в самых первых трудах по истории российского государства. Об этих событиях писали В.Н. Татищев [2], Н.М. Карамзин [3], С.М. Соловьев [4]. В дальнейшем, тема Пургасовой Руси – Пургасовой волости поднималась в трудах дореволюционных историков, в советское время не раз становилась объектом исследований специалистов, в т.ч. узких исторических дисциплин, уделяется ей внимание и в России с 90-х гг. XX века. Одна из последних работ по истории Пургасовой Руси – книга А.В. Малышева «Пургасова Русь как явление русской истории» [5].

Название «волость», приведенное в летописях, свидетельствует о существовании территории определенного княжеского удела, верховным собственником которого являлся возглавлявший его правитель – князь. Тогда, возможно, «земля Мордовьская Пургасова волость» и была раннефеодальным политическим объединением во главе с князем – Пургасом [6, с. 8].

Местонахождение Пургасовой волости до настоящего времени является предметом дискуссии. Не рассматривая все версии ее местонахождения, укажем основные, укоренившиеся в научной литературе.

Одна из первых попыток связать летописные строки о Пургасе и Пургасовой волости с местностью связана с В.Х. Феоктистовым. На рубеже 1850–1860-х гг. полковник Генерального Штаба В.Х. Феоктистов возглавлял работы по военно-статистическому описанию Тамбовской губернии и писал статьи, публиковавшиеся в газете «Тамбовские губернские ведомости». Это были очерки по статистике, географии, топографии, истории Тамбовской губернии и другие материалы. Основываясь на том, что «выше г. Кадома, в разстоянии 15 верст, существует и поныне деревня Пургасово», В.Х. Феоктистов предположил, «что волость Пургаса была в нынешней Тамбовской губернии, в Темниковском уезде, на правом берегу р. Мокши» [7, с. 14]. Выводы В.Х. Феоктистова были приняты и популяризованы П.И. Мельниковом. В «Очерках мордвы» он указал, что Пургас жил недалеко от нынешнего города Кадома, на правом берегу реки Мокши [8, с. 501].

Д.А. Корсаков считал, что Пургасова волость была ближе к муромским пределам, а противник Пургаса – Пуреш – проживал восточнее у Волги, поскольку на него предприняли нападение булгары [9, с. 135]. И.Н. Смирнов учитывал разделение мордвы на две этнические группы: «В политическом отношении мордовская земля делилась на области – мы видим на с[еверо]-з[ападе] на пределах Эрзи напр[имер] область Пургасову <…> в области Мокши следует искать и ротника великаго князя Юрия – Пуреша <…> очевидно она [область Пуреша] находилась на ю[го]-в[остоке] от Пургаса» [10, с. 65].

В 1946 г. П.Д. Степанов, основываясь на сохранении имени Пургаса в географической номенклатуре на нижней Мокше (ученый связывал с мордовским князем село Пургасово и село Пурдошки), а также посчитав Пургасовым обнаруженное им городище рядом с селом Пурдошки Мордовской АССР (подробности см. ниже), предположил, что Пургасова волость располагалась «по нижнему течению реки Мокши от Темниково-Вадских лесов к реке Оке» [11, с. 38–39].

Комплексно, используя как топонимические данные, так и новые археологические находки, подошел к локализации Пургасовой волости

В.Н. Мартьянов. Еще в 1976 г., основываясь на археологической разведке Хозинского, Понетаевского и Федоровского городищ, В.Н. Мартьянов предположил, что они являются мордовскими «твердями», упоминаемыми русскими летописями XIII века, и связал их с территорией Пургасовой волости. Ее границы он определил следующими: «С севера и востока – р. Тёша, с юга – реки Алатырь и Мокша, с запада – р. Ока» [12, с. 157]. В дальнейших работах, с учетом вновь открываемых памятников, В.Н. Мартьянов подтверждал местонахождение волости «в междуречье Теши и Мокши», указывая, что она включала в свой состав «в основном эрзянские земли» [6, с. 8].

Знаковым событием стало исследование мордовского городища, расположенного в Сарове. Первые археологические раскопки на нем были проведены Н.Н. Грибовым в 1993–1995 гг. Занимавшее территорию в 44 га и защищенное в прошлом четырьмя валами, оно признано крупнейшим из известных в границах волости, определенных ранее В.Н. Мартьяновым [13, с. 13]. Данное городище было известно монахам Саровского монастыря уже в XVIII веке под названием Старое, но именно Н.Н. Грибов привлек к нему внимание. В силу своего месторасположения оно получило официальное название Саровское. Важно, что оно было датировано XII–XIII вв. [13, с. 2], т.е. тем периодом, когда, согласно летописным сказаниям, мордва выступала под предводительством Пургаса против Северо-Восточной Руси.

Таким образом, локализация Пургасовой волости строилась на нескольких предпосылках. Во-первых, она располагалась восточнее долготы Мурома и южнее широты Нижнего Новгорода и граничила с землями Северо-Восточной Руси. Во-вторых, принимались во внимание территории расселения двух этнических групп мордвы – эрзи и мокши. В-третьих, за основу брались топонимические данные внутри этих территорий, а именно, названия урочищ и сел, связанные с именем «Пургас», которые и сейчас существуют на юго-западе Нижегородской области и в соседних с ней Мордовии и Кадомском районе Рязанской области. Это село Пургасово в 9 км к северу от Кадома, село Пурдошки в Мордовии (по мнению П.Д. Степанова).

После выхода труда А.А. Гераклитова «Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв.» (1930 г.) к ним добавилось и «Пургасово прудище» в верховьях Иржи (приток Тёши), служившее в писцовых книгах XVII века ориентиром для описания мордовской деревни Сычесево (ныне – село Ивановское Дивеевского района Нижегородской области) [14, с. 140]. В-четвертых, принимались в расчет и данные археологии в регионе между Тёшей и Мокшей, относящиеся к XII–XIII вв.

В процессе изучения территории проживания мордвы в научной литературе появились и два археологических памятника под именем «Пургасово городище». Одно городище расположено в 8 км к северу от села Пурдошки и в 2 км к востоку от села Полянки Темниковского района Мордовии [11, с. 33]. Другое Пургасово городище, расположенное к востоку от села Большой Макателем Первомайского района Нижегородской области, стало соотноситься с Понетаевским городищем, расположенным в 5,6 км к востоку–юго-востоку от поселка Сатис и в 12 км к юго-юго-востоку от села Понетаевка Шатковского района Нижегородской области [15, с. 287].

Так как эти два городища имеют непосредственное отношение к настоящему исследованию, обратимся к историографии данного вопроса и рассмотрим, каким образом название «Пургасово» закрепилось сразу за двумя археологическими памятниками.

П.Д. Степанов в Центральном государственном архиве Мордовской АССР изучил документы, описанные им как «две копии с купчих записок мурз Теребердеевых на покупку у мурз же – “Асмана Разгильдеева, сына Алаева, да у Терегула, Акмая, Алмакая Теребердеевых их вотчинных бортных ухожаев”. В этих документах, относящихся к 1628 и 1630 гг., обозначены границы покупаемой вотчины: “…и мы продали… вотчину свою дедовскую и отцовскую бортный Саровский ухожай Вофтей в Шамболе и к Сумырякярге и в Теналу и Жонопичи и с Питикардами с одной стороны рубеж тому ухожью речка Пушта и с другой стороны рубеж враг Посюдал на речке Кафтар, а та речка об рубеж Кадомского уезда деревни Станоровы с мордвою, а с третью сторону от пургасовского городища по оврагу Арге по Алаторские вершины рубеж, а с четвертую сторону рубеж Темниковского уезда с Пурдышевскою мордвою Васильем Молчановым и с ево братьею и с товарищи до Княжева стану, а от Княжева стану до Пуштинской вершины”» [11, с. 28–29].

Сам факт существования в географической номенклатуре XVII века такого места, связанного с Пургасом из русских летописей, привел к закономерному выводу, что Пургасовское (Пургасово) городище являлось «местом общеизвестным и приметным» [11, с. 29].

С целью определения места расположения этого городища в 1945 г. Мордовским научно-исследовательским институтом была организована археологическая экспедиция под руководством самого П.Д. Степанова. Сравнивая топонимические данные, имеющиеся в документе, с названиями рек, оврагов, урочищ, ученый выстроил сравнительно небольшой контур, заключенный между Аргой (овраг, впадающий в реку Нулуй) и верховьями Пушты, Алатыря, Саровки. Однако исследование Арги и Нулуя показало отсутствие значимых археологических памятников, поэтому поиски сместились западнее. В итоге П.Д. Степанов посчитал, что Пургасовым

городищем следует считать обнаруженный им памятник, расположенный в овраге «Юва», между вершиной оврага Арга и речкой Кафтар, впадающей в речку Пушту, который при опросе местного населения именовался «Клады» или «Кладовая вершина». Ученый пришел к выводу, что «территориальное совпадение места открытого городища и "Пургасова городища", упоминаемого в документе 1630 г., не было достаточным для того, чтобы связать постройку этого памятника с Пургасом. Все внешние признаки говорили больше за то, что перед нами памятник более ранней эпохи» [11, с. 35]. При разведочном обследовании П.Д. Степанов обнаружил 49 фрагментов керамики и «значительное количество костей животных» [11, с. 35]. По обнаруженному комплексу вещей памятник был отнесен к типу городищ «городецкого типа» или городищ с «рогожной керамикой», датируемых первыми веками нашей эры с отклонениями до и после [11, с. 36].

Вместе с тем отмечая, что «нет никаких оснований говорить о постройке городища Пургасом, жившим в нач[але] XIII в.», ученый допустил, что «этот памятник еще в начале XVI в., а может быть и ранее назывался "Пургасовским городищем"» [11, с. 36]. Так за памятником закрепилось название.

В 1971 г. археологической экспедицией Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР на этом городище были проведены стационарные работы под руководством В.И. Ледяйкина [16, с. 107–108]. В.И. Ледяйкин подтвердил первоначальные выводы Степанова, а именно принадлежность памятника племенам городецкой культуры, и датировал его второй половиной I тыс. до н.э. [16, с. 124].

Второе городище, расположенное к востоку от села Большой Макателем, стало соотноситься с названием «Пургасово» после археологической разведки, организованной сектором археологии и этнографии Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР в 1972–1973 гг. В работе экспедиции принимали участие кандидаты исторических наук В.И. Ледяйкин, В.Н. Мартьянов, аспиранты института И.М. Петербургский и В.Н. Шитов [12, с. 147].

В археологии изученный ими памятник известен под названием Понетаевское городище (в археологической карте России, Нижегородская область, обозначено под № 607 (10) «Сатис. Городище Понетаевское)» [15, с. 287]. По сообщению В.Н. Мартьянова, сведения о его местоположении в 1969 г. поступили от директора средней школы В.Д. Еряшкина [12, с. 150]. Городище круглой формы. Площадку диаметром 127 м ограничивает кольцевой вал со рвами с внешней и внутренней стороны. С трех сторон (юга, запада и востока) городище окружает болотистая низина, с севера

оно защищено дугообразным валом, идущим с запада на восток, длиной до 1,2 км [6, с. 9]. Культурный слой данного памятника оказался незначительным. Из заложенных двух шурфов лишь в первом шурфе, против древнего въезда, под слоем дерна был расположен культурный слой (темная гумусированная супесь) без находок, но с включением угля и золы, в центре шурфа под дерном найдено пять булыжников диаметром до 15 см. Также на городище было найдено четыре обломка лепных гладкостенных сосудов слабого обжига и с примесью шамота в тесте [12, с. 152].

В отчете археологической экспедиции отмечено, что «были предприняты поиски "Пургасова городища", отмеченного П.Д. Степановым в районе села Большой Макотелем [sic] Первомайского района. Сведения о нем были получены П.Д. Степановым от Е.И. Горюновой [известного специалиста по финно-угорской археологии – ***прим. авторов***]. По ним "Пургасово городище" находится к востоку от села в вершине реки Дикой Сатис. Эти ориентиры совпадают с местоположением найденного нами Понетаевского городища» [12, с. 153]. Этот вывод закрепил за Понетаевским городищем название «Пургасово».

Как следует из работы В.Н. Мартьянова, второе «Пургасово» городище появилось фактически также благодаря П.Д. Степанову. В 1960 г. в работе «Хвалынские городища» в перечень археологических памятников под № 324 он включил безымянное городище с привязкой к селу Большой Макателем [17, с. 83]. В 1962 г. им же был опубликован еще один список, в котором под № 141 в XII группе памятников значится: «Городище "Пургасово городище". Большой Макателем Горьковской обл.» [18, с. 260]. На карте, относящейся к указателю, данный памятник помещен рядом с Хозинским городищем (№ 142), но оба объекта попросту привязаны к населенным пунктам без каких-либо существенных смещений [18, с. 234]. Стоит обратить внимание и на то, что следом в списке XII группы П.Д. Степановым поставлено городище около села Пурдошки, названное «Юва» (№ 143), т.е. археолог тогда уже, по-видимому, не соотносил его с Пургасовым. Источником информации о «новом» Пургасовом городище послужили записи в его личном архиве. Между прочим, В.Н. Мартьяновым сведения про Е.И. Горюнову были получены также из этого архива, который после смерти П.Д. Степанова (1974 г.) хранился в Институте им. Огарева [12, с. 157]. Если эти записи сохранились, то они позволят понять, что именно сообщила к началу 1960-х гг. Е.И. Горюнова о Пургасовом городище, и ссылалась ли она на какие-либо писцовые источники.

При исследовании землевладений и бортных угодий мордвы, проживавшей в XVII веке в Арзамасском уезде, авторами было обнаружено еще одно упоминание Пургасова городища с географической привязкой. Оно

содержится в писцовой книге по мордовским деревням Т. Измайлова и Н. Чаплина (20-е гг. XVII века), дошедшей до нас в поздней копии XVIII века. В данной книге есть упоминания городища и пинетаевской мордвы (деревня Пинетаева – теперь село Понетаевка Шатковского района Нижегородской области) в описании бортных угодий деревни Лобаски.

Упоминание 1а. /л. 161/ Тое ж деревни мордва Сава Ермоватов, деревни Пинтаевы Учай Мамкаев да Костяска Ермаев ходят в ухожай Мазыево юрта н Ходолском [sic] уезде Стонрава на речке на Седле, да ухожей Кирмальской на речке на Сатасе [sic] на городище Пургасеве, да в Арзамаском уезде на речке на Озерке верх Кирманской ухожей, да на речке на Лшиншлее [sic], да на речке на Ползелге, а знамена в том ухожее Савки [знамя] Ермоватова, Учая [знамя] /л. 161 об./ Макаева, Кистяна [знамя] Ермоватова, а платят с того ухожея десять гривенок меду да в куницу семь денег, за рыбную ловлю, за бобровые гоны десять денег [19, д. 8, л. 161–161 об.].

Упоминание 2а (следом за 1а). Да тое ж деревни Лобасков за мордвою за Солталтом Кучесовым да за Баженком Келдяевым Кормалской ухожей на речке на Селдуре, да на речке Сатисе вверх Сатиса на Пургасеве городище, да на речке на Озерке, да на речке на Щен [sic]… [19, д. 8, л. 161 об.].

Упоминание 3а. /л. 161 об./ Тое ж деревни мордва Ермоватов [sic, имя пропущено], да деревни Пинетаевы Учай Маркаев [sic] да Кистянка [выносная буква «н» по ошибке смещена в конец имени] Ермаев ходят в ухожей Мазыева юрта в Кадомском уезде Старнова на речке на Седоле, /л. 162/ да ухожей Кирмалской на речке на Сатисе на городище Пургасеве, да в Арзамаском уезде на речке на Озерке вверх Кирмалской ухожей, да на речке на Шилшлее, да на речке на Палзеге, а знамя в том ухож(ь)е Савки [знамя] Ермоватова, знамя Учая [знамя] Мамкаева, знамя Кистарна [знамя] Ермоватова, платят с того ухожея десять гривенок меду да в куницу семь денег, за рыбную ловлю, за бобровые угоны [sic] десять денег [19, д. 8, л. 161 об.–162].

Упоминание 4а (следом за 3а). Да тое ж деревни Лобасков за мордвою за Салтанком Кучасевым да за Баженком Келдюшевым Кирмалской ухожей на речке на Селдуре, да на речке Сутисе [sic] вверх Сатися на Бургасеве [sic] городище, да на речке на Озерке, да на речке на Шеншлее, да на речке на Палзелге [19, д. 8, л. 162].

В приведенном тексте встречается множество искажений, возникших при некачественном копировании писцовой книги, однако наличие двух одинаковых фрагментов (3а и 4а повторяют, соответственно, 1а и 2а) позволяет однозначно прочитать большую часть географических названий. Можно обратить внимание, что в упоминаниях 2а и 4а структура описания

схожа с 1а и 3а, но отсутствуют сведения об уездах, и появляется фраза «вверх Сатиса». Вероятно, слово «вверх» было внесено, чтобы отличать угодье от другого, расположенного ниже по Сатису.

Между писцовыми книгами различных периодов существовала преемственность описания прав владения бортными угодьями, выражавшаяся в том, что угодье как объект собственности со временем переходило другим людям (по наследству, по купчим и т.д.), но его название, местоположение и границы в основном сохранялись. Это позволяет обратиться и к более поздней писцовой книге В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг., а именно к ее копии начала XVIII века.

Упоминание 1б. /л. 306 об./ Да тое ж деревни Лобасков мордва Еникека Савадев да деревни Тинетаевы [sic] мордвин Стен(ь)ка Кечюшов с товарыщи ходят в ухожей Мазыева юрта в Кадомском уезде Станрова на речке на Седеле да ухожей Кирмалской на речке на Сатизе на городище Пургасеве, да в Орзамаском уезде на речке Озерке вверх Кирмаской [sic] ухожей, да на речке на Шишлее, да на речке на Панзенге… [20, д. 22, л. 306 об.].

Упоминание 2б. /л. 307/ Тое ж деревни Лобасков за мордвою за Боярком Алтаевым да за Мисюрком Баженовым Кирмалской ухожей на речке на Силдюре [sic], да на речке Сатисе вверх Сатиса на Пургасеве городище, да на речке на Озерке, да на речке на Щен [?] Панзелге… [20, д. 22, л. 307].

Упоминание 3б. /л. 307/ Тое ж деревни за Боярком Алтаевым да за Мисюркою Баженовым Кирмалской [изначально записано как Кирмялской, далее «я» исправлена на «а»] ухожей на речке на Селдуле да на речке Сатисе вверх Сатиса на Пумгасеве [sic] городище, да на речке на Озерке, да на речке на Шамшлее, да на речке на Палзелге… [20, д. 22, л. 307].

Как видно, данные фрагменты также не лишены искажений, при этом упоминание 1б фактически идентично упоминаниям 1а и 3а из писцовой книги Т. Измайлова, за полвека поменялись только владельцы угодья. Упоминания 2б и 3б, в свою очередь, тождественны 2а и 4а. Очень важно, что в книгах сначала перечисляются угодья, находящиеся в Кадомском уезде, а лишь затем – в Арзамасском. Подтверждается это их привязкой на местности.

Составим на основе всех фрагментов перечень содержащихся в них названий в разбивке по уездам.

Кадомский уезд:

1. Стонрава (1а) – Старнова (3а) – Станрова (1б) – некий объект в Кадомском уезде, анализ, проведенный ниже, покажет, что его надо связывать с деревней Станорово (ныне – село Стандрово Теньгушевского района Республики Мордовии), точнее, с рубежами (границами) угодий стано-

ровской мордвы, которые не связаны с местоположением самого поселения;

2. Речка Седле (1а) – Седоле (3а) – Седеле (1б), вероятно, она же Селдура (2а, 4а), Силдюра (2б) и Селдула (3б). Авторы связывают ее с оврагом Судалей (Сюдалей), о чем также сказано далее;

3. Речка Сатис, название которой передается с небольшими искажениями лишь в 1а, 4а, 1б, является правобережным притоком Мокши;

4. Пургасево (1а, 1б, 2а, 2б, 3а) – Бургасево (4а) – Пумгасево (3б) городище, однозначно является Пургасовым, т.е. объектом данного исследования.

Мордва деревни Лобаски, с которой были связаны и жители Пинетаева, достоверно занималась бортничеством в Кадомском уезде; об этом говорит упоминание реки Вичкинзы и «аламасовской» мордвы в описании еще одного из деревенских угодий: «Те жь ухожье судерев аламасовская [sic] мордва, а межа им Чюваголдома до речки до Вечканзы позад Чардакпонза…» [20, д. 22, л. 30б]. Для сравнения фрагмент из описания другого угодья в Кадомском уезде: «…а от Явопатмы до Чердакпанды, а от Черакпанды до Чюванореи, станоровским рубежом, да через речку Вечкинзу правая сторона их вечкидеевские и дудниковские мордвы, а левая станоровскай мордвы» [21, с. 179]. Очевидно, что «Чардакпонза» и «Чердакпанда/Черакпанда» являются одним и тем же урочищем, расположенным около Вичкинзы. Наконец, из писцовой же книги по Кадомскому уезду известна деревня Аномасова (ныне – село Нарышкино Вознесенского района Нижегородской области) и аномасовская мордва.

Арзамасский уезд:

1. Речка Озерка везде записана без искажений (название не вызывало затруднений у русских писцов): деревня Пинетаева была основана на речке Сивке, являющейся притоком реки Озерки, впадающей с левого берега в Тёшу, а Кирманское угодье (также – Кирмалское, поскольку выносные «н» и «л» часто подменялись писцами) на данной реке значится в перечне угодий кардавильской мордвы, соседствовавшей с пинетаевской, наконец, в Арзамасском уезде севернее мордовских деревень Кардавиль и Пинетаева в верховьях реки Озерки была и русская под названием Кирманы.

2. Речка Лшиншлей (1а) – Щен (2а, 2б) – Шилшлей (3а) – Шеншлей (4а) – Шишлей (1б) – Шамшлей (3б). Название сильно искажено, но однозначно, что в окончании *-шлей*, где *-лей* – это эрзянское *лей* – «река» [22, с. 335], мокшанское *ляй* – «река, речка» [23, с. 351]. Учитывая, что подмена «н» и «л» довольно частая, а «н» присутствует в большем количестве вариантов написания, то первоначальное название, вероятно, Шиншлей. Ее местоположение неизвестно.

3. Речка Ползелга (1а) – Палзега (3а) – Палзелга (4а, 3б) – Панзенга (1б) – Панзелга (2б). Очевидно, что в названии присутствует классическая подмена выносных «н» и «л». Правильный вариант написания – Панзелга. Она упоминается в описании угодий салдомановской мордвы рядом с Чевардомбольским угодьем [20, д. 22, л. 391], т.е. ее можно связать с ручьем Панзелей, притоком речки Пандус, либо с речкой Панзелкой, притоком Алатыря. Оба водных объекта находятся на землях бывшего Арзамасского уезда недалеко от реки Сухая Чеварда, с которой связано Чевардомбольское угодье. Связь салдомановской мордвы с деревней Лобаски – прямая, ее основали выходцы из деревень Салдоманово (ныне – село Салдаманово Лукояновского района Нижегородской области) и Старые Лобаски (запустела еще в начале XVII века) [14, с. 114].

Из текстов писцовых книг следует, что Пургасово городище располагалось на «речке на Сатисе». Привязка городища к речке позволяет при определенных условиях с достаточной точностью локализовать его местонахождение. В настоящее время Сатис – это река, протекающая в Нижегородской области и Мордовии, исток которой находится в 5 км северо-восточнее поселка Сатис Первомайского района Нижегородской области. В 10 км к западу от поселка Сатис река принимает крупный правый приток, называемый Сухой Сатис, по длине практически не уступающий основному руслу. Но в XVII веке собственно Сухой Сатис и назывался Сатисом, а лесной участок реки выше его впадения именовался Диким Сатисом. О том, что обозначенный на современных картах Сухой Сатис был просто Сатисом, свидетельствуют многочисленные привязки к нему населенных пунктов, располагавшихся у реки. Это можно встретить как в писцовых книгах мордовских и бортничьих деревень: «От столба, что стоит у речки Сатиса на берегу на меже деревни Большого Макотелема с деревней Малым Макотелемом, по речке Сатису на низ до устья врага Вечкеверзе до поместные и вотчинные земли села Худошина разных помещиков и вотчинников…» [24, с. 180], так и в писцовых книгах по поместным и вотчинным землям Арзамасского уезда: «За вдовою Овдотею Ивановскою женою Василева да за ее пасынком за Ондреем в селе Худошине на речке на Сатисе» [25, с. 136]; «Да за ними ж в пустоши Бабушкине на речке Сатисе Василевские ж дачи Москотинева перелогу восмь чети в поле» [25, с. 168]; «в деревне Сунбулове на речке на Сатисе» [25, с. 172].

Дикий Сатис обособлялся отдельно от Сатиса. Так, у деревни Малый Макателем новокрещена Васки Андреева с братом Китункой угодья были «вверх по Дикому Сатису, и по обе стороны Сатиса до Арги, и по обе стороны Арги до большой дороги…» [24, с. 184–185].

Однако, согласно текстам писцовых книг, Пургасово городище находилось не только на «речке на Сатисе», а еще и в Кадомском уезде. Упоми-

нание уезда свидетельствует о вполне конкретной привязке городища. Городище не могло быть в верхнем течении Сатиса, которое сейчас называется Сухим Сатисом, не могло быть и на Диком Сатисе. Для подтверждения этого надо определиться с границами между уездами в XVII веке. Из приведенной выше цитаты об угодьях деревни Малый Макателем можно заметить, что до устья Арги – левого притока Сатиса, угодья принадлежали представителям деревни Малый Макателем, т.е. деревне Арзамасского уезда. Только ниже устья Арги начинались бортные угодья, принадлежавшие мордовским деревням как Арзамасского, так и Кадомского уездов. Так, жители арзамасских деревень деревень Камкина и Истрянова ходили «за речкой за Сатисом в Ошукомском ухожее и в Сараловском» [24, с. 215]. При этом истряновская мордва бортничала в Отшуковском (Ошукомском) угодье судерев с кадомской мордвой [24, с. 226]. Угодья деревни Баивы Кадомского уезда находились «с Камкины деревни вверх по Сатись речке до перевозу, по Такеев рубеж на Арху речку, на вершину, да на низ по Арге на Сатис…» [21, с. 178]. Из вышеизложенного мы можем заключить, что рубеж Арзамасского и Кадомского уезда на Сатисе был где-то в районе устья Арги (в будущем – в конце XVIII века – эта речка будет служить границей между Ардатовским и Темниковским уездами, а ныне – между Нижегородской областью и Республикой Мордовией). Соответственно, и Пургасово городище должно располагаться ниже по течению Сатиса относительно Арги. В этом районе в настоящее время археологии известно лишь одно городище – Саровское.

Возможно, что сведения Е.И. Горюновой были получены на основе анализа тех же писцовых книг, к которым обратились и авторы. Как минимум, книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. была хорошо известна в научной среде, поскольку ее в первой половине XX века пристально изучал А.А. Гераклитов. В описании многих деревень он привел наименования угодий, но в отношении деревни Лобаски по какой-то причине бортные угодья раскрывать не стал, ограничившись следующим тезисом: «Бортными ухожаями жители Лобасков и д. Пинетаевки владели вместе с соседней Алатырской мордвой» [14, с. 115].

Если основываться на данных из доступных к изучению арзамасских писцовых книг, то сведения о Пургасовом городище на Сатисе, привязка к Сатису Большого Макателема, путаница с Диким Сатисом и близость его верховий к Понетаевке могли вполне привести к ошибочным выводам о том, что Пургасово городище должно находиться к востоку от села Большой Макателем в вершине реки Дикий Сатис. А когда В.Н. Мартьянов поблизости от верховьев Дикого Сатиса обнаружил городище, то оно и было признано Пургасовым.

Здесь авторы хотят обратить внимание на несоответствие по географической привязке. Понетаевское городище находится в другой водной системе – овражно-балочной системе верхов Сухого Алатыря, т.е. не на Сатисе, что уже исключает его из потенциальных вариантов местоположения Пургасова городища. Что же касается верховий Дикого Сатиса, то авторы побывали на местности и сами убедились, что топография верховий Дикого Сатиса не подходит для размещения крупного городища (заболоченное невыраженное русло, ограниченные водные ресурсы, отсутствие высоких, ярко выраженных мысов). Это наглядно показано на съемке с квадрокоптера ***(Приложение 1, илл. 1)*** и с земли ***(Приложение 1, илл. 2)***, сделанных на реке около точки с координатами С55.0452, В43.8529.

Наблюдения авторов лишь совпали с выводами составителей «Материалов к оценке земель Нижегородской губернии», сделанных более 130 лет назад: «Эта последняя местность [водораздел Тёша–Алатырь–Мокша] отличается от всех других частей за-тешской полосы уезда своею ровною песчаною поверхностью. Оврагов здесь мало; они если и образуются, то скоро заволакиваются песком. Верховья Сатиса и Ельтмы являются неглубокими бороздами с песчаными береговыми склонами…» [26, с. 9]. Сопровождавший авторов охотинспектор Первомайского района Александр Николаевич Нестеров, 1966 г.р., житель поселка Сатис, показавший Понетаевское городище, сообщил об отсутствии каких-либо элементов городищ – валов, рвов, аналогичных Понетаевскому, в верховьях Дикого Сатиса. То же самое подтвердил и его дядя, Виктор Николаевич Болдин, старожил поселка Сатис, один из старейших охотников, хорошо знакомый с окружающей местностью.

В свете новых данных предлагаем вновь обратиться к тексту из купчих мурз Теребердеевых на покупку бортных угодий, который лег в основу работы П.Д. Степанова «Пургасово городище» (участниками старинных сделок как на стороне продавцов, так и покупателей были не только Теребердеевы, но для упрощения в данной работе сами документы и владения, описанные в них, будут соотнесены только с этим родом). Он сохранился в двух вариантах в грамотах от 31 января 7136 (1628) г. и от 7 апреля 7138 (1630) г. Данные фрагменты практически идентичны:

/л. 1/...вотчину свою дедовскую и отцовскую бортной Саровской ухожей в Офте, и в Шамболе, и Сумырякрге, и в Теналу, и Жонапичи, и с Пичикардами, с одной стороны рубеж тому ухож(ь)ю речка Пушта, а с другой стороны рубеж враг Позюдал да речка Кафтар, а та речка об рубеж Кадомскаго уезда деревни Станоровы с мордвою, а с третею сторону от Пургасовского городища по врагу Арге до Алаторские вершины рубеж, а с четвертую сторону рубеж Темниковскаго уезда с Пурдышевскою мордвою с Васил(ь)ем Молчановым и с ево братьею и с товарыщи до Княжова ста-

ну, а от Княжева стану до Пуштинской вершины, и в тех рубежах продали есми им в той вотчине в Саровском ухож(ь)е свои жереб(ь)и… [27, д. 9, л. 1].

/л. 2/ вотчину свою дедовскую и отцовскую бортной Саровской ухожей в Офте, и в Шамболе, и в Суморюкарге, и в Теналу, и Женапичи, и с Пичикардами, с одной стороны рубеж тому ухож(ь)ю речка Пушта, а с другой стороны рубеж враг Позюдал да речка Кафтар, а та речка об рубеж Кадомскаго уезду деревни Станоровы с мордвою, а с третею сторону от Пургасовского городища по врагу Арге до Алаторские вершины рубеж, а с четвертую сторону рубеж Темниковского уезда Пурдышевского с мордвою с Васил(ь)ем Молчановым и с ево братьею и с товарыщи до Княжева стану, а от Княжева стану до Пуштинской вершины, и в тех рубежах продали есми им в той вотчине в Саровском ухож(ь)е свои жереб(ь)и… [27, д. 9, л. 2].

Первое, на что важно обратить внимание, это на название одного из владений – «бортной Саровской ухожей», т.е. угодье. Те же акты свидетельствуют, что изначально оно принадлежало известному кадомскому князю Дивею Мокшаеву. Название свое угодье получило по реке Сарове (ныне – Саровка), что уже само по себе определяет привязку на местности. П.Д. Степанов не акцентировал внимание на этом, в своей версии он лишь указал, что верховья Саровки укладываются в определенное им местоположение [11, с. 30]. Но в действительности вся Саровка входила в границы угодья ***(Приложение 1, илл. 3)***. Далее рубежи представлены совсем иначе, чем это сделал П.Д. Степанов.

В основе анализа лежит привязка упоминаемых в купчих урочищ и получение замкнутого контура, формируемого последовательно при прохождении каждого рубежа. Купчие оформляли сами участники сделки (документ 1628 г.) и абыз деревни Виряс (документ 1630 г.) [27, д. 9, л. 1 об., 2 об.], они были использованы площадными подьячими (например, документ 1628 г. окончательно подготовил Наум Истомин из Темникова, известный по другому акту 1644 г. [28, с. 245]). В основу описания границ владений, вероятно, были положены какие-то правоустанавливающие документы (т.к. упоминается предыдущая сделка с Д. Мокшаевым), но детализация рубежей не требовалась по ряду причин. Во-первых, сделки были по лесным угодьям, где допускалось примерное описание межи по общим значимым признакам (наиболее известным урочищам). Во-вторых, описываемые угодья были велики, что исключало возможность чрезмерной детализации. В-третьих, сделанное описание удовлетворяло участников сделок. Также следует отметить, что рубежи в купчих приведены прерывисто – обычно межи указывались от одного признака до другого последовательно, но в данном случае есть четыре границы, которые описаны как бы

без переходов от одной к другой. Однако при совмещении окончания одного рубежа с началом следующего получается замкнутый контур.

Не все урочища, упомянутые в документах, можно однозначно идентифицировать – их нет на планах генерального межевания, детальных картах Менде XIX века и современных топографических картах, поэтому использованы косвенные свидетельства – сведения из писцовых книг начала XVII века, т.е. того же периода времени, в который были подготовлены купчие. При анализе названий нельзя исключать искажения, которые могли появиться при написании самих купчих, особенно, если в них переносились выдержки из более ранних межевых документов.

Далее анализ ведется по рубежам:

1. «с одной стороны рубеж тому ухож(ь)ю речка Пушта»

Река Пушта является общеизвестным ориентиром – это левобережный приток Сатиса. Она служит южной границей угодий. Поскольку следующий описываемый рубеж является западным, а общий контур границ завершается в верховьях Пушты, то южный рубеж пролегает от истока Пушты в сторону ее устья. Нет сведений, доходит ли межа прямо до Сатиса, но это весьма вероятно, поскольку западный рубеж, по всей видимости, лежит все-таки за Сатисом по отношению к Пуште.

2. «а с другой стороны рубеж враг Позюдал да речка Кафтар, а та речка об рубеж Кадомскаго уезда деревни Станоровы с мордвою»

Данная граница является западной. Подтверждение этому находим в писцовой книге Кадомского уезда 138-го (1629/30) г.: «…становровским рубежом, да через речку Вечкинзу правая сторона их вечкидеевские и дудниковские мордвы, а левая сторона становровскай мордвы до речки до Кафтырея, до Теплого стану с становровским рубежем, до Уксмара, а от Уксмара по старым рубежам … да по ономасовской рубеж, удеревев куды ономасовский руеж, а им, вечкидеевски да дудниковским туды ж до Сармы, да по Сарме вверх по обе стороны до Большой дороги, да от Сармы до Сехни по старым рубежам» [21, с. 179].

В представленном фрагменте описаны границы угодий вечкидеевской и дудниковской мордвы, которые являются смежными с угодьями мордвы деревни Становровой. В нем названы те географические объекты, которые определяются однозначно, а именно реки Вичкинза и Сарма. Обе расположены западнее по отношению к Саровскому городищу. При этом в тексте упоминается и речка Кафтырей, расположенная между Вичкинзой и Сармой. Ее название практически идентично с названием речки Кафтар из описания границ угодий Теребердеевых. Упоминание рядом становровского рубежа является дополнительным подтверждением того, что речь идет об одной и той же речке.

Что касается оврага Позюдал, то при описании рубежей в более ранних межевых документах, легших в основу купчих, вероятно, было записано, что межа идет «по враг по Сюдал[ей]» (эрз./мокш. *сюдомс* – проклинать [22, с. 635; 23, с. 686], *лей/ляй* – река, речка), а в купчие попало объединение предлога и самого названия (Посюдал). Пинетаевская мордва бортничеством занималась где-то не речке Седоле, видимо, об рубеж со становской мордвой. Нередко встречающейся ошибкой при копировании рукописных текстов была подмена буквы «ю» на «е» или «у», поскольку первые две на письме выглядят схоже, а превращение в «у» происходило по звучанию. Таким образом, Седоле(й) может быть тем же географическим объектом, что и Сюдал(ей).

Из кадомских книг известно, что за матизлейским мордвином (ныне ориентиром к месту его проживания служит село Мотызлей Вознесенского района Нижегородской области) было угодье, границы которого уходили по речке Матызлейке до места ее впадения в Сарму, далее вверх по Сарме, оттуда по некой Зимней дороге к раменью, а далее к Судалею [21, с. 185]. Вероятно, речь идет все-таки о левобережном притоке Сармы, значимых речек напротив села Мотызлей две – Салмакша и Черная. Салмакша была известна под тем же названием и в XVII веке [24, с. 184], в том числе в написании Селмакша [21, с. 178] и иных: например, деревня Анамасово в кадомских писцовых книгах была на вершине Селмокже [21, с. 164], упоминается и полянка Селмякуша [21, с. 183]. Поэтому ее можно исключить. Черная же речка формирует более выраженную систему оврагов, которая фактически выровнена по широте относительно Саровского городища. Также ее верховья лежат на одной долготе с устьем Пушты. Поэтому именно Черная речка является кандидатом для привязки оврага Сюдолей – Судолей и речки Седолей. Возможно, новые сведения когда-нибудь позволят это подтвердить окончательно.

Таким образом, писцовые источники XVII века указывают на то, что западнее Сатиса находились как становские рубежи, так и два урочища с названиями, схожими с теми, которые носили овраг и речка, определявшие рубеж лесных угодий Теребердеевых.

3. «а с третею сторону от Пургасовского городища по врагу Арге до Алаторские вершины рубеж»

Сведения в описании этой границы являются ключевыми для понимания местоположения городища. Когда П.Д. Степанов анализировал границы, он предположил, что под Аргой подразумевается овраг, впадающий с правого берега в реку Нулуй [11, с. 30]. Из текста его работы видно, что он ориентировался на карту Мордовской АССР [11, с. 33].

Однако есть и другая Арга – приток Сатиса. Эта небольшая река разделяет Нижегородскую область и Мордовию, и ее верховья близки к верхо-

вьям Алатыря. В арзамасских писцовых книгах она везде названа речкой, а не оврагом, как в описании третьего рубежа, но в подмене понятий нет ничего необычного: купчие, как было сказано ранее, могли быть подготовлены на основе информации из других актов, и при описании предыдущего рубежа упоминается овраг, что увеличивает вероятность ошибки писцов. Учитывая, что Пургасово городище, как было показано ранее, находится на реке Сатис, речь может идти только о ее левобережном притоке.

Описанный третий рубеж, очевидно, является северным и северо-восточным, поднимается против течения Арги, т.е. идет с запада на восток. В связи с этим городище расположено фактически в северной части обширных лесных владений Теребердеевых ниже устья Арги. Заметим, что приведенные в купчих границы угодий указывают на то же местонахождение Пургасова городища, что и тексты арзамасских писцовых книг, рассмотренные выше, т.е. на район Саровского городища.

4. «а с четвертую сторону рубеж Темниковскаго уезда с пурдышевскою мордвою с Васил(ь)ем Молчановым и с ево братьею и с товарыщи до Княжова стану, а от Княжева стану до Пуштинской вершины»

Это последняя граница, замыкающая контур владений. Упоминание пурдышевской мордвы стало одной из зацепок в исследовании П.Д. Степанова. В начале экспедиции археолог обследовал реку Нулуй и овраг Арга, но выяснил, что никаких значимых археологических памятников в этих местах не было. Местное население проинформировало его о возможном местонахождении некоего городища у села Пурдошки [11, с. 33]. Также П.Д. Степанов считал, что в самом названии «Пурдошки» основа *Пур-* связана с именем Пургаса, а *ош* означает «город» [11, с. 32]. В силу комбинации всех этих факторов поиски были перенесены западнее на овраг Ювa (2 км на восток от села Полянки Темниковского района Республики Мордовия), где и было обнаружено городище, существовавшее задолго до первого упоминания Пургасовой волости.

В действительности, при анализе описания четвертого рубежа в купчих надо принять лишь то, что пурдышевские бортные угодья (назван один из их владельцев) были смежными с владениями Теребердеевых с восточной или юго-восточной стороны. Авторам настоящей работы не известно местоположение Княжьего стана, но Пуштинская вершина, несомненно, является верховьем речки Пушты, на которой и завершается граница. В названии Пурдошки, по мнению авторов, скрывается мокш./эрз. глагол *пурдамс* – «повернуть в сторону» [22, с. 528; 23, с. 549] в виде причастия *пурдазь* с переходом *зь* → *ш*. Поселение было основано на резкой петле, которую делает Мокша.

В актах Теребердеевых перечислены и другие угодья: «В Офте, и в Шамболе, и Сумырякярге, и в Теналу, и Жонапичи, и с Пичикардами».

Некоторые из них, по всей видимости, упоминаются и в писцовой книге Кадомского уезда 138-го (1629/30) г. Например, Офта и Пичикарда значатся в описании угодий мордвы деревни Аномасово, при этом оба урочища находятся западнее Сатиса: Офта – между Сатисом и Сармой, а Пичикарда – где-то в округе речки Мотызлей [21, с. 183]. Пичикарда названа в тексте Сухой, т.е. это, скорее всего, некий овраг с пересыхающим летом ручьем. В силу ограниченной информации авторы не готовы утверждать, что речь в писцовой книге и актах Теребердеевых идет об одних и тех же угодьях, но совпадение названий, относительная близость этих угодий к Сатису и полученное нахождение западного рубежа между Сармой и Сатисом с Вичкинзой могут служить основанием для подобного вывода.

Итоговый контур представлен в Приложении на рис. 3, при этом авторы намеренно исключили второй (западный) рубеж, поскольку привязка урочищ по нему между Сатисом и Сармой окончательно не проведена. Там же отмечена территория, о которой шла речь в купчих, по мнению П.Д. Степанова. Она заключена между Аргой (овраг у реки Нулуй) и верховьями Пушты и Алатыря и примыкает к получившемуся в ходе данного исследования контуру с юго-востока, практически с ним не пересекаясь.

На основе проведенного анализа и документальных свидетельств можно определенно говорить о том, что Пургасово городище было единственным общеизвестным на начало XVII века урочищем, которое было расположено на Сатисе в Кадомском уезде ниже устья реки Арги. Появление сразу двух археологических памятников в других местах является результатом поисков исследователей XX столетия, которые не соответствуют сведениям писцовых книг и иных документов XVII века. По данным археологии известно только одно крупное городище на Сатисе в том месте, на которое указывают старинные акты, – Саровское, и именно его указывали писцы в документах под названием Пургасово.

Поскольку на месте этого городища была основана Саровская пустынь, сохранилось множество документов, на основе которых закреплялись права на монастырские земли. В Центральном государственном архиве Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ) сформирован целый фонд Саровского монастыря, дела которого хорошо известны историкам и краеведам. Почему же Пургасово городище оказалось вне поля внимания исследователей, что помешало идентифицировать его с Саровским городищем в более раннее время? Это произошло из-за искажений при копировании документов XVII века, замещения первоначального названия в XVIII веке и появления легенды о Сараклыче.

С момента образования Саровской пустыни (начало XVIII века) городище фигурирует под названием «Старого». В сочинении основателя пустыни иеросхимонаха Иоанна, удостоенного впоследствии саровскими

монахами звания Первоначальника, датируемом 1708–1712 гг. сообщается: «…на тех горах от древних лет от неких человек устроены грады земляные, и около их глубокие рвы ископаны… сей град аки бы царственнейший был паче прочих; … Не известно бо есть, сие место и грады древле нарицахуся, но в нынешния времена и лета человецы, которые то место ведающе, – Старым Городищем, как и в крепостях многих сие явствует, иного же наречия никакого не имеется» [29, с. 4, 6–7].

Н.Н. Грибов проанализировал многочисленные документы гражданского и монастырского делопроизводства и сделал выводы, что под наименованием Старого городища это поселение фигурирует в них до 1730-х гг. Затем, с 1740-х гг. и вплоть до настоящего времени, «сперва в документах монастырского делопроизводства, а затем и во многих исторических сочинениях, Старое городище на устье Саровки интерпретируется как татарский, эпохи Золотой Орды, город Сараклыч» [30, с. 31–32]. Таким образом, «предание о золотоордынском городе Сараклыч складывалось постепенно в течение XVIII–XX вв. И хотя нельзя отрицать в его глубинной основе зерна исторической истины, в целом же, его необходимо признать позднейшим новообразованием» [30, с. 33].

В первом печатном издании исторического описания Саровской пустыни, игумена Маркеллина (1804 г.), происхождение Сарова связывается с пребыванием на нем татарского князя Бехана, но о Сараклыче не упоминается. «Саровская Пустыня... между речек Сатиса и Сарова на горе... наименование возприяла по речке Сарову; известна учинилась из родословной Князей Татарских, произшедших от Князя Бехана и его потомства, что на сем месте, в лето от сотворения мира 6897 при Великом Князе Димитрии Иоанновиче и сыне его Василии Димитриевиче, был из Золотыя Орды Князь Бехан; пребывание имел между речек Сарова и Сатиса, при самом устье речки Саровы. И в то время оной Князь Бехан, по власти Золотой Орды царя, владел многими окрестными городами и разными селениями Татарскими и Мордовскими; а с сего места сошел, от частых на него нападений военных, за реку Мокшу, где ныне село Кангуш, и тамо построил себе жилище, обведя оное земляным валом» [31, с. 5–6]. Затем, в последующих изданиях Маркеллин добавляет название татарского города – Сараклыч: «Название свое Пустыня получила от речек Сатиса и Саровы; а Градо прибавлено потому, что на сем месте был прежде сего Татарский город Сараклыч, и жил в нем (в лето от сотворения мира 6897, от Рождества Христова 1389-е, при Великом Князе Димитрии Иоанновиче и сыне его Василии Димитриевиче), последний Владетель онаго Князь Бехан, владевший по власти царя Золотой Орды и другими многими городами и разными селениями Татарскими и Мордовскими» [32, с. 6–7; 33, с. 3].

Как было отмечено исследователями (Н.Н. Грибов [30], А.М. Подурец [34]), легенда о Сараклыче была связана с разрешением земельных споров между монастырем и окрестными помещиками. Установление кровного родства прежних владельцев земельных угодий – татарских мурз – с легендарным правителем Сараклыча ханом Беханом, подтверждало неоспоримое право монастыря на принадлежавшие ему земельные владения [30, с. 32].

Предание о татарском городе было освещено монахами Саровского монастыря настолько обширно, что начало переходить в состояние факта. К примеру, в Русском энциклопедическом словаре 1875 г. сказано так: «В конце XIV в. на месте монастыря был татарский городок Сараклыч» [35, с. 473]. Лишь по результатам археологических работ, начатых в 1993 г., памятник был связан с культурой средневековой мордвы и получил официальное название – Саровское городище [30, с. 33].

Кроме путаницы из-за названия Сараклыч, возникшем в XVIII веке, препятствием к интерпретации Саровского городища как Пургасова стало существование других названий этого городища – «Барсово», «Борисово» и даже «Байсово» [36], присутствующих в ряде дел фонда Саровского мужского монастыря ЦГА РМ. А.М. Подурец привел в своей работе цитату из выписи из писцовых книг, данной князю Осману Акчурину, в котором городище между Сатисом и Саровкой было названо Борисовым [34, с. 91]. Выпись является частью дела № 95 из фонда Саровского монастыря в ЦГА РМ [27, д. 95].

Обратимся к этому делу. Это список со спорного дела Саровской пустыни иеромонаха Филарета с князем Григорием Ивановичем Шаховским о вторично проданных от мурзы Мусяя Мамалаева (он же – Акчюрин) землях, которые Мусяем были проданы первоначально в Саровскую пустыню, а потом вторично проданы князю Шаховскому. Само дело было начато в 1746 г., в нем есть и документы, относящиеся как к более ранним периодам времени (1745 г.), так и к более поздним – например, к марту 1749 г. [27, д. 95, л. 13 об., 23 об.]. Первая сделка (с Саровской пустынью) Мусяем была осуществлена в 1719 и 1721 гг. [27, д. 95, л. 26 об.], вторая (с князем Шаховским) – в 1745 г., причем не напрямую, а через новокрещена Николая Илышева. Продажа Н. Илышеву состоялась 8 октября 1745 г. [27, д. 95, л. 27], а он перепродал владения князю Шаховскому 27 ноября того же года [27, д. 95, л. 28 об.].

В этом деле на листах 29 об.–32 об. содержится копия выписи, подлинник которой был подготовлен в 7133 (1624/25) г. в Приказе Казанского дворца и скреплен дьяком Иваном Грязевым [27, д. 95, л. 29 об.]. Она была выдана темниковскому мурзе Осману Акчурину. В ней приведены сведения из двух источников – кадомской писцовой книги 7130 (1621/22) г.

Степана Тарбеева и более ранней дозорной книги Афанасия Нармацкого 7123 (1614/15) г. Информация об этом содержится в заголовке документа, который составлен весьма путанно: «Выпись с писцовых книг Степана Тарбеева, какова дана ис Приказу Казанского дворца за приписью дьяка Ивана Грязева 133-го году Темниковскому Осману мурзе Ивакаеву сыну князь Акчурину, кадомских // писцовых книг письма и дозору Афанасья Нармацкого да подьячего Макара Внукова 123-го году» [27, д. 95, л. 29 об.–30].

В данной выписи сказано следующее: «Да за ним же Османом мурзою меж Сарову и Сатису на устье на Борисовом городище пят(ь)десят четвертей в поле, а в дву потому ж, сенных покосов на пятьсот копен, а на Борисовом городище усад(ь)бища вместо пяти четвертей, и бортной ухожей, и надобной лес…» [27, д. 95, л. 31]. Из этого фрагмента очевидно, что городище, названное Борисовым, расположено в месте впадения Саровы в Сатис, оно оценено в 50 четвертей и 500 копен.

Есть в выписи и сведения о том, что князь Акчурин владел лесными и иными угодьями на Сухом и Диком Сатисе, которые, в отличие от арзамасских книг, названы, соответственно, Польским и Лесным Сатисом [27, д. 95, л. 31 об.]. Среди угодий на Польском (Сухом) Сатисе значится Хозино поле, на котором ныне находится одноименное село Первомайского района Нижегородской области. Также в выписи содержится информация, что и лесные угодья по Сарове и Пуште принадлежали темниковскому князю [27, д. 95, л. 31 об.–32].

В конце уже после текста документа делопроизводители XVIII века указали: «У подлинной выписи назади по склейкам написано тако: Дьяк Иван Большой Гников [sic]. Справил Кирилка Волков» [27, д. 95, л. 32 об.]. О существовании дьяка с такой фамилией информации нет, безусловно, при прочтении скрепы возникла ошибка. Единственным Иваном Большим в Приказе Казанского дворца мог быть боярин князь Иван Андреевич Хилков, возглавлявший учреждение с 5 марта по 11 июня 1672 г. [37, с. 77]. Его упоминание говорит о том, что выпись, названная в деле 95 «подлинной», относится к значительно более позднему периоду времени, чем истинный оригинал выписи и сами писцовые и дозорные книги.

Почему же в Приказе Казанского дворца в 1670-е гг. обратились не к самим книгам, а к выписи 7133 (1624/25) г.? Причина, по мнению авторов, кроется в пожаре 1626 г., когда сгорел архив Приказа Казанского дворца. Это подтверждается документальными свидетельствами: «…в Кадомских писцовых списках Степана Тарбеева с товарищи 130 [1621/22] году, которыя списки присланы из Кадома в приказ Казанского Дворца после Московскаго болшаго пожару 134 [1626] году Мая 3 дня» [38, с. 79]. Та же судьба постигла и темниковские писцовые книги Степана Хрущова того

же периода времени. В памяти из Казанского дворца от 12 октября 7155 (1647) г. сказано: «…в Приказе Казанского Дворца темниковские писцовые книги Степана Хрущова с товарищи 129 [1620/21] и 130 [1621/22] году мордовским землям и вотчинам в прошлом во 134 [1626, т.к. пожар был в мае] году в большой пожар сгорели и выписати не ищово [т.е. не из чего], а после большова пожару присланы из Темникова росписи <…> каковы росписи до большова пожара с тех же с темниковских с писцовых книг посланы были в Темников за приписьми дьяков Ивана Болотникова да Ивана Грязева» [39, с. 4]. Учитывая, что выпись, данную князю Акчурину, скреплял также Иван Грязев, можно сделать вывод, что она хранилась не в Москве, а была истребована уже после пожара, когда сгорели кадомские книги. Безусловно, в силу утраты писцовых и дозорных книг ценность подобных выписей являлась исключительной.

В связи с этим представляется следующая история документа, выданного князю Акчурину. Подлинная выпись была подготовлена в Приказе Казанского дворца до пожара при дьяке Иване Грязеве в 7133 (1624/25) г. и направлена в Кадом. После пожара она была возвращена в Москву и хранилась в Приказе Казанского дворца. По запросу князя Акчурина в 1672 г. была снята копия с выписи и выдана ему. Эта копия была передана Мусяем Мамалаевым Николаю Илышеву при продаже им своих владений в 1745 г., а тот передал ее князю Шаховскому. Наконец, с этой копии в рамках делопроизводства по спору князя Шаховского с пустынью сделали еще одну копию. Это произошло также в 1745 г., учитывая датировку документов, предшествовавших выписи и связанных с ней (челобитной и купчих), а также отметке о приеме их 11 декабря 1745 г. [27, д. 95, л. 32 об.]. Поскольку дело № 95 является чистовой версией всего делопроизводства по спору с князем Шаховским и составлено после марта 1749 г., выпись в него была переписана еще раз.

Помимо дела № 95 следует обратиться и к делу № 96 [27, д. 96], где на листах 10–14 об. находится копия той же выписи с писцовых книг, что и в деле 95, но она приведена в укороченном формате: фразы «за ним же Османом мурзою» сокращены до «за ним же», а числа прописью представлены в цифровой форме. Она начинается следующим образом: «За Османом мурзою Ивакаевым сыном княз(ь) Акчуриным недвижимаго имения имеется по разным дачам в Кадомском, в Темниковском и в Арзамасском уездех по выписям 123 и 133 годов…» [27, д. 96, л. 10]. Как видно, это некорректная интерпретация изначального заголовка документа, поскольку выпись относилась только к 7133 (1624/25) г., а 7123 (1614/15) – год подготовки дозорной книги. В тексте о владениях О. Акчурина в данной копии выписи сказано следующее: «За ним же меж Сарову и Сатису на устье на Барсовом городище 50 чет(ь), сенных покосов на пят(ь)сот ко-

пен, // на Барсовом городище усад(ь)бище вместо 5 четвертей…» [27, д. 96, л. 11 об.–12]. В данном фрагменте представлен еще один вариант названия городища. В окончании копии выписи приведена информация о том, откуда заимствована информация: «Выписаны сии выписи и купчие из дела Саровские пустыни с советником княз(ь) Григор(ь)ем Шаховским, которое имеется не в переплете у подканцеляриста Васил(ь)я Феоктистова» [27, д. 96, л. 14 об.]. Как видно, источником послужил не оригинал выписи или ее копия 1672 г., а материалы дела с князем Шаховским (непереплетенные, т.е. дело не было закрыто). Таким образом, текст в делах № 95 и № 96 является вторичным по отношению к еще одной копии XVIII века, подготовленной в 1745 г.

В архиве есть и еще одно дело № 6, где фигурирует Барсово городище; это та же выпись, данная мурзе Акчурину, только без какого-либо сопроводительного текста [27, д. 6]. Возможно, именно она была в непереплетенном деле и может быть датирована 1745 г. Анализ ее текста и текстов выписей из дел № 95 и № 96 указывает на то, что она могла стать основой для них, при этом текст выписи в деле № 95 оказался искажен сильнее. В делах № 6 и № 96 совпадает название городища (Барсово). В первом из этих дел сказано, например, что во владениях князя на Байсовой пустоши было сена «на пятьсот копен» [27, д. 6, л. 1], во втором записано «500 копен» [27, д. 96, л. 10], когда как в деле № 95 написано «пятьдесят» [27, д. 95, л. 30]. Из этого можно заключить, что «Барсово» все-таки является первичным вариантом написания по отношению к «Борисову», т.е. именно «Борисово» является финальным искажением.

Появление названия «Барсово», в свою очередь, произошло в документах XVII века, о чем свидетельствуют сведения из еще одного дела из фонда Саровского монастыря – № 11 [27, д. 11]. В нем приведена копия (XVIII века) текста челобитной от 6 марта 1674 г. мурзы Сюнбая Мамалаева, за которого вышла замуж дочь князя Османа Акчурина, и которого князь принял «жить к себе в дом» [27, д. 11, л. 3]. По прошению С. Мамалаева ему была предоставлена выпись из кадомских писцовых книг, где перечислены владения, среди которых значатся и 50 четвертей между Сатисом и Саровкой на «Барсовом городище» с сенными покосами на 500 копен [27, д. 11, л. 4 об.]. В конце документа указано, что на подлинной выписи скрепу проставил «диак Михайло Уланов» [27, д. 11, л. 8]. Он служил в Приказе Казанского дворца с июля 1693 г. по 1695/96 г. [37, с. 78]. Выпись, выданная С. Мамалаеву, по структуре и наполнению близка к выписи 1672 г., копии которой приведены в делах №№ 6, 95, 96, но была подготовлена в более поздний период времени. Появление одинакового искажения «Барсово» в XVIII веке при копировании двух независимых источников можно исключить. Таким образом, такое название горо-

дища фигурировало в документах, хранящихся в Приказе Казанского дворца в конце XVII века. Открытым остается вопрос, сохранилась ли подлинная выпись 7133 (1624/25) г. ко времени службы М. Уланова, или же он пользовался дубликатом, который остался в Приказе после выдачи выписи князю Акчурину в 1672 г.

Чтобы «Пургасово» через «Барсово» превратилось в «Борисово», потребовалось скопировать текст из писцовых книг четыре раза. Надо понимать, что сами книги также формировались из черновых списков, т.е. уже они не всегда отражали действительное написание сложных инородческих названий (например, могла быть подмена «П» на «Б» или непреднамеренное выпадение «га»). Если в книгах все было корректно, то ошибки могли возникнуть уже на этапе подготовки подлинной выписи из книг в Приказе Казанского дворца в 7133 (1624/25) г., а также ее копии 1672 г. У авторов нет сведений о местоположении оригинала или данной копии выписи (архив Приказа Казанского дворца горел еще раз в начале XVIII века и был практически полностью уничтожен), но анализ выше показывает, что вариант написания «Барсово» должен был возникнуть уже в одном из этих документов. Далее это название было заимствовано при копировании документа в процессе разрешения спора между Саровской пустынью и князем Григорьем Шаховским в 1745 г. Наконец, при снятии очередной копии с копии при формировании чистовой версии дела № 95 (после марта 1749 г.) городище стало Борисовым.

Фактически в обоих вариантах «Барсово» и «Борисово» сохранилась изначальная «р» и окончание «-сово», остальное оказалось видоизмененным. Необходимо отметить, что процесс подмены «П» на «Б» можно наблюдать и в писцовых книгах Т. Измайлова, которые дошли до нас в виде копии с копии XVIII века. Искажения в них были представлены выше, одним из них является «Бургасово». Между прочим, на изменение названия с «Пургасово» в «Барсово» могло повлиять не только поэтапное искажение при копировании, но и наличие названия Байсова пустошь в самом начале выписи. Переписчик мог бессознательно сделать подмену. Могло сказаться и то, что структура документа весьма сложная и подразумевает монотонное переписывание фраз «да за ним же Османом мурзою» и названий различных урочищ, в которых писцам не было времени разбираться. Глобальной же причиной стал пожар 1626 г., когда сгорели многие первоисточники, позволявшие проследить истинное название городища на начало XVII века. Авторы надеются, что в таком же ключе удастся проанализировать и историю возникновения других упоминаний искаженных названий городища в архивных документах.

В делопроизводстве же XVIII века городище называлось Старым, первоначальное название даже в искаженном виде вышло из употребления. В

деле № 96 трансформация названия отображена наилучшим образом. Документы XVII и XVIII вв. в нем разбиты по отдельным столбцам и сопоставлены относительно друг друга. Напротив фрагмента из выписи князю Акчурину с упоминанием Барсова городища приведены сведения о том, что в 1721 г. Мусяй Мамалаев продал Саровской пустыни владения «меж Сарова и Сатиса земли 50 четь, сенных покосов 150 копен на Старом городище усадьбище и половина лесу и бортного ухожья» [27, д. 96, л. 12]. Данное описание часто повторяется в делопроизводстве монастыря XVIII века.

В заключение авторы хотели бы обратить внимание на данные археологических исследований городища у места слияния рек Саровки и Сатиса и выводы, полученные в результате его изучения. По своим размерам (440 тыс. $м^2$), Саровское городище XII–XIII вв. является крупнейшим из известных мордовских поселений домонгольского периода, а среди археологических памятников Нижегородской области оно занимает третье место после Городца и Нижнего Новгорода [30, с. 46.; 13, с. 5].

Устанавливая социально-экономический статус Саровского городища, Н.Н. Грибов отождествил его с поселением протогородского типа и сформулировал присущую ему совокупность признаков, которые выводят его за рамки известных мордовских городищ – твердей. Среди них, прежде всего, – исключительно большая площадь поселения и соответствующая ей площадь распространения культурных напластований, наличие сложной системы укреплений, напоминающей структуру «детинец – посад» русских городов, явно выраженные следы активной и разнообразной ремесленной деятельности, в т.ч. обработка цветных металлов и железоделательное производство, торгово-экономические связи с Русью и Волжской Булгарией, а возможно, даже и полиэтнический состав населения городища, наличие религиозно-культурного центра [30, с. 47; 13, с. 13].

Принимая во внимание, что на территории Пургасовой волости, локализуемой В.Н. Мартьяновым в междуречье Мокши и Тёши, обнаружено множество археологических памятников (могильников, селищ, небольших по площади городищ – убежищ), единовременных Саровскому городищу, Н.Н. Грибов сделал вывод, что «вполне возможно, что Саровское городище, территориально входящее в эту область, являлось основным поселением этой территории, ее административно-военным и ремесленно-торговым средоточием, “столицей” зарождавшегося феодального государства – Пургасовой волости» [13, с. 13].

Теперь мы можем определить и название этой «столицы». Столица, общеизвестное место, основное поселение территории, была названа по имени ее правителя – Пургаса. Учитывая единовременность формирования Пургасова городища и краткое время его существования (XII – первая по-

ловина XIII века), можно предположить, что город формировался благодаря действиям Пургаса и его рода, не только объединившим окрестные племена, но создавшим военный и административный центр территории. Это еще один аргумент в пользу того, почему за городищем закрепился именно такой антропоним. Имя правителя связывалось не только с волостью, но и с конкретным поселением. После захвата и разрушения города еще четыре столетия местное население помнило его название, хотя в русской истории имя Пургаса осталось только в летописях, к которым обратились уже значительно позднее – в XVIII веке. Название «Пургасово» можно считать одним из древнейших известных топонимов на мордовских землях, и оно было присвоено столичному мордовскому городу.

Многие исследователи отмечают, что в Мордовии и Нижегородской области существуют другие географические объекты, связанные с именем князя Пургаса. Однако авторы считают, что их не надо напрямую связывать с предводителем мордвы XIII века. Дело в том, что Пургас является именем, которое хоть и было редким, но встречается в писцовых книгах. В частности, в писцовой книге по Кадомскому уезду в списке жителей одной из деревень есть Пургас Кирдеватов [21, с. 198]. Родственным именем было и имя Пурган (Пурган Кожаев записан в писцовой книге В. Киреева и Г. Молчанова 1677-78 гг. в описании бортных угодий салдомановской мордвы [20, д. 22, л. 391 об.]). Это говорит нам об отглагольном происхождении данных имен, в основе их глагол *пургамс* (эрз.), *пргамс* (мокш.) – «брызнуть» [22, с. 528; 23, с. 526]. Отглагольные имена на *-с* являются причастиями прошедшего времени. Эрзянское *пургазь* – «забрызганный» [22, с. 528], «орошенный» [40, с. 180]. При переходе *зь* → *ш* получается другой вариант имени Пургас – Пургаш, фамилия Пургашовы (Пургашевы) в XIX веке встречалась в селах Большое и Малое Станичное около реки Суры.

В мордовской топонимике использование антропонимов очень распространено. В писцовой книге мордовских и бортничьих деревень Арзамасского уезда В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. названия более половины мордовских деревень Утишного стана восходят к антропонимам. У некоторых из них было два названия, происходящие от разных имен, что говорит о значимой роли разных людей в истории поселения (например, Старое Череватово когда-то именовалось Кечексаново, оба названия образованы от мордовских имен Череват и Кечексан). Арзамас, к примеру, назван от имени Арземас [41, с. 56], а Ардатов – от имени Ардат (в мордовской деревне Ардатово проживал в начале XVII века Василий Ардатов [24, с. 430–431]). Если принять, что носителей имени Пургас за всю историю проживания мордвы в регионе было много, нет ничего удивительного в том, что появились деревня Пургасово (в книге по Кадомскому уезду она названа татарской, но изначально, видимо, была заселена мордвой) или

Пургасово прудище в деревне Сычесево Арзамасского уезда (ныне – село Ивановское Дивеевского района). Между прочим, сама деревня Сычесево была основана по сторонам небольшого Пургасова оврага, по имени которого получил название и пруд в нем расположенный [24, с. 233]. Некий Пургас мог быть владельцем бортного угодья, на месте которого был указанный овраг, и впоследствии появилась мордовская деревня. Пургасово же городище – крупнейший археологический памятник в Пургасовой волости – безусловно, носит княжеское имя, сохранившееся в памяти населения и после гибели поселения.

Факт гибели городища в результате вражеского нападения подтверждается археологическими исследованиями. Произошло это в первой половине XIII столетия [13, с. 13].

В летописях, в описании войны с мордвой не нашел отражения факт взятия «столицы» Пургасовой волости. Возможно, что она была подвергнута нападению в ходе похода в январе 1229 г., когда «Мордва вбегоша в лесы своя в тверди» и смогла выстоять, т.к. после зимнего похода у Пургаса еще было достаточно сил, чтобы в апреле совершить нападение на Нижний Новгород. Городище могло быть разрушено в результате дальнейших событий 6737 (1229/30) г. – победы Пурешева сына с половцами над Пургасом, в результате которой была побита вся «Мордва» и «Русь Пургасова», «а Пургас едва вмале оутече». После данного сообщения в летописях больше не упоминается имя Пургаса и его волости. Это мы наблюдаем в известиях 1232/33 г., когда состоялся еще один поход с участием нескольких русских князей на мордву, не соотнесенную с каким-либо политическим объединением, в результате которого войска «пожгоша села их а Мордвы избиша много». Поэтому, по мнению авторов, период с апреля по февраль 6737 г. (апрель 1229 г. – февраль 1230 г.) представляется наиболее вероятным моментом гибели главного города волости (отсюда и фразы в летописях о том, что вся мордва и «Русь Пургасова» была «избита» сыном Пуреша и половцами). Впрочем, разорение городища могло состояться и в поход русских князей 1232/33 г. Остается открытым вопрос и о роли монголо-татарского нашествия в исчезновении поселения.

Имеющиеся на настоящее время сведения свидетельствуют о том, что уничтожение городища произошло одномоментно. Еще основатель пустыни иеросхимонах Иоанн сообщал, что «под стенами градными во рвах множество костей и трупия иже в приступах сеченых человеков обретается» [29, с. 5]. При археологических исследованиях были обнаружены «незахороненные человеческие останки в виде разрозненных и фрагментированных костей», с отчетливыми следами ударов рубяще-режущего оружия на некоторых из них, а также следы пожара, в огне которого погибли все

обследованные конструкции и постройки [30, с. 46]. Сам факт существования незахороненных жителей городища свидетельствует о полном уничтожении не только городища, но, возможно, и окрестных поселений, связанных с ним.

Последние исследования также указывают на штурм городища. Так, в ходе экспедиции Института археологии РАН в 2018 г. в Сарове изучены остатки нескольких жилищ, «три из которых сгорели в пожаре, о чем свидетельствует большое количество древесного угля и расчищенные сгоревшие деревянные конструкции. В одной из построек на дне обнаружены частично обожженные останки человека, расположенные не в анатомическом порядке. Они располагались вперемежку с костями животных. Также в слое залегания костей были найдены детали костюма, украшения, различные бытовые предметы и костяное навершие для плети» [42].

Окончательные выводы о гибели городища смогут дать лишь дальнейшие исследования.

Таким образом, в результате неверного трактования письменных источников в современной науке появилось два «Пургасовых городища», ни одно из которых фактически не соотносилось с истинным археологическим памятником, носившим такое название. Документальные свидетельства и проведенный выше анализ источников позволяют утверждать, что Пургасово городище было единственным общеизвестным на начало XVII века урочищем, которое было расположено на Сатисе в Кадомском уезде ниже устья реки Арги в северной части обширных лесных владений Теребердеевых – «Саровском бортном ухожае». По данным археологии известно только одно крупное городище на Сатисе в том месте, на которое указывают старинные акты, – Саровское, и именно его указывали писцы в документах под названием Пургасово. Кроме путаницы из-за названия Сараклыч, возникшем в XVIII веке, препятствием к интерпретации Саровского городища как Пургасова стало существование других названий этого городища – «Барсово», «Борисово» и даже «Байсово», присутствующих в ряде дел фонда Саровского мужского монастыря ЦГА РМ, которые получились в результате искажения первоначального названия переписчиками. Пургасово городище – Саровское городище – крупнейший археологический памятник на территории Пургасовой волости, безусловно, носит имя Пургаса, правителя раннефеодального политического объединения мордвы, упоминаемой в русских летописях. Имея все признаки протогородского типа поселения, оно, вероятно, являлось центром, «столицей» Пургасовой волости и было разрушено в первой половине XIII века в результате вражеского нападения, после чего было заброшено, но еще долго сохраняло название в памяти населения и после его гибели.

Источники и литература

1. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-Археографической комиссиею Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Издание второе. – Л., 1927. – 104 с.

2. Татищев В.Н. История российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. Книга третья. – М., 1774.

3. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. – СПб., 1818.

4. Соловьев С М. История России с древнейших времен. Книга первая. Т. 3. – СПб., 1853.

5. Малышев А.В. Пургасова Русь как явление русской истории. – М., 2020.

6. Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. – Арзамас, 2001.

7. Феоктистов В.Х. Историческое описание Тамбовской губернии // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. 55 [30 янв.]. – Тамбов, 1913.

8. Мельников П.И. Очерки мордвы // Русский вестник. Т. 69. – М., 1867.

9. Корсаков Д.А. Меря и Ростовское княжество: очерки из истории Ростово-Суздальской земли / [соч.] Д. Корсакова. – Казань, 1872.

10. Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. – Казань, 1895.

11. Степанов П.Д. «Пургасово городище» // Научно-исследовательский институт при Совете Министров Мордовской АССР. Записки. № 6. История и археология. – Саранск, 1946.

12. Мартьянов В.Н. Археологическая разведка в Мордовской АССР и южных районах Горьковской области // Материалы по археологии Мордовии. (Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Труды, вып. 52). – Саранск, 1976.

13. Грибов Н.Н. Саровское городище (по материалам археологических раскопок 1993–1995 гг.). – Саров, 1996.

14. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Ученые записки СГУ, т. 8, вып. 2. – Саратов, 1930.

15. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. – М., 2004.

16. Ледяйкин В.И. Пургасовское городище // Материалы по археологии Мордовии. (Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Труды, вып. 52). – Саранск, 1976.

17. Степанов П.Д. Хвалынские городища // Труды Саратовского областного музея краеведения. Вып. 3. – Саратов, 1960.

18. Степанов П.Д. Материалы для археологической карты Западной части Среднего Поволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. Материалы и исследования по археологии СССР, № 111. – 1962.

19. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 1.

20. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 602а.

21. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюркско-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань, 2013.

22. Эрзянско-русский словарь: 27 000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред.: Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. – М., 1993.

23. Мокшанско-русский словарь: 41 000 слов / Ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров – Правительстве Республики Мордовия; под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. – М., 1998.

24. Парадеев Е. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде 16–17 вв. Текстовое электронное издание с сопроводительными материалами. – URL: http://paradeev.com (дата обращения: 24.11.2020).

25. Нижегородская ученая архивная комиссия. Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. [1]–18 / Нижегородская ученая архивная комиссия. – Н. Новгород, 1888–1916. Т. 15. Вып. 8: Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Вып. 4. Писцовая книга Арзамасского уезда (1621–23 гг.): Ч. 1-я. Станы Тешский, Ичаловский, Иржимский и Подлесный / под ред. А.К. Кабанова. – 1915.

26. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии: Естественно-историческая часть: Отчет Нижегородскому губернскому земству / Работа исполнена под непосредственным руководством профессора В.В. Докучаева. Выпуск V. Арзамасский уезд. – СПб., 1884.

27. Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 1. Оп. 1.

28. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. 1. – Ч. 2. – Саранск, 1950.

29. Иоанн, иеромонах, Сказание о первом жительстве монахов… // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии (ИТУАК). Вып. 49. – Тамбов, 1904.

30. Грибов Н.Н. Средневековое городище на месте бывшего Саровского монастыря // Древности Нижегородского Поволжья. Вып. 1. Сборник научных статей по археологии. – Н. Новгород, 1997.

31. Маркеллин, игумен. Краткое историческое описание Саровской пустыни, с начала заведения и до нынешнего 1804 года. – М., 1804.

32. Маркеллин, игумен. Краткое историческое описание Саровской пустыни, с начала заведения и до нынешнего 1819 года. – М., 1819.

33. Маркеллин, игумен. Краткое историческое описание Саровской пустыни, с начала заведения и до нынешнего 1825 года. – М., 1825.

34. Подурец А.М. Что было на месте Саровской пустыни до основания монастыря. Легенды о городе Сараклыче // Уваровские чтения–III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. Материалы научной конференции, посвященной 900-летию Муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром. 17–19 апреля, 1996 г. – Муром, 2000.

35. Русский энциклопедический словарь / Гл. ред. И.Н. Березин – СПб., 1875. – Т. 4. Вып. 1.

36. Степашкин В.А. Летопись Саровской пустыни. – URL: https://rusk.ru/st.php?idar=104427 (дата обращения: 24.11.2020).

37. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. – М.; СПб., 2015.

38. Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. 1887–1918. – Тамбов, 1888. – Вып. XXI.

39. Холмогоров В.И. Материалы о постройке церквей в дворцовой Починковской волости за XVII и XVIII столетия // Действия НГУАК: Сборник статей, сообщений, описей и документов. Том II. Выпуск 15. – Н. Новгород, 1895. – С. 3–37.

40. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. Эрзянско-русский словарь. – М., 1949.

41. Парадеев Е.И. О становлении Арзамаса. – СПб., 2020.

42. Милованов С.И., Баранов Н.А., Зеленцова О.В., Сазонов С.В. (ИА РАН), Степашкин В.А. (МБУК «Городской музей» г. Саров). Исследования на Саровском городище в 2018 году. – URL: https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n549 (дата обращения: 24.11.2020).

ДВОРЦОВАЯ ТОЛОКОНЦЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ БАЛАХНИНСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVII ВЕКА: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ СОСТАВ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ (ПО ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ 1691–1692 ГГ.)

Лариса Юрьевна Варенцова
Нижегородская академия МВД России, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: l_varentsova.65@mail.ru

Данная статья посвящена одной из составных частей царского домена в России в конце XVII столетия – обширной по территории Толоконцевской волости Балахнинского уезда. На ее землях в настоящее время расположен городской округ города Бор (Борский район Нижегородской области). Дворцовая Толоконцевская волость находилась на левом берегу Волги, прямо напротив Нижнего Новгорода. В ее состав входило все Борское лесное Заволжье. На протяжении XVII века отдельные земли дворцовой Толоконцевской волости давались государями в пожалование светским и духовным феодалам. Среди них особо выделялись владения И. Грамотина, С. Урусова, А. Мусина-Пушкина, князей Голицыных и Черкасских, нижегородских Печерского и Духовского, местных Толоконцевского и Макарьев-Желтоводского, Московского Симонова и Троице-Сергиева монастырей. К концу XVII века значительная часть земель Толоконцевской волости перешла в дворцовое ведение. К этому времени были освоены лесные массивы, сложился корпус сел и деревень, которые мы знаем в настоящее время. Подробные сведения о социально-экономическом и политическом развитии данной дворцовой вотчины содержатся в переписной книге 1691–1692 гг. Цель данной статьи – на основе материалов писцового делопроизводства рассмотреть административное деление, социально-классовый состав, налогообложение населения дворцовой Толоконцевской волости в конце XVII века.

Ключевые слова: *дворцовая Толоконцевская волость; царский домен; дворцовые крестьяне; административное деление; социально-классовый состав; налогообложение населения.*

Значительное место в сфере крупного землевладения в России XVII века занимал царский домен (фр. Domaine, от лат. Dominimum – владение) – царские наследственные земельные владения, которые состояли из вотчин в разных уездах, городов, волостей, сел, слобод, деревень, лесов, рек, озер, лугов. Московскому государю принадлежало право на обладание недвижимым имуществом для содержания себя, своего семейства и царского двора. Эти владения назывались дворцовыми, находились в подчинении особых придворных приказов [1, с. 181]. На территории Нижегородского Поволжья имелись царские вотчины. Одной из них являлась дворцовая Толоконцевская волость. Она находилась на левобережье Волги, название получила от села Толоконцево. Вместе с уездным центром – городом Балахной и двумя соседними волостями – Заузольской и Городецкой – Толоконцевская волость входила в состав царского домена России в XVII веке [2, с. 371], подчинялась приказу Большого дворца [3, с. 274].

По указу великих государей царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей всей Великой и Малой и Белой России самодержцев от 30

августа 1691 г., по наказу из приказа Большого дворца, за приписью дьяка И. Лунина велено провести перепись в Толоконцевской волости [4, д. 20, л. 6].

Писцами были назначены в приказе Большого дворца стольник Г.Я. Тухачевский и подьячий Г. Степанов. Им было приказано описать старые деревни, вновь заселенные починки, указать крестьянские и бобыльские дворы, учесть всех владельцев дворов и их родственников, доходы, промыслы, угодья, и «все это поверстать вытным тяглом» [4, д. 20, л. 6]. С приездом писцов в Толоконцевскую волость в 1692 г. жителям прочли государев указ, чтобы с тягла в своей деревне «государевы доходы платить вся годы без доимки и впредь великим государям о переверстании не бить челом» [4, д. 20, л. 6]. Писцы провели ревизию каждого села, деревни, починка, а жители распределили между собой повинности – вытное тягло, денежные, хлебные и иные подати, в зависимости от наличия земли и угодий. Писцам же было наказано: «Крестьян в деревнях не перепутать, чтобы пустых жеребьев не оказалось» [4, д. 20, л. 11 об.]. В помощь Г.Я. Тухачевскому и Г. Степанову было избрано 32 человека из числа крестьян и бобылей; они представляли все церковные приходы дворцовой Толоконцевской волости [4, д. 20, л. 12].

В конце XVII века в состав обширной дворцовой Толоконцевской волости Балахнинского уезда входили земли Борского Заволжья. Территория данной волости увеличивалась не только за счет освоения и заселения ранее пустовавших лесных массивов, но и за счет присоединения к дворцовым землям частновладельческих территорий. Так, к дворцовой Толоконцевской волости присоединились села Городищи, Рожново, Развилье с деревнями. Среди бывших владельцев названы Троице-Сергиев монастырь, княжеские фамилии Урусовых и Прозоровских. К концу XVII столетия в Борском Заволжье было ослаблено влияние Троице-Сергиева монастыря, хотя в описи упомянуты монастырские приказчики Д. Курбатов и Ф. Селянинов. После боярина и новгородского воеводы С.А. Урусова (1610–1657), участника русско-польской войны 1654–1667 гг., его заволжские земли перешли в собственность его сыновей Никиты и Юрия. Деревни Боталово, Зуево, Наседкино, Ивонькино, Мякотинское, Огрызково, Вздерни Ноги упоминались как «урусовские».

К концу XVII века среди заволжских землевладельцев-вотчинников появились Прозоровские. В вотчину П.И. Прозоровского входила вся Красная Рамень [4, д. 20, л. 176], а его брат Б.И. Прозоровский владел селом Останкино [4, д. 20, л. 486]. У последнего были пожни в Сопчинских лугах, у Семитонного озера. Прозоровские являлись выходцами из старинного княжеского рода, известного с XIV века. Эта фамилия произошла от земель в селе Прозорово под Ярославлем. Отец Петра и Бориса Прозоров-

ских – Иван Семенович – астраханский воевода, был ранен при взятии Астрахани С.Т. Разиным. Восставшие сбросили И.С. Прозоровского с крепостной башни, а его малолетнего сына повесили за ноги на городской стене [5, с. 365]. Предположительно, за верное служение семейство Прозоровских было пожаловано заволжскими землями.

Большая часть территорий считалась дворцовой и принадлежала великим государям. В пределах Толоконцевской волости писцы обнаружили 11 сел. Заволжские дворцовые селения отличались малодворностью. Самым крупным из сел считалось Кантаурово с 49 крестьянскими дворами. Пахотной земли у кантауровцев было немного, зато они имели обширные сенные пожни-покосы в оброчных лугах по рекам Линде и Санде, рыбные ловли по реке Керженец, в озерах Юрьево, Полянское, Большое Везломское.

По 15–20 дворов насчитывалось в дворцовых заволжских селах (Толоконцево, Юрасово, Развилье, Рожново, Городищи). Самыми малодворными из сел в 1692 г. были Неклюдово с тремя дворами и Линево с семью избами. В переписной книге Г.Я. Тухачевский упоминает село Бор, где находилась приказная изба. Подьячим в ней был Л. Овчинников [4, д. 20, л. 596].

К концу XVII века в Толоконцевской волости было 15 церковных приходов. Появились храмы в Развилье, Юрасове, Сопчине, Рожнове, Линеве, Городищах, Старцовой пустыни, Подольце. К каждой церкви в среднем относилось 10–17 окрестных деревень. Никольско-Знаменскую церковь на Бору посещали бобыли Боровской, Везломской, Копытовской слобод, крестьяне деревни Овечкино. Наибольшее количество деревень и починков вошло в приход Кантауровского храма (31 населенный пункт). Крупными приходами были Георгиевский и Богоявленский, в селах Подолец и Сопчино.

На каждый приход писцы определили вытное тягло. Самое большое тягло (7–9 вытей) было определено для прихожан Кантауровской и Сопчинской церквей, для Троицкого храма в селе Городищи.

В 1692 г. в составе дворцовой Толоконцевской волости находилось 196 деревень. Наиболее крупными деревнями считались Яблонное, Путьково, Володимерово (свыше 20 дворов). В среднестатистической заволжской дворцовой деревне в конце XVII века было 15 дворов.

В последней четверти XVII столетия продолжался процесс освоения лесных массивов Толоконцевской волости. В 1678–1692 гг. появилось 11 новых починков. При починках Лазаревка, Оленево, Новокорельский и Озерский писцы не обнаружили пашни, был расчищен лес и поставлены избы. Селились в них не только выходцы из соседних деревень, но и пришлые люди. В 1688 г. появился починок Малая Шехонка как «высе-

лок» из Большой Шехонки. В починок Выползов перешли жители из деревни Опраксино, что находилась близ села Городищи. На вновь распаханной земле они поставили избы, освоили сенные покосы по реке Шехонке. При писцах обустраивался починок Ямки (нынешнее село Ямново), где в двух избах поселились выходцы из Костромы, а в остальных – крестьяне различных деревень Толоконцевской волости. Починок Юровской на реке Поюжме заселили выходцы из Суздальского уезда.

Дворцовое ведомство было заинтересовано в большом количестве плательщиков податей. В связи с этим деревни и села данной дворцовой вотчины заселялись выходцами из самых разных уголков России. В деревне Овечкино оказались выходцы из Вологодского уезда – вотчины Ростовского митрополита, в Старцовой пустыни – из Смоленска и Твери, в деревне Заболотной на реке Алсоме – пришельцы из Суздальского уезда и города Корелы. Балахнинцы, городчане, мурашкинцы, лысковчане, нижегородцы пополняли дворцовые селения Толоконцевской волости.

Для дворцовых крестьян существовала и практика переселений внутри царского домена. Их могли отправлять на новое местожительство по решению дворцовой администрации. В Толоконцевской волости были переселенцы из дворцового города Балахны [4, д. 20, л. 182], «из Вологодского угодья дворцового села Фрязинова» [4, д. 20, л. 17 об.], других частей царского домена.

Названия населенные пункты получали по бытовавшим местным гидронимам. Деревня Коринка получила название от речки Коринки, Большая и Малая Шехонки – от речки Шехонки, Дьяконово и Путьково – от одноименных озер. От болот Костино, Ильинское, Круглое стали называться стоявшие близ них деревни.

Некоторые деревни имели двойные названия: деревня Терино – она же Михалево, Дерябино – Соловково тож, Стрелка – Бурнаково тож, Овечкино – Печерская тож. Нередко второе название было сходным по произношению с первым: Позорино – Подзорино, Парамонки – Парамоново, Матюшкино – Матвейково. Имелись деревни с тройными названиями: деревня Княжево была известна как Сивково и Нелюбинская, Лужки – как Селышки и Поддергаево, деревня Половина Столбищ – как Большое Раменное и Афонино. В Гергиевском (Подолецком) приходе деревню близ оврага Оленевского именовали четырьмя названиями: Ядиново, Долгая Веретея, Зудилово и Есытово.

Основную часть населения дворцовой Толоконцевской волости составляли крестьяне (90% всех жителей). В 1692 г. здесь было 2 432 крестьянских двора. Крестьянская семья состояла из хозяина и его «свойственников» – законных и незаконных детей, приемышей, пасынков, родных и двоюродных братьев, племянников. В одном дворе, как правило, жили

родственники разных поколений: отцы, женатые сыновья, зятья, дети, внуки. Вернувшиеся с государевой военной службы братья и сыновья также подселялись к своим близким. Число крестьянских дворов в деревнях росло за счет отделения от отцов их взрослых детей, от братьев – братьев. Новые избы ставились на отцовских усадах, а иногда на покупной земле. Нередко женатые сыновья или племянники делили тягло пополам со своими отцами и дядьями. В деревнях, селах, починках между жителями были сильны родственные связи. Вместе с вдовами жили девери – родные братья мужей с детьми, дяди с семьями. Не бросали родственников, попавших в беду. Содержали в семьях увечных и юродивых. Родные, двоюродные братья обычно селились по соседству. В деревне Лихачево в четырех дворах жили братья Ложкаревы.

Если крестьянину было не под силу одному платить подати, он делил пахотный жребий с братом, шурином, другим «свойственником». Дворцовым крестьянам, только что построившим свои дворы, давались «льготные годы» (5 лет), освобождение от уплаты податей. «Пожить на льготе» означало обзавестись хозяйством, окрепнуть, стать платежеспособным хозяином. Если крестьянин покупал свой двор, он сразу становился плательщиком государевых податей.

Дворцовых крестьян забирали на государеву военную службу, а по возвращении с нее семья солдата становилась «нетяглой». Так называемые «даточные люди» набирались с определенного количества четвертей пашни или дворов [6, с. 390]. Даточные люди во второй половине XVII века призывались на службу, как правило, с определенного количества дворов в селениях царского домена. К концу XVII века в Толоконцевской волости появились солдатские дворы. «Выбыльные солдаты» имели в селениях Толоконцевской волости 25 дворов.

На один крестьянский и солдатский двор приходилось 1–3 десятины земли (десятина – 1,09 га). Самые крупные пахотные наделы – по 6 десятин – имели жители деревни Страхово. Сравнительно большие наделы – по 4 десятины – были у крестьян деревни Княжево. В многодворных же селениях на одного хозяина приходилось земли лишь около десятины.

Дворцовому ведомству принадлежали лучшие земли в том или ином регионе – пахотные массивы, природные угодья – заливные луга, реки и озера, строевые леса. В Соборном Уложении 1649 г. (статьи 23 и 24 главы XVII «О вотчинах») отмечается, что входило в понятие «государевы угодья». К великокняжеской собственности относились бортные ухожья, рыбные ловли, бобровые гоны, мельницы, перевозы, хоромные и дровяные леса, сенные покосы [7, с. 92]. Запрещалось безоброчно пользоваться государевыми угодьями. Дворцовые власти были заинтересованы в том, чтобы максимальное количество угодий сдавалась на условиях аренды, приноси-

ло доход. Малоземелье и скудость заволжских пашен у крестьян Толоконцевской волости компенсировалось наличием в их владении других угодий – бортного участка, дровяного и хоромного леса, взятых в оброчное содержание. Например, у жителей деревни Синцово в Сопчинском конце были пожни по реке Ватоме, у озера Кривель на 730 копен. Это позволяло им содержать скот, жить лесными промыслами.

К концу XVII века в дворцовых селениях Толоконцевской волости стали малочисленными бобыли, их дворы составляли всего лишь 9,12% от общего количества. Повсеместно крестьяне докладывали писцу и стольнику Г. Тухачевскому, что «убыли бобыльские дворы», «бобыли вышли вон от скудости», «бобыли оскудели и разбрелись», «сошли безвестно». Их дворовые места занимали крестьяне. Обнищание бобылей было вызвано несколькими причинами. Обживался лесной край, уничтожались массивы боров, распахивались пашни. Все это сокращало бортничество, другие лесные промыслы. Бобылям стало невозможно прокормиться только за счет лесных богатств. Состоятельные промысловики покупали пашни и переходили в состав крестьянства.

Исключением являлись те селения Толоконцевской волости, где жили только непашенные бобыли – это села Сопчино и Подолец, а также слободы. В Кантауровской слободке все промысловики имели наемных работников из числа обедневших соседей и пришельцев из других волостей. Налоги, вносившиеся ежегодно в государеву казну кантауровскими бобылями, составляли 1 рубль 12 алтын 2 деньги – за промысел [4, д. 20, л. 18 об.]. Бобыли также платили ямские и полоняничные деньги, на молотьбу Богородицкого десятинного хлеба, за гороховецкое винное курение – всего по 38 копеек со двора [4, д. 20, л. 18 об.].

Самой крупной слободой Толоконцевской волости оставалась Боровская (Никольская) с Никольско-Знаменской церковью, где в 1692 г. насчитывалось 144 двора. Здесь селились нижегородцы, москвичи, костромичи. Во многих слободских дворах имелись наемные работники, иногда их было до пяти человек: «Ларка Ларионов сын Овчинников, у него живут захребетники Нестерко Васильев да Ивашко Петров, у Ивашка дети: Сенка 8 лет, Ивашко году, да захребетник же Мишка Софронов» [4, д. 20, л. 388 об.]. К 1692 г. в Копытовской слободке оказалось всего восемь дворов, бобыли из нее переселялись в Боровскую слободу.

В Везломской слободке тогда сохранялся 71 двор непашенных бобылей. В работниках у кузнецов, сыромятников, портных мастеров, мельников, токарей жили балахнинские и нижегородские посадские люди, крестьяне различных деревень Толоконцевской волости. В приказ Большого дворца жители слободок платили оброк по 20 рублей в год, верстая выплаты между собой в зависимости от промыслов. Иные подати платились на

82 рубля и 66 четей хлеба. В 1692 г. писцы установили подати и для бобылей села Сопчино. За промыслы со двора им следовало платить по 1 рублю 28 копеек в год, а также стрелецкий хлеб.

Переписная книга 1692 г. позволяет судить о социальном расслоении среди дворцового населения. 245 человек жили в чужих дворах и подати платили вместе с хозяевами. В подсоседники шли нищие и вдовы с детьми, поскольку у них «жеребьи лежали впусте», «хоромное строение сгнило», «кормиться было нечем». Обедневшие крестьяне продавали свои пахотные наделы, а сами нанимались в работники. Если в своем населенном пункте имелись состоятельные родственники, то нанимались к ним, работали в поле или занимались вместе с семьей хозяина его ремеслом. «У него же, Никитки, живут пришлые люди по свойству, сказали Замосковной Гжельской волости деревни Речищ крестьяне Пашка, Ивашка да Ондрюшка Петровы дети Кожевниковы, пришли тому третий год» в деревню Приклонное [4, д. 20, л. 28 об.].

К жителям сел и деревень Толоконцевской волости нанимались работники из других волостей. Как правило, работники, пришедшие из одного места, старались устроиться к известному им дворовладельцу или разным хозяевам, но в одной деревне. Например, в починке Содомово у Митки Матвеева в подсоседниках оказались трое пришлых людей из вотчин Макарьев-Желтоводского монастыря. Некоторые заволжские семьи имели до 4–5 работников. Малолетние работники не были редкостью. Своих детей в «наймиты» отдавали обедневшие заволжские семьи.

Иногда в захребетники заволжане брали вдов, юродивых, нищих из милости. Нищих и вдов поселяли в особых избах на хозяйской усадьбе. Больше всего захребетников оказалось в конце XVII века в слободах: 43 человека в Боровской, 19 работников в Везломской. Наличие захребетников в деревне или селе свидетельствовало о социальном расслоении дворцового населения на зажиточную часть и обедневшее население. В деревне Содомово, что возле реки Линды, на горе, все подсоседники были из числа нищих и их детей. Зажиточные крестьяне и бобыли, имевшие захребетников, располагали обычно несколькими земельными наделами, скупали дворовые места у обедневших соседей, забирали наделы после умерших соседей, имели оброчные угодья. Основная масса заволжан являлась дворовладельцами среднего достатка. Были и такие люди, кто покидали свои дворы, чтобы не платить податей, и те, кто кормились подаянием у православных церквей. «Вытного тягла на них не положено, бродят в мире, кормятся Христовым именем, пашни не пашут, лошадей и скота никакого у них нет» [4, д. 20, л. 45].

В своих сказках крестьяне обычно сообщали писцам: «Убыл крестьянский двор», «хозяин вышел безвестно», «двор пуст», «сшел безвестно»,

«оскудел». Перед уходом крестьянин мог передать или продать свой двор. За выбывших из общины дворовладельцев подати платили всем миром, соседи вынуждены были соглашаться за них нести повинности.

Писцы обнаружили и такие поселения, где не с кого было брать деньги и хлеб. В поставленном в 1683 г. починке Новокорельском жители настолько жили скудно, что никто не имел ни пашни, ни покосов, ни скота.

После смерти хозяина двора особенно трудно жилось вдовам. Они бродили по миру, кормились подаянием, тягла «за нищетой» не платили. Если крестьянские дети теряли обоих родителей, то жители деревни из числа родственников и даже чужие люди брали их в приемыши. Община давала им возможность выжить. Те, кто был постарше, нанимались в подсоседники.

Главной причиной, по которой беднели крестьяне, оставалось малоземелье и худородность почв. В деревнях Пичугино и Потеминская на крестьянский двор приходилось пашни всего по полдесятины. Так, пустошью стала деревня Ломы в Кантауровском приходе, где все жители по причине плохих урожаев перебрались в соседние поселения.

У заволжан не было возможности прожить только за счет своих пахотных наделов. Помимо бортничества, рыболовства, мельничного и кузнечного дел, в конце XVII века они освоили множество новых ремесленных специальностей. В селе Кантаурово стали изготовлять берды и ткацкие станы. Обработкой шкур и кож занимались сыромятники и кожевенники. Овчинники жили и трудились в Старцовой пустыни, в деревнях Куземино, Киреево, Курочкино, Притыкино. Они изготовляли крестьянские тулупы, одежду и обувь из кожи, шерсти, меха. Повсеместно по Заволжью трудились ложкари. Их товар пользовался спросом среди жителей всего Нижегородского края. Необходимые в быту и хозяйстве ведра, кадки, бочата, колеса для телег, посуду производили кадочники из села Линево, ведерники из деревни Ежево, плотники из деревни Путьково, колесники из деревни Скоморохово, бочкари из Везломской слободы. С глиной работали жбанники деревень Костино, Владимирово. Горшечники и гончары из деревни Безводное. Юрасовские, ногаевские, киреевские красильники окрашивали домотканые полотна – льняные новины.

Продуктами питания торговали баранник из деревни Сукино, торговец сбитнем из деревни Курочкино, пирожник из села Кантаурово, масленник из Старцовой пустыни, рыбак из деревни Палкино. В деревне Скопино жил хомутинник, изготовлявший конскую упряжь. На Макарьевской ярмарке, нижегородском базаре, а также на сельских торжках вели торговлю коробейники из деревень Куземино, Колобово, лотошник из починка Озерского.

В XVII веке впервые в Толоконцевской волости появляются сады. В селе Юрасово жил садовник, который, вероятно, использовался в дворцовом садовом хозяйстве. Известно, что количество государевых садов, плоды которых шли на дворцовый обиход, к середине XVII века достигло цифры 50 [8, с. 362–363]. Эти сады располагались, главным образом, в Москве и ее окрестностях.

В поселениях писцы учитывали количество пахотной «худой» и «доброй» земли – «в живущем и впусте», то есть используемой и пустующей, в вытях. Переписная книга 1691–1692 гг. дает представление о системе податей населения дворцовой Толоконцевской волости. Со 128 вытей ее жителей платили в приказ Большого дворца ежегодно по 790 рублей, ямских и полоняничных денег с крестьянских и бобыльских дворов – по 131 рублю 13 алтын 2 деньги, на молотьбу Богородицкого десятинного хлеба – 26 рублей 8 алтын, за гороховецкое винное курение – 78 рублей 30 алтын полшесты деньги. Стрелецкого хлеба платили 821 четверть с полуосминою ржи и столько же овса, посопного хлеба – 797 четвертей без полосмины ржи «и овса тож», орехи на Хлебный дворец, пшеницы 26 четвертей с полуосминой и с полчетвериком, 128 баранов и поставляли 128 косцов на Подмосковные государевы луга [4, д. 20, л. 10].

Ямские деньги собирались на содержание ямских слобод. Полоняничные деньги брались на выкуп пленных у татар и турок. Еще в царствование Михаила Федоровича полоняничные деньги собирались временно, по особому распоряжению правительства. Потом они стали ежегодными, по Соборному Уложению 1649 г. собирались «со всех людей», как тяглых, так и нетяглых. С 1649 г. полоняничные деньги стали собираться подворно, с крестьян дворцовых сел с каждого двора собиралось по 4 деньги (гл. VIII Соборного Уложения 1649 г. «О искуплении пленных» ст. 1) [7, с. 13]. Эту подать собирал заведовавший выкупом полоняников Посольский приказ. Жители Толоконцевской волости ямских и полоняничных денег платили по 10 денег со двора [4, д. 20, л. 10]. В зависимости от числа дворов с каждого поселения полагалась особая сумма для уплаты как в Ямской, так и Посольский приказы.

Платили заволжане и стрелецкую подать – «з двора по полосмине с получетвериком» ржи и овса, всего с крестьянских и бобыльских дворов Толоконцевской волости 821 четверть с полуосминою ржи, овса тож» [4, д. 20, л. 10 об.]. С 25 дворов деревни Путьково вносилось в государеву казну 8 четвертей без 1,5 четверика зерна, то есть 48 пудов, с каждого двора почти по 2 пуда ржи и овса [9, с. 48]. Стрелецкая подать предназначалась на выплату государева жалования стрельцам. Жители дворцовой Толоконцевской волости в конце XVII века выплачивали ее хлебом.

Одной из важнейших обязанностей дворцовых крестьян была работа на государевых десятинных пашнях. В дворцовой Толоконцевской волости не было десятинной пашни. Дворцовая пашня в XVII веке продолжала существовать и расширяться в ближайших к Москве уездах. В делах Хлебного приказа за 1662–1665 гг. имеется упоминание о десятинной пашне в г. Богородицкий [10, с. 23]. Одновременно с каждого двора заволжане платили ежегодно «по 2 деньги на молотьбу Богородицкого десятинного хлеба». Эти деньги собирались на выплату денег работникам, участвовавшим в обмолоте хлеба с десятинных государевых полей уездного города Богородицка.

С каждого села, деревни, починка Толоконцевской волости выплачивались денежные подати в приказ Большого дворца, управлявшего хозяйством царского двора по всей стране, в зависимости от вытного тягла. Жители села Кантаурово ежегодно платили в казну великих государей, в приказ Большого дворца 10 рублей 9 алтын полчетверти деньги.

В конце XVII века заволжане платили деньги и за гороховецкое винное курение. С каждого владельца двора бралось по 8 алтын 1,5 деньги (25,5 копеек) [4, д. 20, л. 321 об.]. Государев винный завод поставлял вино из Гороховца в Москву.

Далее следовал сбор «за оброчные статьи, которые за всеми крестьянами»: за рыбные ловли, сенные пожни, мельницы, бортные ухожья, бобровые гоны. За каждый участок взималась определенная сумма оброчных денег. «С реки Керженца и с озера Юрьева оброку и пошлин 20 рублей 16 алтын 4 деньги, с озера Везломского Большого и Полянского и с иных озер оброку 21 рубль 9 алтын полшесты деньги» [4, д. 20, л. 10 об.].

Переписная книга 1691–1692 г. дает подробную опись заволжских сенных покосов, поверстанных в постоянное вытное тягло. Было определено с каждого воза сена брать с тягла по деньге, а с неудобных лугов с воза – по полуденьге. В 1692 г. изъяты все пожни у церковных причетников и нижегородских посадских людей.

Посопный хлеб – основная подать рожью и овсом с дворцовых крестьян, которая собиралась и отправлялась в государевы житницы. Зерно могло быть по дороге рассыпано или поедено мышами, поэтому предусматривался особый сбор – «на мышеед и на утечку» – с четверти оброчного зерна по половине получетверика [4, д. 20, л. 361 об.].

«На житничную поделку» с заволжан с четверти хлеба взималось по 2 деньги. Житничная поделка – это строительство государевых житниц. На Хлебный дворец, ведавший доходами и продуктами, которые шли на содержание царской семьи и двора [11, с. 104], из Толоконцевской волости везли пшеницу и мясо (баранов). К Успенскому мясоеду [4, д. 20, л. 321 об.] с каждой выти полагалось поставлять по одному барану. С каж-

дой выти из Толоконцевской волости отправлялось по одному косцу на царские луга, располагавшиеся в Подмосковье.

Поставка лесных орехов на Хлебный дворец Московского Кремля велась по церковным приходам. Каждый приход отправлял в столицу ежегодно свыше 26 четвертей «лещины» [4, д. 20, л. 62 об.]. Торговая четверть при этом составляла 6 (8) пудов [12, с. 113]. Налоги жители сел, деревень и починков сдавали земским старостам. В крупных селениях помощь им оказывали десятские. Подати выплачивались подворно, а итоге – всей общиной, церковным приходом. Их платили все, кроме нищих и вдов.

Жители дворцовой Толоконцевской волости несли перед великими государями одновременно массу всевозможных повинностей. К дани дворцовых крестьян и бобылей присоединялись государственные налоги. Дворцовые крестьяне имели все три вида феодальной ренты.

В составе Толоконцевской волости находилось 15 церковных приходов, 225 населенных пунктов, где было 2 780 дворов, 7 986 мужчин (около 16 тыс. человек обоего пола). Основную массу населения составляло дворцовое крестьянство (2 492 двора и 6 768 мужских душ). Незначительную долю среди жителей дворцовой Толоконцевской волости составляли бобыли (255 дворов и 528 мужчин), духовенство (8 дворов и 13 мужчин), солдаты (25 дворов и 66 мужчин). В 1692 г. в числе захребетников значилось 245 человек.

Источники и литература

1. Загоскин Н.П. История права Московского государства. – Казань, 1871. – Т. 1.

2. Готье Ю. Замосковный край в XVII в. – М., 1937.

3. Мельников-Печерский П.И. Балахна // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 69.

4. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602-а.

5. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб., 1898. – Т. 25.

6. Лаппо-Данилевский А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. – СПб., 1890.

7. Соборное Уложение 7157 (1649) г. // ПСЗРИ. Собрание первое. – СПб., 1830. – Т. 1. – С. 1–161.

8. Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающееся в книгах Разрядного приказа // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства юстиции. – М., 1884. – Кн. 4. – С. 161–529.

9. Варенцова Л.Ю., Филатов Н.Ф. Борское лесное Заволжье в XVII в. Очерки истории. Документы. – Н. Новгород, 2001.

10. Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 г. // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археографической комиссией. – СПб., 1903. – Т. 21. – Кн. 1. – С. 1–190.

11. Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. – М., 1989.

12. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. – М., 1975.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО И ФУРАЖНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛКОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1812 Г.

Дмитрий Андреевич Николаев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей продовольственного и фуражного обеспечения полков нижегородского ополчения в 1812 г.: изучению процесса формирования инфраструктуры снабжения ополчения, чиновного состава органов обеспечения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфические черты логистических особенностей обеспечения полков в начавшемся походе.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение; князь Г.А. Грузинский; Отечественная война 1812 г.; военные и гражданские чины; мобилизация; продовольственное и фуражное обеспечение; провиантские чиновники.*

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12 928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных [4, с. 19; 5, с. 29; 6, с. 8] и одного конного полков [7, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [8, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [9, с. 121]. Правила набора офицеров [10, с. 136; 11, с. 75; 12, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [13, с. 58; 14, с. 39]. Согласно им ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [15, с. 360; 16, с. 95; 17, с. 95].

Продовольственное снабжение формируемых полков вели «провиантские магазейны», созданные в Нижнем Новгороде (где формировались 1-й и 2-й полки нижегородского ополчения), Арзамасе (конный и 3-й полки) и Лыскове (4-й и 5-й полки) «из порожних казенных, или обывательских строений» и состоявшие в ведении назначенных (по выбору дворянства)

провиантских чиновников (Баранова, Сколкова, Блаватского, Мосолова, Сущева и Пирожкова) [18, д. 12, л. 5], строго руководствовавшихся в своей деятельности официальными «наставлениями» [18, д. 10, л. 25–28]. «Магазейны» принимались от уездных властей в готовом виде, либо, частично, достраивались и обустраивались, за счет пожертвованных сумм, с соблюдением норм пожарной безопасности. Баранов и Сколков «приискали (склад для своей деятельности – ***Авт.***) в погоревшем каменном здании, в коем были присутственные места; в нижнем этаже шесть комнат со сводами … способным для помещения до 3000 четвертей провианта, когда в них закладут окна, сделаются новые двери, а под кулье деревянные подкладины…» [18, д. 10, л. 76]. Чиновник Сущов докладывал о принятии им в Лыскове «строений для магазейнов, которые поставлены около 200 саженей от обывательских строений, почему и полагаю их совершенно безопасными от пожарного случая…» [18, д. 10, л. 53]. Помимо прочих условий, для эффективной работы провиантских чиновников многим из них требовалось служебное жилье, о чем они сами ходатайствовали [18, д. 10, л. 53] перед руководством ополчения. Прием провианта в подготовленные склады начинался (по рапортам чиновников) с 20-х чисел сентября [18, д. 10, л. 115]. Согласно инструкции («наставлениям»), провиант принимался по «общественным» мерам и весам, выделяемым «градской думой», а именно купцом Калмыковым и мещанином Селезневым, «при тех мерах и весах состоящими» [18, д. 10, л. 38]. «По уважению» интересов помещиков, поскольку из-за погодных условий должный урожай гречи не был собран (первоначально предписывалось принимать только гречневую крупу), предводитель ополчения князь Г.А. Грузинский распорядился о возможной замене гречи ячной крупой, или пшеном [18, д. 10, л. 87]. Несмотря на «наставление», в котором указывалось «строго смотреть», чтобы «отдатчикам…ни в чем притеснений не было…» [18, д. 10, л. 26], жалобы на пресловутые притеснения со стороны провиантских чиновников, некоторые из которых подозревались в злоупотреблениях, периодически доходили до руководства ополчения, что влекло за собой служебное расследование, ревизию и переучет принятого провианта. В результате одного из таких «частных» расследований провиантский чиновник Сущов был «срочно» уволен со своей должности по состоянию здоровья, и на его место был назначен коллежский асессор Брехов [18, д. 10, л. 150].

Основав первоначально стационарные губернские продовольственные склады, следовало думать об обеспечении ополчения в походе, по пути следования которого также должны были существовать пункты снабжения. Поскольку первоначально маршрут следования пролегал через Владимирскую губернию, то было решено доставить продовольствие в количестве 2 400 четвертей ржаной муки и круп в город Гороховец (Владимир-

ской губернии) «водною коммуникациею, или гужем», путем заключения подряда с желающими это сделать «по умеренным ценам» [18, д. 10, л. 103]. Далее Гороховца, как позднее было решено, дело снабжения ополчения по пути его следования передавалось уже другим ведомствам, а именно: по маршруту через оставшуюся часть Владимирской губернии и далее, через губернии Тульскую, Воронежскую и Орловскую, снабжение ополченских формирований осуществлялось через «магазейны» московского провиантского депо. С целью выяснения цены перевозок, либо возможной покупки продовольствия на местах (при позитивной разнице цен в Нижегородской и Владимирской губерниях был возможен вариант с продажей собранного провианта на месте и покупкой нового во Владимирской губернии), в населенные пункты Владимирской губернии: Гороховец, Ковров и Вязники был командирован офицер ополчения, сотенный начальник Копеичкин [18, д. 10, л. 149].

По итогам сложных переговоров с возможными подрядчиками-перевозчиками, были найдены «купцы Гаврила Пачкунов и Иван Каменев, которые, при всех увещаниях сего комитета (комитета пожертвований – ***Авт.***)», не соглашались на сумму перевозки меньшую, чем по 3 руб. за куль (весом 7 пудов 30 фунтов) [18, д. 10, л. 104]. В итоге требуемая ими сумма составляла более 7 000 руб. «Последняя же цена» была найдена «самая высокая и неумеренная… и ни с чем не сообразна … на заключение с ними контракта комитет приступить сам собой (т.е., самостоятельно, по своей инициативе, ввиду большой суммы – ***Авт.***) не может. Других же мер к сей поставке комитету не представляется…» [18, д. 10, л. 104], кроме того, как используя конъюнктуру цен, купить провиант в Гороховце [18, д. 10, л. 105]. Тем не менее, выход был найден: по итогам совещания Грузинского с судопромышленниками, хотя последние и не согласились доставить груз непосредственно до Гороховца, но Грузинский «…согласил их взять на поставку провианта отсюда до Лисенского Перевоза, отстоящего от Гороховца в 20-ти верстах на 2 230 кулей 9-ти пудового весу с заплатою по 1 рублю за каждой … куль, а по затруднению их судохозяев в найм рабочих, я согласился дать им из числа воинов по 4 человека на 100 кулей с заплатою им по 12 рублей 50 копеек на каждого на расстоянии 150 верст…» [18, д. 10, л. 123].

Но еще до выступления в поход изменились условия квартирования некоторых ополченских полков. Князю Лобанову-Ростовскому было предписано формировать вверенные ему полки резервной армии в Арзамасе, где уже находились конный и 3-й пехотный полки нижегородского ополчения. Чтобы не возникло «сверхконцентрации» вооруженных сил на ограниченной территории, а также «отягощения» обывателей постоями войск, Г.А. Грузинский предписал конному и 3-му полкам «выступить оттоль и

следовать прямейшим трактом… конному полку в села Таможниково, Берсеменово и Мухоедово, 3-му полку в село Пальцы с деревнями…» [18, д. 10, л. 106] и распорядился также перевезти туда провиант и фураж [18, д. 10, л. 106].

Провиантский чиновник Блаватский (ответственный за перевозку груза) докладывал Грузинскому о возможных затруднениях в перемещении продовольствия и фуража к пунктам новой дислокации войск: «…оставшийся за расходом в городе Арзамасе провиант и фураж, коего перевозка на обывательских подводах … может быть безо всякой истраты. Перевозка же сена, коего там находится 6809 ½ пудов, если оное в каждом селении будет перекладываться с телеги на другую, каковых перемен от города Арзамаса до сельца Таможникова (место новой дислокации конного и 3-го полков) должно быть четыре, то может воспоследовать этому большая растеря…» [18, д. 45, л. 8]. Большой «растери», однако, не произошло, случилось другое – 30 октября 1812 г. в селе Таможникове во время пожара, случившегося непосредственно в населенном пункте, «по загоранию крайнего двора, как в то время был сильный ветер, а оно (сено – ***Авт.***) находилось в подветренной стороне…» [18, д. 23, л. 1], сгорела значительная часть «принятого от разных отдатчиков сена в 1556 пудов» [18, д. 23, л. 2]. Происшествие было чрезвычайным и вызвало серьезное расследование с привлечением многих должностных лиц из ополчения, земской и «градской» полиции, допросами многочисленных свидетелей и возможных виновных и сообщениями высшим должностным лицам губернии и ополчения [18, д. 23, л. 7]. Криминальная подоплека произошедших событий была вовсе не исключена; позднее это косвенно подтвердилось подозрительными «упущениями» Блаватского по службе, но в данном случае версия преступного умысла не была подтверждена.

Далее по фрагментарным данным известно, что провиантские чиновники некоторое время обеспечивали подвоз необходимых припасов по ходу марша ополчения. В марте 1813 г. нижегородское ополчение было переведено с «частного» на казенное содержание [19, д. 4, л. 420], а многие продовольственные комиссары были либо уволены со службы, либо переведены в армию, или в служащие казенных провиантских депо.

Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [20, с. 126; 21, с. 119; 22, с. 121; 23, с. 128; 24, с. 116; 25, с. 129].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г./ (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 1-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – март 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 7-2. – С. 19–22.

5. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 2-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 5. – С. 29–32.

6. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 4-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 8-2. – С. 8–11.

7. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

8. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 58–62.

9. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

10. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

11. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

12. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

13. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. –2017. – № 12. – С. 58–61.

14. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас: 2019. – С. 39–43.

15. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

16. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.
17. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6-3. – С. 95–99.
18. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 1.
19. ЦАНО. Ф. 1822. Оп. 2.
20. Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.
21. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.
22. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.
23. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.
24. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.
25. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источни-коведения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

ВОПРОС О СБОРЕ НЕДОИМОК В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛКОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1814 Г.

Дмитрий Андреевич Николаев
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей продовольственного и фуражного обеспечения полков нижегородского ополчения в эпоху 1812 г.: изучению процесса сбора недоимок, выявившихся в процессе сбора и обеспечения ополчения. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфические черты и особенности обеспечения полков на этапе формирования и в походе, а также охарактеризован процесс выявления и взимания недоимок в государственную казну.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение; Отечественная война 1812 г.; военные и гражданские чины; мобилизация; продовольственное и фуражное обеспечение; провиантские чиновники.*

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12 928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных [4, с. 19; 5, с. 29; 6, с. 8] и одного конного полков [7, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по

своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [8, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [9, с. 121]. Правила набора офицеров [10, с. 136; 11, с. 75; 12, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [13, с. 58; 14, с. 39]. Согласно им, ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [15, с. 360; 16, с. 95; 17, с. 95]. Нижегородское ополчение было собрано, вооружено и экипировано в установленные сроки и совершило долгий заграничный поход (в составе корпуса П.А. Толстого) [18, с. 27; 19, с. 121; 20, с. 217], внеся свой вклад в дело освобождения Европы от наполеоновского владычества.

При изучении темы сбора и действий нижегородского ополчения в эпоху 1812 г., важное значение имеют различные аспекты его материально-финансового обеспечения, и, в частности, вопрос о сборе недоимок, образовавшихся, в силу различных причин, в процессе организации воинских формирований. Основные действия по сбору недоимок происходили уже после завершения «активной фазы» боевых действий ополченских подразделений в заграничном походе.

В мае 1814 г., согласно данным казначея комитета пожертвований нижегородского ополчения Салманова, по результатам поверки приходных и расходных книг провиантских чиновников (которые регулярно присылались в комитет), оказалось, что «против назначенного к сбору числа воинов и поступления к провиантским чиновникам провианта должно быть в недоборе: муки 259 четвертей, 2 четверика, крупы 24 четверти, 2 четверика, 4 ½ гарнца» [21, д. 219, л. 3]. «Не значилось в приеме» провианта на следующее количество ополченцев (по уездам): Нижегородскому – на 23 чел., Горбатовскому – на 19, Ардатовскому – на 114, Арзамасскому – на 130, Княгининскому – на 31, Лукояновскому – на 26, Васильскому – на 5, Сергачскому – на 58, Макарьевскому – на 23, Балахнинскому – на 4 и Семеновскому – на 2. Всего «недоимочного провианта» значилось на 435 человек [21, д. 219, л. 3].

Недобор провианта происходил, как правило, не от корысти помещиков, искавших себе личной выгоды и саботировавших необходимые поставки (поскольку за это можно было получить штраф на гораздо большую сумму либо поплатиться дворянским «патентом»), а от не всегда верных, либо корректировавшихся расчетов по «раскладкам» в ходе сбора ополчения: «По числу сему превосходит тот следуемый в прием из недобора про-

виант, сие от того происходит, что к провиантским чиновникам поступало от некоторых помещиков излишне и принято чиновниками с таких отдатчиков, коих в раскладочных списках было не назначено, а к тому еще одним из них, господином Блаватским, принято от полкового начальника на 13 воинов неизвестно чьих помещиков (подобное происходило, как правило, если у помещика были владения в нескольких уездах или губерниях – ***Авт.***), от чего сделалось и несходствие в полагаемом недоборе, которые разрешатся посредством взыскания» [21, д. 219, л. 3]. Следует отметить, что излишки, поступившие по неправильным расчетам, как правило, «отдатчикам» не возвращали, а обращали в «добровольные пожертвования»; «раскладочные» же списки также корректировались в ходе набора ополчения.

Также по отчетам провиантских чиновников «на строевых конного полку лошадей остается в недоборе фуража на 125 лошадей, полагая на каждую в три месяца овса по 4 четверти, 1 четверику и 8 гарнцов, сена по 45 пуд» [21, д. 219, л. 4]. В общей сумме, на всех принятых в ополчение лошадей фуражных недоимок приходилось: овса 527 четвертей, 2 четверика, 6 гарнцев; сена: 5625 пудов, и, в соответствии с расчетами, следовало «добрать» с уездов: Нижегородского – на 28 лошадей, Ардатовского – на 13, Арзамасского – на 12, Княгининского – на 5, Лукояновского – на 23, Васильского – на 1, Сергачского – на 9, Макарьевского – на 3, Балахнинского – на 4 и Семеновского – на 27 [21, д. 219, л. 4]. Особо указывалось, что «на каких же помещиках вся означенная недоимка считаться долженствует, до того дойти здесь нет возможности (т.е. именно сейчас нет такой возможности, но будет выяснено позднее – ***Авт.***), ибо раскладка общего Собрания предводителей сделана была только по числу душ в каждом уезде за помещиками находящихся, а разделение определенного числа лошадей в уездах по участкам и точное назначение имений к отправлению сей повинности зависело от каждого Предводителя (уездного предводителя дворянства – ***Авт.***) по местному положению» [21, д. 219, л. 3]. Несколько позднее, по составленной ведомости, «каких уездов помещики поставили фураж, против сего сделаются уже известны неплательщики на фураж, подъемных лошадей и на смазку телег совсем не поступило в приход ни к которому провиантскому чиновнику по раскладке Предводителей» [21, д. 219, л. 4], а именно: «Ардатовского уезда на 15 пар («подъемные», или тягловые лошади, предназначенные для перевозки грузов, указывались, порой, не в количестве голов, а в количестве пар, т.е. условной «тягловой единицы» для повозки – ***Авт.***), Арзамасского на 15, Лукояновского на 13 пар, да осталось в недоимке на одну пару Макарьевского уезда, на коих, на коих по положению следовало принять на двухмесячное продовольствие по 96 рублей на каждую пару» [21, д. 219, л. 4].

По распоряжению комитета пожертвований, натуральный провиантский и фуражный недоимочный сбор должен был быть «монетизирован», а «поелику сбор воинов … с помещичьих имений производим был господами Дворянским Предводителями» [21, д. 219, л. 4], то к каждому из них от комитета доставлялись ведомости, где должны были быть (предводителями дворянства) указаны конкретные лица с требованием, «чтоб благоволили чрез нижние земские суды взыскать без всякого послабления, как наискорее, вместо полагаемого трехмесячного провианта … деньгами против тех цен (т.е., в соответствии с теми ценами – ***Авт.***), какие в сентябре месяце прошлого 1812 года на торгах в уездах их существовали и Губернскому Начальству были показаны…» [21, д. 219, л. 5].

По сводной «именной» губернской ведомости «о недоимке провианта» (несколько позднее аналогичная ведомость было составлена и «о недоимке фуража»), составленной по отчетам провиантских чиновников ополчения, можно установить всех недоимщиков-помещиков по уездам, с которых позднее взимали деньги за «недобранный» провиант. В Нижегородском уезде таковых оказалось 14 чел.; в Горбатовском – 6; в Арзамасском – 31; в Ардатовском – 18; в Лукояновском – 14; в Макарьевском – 9; в Балахнинском – 2; в Сергачском – 16; в Княгининском – 10; в Васильском – 4; в Семеновском – 2 [21, д. 219, л. 18].

Сообщения о постепенной выплате недоимок подтверждались сопроводительными документами: квитанциями, письмами (с подтверждением платежа от недоимщиков) в комитет пожертвований от уездных предводителей, извещения от нижних земских судов. Для наиболее «весомой» конечной отчетности были выписаны даже номера государственных ассигнаций, шедших в счет оплаты [21, д. 219, л. 87]. В конечном итоге, следует отметить, что действия как органов государственной власти на местах, так и назначенных чиновников по организации сбора недоимок, были достаточно эффективны и привели к пополнению казны ранее не взнесенными средствами.

Источниковый комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [22, с. 126; 23, с. 119; 24, с. 121; 25, с. 128; 26, с. 116; 27, с. 129].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. –2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г./ (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 1-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – март 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 7-2. – С. 19–22.

5. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 2-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 5. – С. 29–32.

6. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 4-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 8-2. – С. 8–11.

7. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

8. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 58–62.

9. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / Сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

10. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства. Материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

11. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

12. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

13. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

14. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / Под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас, 2019. – С. 39–43.

15. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

16. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

17. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6-3. – С. 95–99.

18. Николаев Д.А. «…Упражняются … в пьянстве и буйстве…»: формирование и девиантные особенности походного марша 3-го полка нижегородского ополчения (сентябрь 1812 – июнь 1813 гг.) // История: факты и символы. – 2019. – № 4 (21). – С. 27–36.

19. Дорофеев Ф.А., Николаев Д.А. Особенности формирования офицерского корпуса в нижегородском ополчении 1812 г. // Вопросы истории. – 2020. – № 1. – С. 121–128.

20. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Логистические особенности обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. на начальном этапе его формирования (сентябрь – октябрь 1812 г.) // Вопросы истории. – 2020. – № 2. – С. 217–224.

21. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1822. Оп. 1.

22. Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

23. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.

24. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

25. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

26. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.

27. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источни-коведения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ СЕЛЬСКИХ КУСТАРЕЙ-ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Илья Вячеславович Чиркунов

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: iliya_chirkunov@mail.ru

Кустарные промыслы являются важным элементом истории не только нашего города, области, но и всей дореволюционной России. Благодаря появлению и дальнейшему развитию неземледельческих форм хозяйствования толчок в развитии получило мелкотоварное производство. С течением времени появлялись целые регионы, которые характеризовались продукцией, выпускаемой мелкотоварными производителями. В дальнейшем развивавшийся и разраставшийся сектор обратил на себя внимания со стороны государства, так как начал представлять собой важный элемент экономической модели России.

Ключевые слова: *государство; экономика; кустарное производство; мелкотоварный производитель; экономическая модель.*

Неземледельческие формы хозяйствования получили мощный толчок к развитию во второй половине XIX столетия. Он был вызван отменой кре-

постного права, высвобождением большого числа свободных рабочих рук, а также факторами естественно-географического и исторического характера. К последним можно отнести качество почвы, пригодной для землепашества, наличие сырьевой базы, укоренившиеся виды неземледельческих занятий крестьян в свободное от возделывания земли время.

В большом количестве исследований как постсоветского, так и советского и, в особенности, дореволюционного периода названы губернии, в которых кустарное производство и промыслы играли особую роль не только в жизни простого (в большей степени – крестьянского) населения, но и в экономической системе отдельно взятых регионов. Все это способствовало дальнейшему укоренению, развитию и совершенствованию указанной формы домашнего производства.

Однако, говоря об укоренении сложных форм неземледельческих занятий населения в структуре общей экономической модели государства, необходимо учитывать «базис», на котором и была выстроена «надстройка» тех самых форм хозяйствования, о которых идет речь.

Таким образом, цель данной статьи заключается в том, чтобы кратко описать тот самый «базис», который был представлен на первых порах формой домашнего производства, с последующим выпуском продукции определенного рода и использованием простых орудий труда.

В основу нашего исследования положен неземледельческий корпус производственных заведений Нижегородской губернии. Ее еще дореволюционные исследователи относили к развитому промышленному региону, ставя в один ряд с Московской, Владимирской, Калужской, Костромской, Тверской и Ярославской губерниями [1, с. 15].

Для развития кустарной системы должен был быть соблюден ряд простых, но определенных условий. Одно из них было выполнено в начале 1860-х гг. Отмена крепостного права номинально являлась одной из первопричин бурного роста указанного производственного сектора. Однако наличие большого количества свободных рук не имело решающего влияния на обозначенный нами ранее «базис».

Следующим условием являлись причины социального характера, связанные с недостатком финансовых средств у крестьянского населения. Занятие кустарным производством с небольшой вероятностью помогало решить эту проблему.

К числу решающих условий можно отнести условия естественно-географического характера. При этом мы не берем за основу качество почвы и ее общую пригодность для возделывания (некоторые регионы с пригодной для возделывания землей к концу века фигурировали как развитые центры производства, в отличие от регионов с малоземельем и непригодной почвой). К условиям естественно-географического характера необхо-

димо отнести наличие достаточной сырьевой базы, необходимой для производства и беспрепятственный доступ к ней для мелких производителей.

Выше уже говорилось о том, что Нижегородская губерния относилась к числу развитых промыслово-промышленных регионов. В данной статье мы будем рассматривать лишь промысловый сектор, сформировавшийся благодаря деятельности сельского населения. Известно, что в 60-х гг. XIX века общая численность участников формировавшегося тогда кустарно-промыслового сектора составляла 136 тыс. человек [2, с. 70]. Получается, что вначале активным участником строившейся «структурной кустарной единицы», если мы говорим о ней как о будущем важном элементе экономической системы России, являлся всего 1% сельского населения местности. С точки зрения общей государственной экономической модели это, несомненно, скромный показатель. Однако в дальнейшем кустарный сектор Нижегородской губернии развивался быстрыми темпами.

Отдельные виды неземледельческих форм хозяйствования можно объединить в группы, взяв за основу вид обрабатываемого сырья. При такой градации выделим группы кустарных заведений по обработке волокна, дерева, кожи, металлов, минералов, смешанных материалов. Отметим, что эти группы не являлись равнозначными, числовые показатели с течением времени менялись. Эти изменения зависели от ряда факторов, как внутреннего, так и внешнего характера. К первым можно отнести, например, истощение необходимой для производства сырьевой базы. Ко вторым – сокращение ряда кустарных производств внутри одной группы из-за отсутствия ликвидности, вызванной ростом конкуренции со стороны производителей, например, других уездов.

При этом оговоримся, что будем рассматривать лишь те виды производств в обозначенных группах, которые получили наибольшее распространение в рамках исследуемого нами региона, так как именно такими неземледельческими формами хозяйствования, в большинстве случаев, определялся вектор дальнейшего развития региона. Не стоит забывать и о решающем влиянии факторов естественно-географического характера, о которых мы говорили ранее.

Начнем характеристику «базы» для более совершенных форм производства с группы кустарных производств, занятых обработкой волокнистых веществ. Во второй половине XIX века в масштабах Нижегородской губернии можно выделить несколько уездов, где этот вид занятий играл важную роль в жизни сельского крестьянского населения. К их числу относились Арзамасский, Балахнинский, Горбатовский и Семеновский уезды [3, с. 57]. Всего на указанные уезды приходилось приблизительно 7 тыс. мелких производителей, занятых валяльным производством. Имеющиеся данные позволяют говорить о том, что уже тогда начал свое формирование

один из центров по обработке волокнистых материалов – Арзамасский уезд. Из обозначенных выше 7 тыс. сельских производителей 5 тыс. проживали и занимались производством в населенных пунктах Арзамасского уезда. Для сравнения: в Семеновском уезде насчитывалась 1 тыс. мастеров [2, с. 71]. Здесь в середине XIX века повсеместное распространение получил шляпный промысел, однако просуществовал он очень недолго. Уже к 70-м гг. XIX века шляпное кустарное производство переживало упадок [2, с. 213].

Интерес для рассмотрения представляют вязальный и кружевной промыслы. Вязальный промысел объединял чуть более 2 тыс. кустарей в Арзамасском, Семеновском, Сергачском и Нижегородском уездах. В отличие от него, кружевной промысел сосредотачивался преимущественно в Балахнинском уезде. В г. Балахна им было занято женское население. Производимое здесь кружево использовалось в виде отдельных элементов при производстве одежды и поясов. Кружева были качественными и пользовались спросом; ими интересовались скупщики, перепродававшие этот товар в крупных городах России. Иногда производимый в Балахнинском уезде товар продавался и за границу [4, с. 154].

Широкое распространение в Нижегородской губернии получили также занятия, связанные с обработкой дерева. Это было связано с наличием больших лесных массивов и беспрепятственному доступу кустарей-крестьян в помещичьи леса. Правда, с течением времени мелкие кустари данной группы переставали вести производство. На это были свои причины: постепенное сокращение лесных площадей, закрытие беспрепятственного доступа к помещичьим усадьбам и взимание платежей за аренду лесного участка, на котором велась заготовка необходимого сырья. Такие платежи могли себе позволить не все, поэтому все чаще встречалась временная кооперация кустарей с целью снижения финансовых затрат на аренду.

К группе промыслов по обработке дерева в Нижегородской губернии относились бондарный, лапотный, столярно-мебельный, щепной, экипажный промыслы. С нашей точки зрения, особое внимание следует уделить Балахнинскому и Семеновскому уездам, где почти 9 тыс. человек были заняты производством ложек из дерева. Наиболее крупным производителем являлись населенные пункты Семеновского уезда. По подсчетам исследователей, уже к 90-м гг. XIX века здесь выпускалось в год около 8 млн. ложек. Большая часть производимого кустарями товара реализовывалась через центральные ярмарки. По некоторым сведениям, производимые из дерева ложки закупались персидскими купцами [5, с. 102–103].

Нельзя обойти вниманием и рогожный промысел. Общая численность сельских товаропроизводителей, занятых им, достигала 21 300 человек [2,

с. 159]. Основным товаром, выпускаемым кустарями, являлись мочало и луб.

Отдельного упоминания заслуживает и судостроительный промысел в Балахнинском уезде. Здесь из дерева изготавливалось значительное количество небольших рыболовных судов. Судостроение приносило неплохую прибыль кустарям, о чем свидетельствовал достаточно высокий уровень их жизни [6, с. 780].

Крупными центрами производств, связанных с обработкой животных материалов, являлись населенные пункты Арзамасского уезда – Выездная Слобода и Пушкарка. Кроме Арзамасского, выделим и Балахнинский уезд, где в селе Катунки было налажено кустарное производство опойковой кожи из шкуры телят [2, с. 157]. В год здесь обрабатывали до полумиллиона шкур. Около полусотни кустарных заведений по обработке и выделке кожи во второй половине XIX века находилось в селе Тубанаевка Васильского уезда [7, с. 652]. В меньшем количестве в середине XIX века кустарные заведения обозначенной нами группы мелкотоварных производств находились в Горбатовском и Княгининском уездах.

Заведения, занятые обработкой металла, представляют для нас наибольший интерес. Это связано с тем, что Нижегородская губерния включала в себя несколько регионов, которые без преувеличения можно назвать районами общероссийского значения [2, с. 70]. В первую очередь, отметим Павловский сталеслесарный район, включавший в себя примерно 4 тыс. кустарей-товаропроизводителей [9, с. 54]. Уже к 80-м гг. XIX века в Горбатовском уезде насчитывалось приблизительно 15 тыс. кустарей, занятых металлообработкой. Наибольшее количество производителей продолжала сосредотачиваться в селе Павлово Горбатовского уезда. О признании указанного населенного пункта одним из главных центров обработки металла говорит и тот факт, что Павлово сравнивают с развитым промышленным регионом Англии – Шеффилдом [10, с. 37]. Выпускаемый здесь товар реализовывался не только через местную систему ярмарок. Некоторая его часть шла на продажу за границу. Есть информация о том, что производимые павловскими кустарями вещи находили спрос в Турции [11, с. 382].

Село Павлово было не единственным местом, сосредоточившим производство вещей из металла. В Семеновском уезде (например, в селе Сухобезводном) также находился кустарный сектор, связанный с металлообработкой. Основным занятием здесь во второй половине XIX века являлось изготовление гвоздей. Однако известно, что уже к концу XIX – началу XX века кустарное производство гвоздей пришло в упадок. Налаживание фабричного производства гвоздей сильно ударило по кустарному производ-

ству; гвозди, производимые кустарями, проигрывали конкуренцию как по цене, так и по качеству.

Безусловно, разные виды форм хозяйствования, связанные с обработкой металлов, существовали и в других уездах. Большинство из них послужили прочным основанием для формирования в дальнейшем более сложных форм производства. Однако они не могли конкурировать с указанными нами выше районами, так как производимая продукция уступала в качестве (использовалась руда низкого качества), а весь производимый товар был рассчитан лишь на удовлетворение внутреннего спроса.

Наконец, выделим группу кустарных производств, связанных с обработкой минералов. При этом отметим, что в Нижегородской губернии исследуемого периода не было крупных кустарных заведений указанной группы. Мелкие же были представлены угольным промыслом и производством посуды из глины [12, с. 102].

Таким образом, изложенный выше материал дает возможность увидеть, что уже с середины XIX века в рамках Нижегородской губернии формировалась «база», состоявшая из разных кустарных производств, относившихся к определенным группам. Во второй половине XIX века происходили процессы развития неземледельческих форм хозяйствования, которые меняли вектор экономического развития целых уездов. Уже к концу XIX века кустарные секторы были сформированы и оказывали косвенное влияние не только на экономику региона, но и на экономическую модель государства в целом. На основе сформированной в исследуемый период «базы» в начале XX века получит развитие более совершенный сектор, повлекший за собой важные социально-экономические изменения в России.

Источники и литература

1. Андреев Е.Н. Кустарная промышленность в России. – СПб., 1882.

2. Водарский Я.Е. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. – М., 2004.

3. Рыбников А.А. Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные хозяйства до войны. – М., 1923.

4. Крестьянинова Л.Ф. Балахнинские кружевницы // Народные мастера. Традиции. Школы. Вып. I. – М., 1985. – С. 154–155.

5. Филиппов Н.А. Кустарная промышленность России. Промыслы по обработке дерева. – СПб., 1913.

6. Карпов А.В. Судостроение в Чернорецкой волости Балахнинского уезда // Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. 7. – СПб., 1881. – С. 778–795.

7. Ягодинский И.П. Кожевенный промысел с. Тубанаевки и смежных с ним сел и деревень Васильского уезда // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып. VI. – СПб., 1880. – С. 650–654.

8. Рыбников А.А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. – М., 1922.

9. Савельев М. Металлические промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1916.

10. Боборыкин П.Д. Русский Шеффильд (Очерк села Павлова) // Отечественные записки. Т. 203. – СПб., 1877.
11. Шумилкин С.М. Торговый центр города Павлова. Вторая половина XIX – начало XX века // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы 2-й региональной научной конференции. – Н. Новгород, 1991. – С. 382–385.
12. Денисюк Н.Ф. Кустарная Россия. – Пг., 1916.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ В СОСТАВЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Лариса Юрьевна Варенцова[1], Сергей Юрьевич Варенцов[2]
[1] Нижегородская академия МВД России, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: l_varentsova.65@mail.ru
[2] кандидат исторических наук, г. Нижний Новгород
E-mail: varentsov79@inbox.ru

Данная статья посвящена реализации одной из последних буржуазных реформ императора Александра II – тюремной реформе 1879–1917 гг. На примере функционирования Нижегородской земледельческой исправительной колонии рассматриваются процессы реформирования пенитенциарных учреждений в Нижегородской губернии. В статье показано особое место Нижегородской земледельческой исправительной колонии в системе детских тюремных учреждений России. Цель настоящего исследования – показать Нижегородскую земледельческую исправительную колонию в составе пенитенциарных учреждений Российской империи последней четверти XIX – начала XX вв. Источниковой базой для написания данной статьи послужила неопубликованная делопроизводственная документация из фонда 394 Центрального архива Нижегородской области «Комитет общества Нижегородской земледельческой исправительной колонии для малолетних преступников, г. Нижний Новгород». Нами использовались опубликованные исторические источники: делопроизводственные акты конца XIX – начала XX века – отчеты Главного тюремного управления, отчеты указанного пенитенциарного учреждения за разные годы, справочные материалы. Значительная часть отчетов взята из журнала Главного тюремного управления – «Тюремный вестник».

Ключевые слова: *пенитенциарные учреждения; Нижегородская земледельческая исправительная колония; приюты для детей; тюремная реформа 1879–1917 гг.*

В 1879–1917 гг. в Российской империи проводилась реформа тюремных учреждений. Одним из направлений реформирования тюремных учреждений являлось открытие детских пенитенциарных учреждений. Как правило, юные преступники находились в тех же местах лишения свободы, что и взрослые люди. С юности они попадали в преступную среду, из тюрем возвращались нравственно испорченными, нередко впоследствии становились рецидивистами. Вопрос об улучшении быта малолетних преступников был настоятельным и животрепещущим, его разрешение нельзя

было надолго оттягивать [1, с. 319]. Открытие специальных заведений для подростков являлось серьезной и актуальной государственной проблемой.

К концу XIX века в России было 32 исправительных заведения для малолетних преступников [2, с. 57]. Согласно «Отчету Главного Тюремного управления за 1882 г.», выделялось два основных типа детских тюремных учреждений: земледельческие колонии и приюты для детей [3, с. 168]. Все они располагались в крупных политических и экономических центрах государства, отличались небольшой вместимостью арестантов, были рассчитаны, в основном, для мальчиков. Характерной особенностью пореформенного периода являлась нехватка мест в детских пенитенциарных учреждениях.

Земледельческие колонии, как правило, вмещали от 25 до 118 чел. [3, с. 168]. Они функционировали в Санкт-Петербурге, Варшаве, Киеве, Симбирске, Нижнем Новгороде. Крупнейшими земледельческими исправительными колониями считались Варшавская (118 чел.), учрежденная в 1876 г. профессором Варшавского университета В.М. Микляшевским, и Санкт-Петербургская (97 чел.). Симбирская, Нижегородская, Киевская земледельческие колонии в 1882 г. насчитывали от 25 до 51 воспитанника [3, с. 168].

Приюты создавались как правительственные, так и неправительственные, их объединяла идея о том, что все они существовали для исправления несовершеннолетних преступников. В них содержались лица, отданные по судебным приговорам, нищие и бездомные подростки, выходцы из неблагополучных семей. Воспитанники приютов получали элементарное образование, занимались ремеслами или земледелием.

В 1864 г. российским общественным деятелем и благотворителем Н.В. Рукавишниковым (1845–1875) был открыт Московский детский приют, получивший в честь своего учредителя и директора название «Рукавишниковский» [2, с. 57]. Он был расположен в большом каменном доме, имел несколько мастерских, собственный оркестр, рассчитывался на пребывание 110 чел. Среди провинциальных заведений следует отметить Казанский и Ярославский приюты, созданные в 1875 и 1878 гг. для 30–40 воспитанников [2, с. 57]. В 1882 г. в Московском Рукавишниковском приюте содержалось 63 воспитанника, в Казанском – 30, в Ярославском – 20, в Харьковском – 5 арестантов. Особо выделялся Болшовский приют, где находились нищенствовавшие девочки. В 1882 г. в Болшовском приюте была 41 воспитанница [3, с. 168].

Одним из существенных моментов в реализации тюремной реформы в Нижегородской губернии стало открытие 26 ноября 1878 г. в Балахнинском уезде исправительной колонии, с одновременным пребыванием 30–40 чел. [2, с. 57]. Она располагалась в 18 верстах от губернского центра, в

7 верстах от нее были станция «Орловка» Московско-Нижегородской железной дороги и село Гнилицы. Исправительной (воспитательной) колонией называется исправительное учреждение, предназначенное для отбывания наказания – лишения свободы – несовершеннолетними лицами [4, с. 404].

Колонию основали члены-учредители, впоследствии – «Общество Нижегородской исправительной колонии». Помогло и Министерство государственных имуществ, даровавшее 20 декабря 1876 г. с императорского соизволения 175 десятин лесных угодий и 50 десятин пахотной земли, без права отчуждения [5, д. 4, л. 16].

Построили помещение для воспитанников, училище, столярную и сапожную мастерские, столовую, баню, квартиры директора, учителя, священника, церковь. Появилось новое каменное здание общежития к 1899 г. Заметим, что кирпич для нового здания изготовлялся на собственном кирпичном заводе колонии [6, с. 176].

Министерство внутренних дел в 1877 г. утвердило устав заведения, где отмечалось: «Нижегородская исправительная колония имеет целью из несовершеннолетних преступников и бесприютных детей образовать религиозно-нравственных и трудолюбивых людей и сообщить им такие знания, которые дали бы им возможность существовать впоследствии своим трудом» [5, д. 8 а, л. 19].

Колония получила статус земледельческой, по роду своей деятельности. Цель заведения – воспитывать при помощи земледелия и ремесел мальчиков от 10 до 18 лет, помещавшихся по приговорам судебных учреждений на срок не более трех лет. Здесь создавались все необходимые условия для настоящей сельской жизни. Из общего количества земли было разработано под пашню до 40 десятин, для луговодства отводилось 12 , а для лесного хозяйства (для выращивания деревьев хвойных пород) – до 45 десятин [7, с. 541]. Весной 1897 г. было посажено 150 яблонь, подаренных колонии городским управляющим с Всероссийской промышленно-художественной выставки, велись посадки вяза, липы. Заведен древесный питомник, разбит цветник.

Воспитанники под наблюдением опытных лиц принимали участие в обработке земли, заготовке сена, возделывании огорода. Они трудились в свинарнике, птичнике, на скотном дворе, в овине, молотильном сарае, на пчельнике. Ловили рыбу в специально обустроенном искусственном пруду. Изучали столярное и сапожное ремесло. Особое внимание уделялось чистоте, точности исполнения. Многие воспитанники затем поступали в мастерские Нижнего Новгорода.

В штат заведения входили директор колонии, учителя-воспитатели, дядьки-надзиратели. Директору колонии назначался годовой оклад в 900

руб., при готовой квартире, отоплении, освещении, при пользовании всеми продуктами, вырабатываемыми в колонии. Годовое жалование директора колонии превышало доходы смотрителей губернских тюрем, Нижегородского «централа».

Учителя, мастера столярного и сапожного дела пользовались аналогичными льготами, но жалованье имели 300 руб. в год. Нижегородскую колонию отличало от других подобных учреждений в России то, что на одного сотрудника колонии приходилось не более девяти воспитанников. Кроме того, здесь существовали должности, как воспитателей, так и надзирателей [8, с. 93].

Еженедельно воспитанников посещал доктор. Большую помощь в воспитании юношей оказывал священник колонии К.Е. Цветков, имевший 45-летний опыт пастырской службы в различных приходах, награжденный орденом Св. Анны 3-й степени и бриллиантовым наперсным крестом. Он вел богослужение в храме, преподавал Закон Божий, присутствовал на ежедневных утренних и вечерних молитвах.

В колонии применялась семейная система воспитания. Воспитанники разделялись сообразно возрасту и индивидуальным способностям на две «семьи», в каждой из которых приблизительно по 15 чел. Каждой семьей заведовал «дядька», у которого квартира также располагалась при «семье». Это был ближайший воспитатель подростков, руководитель работ, назначенных по распоряжению директора. Дисциплина поддерживалась личными распоряжениями директора, учителя-воспитателя, была аналогичной порядку в учебных заведениях Министерства народного просвещения. Процесс обучения осуществлялся, как и в начальных училищах, но дополнялся изучением истории, географии.

В летнее время воспитанники вставали в 5 часов утра, в помещении одной из «семей» совершалась общая молитва, по окончании которой объявлялись распоряжения директора, а «дядьки» распределяли воспитанников на работы. Начинался трудовой день, который прерывался на завтрак, обед, чаепитие, ужин, отдых. На вечерней молитве присутствовал и директор, подводил итоги работы, давал напутствия. Зимой воспитанники посещали школьные занятия и ежедневно трудились по 7 часов. Праздники начинались с литургии, все работы отменялись. Можно было посещать библиотеку, играть на гармонике, петь народные песни, прогуливаться в лесу. В школе проводилось собрание, во время которого дети пели, слушали беседы с использованием световых картинок. На святках устраивались елки и литературные вечера с участием многочисленных гостей. Существовал замечательный обычай «напутствовать каждого питомца при поступлении его в заведение и при выходе совершением молебствия в присутствии директора, учителей и всех воспитанников» [9, с. 53].

Ребят возили на экскурсии в Нижний Новгород, в том числе на ярмарку, в новый городской театр. Подросткам разрешалось иметь книги, игры, письменные принадлежности, одежду, инструмент. Допускалось приручение животных. Разрешалось брать в личное пользование небольшие участки земли для посадки деревьев, разведения овощей и цветов.

До поступления в заведение многие арестанты провели детство в самых неблагоприятных условиях. Встречались умственно и физически недоразвитые подростки, слабовольные, с порочными наклонностями. Находясь в колонии, они продолжали совершать такие поступки, как побеги, кражи, драки. Самый трудный период в жизни колонии – 1895–1896 гг. «В первую половину года малолетние до четырех раз поджигали здание колонии; от одного из таких поджогов сгорел дом, где помещались школа и квартира директора; во время пожара некоторые из воспитанников, посланные спасать имущество, пользуясь суматохой, совершили у директора кражу денег», – сообщали очевидцы событий [10, с. 240].

Однако хорошее поведение давало возможность заслужить право на отпуск к родным, а в соединении с успехами по мастерству – условное освобождение. О воспитанниках, уволившихся из колонии, собирались сведения через местных священников, учителей и волостные правления [7, с. 542].

Администрации приходилось быть и воспитателями, и психологами. Они с любовью относились к подопечным. В отчете директора колонии П.В. Селиверстова за 1899 г. значится: «Поступил 1 мая Михаил Ч. 15 лет, неграмотный, из зажиточной и многолюдной семьи Лукояновского уезда, хорошо развитый физически, мечтательная, благородная натура» [9, с. 52].

Для трудолюбивых и усердных воспитанников предусматривались денежные награды, которые вручались при выходе из колонии. Наказания назначались директором в виде выговора, лишения чая или булки в праздники, горячей пищи в течение дня. Телесных наказаний не существовало.

Пищевая раскладка бывала одинаковой и летом, и зимой. Летом вместо говядины употреблялась солонина, заготовленная в зимнее время. В скоромные дни на каждого человека предусматривалось полфунта говядины, крупы (чаще всего пшено) или жареный картофель, четверть кружки молока, кусок сахара, масло, приправы. В пост же вместо мяса предполагалась лещовая икра и горох. По праздникам за утренним и вечерним чаем воспитанникам давали по фунту белого хлеба, а в постные праздничные дни – по половине фунта [5, д. 4, л. 19].

Юноши одевались в парусиновые коломенковые рубахи, порты, ремни, фартуки из парусины, куртки из армейского сукна на вате, русские сапоги, сделанные в собственной мастерской, портянки. Зимой выдавались куртки на вате, теплые штаны из армейского сукна, валенки.

Из постельных принадлежностей они пользовались матрасами, войлоками, обшитыми холстом, подушками, наволочками, белыми простынями, одеялами из армейского сукна. Воспитанники посещали баню со своими «дядьками» по субботам. Дежурный по «семье» следил за порядком во время утренних умываний. Поочередно велась уборка помещений, работа на кухне. Исполняющий поручения носил пояс с надписью на медной бляхе: «Послан по делу колонии».

Содержание одного человека заведению обходилось по 80 руб. в год. Ежегодно губернское земство выделяло для колонии по 2 000 руб., а Нижний Новгород – 500 руб. Бюджет пополнялся за счет членских взносов и доходов от ведения хозяйства.

Высшее управление заведением осуществлял комитет, состоявший из семи членов, при участии директора заведения. Комитет состоял под покровительством императора. Председателем «Общества Нижегородской исправительной колонии для малолетних преступников» в 1883 г. являлся А.А. Добров, а его помощником стал И.И. Пафомов. Для работы в данном комитете от земства был уполномочен А.В. Баженов. Членами общества избраны И.М. Рукавишников, П.К. Позерн, М.А. Венский [11, с. 103].

Представитель известнейшей купеческой династии предпринимателей-железоторговцев И.М. Рукавишников немало потрудился на благо разных социальных категорий Нижнего Новгорода. Его по праву считали одним из крупнейших общественных деятелей города. Во второй половине XIX века он являлся гласным городской Думы, почетным мировым судьей, действительным членом Нижегородского общества поощрения высшего образования, почетным блюстителем по хозяйственной части духовной семинарии, почетным старшиной детских приютов, действительным членом Нижегородского общества любителей художеств. Купцы И. и М. Рукавишниковы возглавляли Нижегородский комитет «Общества попечительного о тюрьмах» [12].

И.М. Рукавишников большое внимание уделял Нижегородской земледельческой исправительной колонии для малолетних преступников. Он входил в благотворительное общество колонии, был не только казначеем, но и почетным членом ее совета [13, с. 134].

В 1885 г. он выделил средства для постройки в колонии церкви, пригласил архитектора и совместно с ним выбрал план. Церковь получила название Княже-Михайловской, а сам благотворитель, по старому выражению, стал «храмосоздателем». Деревянный храм открылся в 1885 г. в честь благоверного князя Михаила Черниговского [14, с. 211]. В память чудесного спасения семейства императора Александра III 17 октября 1888 г. от грозившей опасности недалеко от станции Борки (под Харьковом) на Курско-Харьковско-Львовской железной дороге [15, с. 96–97],

И.М. Рукавишников пожертвовал колонии 500 руб. [5, д. 1, л. 5–5 об.]. Деньги должны были пойти на сооружение иконы с киотом. На ней был изображен святой равноапостольный князь Александр Невский. Семнадцатого октября 1890 г. в церкви освящали храмовую икону, выполненную известным нижегородским художником и фотографом А.О. Карелиным. В этот день всегда служился благодарственный молебен. Седьмого декабря 1893 г. в церкви состоялась панихида по скончавшейся почетной потомственной гражданке Л. Рукавишниковой [16, с. 170].

В 1888 г. И.М. Рукавишников пожертвовал на нужды колонии 1 000 руб. Предметом его особой заботы всегда оставалась церковь колонии, на благолепие которой в 1899 г. он выделил 1 300 рублей [9, с. 53].Он ввел добавочное жалованье священнику в сумме 300 руб. в 1904 г. Воспитанникам же колонии привезли от благотворителя 5 пудов гостинцев [5, д. 7 б, л. 11 об.]. На строительство нового общежития в 1898 г. он внес 2 000 руб. Его жена Е.Н. Рукавишникова после смерти супруга в 1906 г. также занялась благотворительностью, возглавив Петербургский дамский комитет попечительства о тюрьмах [17, с. 223].

Сбор пожертвований комитет колонии осуществлял для устройства елок, приобретение подарков к празднику Рождества Христова, на улучшение пасхального стола воспитанников [5, д. 17, л. 3–7]. Для привлечения средств в колонию нередко проводились благотворительные вечера, играл оркестр, устраивалась лотерея «аллегри». Лотерея в 1897 г. дала 2 000 руб., а в 1904 г. – 2 605 руб. прибыли. Такой праздник был устроен и 21 ноября 1906 г. Товары для его проведения предоставили предприниматели.

Из нижегородских магазинов Н.Г. Кокорева (Нижний Новгород, ул. Б. Покровка) привезли лампы, хрустальную и фарфоровую посуду, чайные серебряные приборы из магазина Ш. Гуревич, из универсального магазина М.Г. Зуль – куклы, резиновые трубки, со склада братьев Худикьянц – виноград, яблоки, лимоны, груши [5, д. 12, л. 9–16].

Не отказывали в просьбах комитету колонии и на уровне министерств. С целью улучшения быта колонистов, обновления общежития в 1897 г. Комитет обратился с ходатайством в Министерство финансов об уступке в пользу колонии здания международной гостиницы на территории бывшей XVI Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 г. Министерство изъявило согласие на уступку двух корпусов гостиницы «Африка» и «Европа», которые были проданы Комитетом за 1 250 руб. [7, с. 540].

Жена нижегородского купца А.И. Стрепетова и ее сестра В.И. Топоркова в 1898 г. пожертвовали колонии усадьбу с шестью десятинами земли и покупную сумму за проданные 54 десятины земли, всего более 7 000 руб. Умерший нижегородский купец М.Ф. Сухарев оставил

колонии по завещанию капитал в 3 000 руб. В том же 1898 г. супруга нижегородского вице-губернатора баронесса О.В. Фредерикс устроила публичную лекцию о В.Г. Белинском, которую провел профессор А.Н. Веселовский, а 600 руб. вырученных денег были отданы в Нижегородскую земледельческую колонию [6, с. 176]. Нижегородский купец Н.А. Бугров также не обходил вниманием юных преступников. Он отправил в колонию в 1904 г. 300 руб. и 600 аршин холста [5, д. 7 б, л. 11 об.]. Особо тяжелобольных колонистов везли в больницу купцов Бугровых, расположенную в 40 верстах от заведения.

Общество «Мазут», Н.Г. Кокорев помогали колонии керосином, семенами – «Торговый дом Э. Иммер и С-н». Пособия поступали от общественных и правительственных учреждений. В 1904 г. от Нижегородского губернского земства поступило 1 500 руб., от городской Думы и акционерного общества «Сормово» по 250 руб., от Балахнинского уездного земства – 300 руб. [5, д. 7 б, л. 11 об.]. Собирались пожертвования и частных лиц в церквях Нижегородской губернии в виде кружечных сборов.

Общество сочувствовало святому делу спасения несчастного детства и юношества, гибнувших на пути порока и преступления. Здесь проявлялось не только честолюбие, но и религиозное миропонимание, а отсюда и стремление благотворить, желание обрести благодать в жизни вечной через добродетели в жизни земной. Каждому из благотворителей хотелось верить, что рука дававшего не может оскудеть.

В Санкт-Петербурге в 1890 г. проводился IV Международный тюремный конгресс, организовывалась выставка изделий арестантского труда. Видное место на ней заняли работы малолетних преступников. Нижегородская колония демонстрировала изготовленные воспитанниками сапоги, туфли, фанерованные шкатулки, дубовые табуреты, рамки для чертежей и фотографий, чайные столы и школьные парты, образцы посуды, одежды [5, д. 4, л. 20 об.]. В 1903 г. Нижегородская исправительная земледельческая колония была отмечена похвальным листом за столярные работы, экспонировавшиеся на Всероссийской кустарно-промышленной выставке [18].

Представление о количественном и качественном составе юных арестантов дают следующие факты. В 1903 г. в Нижегородскую земледельческую колонию на основании судебных приговоров поступило 12 чел. Из них более 50% были осуждены во второй или в третий раз. По сословному происхождению 66% юных преступников являлись выходцами из крестьян, 25% – из мещан и цеховых, 9% – из личных почетных граждан. Каждый четвертый воспитанник был сиротой, каждый третий не умел читать и писать, при этом до поступления в колонию занимался нищенством или бродяжничеством [5, д. 7 б, л. 2–3].

Правильный и здоровый образ жизни, обучение и труд, общение с мудрыми и опытными наставниками давали определенные положительные результаты. Об этом свидетельствуют письма родителей колонистов. Крестьянка М.И. Смирнова в 1912 г. отмечала, что ее сын Николай за четырехлетний период пребывания в колонии «совсем изменился в нравственном отношении, сделался безупречным, к матери почтительным, получил достаточное образование, и сверх того изучил некоторые ремесла» [5, д. 19, л. 1].

Директор колонии для малолетних преступников потомственный дворянин П. Селиверстов в 1904 г. за особые заслуги был награжден орденом Св. Анны 3-й степени. Он немало потрудился на благо воспитания юных арестантов, сначала помощником директора Рукавишниковского приюта в Москве, а затем много лет возглавлял Нижегородскую колонию. Фельдшер заведения А. Отто награждался золотой медалью для ношения на груди [5, д. 8 а, л. 68–75].

Колония рассчитывалась на содержание всего 40 чел., из-за ограниченности средств руководство отказывало в увеличении количества воспитанников. Комитет колонии вынужден был отказывать в принятии новых подопечных, осужденных по приговорам мировых судей Нижегородской губернии. Нижегородская земледельческая колония в конце XIX – начале XX века имела богатый опыт по воспитанию юных арестантов, и расширение пределов ее деятельности было просто необходимо.

Специфика содержания малолетних преступников в Нижегородской губернии заключалась в том, что отбывание наказания сопровождалось для них трудовой деятельностью и обучением, религиозно-нравственным воспитанием. В этом процессе были задействованы: воспитатели, учителя, мастера, надзиратели, духовенство, многочисленные благотворители. Опыт «семейного воспитания» в Нижегородской земледельческой колонии для малолетних преступников распространялся не только в масштабах России, но и в мире. О нем было заявлено в 1890 г. на IV Международном конгрессе. Благодаря этим совместным действиям властей, служителей, общественности земледельческая колония, расположенная в Нижегородском крае, заняла достойное место в пенитенциарной системе России.

Итогами реформирования 1879–1917 гг. в Нижегородской колонии для малолетних преступников стали: 1) введение единой формы осужденных; 2) наличие училища и церкви; 3) широкое привлечение к труду юных арестантов на пашнях, лугах, питомниках по выращиванию деревьев хвойных пород, в прудовом, животноводческом хозяйствах, на пасеках, на кирпичном заводе; 4) по нашим подсчетам, на суточное содержание одного заключенного выделялось 22 копейки – достаточно большая сумма денег, не считая помощи благотворителей, результатов труда колонистов; 5) это

было единственное пенитенциарное учреждение в Нижегородской губернии, рассчитанное для малолетних преступников, и количество мест в нем лимитировалось, вопреки росту детской преступности в Российском государстве; 6) во многих губерниях России земледельческие колонии и приюты для малолетних преступников отсутствовали.

Источники и литература

1. Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней. 1560–1880 гг. – СПб., 1880.

2. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних // Тюремный вестник (далее – ТВ). – 1899. – № 2. – С. 55–87.

3. Отчет по Главному Тюремному управлению за 1882 г. Издание ГТУ. – СПб., 1884.

4. Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б.Н. Топорнин. – М., 2001.

5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 394. Оп. 1956. Д. 4.

6. Дриль Д. Нижегородская исправительно-воспитательная колония в 1898 г. // ТВ. – 1900. – № 3. – С. 172–177.

7.Исправительные заведения для несовершеннолетних. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1897 г. // ТВ. – 1899. – № 12. – С. 539–543.

8. Красовский М. Основные вопросы устройства русских исправительных заведений для малолетних //ТВ. – 1900. – № 2. – С. 80–106.

9. Малинин Ф. Отчет Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1899 г. // ТВ. – 1903. – № 1. – С. 50–54.

10. Исправительные заведения для несовершеннолетних. Отчет состоящей под Высочайшим покровительством Нижегородской земледельческой исправительной колонии за 1895 и 1896 гг. // ТВ. – 1899. – № 5. – С. 240–243.

11. Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1883 г. – Н. Новгород, 1883.

12. Сведения о личном составе по Обществу Попечительному о тюрьмах // ТВ. – 1897. – № 5. – С. 1–2.

13. Адрес-календарь Нижегородской губернии на 1885 г. – Н. Новгород, 1885.

14. Драницын Н.И. Адрес-календарь Нижегородской епархии на 1904 г. – Н. Новгород, 1904.

15. Еременко М.В. Царствование Александра III. – М., 2007.

16. Шиян Л.И. Феномен Рукавишниковых // Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегородского предпринимательства XVII – начала XX в. / Сост. А.Н. Голубинова, Н.Ф. Филатов, Л.Г. Чандырина. – Н. Новгород, 1999. – С. 164–178.

17. Макаров И.А. Купеческий Нижний. Историко-биографические очерки. – Н. Новгород, 2006.

18. Награды, присужденные экспонентам под Августейшим покровительством Ея императорского Величества государыни императрицы Александры Федоровны Всероссийской кустарно-промышленной выставке // ТВ. – 1903. – № 2. – С. 154.

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА АРЗАМАСА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ирина Геннадьевна Потороева
Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас, главный архивист
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Статья посвящена деятельности учебных заведений Арзамаса в XVIII – начале XX века. Большое внимание уделено основанию и работе как светских, так и духовных образовательных учреждений, открытых в городе до революции 1917 г.

Ключевые слова: *учебное заведение; школа; народное училище; духовное училище; приходское училище; реальное училище; учительская семинария.*

Начало государственному народному образованию в России было положено Петром I. По указам 1714 г. создавались государственные духовные училища и цифирные школы. В 1786 г. по указу Екатерины II был подготовлен Устав народным училищам Российской империи. В 1802 г. Александр I учредил Министерство народного просвещения. Империя разделилась на шесть учебных округов с университетом в центре каждого. Арзамасский уезд в составе Нижегородской губернии вошел в Казанский учебный округ. Уставом, утвержденным 8 декабря 1828 г. императором Николаем I, система образования была организована на сословных началах. В связи с земской реформой 1864 г. к руководству делами народного образования были привлечены земства. Целью народных училищ, предназначавшихся для детей всех сословий, было утверждение религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний. В обязательные предметы учебного курса входили: Закон Божий, чтение по книгам гражданской и церковной печати, письмо, первые четыре действия арифметики и, по возможности, церковное пение. В 1874 г. был одобрен проект Положения о начальных народных училищах, составленный под руководством министра народного просвещения графа Д.А. Толстого. Он действовал вплоть до 1917 г. Положение ограничило влияние земства на народное образование, учебные заведения Нижегородской губернии были переданы из Казанского в Московский учебный округ [1, д. 1351, л. 1].

В Арзамасе первая школа была открыта по указу Петра I в 1719 г.: «…жил тогда в нем гость Купчинов, человек богатый и лично известный великому государю торговыми промыслами. Он отправил семнадцатилетнего сына своего Василия в училище Муромское, с тем, чтобы он, по окончании там курса наук, завел свою собственную школу в Арзамасе…» [2, с. 16]. В ней бесплатно обучались дети всех званий от 10 до 15 лет. Никаких других сведений о школе не сохранилось.

В 1726 г. арзамасский воевода, стольник князь Федор Дябринский завел в городе собственную школу, в которой сам бесплатно обучал детей. Но в 1732 г. учебное заведение было закрыто из-за смерти его дочери в Симбирске. В дальнейшем, на протяжении более пятидесяти лет, детей грамоте обучали только «мастера» и «мастерицы» (так назывались учителя и учительницы), которые брали по 2–3 коп. за изучение одного листа Часослова [2, с. 16].

Наконец, в 1787 г., при императрице Екатерине II, в городе открылось Арзамасское малое народное училище. Оно было двухклассным. Первые его преподаватели состояли в духовном звании, окончили Нижегородскую семинарию: смотритель училища титулярный советник Краскевич и Андрей Золотницкий [1, д. 461, л. 14]. Пятнадцатого марта 1808 г. училище было реорганизовано в уездное [3, д. 5, л. 16–17 об.].

В 1823 г. количество учащихся составляло 46 чел. (45 мальчиков и одна девочка). К 1826 г. число учеников увеличилось до 63. Это во многом было связано с проведением в училище открытых испытаний. Через программы и билеты приглашались представители различных сословий: дворянства, купечества, мещанства. Родители имели возможность видеть успехи учеников. Но также отмечалось, «что дети мещанского сословия и других нижних состояний выбывают из училища не окончивши курс учения, ибо они… находят для себя полезным только то, чтоб сын их умел читать и писать и знал бы часть арифметики, прочие же училищные предметы считают они для себя ненужными…» [1, д. 289, л. 12–12 об.]. К началу 1869 г. число учащихся уездного училища было 78 чел. Плата за обучение составляла 2 руб. в год [1, д. 1266, л. 203 об., 212].

С 1 июля 1878 г. Арзамасское уездное училище было преобразовано в двухклассное городское [1, д. 1424, л. 72]. С 1 сентября 1879 г. при училище открылся третий класс, с 1 июля 1881 г. – четвертый. Официально именоваться оно стало Арзамасским городским четырехклассным училищем. На самом деле, училище состояло из трех классов – второго, третьего и четвертого. Первого класса при учебном заведении не было, поскольку существовавшие в Арзамасе пять приходских училищ вполне обеспечивали потребность жителей в начальном образовании [1, д. 1449, л. 5–7 об.].

С 1 июля 1912 г. оно было преобразовано в Арзамасское высшее начальное училище [4, д. 5, л. 69]. В 1918 г. стало носить название Первой арзамасской школы II ступени; в 1920-е гг. ей присваивали имя В.И. Ленина, затем Г.В. Плеханова, пока, наконец, она не получила свое нынешнее наименование: МБОУ СШ № 2 им. А.С. Пушкина.

В начале XIX века в городе появились первые приходские училища. В 1810 г. попечителем Казанского учебного округа было направлено отношение нижегородскому губернатору, в котором указывалось, что «…1809

года в мае месяце в городе Арзамасе тамошний священник Прытков, руководствуясь общею пользою, учредил приходское училище…» [5, д. 79, л. 2]. В связи со своим местонахождением при Крестовоздвиженской церкви оно в дальнейшем стало наименоваться Крестовоздвиженским. Священник Прытков исполнял обязанности учителя безвозмездно, но, отвлекаясь часто на церковные требы и чувствуя перемены в здоровье, просил назначить на свое место особого учителя. Им стал священник Иван Добротворский с помощником диаконом Федором Аргентовым. Количество учеников в училище в 1820 г. составляло 39 чел. В последующие два года оно увеличилось до 56.

В 1875 г. городским обществом для Крестовоздвиженского училища был приобретен собственный дом (деревянное двухэтажное здание бывшей «Ступинской школы»), расположенный напротив Троицкой церкви, в связи с чем было принято решение о переименовании училища в Троицкое [6, д. 4, л. 7]. В нем обучались только мальчики, преимущественно Троицкого и Софийского приходов. По окончании начального курса ученики поступали в городское училище. Более состоятельные продолжали обучение в Нижегородской гимназии, кадетском корпусе, реальном училище, Дворянском институте Александра II, Практической академии в Москве [1, д. 1593, л. 1–5 об.].

В 1810 г. в городе было открыто еще одно приходское училище, которое получило наименование Софийского. Первым учителем школы, а также и ее основателем, был священник Петр Дмитриев (по другим документам – Дмитриевский). Количество учеников Софийского училища было значительно меньше, чем Крестовоздвиженского: с 1821 г. до 1826 г. оно постепенно увеличивалось с 11 до 28 чел., затем периодически снижалось до 12 чел. в 1831 г.; в 1834 г. составляло 23 ученика [1, д. 461, л. 16–16 об.].

В 1870 г. Софийское училище переместилось во вновь построенный общественный дом близ Ильинской церкви, в связи с чем было переименовано в Ильинское. Содержалось училище на общественные средства. Плата за обучение не взималась [1, д. 1593, л. 8 об.–9 об.].

Крестовоздвиженское (позднее Троицкое) и Софийское (позднее Ильинское) на протяжении многих лет были единственными в Арзамасе приходскими училищами, образованными еще в начале XIX века. Только спустя почти полвека, 10 февраля 1866 г., в связи с увеличением количества учеников, по ходатайству штатного смотрителя арзамасских училищ в городе было открыто Владимирское начальное училище. Оно разместилось в доме купца И.С. Белоусова на Рождественской улице. Все расходы по содержанию училища взяла на себя городская управа. Большая часть окончивших курс учеников продолжала обучение в городском училище,

остальные дети либо поступали на работу в лавки к местным торговцам, либо отдавались для обучения какому-либо ремеслу.

В 1874 г. в городе открылось Арзамасское Кирилло-Мефодиевское женское училище. В 1875 г. было основано Арзамасское приходское Троицкое женское училище, занявшее заднюю половину дома, в котором было расположено Троицкое мужское училище. В ноябре 1876 г. Арзамасский уездный училищный совет рассматривал вопрос об открытии в городе двух новых училищ – мужского и женского – с наименованием их Рождественскими [6, д. 4, л. 60]. В 1895 г. было решено соединить Владимирское и Рождественское начальные мужские училища в одно, под наименованием Владимирско-Рождественского.

Наряду со светскими учебными заведениями в конце XVIII – начале XIX века в городе открывались и духовные училища. В 1799 г. за счет средств, собранных со священно- и церковнослужителей, в Арзамасе была открыта духовная гимназия. Но спустя несколько лет она закрылась.

В 1810 г. архимандритом Арзамасского Спасского монастыря был определен иеромонах Александр, который проводил в Арзамасе обширную благотворительную и общественную деятельность. На собранную им сумму был построен в монастыре довольно большой каменный корпус, приспособленный для размещения в нем уездного и приходского духовных училищ, за что 7 ноября 1819 г. он получил архипастырскую благодарность. Благодаря его стараниям для детей духовного звания 26 августа 1822 г. было открыто Арзамасское духовное приходское училище, а 20 ноября 1837 г. из Нижнего Новгорода в Арзамас окончательно переведено уездное училище, которое впоследствии было присоединено к приходскому [1, д. 615, л. 21 об.–22]. Архимандрит Александр оставался смотрителем училищ вплоть до 1842 г.

Арзамасское уездное духовное училище включало высшее и низшее отделение. В 1840 г. количество учеников высшего отделения составило 89 чел., низшего – 134 [1, д. 629 б, л. 1–37]. При училище существовала библиотека, разделявшаяся на фундаментальную, учительскую и ученическую. В трех небольших комнатах монастырского корпуса размещалась училищная больница. Она была оборудована 12 деревянными кроватями с постельными принадлежностями, халатами и посудой. Все ученики посещали церковные богослужения, большая часть принимала участие в пении, чтении и прислуживании в алтаре.

До середины XIX века в городе не было ни одного учебного заведения для девиц. Жители города надеялись на скорое учреждение в Арзамасе женской школы. Много стараний приложили для ее открытия арзамасский уездный предводитель дворянства Хотяинцев и смотритель арзамасских училищ А. Раевский.

В 1860 г. арзамасский городской голова представил проект женского училища, согласно которому целью учреждения было «сообщить девицам то религиозное, нравственное и умственное образование, которого должно требовать от каждой женщины, в особенности от будущей матери». Девиц планировалось обучать Закону Божию, краткой русской грамматике, арифметике, чтению, чистописанию, краткой географии и рукоделию. Курс обучения составлял три года. За обучение взималась плата, от которой могли быть освобождены бедные ученицы при предоставлении свидетельства. Предполагалось, что школа будет содержаться на пожертвования и деньги, собираемые за обучение [1, д. 964, л. 1–1 об., 11–14 об.].

Арзамасское женское приходское училище было открыто 25 марта 1862 г., 20 июля 1864 г. управляющим Казанским учебным округом было дано разрешение на его преобразование в училище 2-го разряда. Торжественное открытие преобразованного училища состоялось 8 сентября 1864 г. Попечительный совет Арзамасского женского училища 2-го разряда, согласно желанию арзамасского общества, решил избрать попечительницей супругу гвардии поручика Наталью Васильевну Карамзину. И просил дозволения принца Ольденбургского назвать училище Екатерининским, в честь его дочери принцессы Екатерины Петровны [1, д. 1064, л. 4–11 об.].

К началу 1869 г. количество учениц женского училища уже превышало число учеников уездного и достигало 100 чел. Плата за обучение составляла 4 руб. в год [1, д. 1266, л. 203 об.–204, 213 об.].

В 1870 г. было опубликовано утвержденное 24 мая Положение о женских гимназиях и прогимназиях, согласно которому существовавшие женские училища 2-го разряда подлежали переименованию в женские прогимназии. Материальное положение прогимназии было довольно трудным до передачи его в ведение земства. До 1897 г. число учениц не превышало 120–150. К 1897 г. их количество возросло до 200, а к 1902 г. – до 330. Ввиду большого количества учащихся в 1898 г. были открыты параллельные отделения первых четырех классов. Для детей бедных слоев населения обучение в гимназии было практически недоступно, т.к. стипендиями гимназия не располагала, общежития при ней не было, а плата за обучение, особенно начиная с пятого класса, была сравнительно высокая (25 руб.). Гимназия обслуживала всю юго-восточную часть Нижегородской губернии: Арзамасский, Ардатовский, Лукояновский, Княгининский Сергачский уезды [7, с. 6].

В 1902 г. было закончено строительство нового здания гимназии. Каменный двухэтажный корпус соединен теплым коридором со старым, проведено водяное отопление. В том же году при женской гимназии на средства казны учреждены одногодичные педагогические курсы для подготов-

ки учительниц начальных училищ. К 1916 г. срок обучения в гимназии составлял 8 классов, а количество учениц выросло до 625 [8, д. 1077, л. 324–324 об.].

Тридцать первого июля 1918 г. Арзамасская Екатерининская женская гимназия была переименована в Арзамасскую гимназию, а с 15 ноября 1918 г. она стала называться Второй советской школой II ступени [9, д. 1808, л. 180, 187].

К концу XIX века в городе назрела потребность в открытии профессиональной школы. Подвижкой в решении этого вопроса послужило то обстоятельство, что в начале июля проездом город посетил товарищ (заместитель) министра народного просвещения Н.А. Зверев, высказавший пожелание о ее создании представителям города.

В 1902 г. проект учреждения в Арзамасе школы ремесленных учеников был вынесен в Государственный совет. Последовавшим 11 марта 1902 г. высочайшим повелением было определено открыть Арзамасскую ремесленную школу с 1 июля 1903 г. [10, д. 4, л. 2–2 об.]. Школа была рассчитана на 110 учеников. На ее постройку и оборудование из государственного казначейства было отпущено 43 тыс. руб., еще 15 тыс. – из средств города и земства. В 1903 г. было постановлено уступить безвозмездно в собственность Министерства народного просвещения под постройку здания для школы порожнее место на Всехсвятской площади, на углу Сальниковой и Новоказарменской улиц, общей площадью 2 470 кв. сажень. До окончания постройки под школу было отведено временное помещение в городских казармах, где размещались призываемые на учебный сбор ратники. Обучение в школе велось слесарно-кузнечному и столярно-токарному ремеслам. В 1903 г. был набран первый класс в составе 41 ученика. Курс окончил 31 чел., семеро были оставлены на второй год. Основной проблемой при приеме учеников в училище был различный уровень их подготовки, возраст и развитие [10, д. 7, л. 48 об.–50 об.].

В первой половине июня 1905 г. в выстроенном здании школы планировалось начать оборудование мастерских – установку машин, двигателя, станков и трансмиссий.

В 1906 г. состоялся первый выпуск учеников школы. Выпускные испытания выдержали 16 учеников, восемь из которых пожелали остаться и продолжить обучение во вновь открытом 4-м классе. Из получивших аттестаты восьмерых учеников пятеро поступили работать на заводы и фабрики, двое приняли решение продолжить обучение в среднем механико-техническом училище, один поступил на строительные курсы в Москву [10, д. 33, л. 18].

С 1 июля 1917 г. Арзамасская школа ремесленных учеников была преобразована в Арзамасское ремесленное училище по сельскохозяйственному машиностроению [10, д. 161, л. 122 об.–126 об.].

Наряду с обсуждением возможности создания ремесленной школы, жителями города рассматривался вопрос открытия мужского среднего учебного заведения – реального училища. Подобное учебное заведение существовало лишь в Нижнем Новгороде, но удаленность его от уездов, находившихся в южной части губернии, а также дороговизна содержания в нем учащихся значительно сокращали возможность жителей на получение среднего образования.

Министерство народного просвещения распорядилось об открытии реального училища с 1 июля 1904 г., первоначально в составе первых двух классов, расход по содержанию которых исчислялся из городского бюджета. С 1905 г. учебное заведение финансировалось за счет казенных средств [11, д. 63, л. 156–156 об., 161–163].

Арзамасское реальное училище было открыто 2 октября 1904 г.[12, д. 1, л. 98 об.]. В 1907 г. в училище, уже четырехклассном, обучалось 148 учеников. Плата за обучение была установлена в размере 25 руб. в год, как в старших классах Арзамасской Екатерининской женской гимназии [12, д. 1, л. 2–2 об.].

Училище размещалось в городском доме, находившемся на углу улиц Прогонной и Новоплотинной. На постройку собственного здания необходимы были немалые средства, которых у города не было. Отпуск средств из казны для строительства возможен был не ранее 1906 г. при наличии плана и сметы. Составить их согласился архитектор Московского училищного округа А.А. Никифоров со своими помощниками. Постройка нового здания была завершена в 1908 г.

В Арзамасском реальном училище обучался Аркадий Голиков, согласно документам, поступивший в 1914 г. и освобожденный от внесения платы за вторую половину 1915 г. ввиду недостатка материальных средств [12, д. 29, л. 144–145].

В училище можно было пройти испытания на звание учителя начальных училищ, вольноопределяющегося 2-го разряда или на первый классный чин, по результатам которых выдавались соответствующие свидетельства.

Еще одно учебное заведение города, обсуждение открытия которого началось в 1902 г., задолго до его появления, Арзамасская учительская семинария была учреждена на основании одобренного Государственным советом и Государственной думой закона, утвержденного 9 мая 1908 г. «Об учреждении учительских семинарий в городах: Архангельске, Арзамасе, Костроме, Перми, Никольске-Уссурийском и в селе Потоках Вин-

ницкого уезда Подольской губернии». На ее содержание в 1908 г. из средств государственного казначейства было выделено 15 тыс. руб., с 1909 г. планировалось отпускать по 24 тыс. руб. в год и 6 тыс. руб. на наем помещения [13, д. 1, л. 1–1 об.].

В отчете о состоянии Арзамасской учительской семинарии за 1908–1909 учебный год датой открытия значится 20 октября 1908 г. Семинария разместилась в наемном одноэтажном доме с мезонином, где занимала шесть небольших комнат. Штат включал восемь служащих: директора, законоучителя, двух наставников, трех учителей и врача [13, д. 3, л. 2–2 об.]. Курс обучения в семинарии составлял четыре класса. При семинарии с 1909 г. имелось общежитие, в 1914 г. в нем размещалось 50 чел., хотя мест для всех желающих не хватало. К 1 января 1915 г. в семинарии обучалось 112 чел. Собственное здание семинарии так и не было построено: она располагалась в доме В.С. Сафонова, затем Н.Т. Пегова, а 6 октября 1917 г. был составлен проект договора на наем помещения, занимаемого Арзамасской городской управой по адресу: ул. Новоспасская, 28 (бывший дом Бутурлина) [13, д. 81, л. 24 об.–26, 43–44 об.].

В 1917 г. произошло реформирование учительских семинарий. В 1919 г. Арзамасская учительская семинария была реорганизована в трехгодичные педагогические курсы, 17 мая 1923 г. – в Арзамасский педагогический техникум, 7 января 1937 г. – Арзамасское педагогическое училище.

После революции жизнь учебных заведений города значительно изменилась: появились проблемы с финансированием, увеличилась плата за обучение, из учебных планов пропали такие предметы, как Закон Божий. Все они были переименованы. Ни одного нового учебного заведения открыто не было.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 505. Оп. 407.
2. Журнал Министерства народного просвещения. Часть LXIII. 1849. Июль. Санкт-Петербург. Отделение VII.
3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 43. Оп. 1.
4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 144. Оп. 1.
5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 33. Оп. 2.
6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1.
7. Нижегородские губернские ведомости. – 1902. – № 7.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.
9. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 118. Оп. 1.
10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 157. Оп. 1.
11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1.
12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 143. Оп. 1.
13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 44. Оп. 1.

ПОМОЩЬ ЗЕМСТВА НАСЕЛЕНИЮ В НЕУРОЖАЙНЫЕ ГОДЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА)

Сергей Александрович Зотов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: istagpi@mail.ru

В статье анализируется комплекс мер, предпринятых органами земского самоуправления для оказания помощи населению во время неурожайных лет на рубеже XIX–XX вв. На основе архивных материалов делается вывод о разносторонней и эффективной помощи нуждавшемуся населению.

Ключевые слова: *земство; неурожайные годы; рубеж XIX–XX вв., Арзамасский уезд.*

Качество жизни населения Арзамасского уезда на рубеже XIX–XX вв. определялось во многом уровнем развития земледелия как главного занятия и основного источника доходов. Объективные данные земских статистических исследований, которые систематически велись в уездах Нижегородской губернии с 1880 г. (имеется ввиду текущая земская статистика. В Нижегородской губернии начало ей положила земская управа Сергачского уезда, предоставившая очередному земскому собранию в 1879 г. доклад об экономическом состоянии уезда за отчетный период [1, с. 373].

Губернское земство подхватило эту инициативу и в следующем (1880-м) году обязало все уездные управы составлять подобные отчеты и предоставлять данные для общего поуездного свода об экономическом положении губернии [2, с. 28]), свидетельствовали о неудовлетворительном состоянии сельскохозяйственного производства в Арзамасском уезде. Одной из основных причин назывались частые неурожаи зерновых культур.

В период с 1889 по 1912 гг. Арзамасская земская управа зафиксировала неурожай и озимых, и яровых хлебов (их посевные площади были примерно одинаковы) в 1889, 1890, 1891, 1897, 1903, 1906, 1911 гг., неурожай яровых – в 1892, 1898 и 1901 гг., неурожай озимых – в 1893 и 1905 гг. (подсчитано нами по ежегодным докладам уездной управы очередным уездным земским собраниям об экономическом состоянии Арзамасского уезда). Тем самым, из двадцати трех лет население пережило семь полных и пять частично неурожайных лет, когда урожай зерновых или был ниже среднего (сам –4, сам–5), или не мог дать даже достаточного количества семян для следующей посевной кампании.

На органы местного самоуправления легла тяжесть забот о преодолении неблагоприятных последствий частых неурожаев. Располагая объективной и оперативной информацией о необходимых объемах продовольствия и семенного материала, земские гласные занимались организацией

адекватной и своевременной материальной помощи (мероприятия Нижегородского губернского и Арзамасского уездного земства, направленные на предупреждение неурожаев и повышение агрикультуры в губернии и уезде, заслуживают отдельного исследования) нуждавшемуся населению, в первую очередь, малоземельным крестьянам [3, д. 286, л. 14–15].

Настоящим испытанием на прочность стали для земцев шедшие подряд неурожайные 1889–1893 гг. Архивные материалы дают нам представление о напряженной работе земства в тот кризисный период.

В 1889 г. очередное земское уездное собрание ходатайствовало перед губернскими гласными о выдаче 25 тыс. рублей из губернского продовольственного капитала на выдачу пособий нуждавшимся арзамасским крестьянам. По решению уездных гласных первоначально земство использовало рыночные механизмы. Пособие выдавалось зерном с внесением двух третей его стоимости, а другой трети – через год. В волости были направлены уполномоченные земства из числа гласных для выявления объемов необходимой помощи. Через них сельские общества заявили протест против подобных условий, которые были сходны с условиями богатых крестьян, ссужавших хлеб. Для земцев не осталась секретом крестьянская жалоба нижегородскому губернатору о том, что якобы местное самоуправление не хотело оказать реальной помощи «в прокормлении семейств».

В итоге уездное земство увеличило срок погашения пособия и оказало помощь семидесяти семи сельским обществам [3, д. 125, л. 22–23]. Однако объемы помощи составляли треть от запрашиваемого крестьянами. Это обстоятельство объяснялось задолженностью крестьян по земским сборам, равнявшейся 350 тыс. рублей (что сопоставимо примерно с четырьмя бюджетами уездного земства). Громадная задолженность, по мнению одного из гласных, накопилась не из-за непосильного налогообложения, а потому, что только крестьяне не обязаны были платить пени за просроченные земские сборы, поэтому платили, когда хотели и сколько хотели. В то время, когда помещики, находившиеся в тех же неблагоприятных экономических условиях и обязанные платить пени, имели в четыре раза меньшую недоимку [3, д. 125, л. 3–4].

В 1890 г. тяжелое положение населения Арзамасского уезда от очередного неурожая усугубилось падежом домашнего скота от эпидемий и отсутствием дополнительного заработка. Выплата ссуды из губернского продовольственного капитала оказалась невозможной. Принятие принудительных мер к ее взысканию не дало результатов. Некоторые гласные заявляли, что крестьяне злоупотребили доверием земства. Уездное собрание постановило не просить нового кредита губернского земства под урожай 1891 г., а в крайних случаях оказывать помощь из возвращенного по преж-

ней ссуде. Одновременно был отклонен проект губернской управы о введении общественных запашек для погашения крестьянами долгов перед земством. Отказ сопровождался проведением общественного опроса. Проект обсуждался на местах и не был принят ни в одном селе уезда. Крестьяне не могли завести общественную запашку ввиду недостаточного количества надельной земли и размежевания участков на 20-летний срок. Земцы приняли это объяснение и выразили мнение, что насильственное введение этой отработки не могло дать эффективных результатов. Был предложен другой вариант: ходатайствовать перед губернатором о взыскании долгов по пособию губернского земства наравне с государственными сборами [3, д. 125, л. 25–26, 30].

В начале 1891 г. обострился финансовый кризис Арзамасского уездного земства. Положение не исправил кредит из казны в 38 тыс. рублей, выданный правительством Александра III с рассрочкой выплаты на три года под 6% годовых. Для обеспечения уплаты государственной ссуды гласные пытались ввести налоговые льготы на один год: суммы недоимок, вносимых до 1 января 1892 г., сокращались на 12%, а за предварительную уплату земских сборов за 1892 г. делалась скидка в 1% в месяц. Но губернатор отклонил ходатайство, обосновав свою позицию тем, что система скидок не соответствовала закону [3, д. 156, л. 3, 5].

К лету того же года экономическая ситуация в уезде стала критической. Урожай озимых снова оказался плохим: собрали даже меньше, чем посеяли (сам–0,87). Население в массовом порядке вынуждено обращаться в уездную управу с просьбой о ссудах на посевную и продовольствие. Двадцатого июня состоялось чрезвычайное земское собрание. По земским данным, в продовольствии нуждалось две трети населения. Возвращенных средств по земским и правительственным кредитам было явно недостаточно. Неурожаи предшествовавших лет привели к массовой продаже крестьянами домашнего скота и даже одежды. Все деньги крестьян шли на пропитание. Прогнозы на урожай 1891 г. были плохими. Все эти данные заставили земцев констатировать, что «для населения уезда наступало время страшного голода» [3, д. 156, л. 205].

Уездная управа предложила, и собрание поддержало программу срочных мер: ходатайствовать об освобождении населения от всех государственных и земских налогов за 1891 г. с условием из выплаты в последующие 14 лет, просить правительство о выделении крупной ссуды на посевную и закупку продовольствия, снизить вдвое тарифы на ввозимый в уезд хлеб, обратиться через печать к частной благотворительности, организовать общественные работы (в частности, по строительству железной дороги от Нижнего Новгорода до Арзамаса). Чрезвычайное собрание приняло также меры по выходу из финансового кризиса. За май–июнь 1891 г.

в земскую кассу поступило всего 800 рублей (вместо положенных 12 тыс.), хотя ординарные земские бюджетные расходы (по выплате жалованья учителям и врачам, заготовке продовольствия для больных и арестантов и т.п.) сокращены не были. Единственным выходом стало новое обращение к правительству о выделении ссуды в размере всего сметного назначения (73 тыс. рублей). До прихода казенных средств запланировано взять кредит в 10 тыс. рублей у частных лиц [3, д. 156, л. 203, 209–210].

Антикризисная программа уездных гласных не осталась без поддержки. Из общегосударственного продовольственного капитала правительство выдало Арзамасскому земству ссуду в 150 тыс. пудов яровых семян. Благодаря этой оперативной помощи в июле 1891 г. были засеяны практически все обычно засевавшиеся площади в уезде. Удалось также предотвратить голод. Земство, видимо, за счет тех же стратегических запасов государства организовало торговлю ржаной мукой по заготовительным ценам (1 рубль 45 копеек).

В результате рыночные (спекулятивные) цены за зиму и весну 1892 г. не поднялись выше 1 рубля 65 копеек за пуд [3, д. 156, л. 22–23]. Весной 1892 г. после дополнительных ходатайств были организованы общественные работы по ремонту грунтовых дорог. На Арзамасский уезд правительство выделило 7,5 тыс. рублей (вместо запрошенных 20 тыс.). На эти средства проведены ремонтные и землекопные работы на дорогах, построены два моста через реку Шамку и один мост через Тёшу. Большинство занятых на этих работах плотников, землекопов, возчиков представляло местное население [3, д. 160, л. 81].

В том же 1882 г. правительство обязало земство начать немедленное взыскание натуральных ссуд, выданных из государственных фондов. Был выработан проект о взимании земских сборов зерном вместо денег и о принятии земством всей финансовой ответственности за вновь выдаваемые правительством ссуды натурой. Но инициативы центральной власти не были поддержаны земцами в силу экономического риска хлебной торговли. К тому же, урожаи яровых в 1892 г. (пятый подряд) и озимых в 1893 г. (четвертый из пяти) оказались снова ниже среднего [3, д. 167, л. 3, 24–27]. Экономическую ситуацию в уезде удалось поправить только во время урожайных лет, начавшихся в середине 90-х гг. XIX столетия.

Второй глубокий кризис, связанный с неурожаями, население Арзамасского уезда пережило в 1905–1906 гг. Как и прежде, недороды зерновых разорили крестьянские хозяйства: домашний скот продавался за бесценок, цены на рабочие руки упали, а на продовольствие возросли. Отхожие промыслы не дали обычного дополнительного заработка: из-за известных политических катаклизмов в стране были закрыты многие предприятия. Вновь органы местного самоуправления сумели оказать серьезную по-

мощь нуждавшемуся населению. Хотя кризис не был столь продолжительным, прежний набор мер был расширен. Это свидетельствовало, на наш взгляд, об укреплении не только финансового положения земства в начале XX века, но и о росте общественной поддержки и доверия к его разносторонней деятельности.

Среди новых видов земской работы отметим организацию бесплатных столовых для голодающего населения. Весной 1907 г. в уезде действовало 90 столовых, в которых было отпущено 647 тыс. обедов детям, безземельным и нетрудоспособным крестьянам [4, с. 75–79]. Подробно порядок их работы описан в земских отчетах за 1912 г., когда Арзамасский уезд оказался в числе четырех нижегородских уездов, наиболее пострадавших от неурожая 1911 г. [3, д. 698, л. 47]. С 9 февраля по 15 июня 1912 г. Арзамасская управа открыла 30 общих и семь школьных столовых, руководствуясь заявлениями землевладельцев, священников, земских врачей и учителей, которые по просьбе земства принимали заведование ими.

К нуждающимся категориям населения относили, в первую очередь, престарелых, нетрудоспособных жителей, а также детей дошкольного и школьного возраста. На организацию и содержание бесплатных столовых уездное земство получало средства как из губернского земского бюджета, так и от различных общественных организаций (Комитета Красного Креста, Нижегородского отделения охранения народного здравия, Московского общества грамотности, редакции нижегородской газеты «Волгарь» и др.). Стоимость одного обеда (супа с мясом и каши с постным маслом) в среднем обошлась в 5,5 копеек, а общие затраты на земские столовые составили почти 10 тыс. рублей [3, д. 712, л. 145–147].

Подводя итоги, следует отметить заметную эффективность мер, предпринимаемых органами земского самоуправления по преодолению последствий частых неурожаев в Арзамасском земледельческом уезде на рубеже XIX–XX вв. При оперативном содействии земских гласных население получало кредиты правительства на посевную и сохраняло постоянные посевные площади. Земская торговля мукой сдерживала повышение рыночных цен. Общественные работы, организованные при посредничестве земства, приносили дополнительный заработок нуждавшемуся населению. В особо кризисные моменты от голода спасали земские столовые. Можно говорить о системном подходе земцев к решению экономических проблем. При этом программа антикризисных мер осуществлялась, несмотря на плачевное состояние земского бюджета, вызванное прекращением платежей со стороны основной крестьянской массы населения.

Источники и литература

1. Земский ежегодник за 1879 год. – СПб., 1882.
2. Земский ежегодник за 1880 год. – СПб., 1884.
3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 2. Оп. 1.
4. Производство XXXXIII очередного Арзамасского уездного земского собрания. – Арзамас, 1908.

Раздел II.
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

ИСТОРИЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В СЕЛЕ ВИНЯЕВО

Екатерина Ивановна Маслова[1], Алексей Иванович Щетинин[2]

[1] Независимый исследователь, г. Арзамас
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: schetinina.katerina@yandex.ru
[2] Независимый исследователь, г. Арзамас
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

Статья посвящена истории начальной школы в селе Виняево Арзамасского района. Рассматриваются вопросы ее строительства, системы обучения, численности учеников в разные периоды. Отдельное внимание уделено биографическим сведениям об учителях школы.

Ключевые слова: *школа; Виняево; учитель; ученики; обучение.*

В Российской империи грамотность основной массы населения долгое время оставалась на низком уровне. Подавляющее большинство крестьян не могли читать и писать. Лишь в 1864 г. в связи с проведением земской реформы начинается строительство школ в сельской местности, в том числе в Арзамасском и Ардатовском уездах. Так, в 1861 г. священник села Слизнево Петр Серебровский открыл в своем доме училище, где бесплатно обучал крестьянских детей [1, д. 275, л. 82 об.]. В 1870 г. была открыта земская школа в Стёксове, в которой преподавал П.А. Ласточкин [2, с. 185]. Существовала своя школа в Булдакове и церковно-приходская – в Степанове. В соседнем селе Виняево в это время школы еще не было, и, возможно, местные дети могли получать образование именно в ближайших населенных пунктах.

Документы свидетельствуют, что в середине XIX века среди жителей Виняева грамотой владели Федор Прокофьевич Понятов, Ефрем Михайлович и Федот Парамонович Вязовы, Архип Федорович Кисляков. Русский поэт и исследователь Н.Ф. Щербина в своей статье «О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе» отмечал грамотность среди жителей этого села, и указывал, что обучением в 1860-х гг. занимались конторщики сельских помещичьих контор [3, с. 11].

Газеты того времени писали, что причинами отсутствия школы в Виняеве были крайняя бедность населения, отсутствие удобных помещений для школьных занятий, недостаточность средств для их постройки, несочувствие прихожан к делу народного образования [4]. Со временем, в связи с ростом численности населения и возрастанием потребности в минимальном образовании, все же было принято решение об открытии в Виняеве земской школы.

На постройку школьного здания из казны было выделено 400 руб., затем Ардатовское земское собрание постановило увеличить эту сумму [5, с. 168]. Неизвестны точные временные рамки строительства школы, но в 1908 г. она была уже открыта. Здание представляло собой одноэтажное строение из красного кирпича площадью 171,10 кв. метров. [6, д. 173, л. 12]. Деревянная крыша покрыта железными листами. Внутри имелось четыре комнаты – две для классных занятий, учительская и прихожая. Помещение отапливалось печами. Перед входом было выстроено деревянное крыльцо, крыша которого также покрыта железом. Рядом со школой находилось небольшое складское помещение для хозяйственных нужд. Окружал здание деревянный забор с широкими тесовыми воротами.

Виняевская земская школа была типичным для того времени учебным заведением с трехлетним курсом, где дети всех трех лет обучения (разделенные на три отделения) одновременно занимались в одной классной комнате с единственным учителем. Здесь преподавали русский язык и чистописание, арифметику в простейшем изложении, Закон Божий и церковнославянский язык, церковное пение. Основной задачей учебного заведения признавалось привитие ученикам устойчивых навыков грамотности. В школе обучались дети обоих полов в возрасте 8–12 лет без ограничения по сословиям и вероисповеданию. Содержалась она земством и находилась под контролем чиновников Министерства народного просвещения – директоров и инспекторов начальных училищ.

Обучением занимались постоянно занятые народные учителя и приходские законоучители-священники. С 1908 по 1913 гг. Закон Божий в Виняеве преподавал Михаил Герасимович Покровский, а с 1913 г. – Алексей Васильевич Востоков.

Первым народным учителем здесь стал Александр Николаевич Мелентьев. Он был родом из арзамасской купеческой семьи, окончил городское четырехклассное училище. В Виняевской школе преподавал в течение пяти лет, после чего был рукоположен в священники и служил уже в духовной сфере в селе Абоимово. В должности учителя его сменил ардатовский мещанин Иван Яковлевич Сулянин.

К выбору лиц, достойных занять место учителя, подходили строго. Кандидат должен был обладать не только необходимыми знаниями, но и безупречной репутацией. Сохранилось прошение И.Я. Сулянина о назначении его на должность учителя, в котором он говорит о своей политической благонадежности и об отсутствии связей с различными партиями [7, д. 1299, л. 1–1 об.]. Весной 1913 г. новый учитель прибыл в Виняево и приступил к исполнению своих обязанностей. В это время здесь обучалось около 65 детей. За свою работу учитель получал жалование в размере 30 руб. в месяц. Этой суммы явно не хватало, и сельские учителя считались

бедными. За неимением отдельной квартиры, учитель проживал непосредственно в здании школы.

И.Я. Сулянин совмещал педагогическую деятельность с общественной работой. С 1917 г. он являлся председателем Стёксовской ревизионной комиссии, а также был волостным гласным на земских собраниях.

Двадцать восьмого июля 1914 г. в Успенской церкви села Виняево прошло его бракосочетание с дочерью отставного солдата из деревни Торшево Ардатовского уезда А.Г. Клоповой. Со стороны жениха свидетелями стали виняевский крестьянин Павел Петрович Кулаков и старший унтер-офицер Василий Федорович Воробьев. Со стороны невесты – церковный староста села Виняево Алексей Николаевич Корчагин и сын местного священника Николай Алексеевич Востоков.

Второго мая 1913 г. состоялся первый выпуск детей, которых, пусть и недолго, И.Я. обучал Сулянин. Этот выпуск стал первым и для священника А.В. Востокова, который в том же году стал законоучителем. Среди выпускников значатся семь человек 1900–1903 годов рождения: Василий Алексеевич Востоков (сын священника), Григорий Платонович Вязов, Николай Андреевич Макаров, Михаил Иванович и Павел Иванович Царьковы, Ефим Иванович Исаков и Филипп Васильевич Шокуров [8, д. 102, л. 38].

В 1917 г. в Виняеве обучалось уже 106 учеников, из них 62 – в младшем отделении, 26 – в среднем и 18 – в старшем. После Октябрьской революции виняевская земская школа была переименована в школу I ступени.

Двадцать восьмого января 1918 г. школьная комиссия Ардатовского уезда постановила перевести И.Я. Сулянина в село Пятницы, а на его место назначить учителя Пятницкого училища 29-летнего Василия Ивановича Гриняева. Он приехал 1 февраля 1918 г. вместе с женой Екатериной Федотовной и двумя сыновьями Борисом и Серафимом. В.И. Гриняев прослужил в виняевской школе не более года. В 1919 г. его перевели учителем в Стёксовскую школу. Десятого ноября 1937 г. он был арестован по обвинению в антисоветской агитации и приговорен к 10 годам лагерей [9].

В 1919 г. учительницей Виняевской школы, а также ее заведующей стала Варвара Федоровна Стеклова. Ее отец Федор Петрович Стеклов с 1895 г. служил псаломщиком в Виняеве, поэтому детство Варвары Федоровны прошло здесь. В 1907 г. она поступила в Нижегородскую церковно-учительскую школу, которую успешно окончила в 1910 г. Сохранилось свидетельство, в котором показаны результаты ее обучения:

«1. по Закону Божию – хорошие, 4

2. церковной истории общей и русской – хорошие, 4

3. дидактике и главным основаниям педагогики – хорошие, 4

4. церковному пению с обучением регентованию и музыке – хорошие, 4

5. церковно-славянскому языку – хорошие, 4

6. русскому языку, словесности и истории литературы – хорошие, 4

7. истории всеобщей и русской – хорошие, 4

8. музыке – удовлетворительные, 3

9. практическим урокам – хорошие, 4

10. сельскому хозяйству – хорошие, 4

11. географии всеобщей и географии России – отличные, 5

12. математике, арифметике, главным основаниям геометрии и землемерия – хорошие, 4

13. сведениям о природе, ее силах и явлениях – хорошие, 4

14. черчению и рисованию – отличные, 5

15. гигиене – хорошие, 4

16. сочинениям – хорошие, 4

17. рукоделию – отличные, 5

За каковые и удостоена Советом сей школы на основании ст. 56 Высочайше утвержденного 1 апреля 1902 г. положения о церковных школах, звания учительницы начального училища.

В удостоверении чего и дано ей Стекловой сие свидетельство от Совета церковно-учительской школы за надлежащим подписом и приложением печати совета.

НН 1910 г. месяца июня 10 дня» [10, д. 313, л. 2–2 об.].

По возвращении в Виняево и назначении на должность заведующей школой В.Ф. Стеклова поселилась в бывшем доме своего отца вместе с престарелой матерью, сестрой и 10-летним племянником, который также обучался в виняевской школе. Варвара Федоровна активно занималась общественной работой. С марта 1925 г. она являлась членом Слизневского сельсовета, а также выступала в качестве делегата волостных съездов.

В 1920 г. в школе работало уже двое учителей – В.Ф. Стеклова и Анна Алексеевна Востокова, дочь местного священника. В 1921 г. вместо А.А. Востоковой учительницей стала П.С. Суслова. Известно, что сторожем при школе работал Иван Иванович Семериков, потом в 1923 г. – Прасковья Андреевна Гурьянова.

Виняевская школа в то время была четырехклассной. В 1923 г. движение количества учащихся было следующим:

- из I группы во II – 12 мальчиков и 5 девочек,
- из II в III – 14 мальчиков и 1 девочка,
- из III в IV – 3 мальчика.

Ученики обеспечивались всем необходимым. В.Ф. Стеклова неоднократно выписывала для нужд школы новейшие буквари, учебники и справочники. Так, в октябре 1923 г. поступило 30 букварей Вахтерова, 30 задачников Бюллестина, 20 книг по правописанию и другая литература [11,

д. 20, л. 164, 319]. Известно, что при школе имелась своя небольшая библиотека. Одной из самых больших забот заведующей было обеспечение учреждения необходимым количеством дров. Здание отапливалось при помощи четырех печей. Сельсовет помогал в заготовке дров, нанимал извозчиков для вывозки леса. В 1923 г. извозчиком значился Григорий Григорьевич Макаров, в 1929 г. – Иван Ильич Фролов [12, д. 32, л. 7а].

В это время в школе провели ремонт: оштукатурили и побелили стены и потолок, перекрыли полы, остеклили окна, отремонтировали печи в классной комнате и кухне [11, д. 20, л. 283, 284].

В 1925 г. вместо В.Ф. Стекловой учителем становится Дмитрий Алексеевич Никитинский, служивший ранее псаломщиком в селе Беговатово. Он вошел в созданный при Виняевской школе комитет содействия вместе с Алексеем Ивановичем Семериковым и Иваном Федоровичем Шарковым [12, д. 9, л. 171]. Заметно возрастает грамотность среди населения. Из 896 человек в 1925 г. только 100 (в возрасте от 11 лет) были неграмотными.

В 1926 г. Д.А. Никитинский был переведен в Бестужевскую школу, а на его место пришла учительница Яблоновской школы Нина Константиновна Вадова. В 1928 г. она вышла замуж за жителя села Виняево Николая Андреевича Макарова.

В архиве сохранился протокол совместного собрания сельского совета и комитета содействия Виняевской школы от 8 сентября 1927 г., где председателем избрана учительница Н.К. Вадова. Она доложила, что в школе необходимы побелка стен и поправка штукатурки, а также сложение новой печки. Учительница предложила сдать школьный участок в аренду и часть полученных от этого средств употребить на окраску дверей. Ее инициативы были полностью поддержаны собранием. Кроме того, приобрели дополнительную детскую литературу, начали выписывать журнал «Школа и жизнь» [13, д. 191, л. 49].

Тогда в Виняеве обучалось 50 чел., а в 1930 г. количество учеников увеличилось вдвое. Заведующим школой работал Константин Иванович Кузнецов. Как и любые другие организации того времени, школа активно участвовала в жизни общества, коммунистической партии и государства. Так, например, газета «Арзамасская правда» за 1933 г. писала, что «учком Виняевской школы 1-й ступени собрал средства на постройку агитсамолета Максима Горького 14 рублей и вызывает последовать примеру учкомы Слизневской и Ветошкинской школ» [14, с. 2].

В 1939 г. учительницей виняевской школы стала Валединская Вера Васильевна Валединская (1895–1983). Ее муж Василий Михайлович работал ветфельдшером в селе Семеново. В 1938 г. он был расстрелян за «контрреволюционное вредительство», и Вера Васильевна с пятью детьми поселилась в Виняеве. После войны учителями в Виняеве также были Валентина

Ивановна Сучкова (Кислякова) и Мара Васильевна Бурова (Валединская) – дочь Веры Васильевны.

С возникновением в Виняеве колхоза «Отбой» (позднее переименованного в «Красный пахарь») школа перешла под его контроль. Еще с 1 ноября 1935 г. школьники стали получать горячие завтраки (мясной суп). Правление колхоза выделяло средства на экскурсии для учеников, спортивные соревнования, праздники. На Новый год ставили елку, водили хороводы. Известно, что в 1950 г. было выделено по 2 руб. на каждого ученика для новогодних подарков [15, д. 39, л. 27]. Многие мероприятия проводились совместно с сельским клубом. В газете «Сельская новь» за 1962 г. сохранилась публикация о поездке виняевских школьников в Арзамас:

«В гостях у пионеров города Арзамас недавно побывали виняевские школьники. В городском Доме пионеров им. А. Гайдара был концерт. Юные зрители шумно радовались и долго аплодировали исполнителям и танцорам шуточной сцены “Собрание”. Потом сельские пионеры показали свое искусство. Сценка “Пригласили”, клоунада “Младший братишка” и другие интересные номера понравились всем присутствующим. Виняевские школьники Слава Макаров, Нюра Куракина, Миша Семериков и другие выступившие ребята стремились выиграть в этом творческом соревновании. После концерта гости и хозяева тепло распрощались. Потом пионеры села совершили интересную экскурсию по историческим местам города, побывали в краеведческом музее, в парке культуры и отдыха им. А. Гайдара. Здесь в березовой роще мальчишки и девчонки поиграли, долго катались на каруселях. Веселые, возбужденные возвращались они домой. Колхозный шофер Алексей Иванович Ушаков сделал остановку в селе Выездном у памятника Герою Советского Союза Алексею Куликову. Он рассказал пионерам о жизни солдата и его бессмертном подвиге. Всю дорогу от Арзамаса до Виняева был слышен задорный мальчишеский смех, песни. Надолго запомнят дети этот день. Зав. клубом Н. Подмарев» [16, с. 2].

После выхода Веры Васильевны на пенсию ее место заняла Антонина Аркадьевна Глибина. Некоторое время учительницей была Анна Ивановна Хорькова из села Туманово. Разумеется, в школе трудились не только учителя, но и технический персонал из местных жителей: Евдокия Федоровна Корнилова, Анна Семеновна Капранова, Анастасия Алексеевна Григорьева, Валентина Ивановна Воробьева.

Последней учительницей Виняевской начальной школы была Анастасия Афанасьевна Зинина. В конце 80-х гг. школу закрыли, дети стали учиться в соседней Ветошкинской школе.

Сейчас школьное здание пустует, находится в ветхом состоянии. В 2021 г. ему исполнится 113 лет. Почти все жители села помнят, как учились здесь, постигали науки, как весело смеялись на переменах ***(Приложение 2, фото 1–3)***. Вспоминают и про учительниц Валединских, воспитавших не одно поколение учеников. С их слов, Вера Васильевна была очень строгой, Мара Васильевна – доброй и отзывчивой, но могла и поругать, если кто-то нарушал дисциплину в классе. Она учила их читать, считать, ставила почерк. Были занятия по рукоделию и физической культуре, упражнения по которой при хорошей погоде проводились на специальной площадке перед школой. Выросшие ученики никогда не забудут, как ходили сюда в классической школьной форме, на уроках сидели за деревянными партами и писали в тетрадях чернилами.

Многие потом и сами стали учителями: Валентина Ивановна Сучкова (учительница Виняевской школы в послевоенное время), Александр Александрович Варганов (директор Семеновской, а затем Мухтоловской школ), Валентина Яковлевна Щетинина (учительница в селе Ковакса), Иван Иванович и Антонина Ивановна Варгановы, Валентина Васильевна Маницына (учителя в селе Ветошкино). В настоящее время жительницы села Виняево Наталья Павловна и Альбина Александровна Рябовы работают учителями Слизневской школы.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 558.
2. Зюзин В.М., Тюрин И.Т. Стексово: сведения из истории села. – Арзамас, 1999.
3. Щербина Н.Ф. О народной грамотности и устройстве возможного просвещения в народе. – СПб.: тип. А.А. Краевского, 1863.
4. Нижегородские Епархиальные ведомости. – 1895. – 15 апреля. – URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/422/
5. Справочная книга по низшему образованию. – СПб.: Сенатская типография, 1910.
6. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-550. Оп. 6.
7. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1.
8. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 3. Оп. 1.
9. Открытый список: база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.). – URL: https://ru.openlist.wiki/
10. ЦАНО. Ф. 1678. Оп. 510.
11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-5. Оп. 1.
12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-320. Оп. 1.
13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-10. Оп. 1.
14. Арзамасская правда. – 1933. – 16 марта.
15. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-670. Оп. 1.
16. Сельская новь. – 1962. – 16 июня.

Статья написана по материалам книги Е.И. Масловой и А.И. Щетинина «Виняево: наша история» (Н. Новгород, 2020).

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ И ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Михаил Игоревич Николаев[1], Ирина Александровна Субботина[2]

[1]Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева,
студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: misha_nikolaev_2000@mail.ru

[2]Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева,
кафедра экономики и гуманитарных дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: subbotina.irina.alex@yandex.ru

Статья посвящена проблеме взаимодействия органов власти Временного правительства и Советов в Нижегородской губернии, а также оценке отношения населения к ним в период двоевластия 1917 г. Анализ проводится на основе источниковой базы территории всей губернии.

Ключевые слова: *Временное правительство; Советы; Губернский комиссар; период двоевластия.*

В рамках развития отечественной историографии среди наиболее актуальных проблем выделяется вопрос результативности мероприятий органов власти, эффективности проводимой политики, взаимоотношений государства (в лице органов власти) и общества. Подобная тематика интересовала исследователей и в советское время. Исследования периода СССР касались, в основном, деятельности Советов и подотчетных им органов. Однако вопрос работы органов Временного правительства долгое время оставался в тени, несмотря на законность их государственной власти. Период двоевластия с февраля по октябрь 1917 г. рассматривался с позиции Советов. Источники местного значения не изучались, ситуация столицы автоматически экстраполировалась на территорию всей страны. Таким образом, представляется актуальным освещение вопроса взаимоотношений и совместной работы органов власти Временного правительства, представительств Советов на местах и населения, в частности, в Нижегородской губернии.

Проблема взаимоотношений местных органов власти Нижегородской губернии и представителей партийных организаций стояла не так остро, как в столице, где зачастую наблюдались конфликты. По причине низкой политической грамотности населения ориентировать нижегородцев было довольно просто. Отношения, сложившиеся между Советами и властью, можно охарактеризовать как мерное балансирование, стремление к возможному сотрудничеству. Имеется немало документальных подтверждений этому. Многие документы могли быть подписаны не только Губернским Комиссаром, но и представителями различных Советов, например,

это касается постановления о воспрещении волостным комитетам запрещать рубку леса и заготовку дров. Среди подписавших этот документ лиц значатся: Губернский Комиссар (далее по тексту Гуком) П.А. Демидов, председатель Совета Крестьянских Депутатов Кутузов, товарищ (заместитель) Председателя Совета Рабочих Депутатов Заходер и от имени Председателя Совета Солдатских Депутатов Бернат [1, с. 118]. Воззвание Нижегородского Губернского Исполнительного Комитета к крестьянам и помещикам о земельном вопросе первым же предложением дает понять, что представленный документ составлен «Нижегородским Губернским Исполнительным Комитетом по соглашению с Советом Крестьянских депутатов во имя государственных интересов» [2, с. 192].

Сотрудничество Гукома, как высшего органа исполнительной власти Временного правительства в Нижегородской губернии, с Советами подтверждается еще и тем фактом, что все кандидатуры на посты Комиссаров и чиновников его круга проходили рассмотрение в Советах, после чего следовал типичный документ: «Нижегородский ВРК и Исполком Нижегородского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов считает кандидатуру гражданина Снежинского на должность помощника Гукома приемлемой» [3, д. 10, л. 151]. Постоянный обмен мнениями также мог проходить в ходе совещаний при Губернском Комиссаре, поскольку Советы делегировали в их состав от трех до пяти членов. В этом случае каждый делегат получал удостоверение для предъявления комиссару, гласящее, например: «Предъявитель сего, член Президиума и Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, А.А. Орлов, делегирован Советом в Правление Гукома на совещание по вопросу о борьбе с преступностью» [3, д. 11, л. 12]. Сотрудничество Комиссариатов и Советов в уездах доказывает и телеграмма Уездного Комиссара Жилинского, который даже поручил расследование местного происшествия Совету Рабочих Депутатов, а не своему помощнику: «В Кулебаках… арестован директор завода Вавилов. Находится под домашним арестом. Запрашиваю Совет Рабочих о причине. Лично выехать не могу по болезни» [4, с. 2].

Настроения населения по вопросу разграничения сфер влияния Комиссаров и Советов были не однозначны. Существует несколько документов, позволяющих определить приоритеты жителей Нижегородской губернии. Резко отрицательные взгляды в отношении Временного правительства высказывают рабочие Нижнего Новгорода. Резолюция с требованием контроля за деятельностью Временного правительства появилась после обнародования ноты 18 апреля. Главное требование к правительству заключалось в том, чтобы «все важнейшие акты… были в согласовании с мнением Петроградского Совета рабочих, солдатских, (в будущем) крестьянских депутатов, которого Советы всемерно поддерживают» [5, с. 1]. Однако

следует подчеркнуть, что в резолюции говорится только о столичных объединениях. Несколькими днями ранее появилось постановление схода крестьян Семетской волости Нижегородского уезда о необходимости контроля за действиями Временного правительства, однако общий настрой и обоснование этой меры были иными. Прежде всего, отмечено, что крестьяне «обязуются подчиниться всем приказаниям Временного правительства и поддерживать его всеми силами» [6, с. 574]. Но так как Советы, по мнению крестьян волости, являются выразителями воли интересов русского народа, то правительство должно работать рука об руку с населением. Качественным следствием этого шага должно стать сплочение власти и народа.

Несмотря на негативные настроения нижегородских рабочих, другие слои населения оказались на стороне Временного правительства, о чем свидетельствуют данные общероссийской газеты «Вестник Временного правительства» от 26 апреля 1917 г.: «Состоявшееся в Нижнем Новгороде многочисленное собрание мирян и духовенства, во главе с епископом Лаврением, постановило приветствовать Временное правительство как единственную законную власть русского государства. Собранием фабрикантов и заводчиков Нижегородской губернии отправлена министру-председателю приветственная телеграмма с выражением готовности поддерживать его работу» [7, с. 4].

Уезды, удаленные территориально от центра, не составляли категоричных документов. Показателен пример Исполкома Емангатской волости, который 21 апреля «постановил привести к присяге на верность службы Временному правительству по случаю введения нового Правительственного строя, 23 апреля всех гражданских лиц и других служащих...» [3, д. 16. л. 62]. Положительным фактом для характеристики отношения к Губернскому Комиссару могут служить множественные телеграммы в его адрес от организаций и частных лиц с выражением доверия в форме красноречивых высказываний и эпитетов. Однако были случаи приветствия и Временного правительства, и Советов. В качестве примера можно привести одну из телеграмм: от крестьян сел Чуфарово, Лопатино и Саврасово Арзамасского и Лукояновского уездов. После различных предложений по управлению государством крестьяне подписали: «Посылаем от чистого сердца свой привет Совету рабочих и солдатских депутатов и Временному правительству и просим вас работать вместе до учреждения Учредительного собрания, а мы поддержим вас [и если] понадобится, умрем за свободу» [6, с. 577]. Таким образом, крестьяне этих районов принимали обе организации, не выделяя ни одной из них, что можно расценить как желание наблюдать взаимное сотрудничество Советов и местных органов власти Временного правительства.

Рассмотрим также результат собрания граждан города Сергача. Жителями города было направлено сразу две телеграммы: и Временному правительству, и Советам рабочих и солдатских депутатов в Петроград. В первой из них население «выражает полное доверие Временному правительству и изъявляет готовность всемерно поддерживать его в его работе по осуществлению объявленной им программы» [3, д. 54, л. 10]. Во второй жители Сергача выражают поддержку Совету, их стремлению «контролировать действия Временного правительства», но далее следует приписка, что правительство нуждается в его поддержке. Следовательно, можно говорить о том, что население губернии выражало свою поддержку как Временному правительству, так и Советам. Каждому адресату была высказана определенная доля симпатий, а какой осталась реальная позиция и расстановка акцентов среди самих участников собрания, остается неизвестным.

Иная ситуация осложнилась к октябрю, когда революционные настроения достигали своего пика. Чаще стали появляться замечания о случаях распространения новых идей среди жителей губернии. Помощник Макарьевского Уездного комиссара даже попросил особенных полномочий: «Замечены лица с взглядами большевистских идей. Прошу ваших указаний по отношению к таковым в случае реального проявления их преступных замыслов» [2, с. 322]. Относительно активности партийных организаций на местах можно привести документальное свидетельство Центрального комитета РСДРП о том, что в Нижегородской губернии «конференция отмечает малодеятельность партийных организаций на местах и находит, что малодеятельность объясняется не только недостатком сил, но и неопытностью и отсутствием инициативы у местных партийных работников» [8, д. 87, л. 17].

Следовательно, говорить о широком распространении идей партийных организаций среди населения Нижегородской губернии к середине 1917 г. не приходится. Тем не менее, преемником государственной власти Комиссаров Временного правительства стал В. Сибиряков «на основании полномочий, данных… Нижегородским Советом рабочих и солдатских депутатов». Своим постановлением от 21 декабря 1917 г. он отменил все распоряжения Гукомов губернии, «не связанных с мерами охраны порядка и искоренения пьянства» [9, с. 1].

Начиная с 20-х чисел декабря 1917 г. власть комиссаров Временного правительства в Нижегородской губернии пришла к завершению, а основная политическая деятельность сосредоточилась в руках организаций партийного характера, имевших большое влияние на население. Главной ошибкой и противоречием социальной политики местных органов власти Временного правительства явился недостаток общения с населением. Являясь исполнительной властью в Нижегородской губернии, Комиссары

большую часть усилий бросили на четкость выполнения указаний Временного правительства, забывая о необходимости исследования настроений и нужд основной части местного населения. В то же время, Советы пропагандировали лозунги, близкие духу народа. При такой действительности 1917 г. победа Октября была практически предрешена.

Источники и литература

1. Субботина И.А. Организация и деятельность местных органов власти Временного правительства в Нижегородской губернии: дис. … канд. истор. наук. – Н. Новгород, 2005.
2. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии. Сборник документов / Под ред. А. Великоречина. – Горький: Кн. изд., 1957.
3. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 1882. Оп. 1.
4. Нижегородский листок. – 1917. – 4 апреля (№ 134).
5. Известия Нижегородских Советов рабочих и солдатских депутатов. – 1917. – 27 апреля (№ 10).
6. Революционное движение в России в апреле 1917 г. / Под ред. Л.С. Гапоненко. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.
7. Вестник Временного правительства. – 1917. – № 40 (86).
8. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 275. Оп. 1.
9. Нижегородский губернский комиссар (Временного правительства). Воззвание В. Сибирякова об охране порядка в городе и губернии. (Листовка). – Н. Новгород, 1917.

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ

Олег Владимирович Ефимов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, доцент

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: oleg.efimov1965@mail.ru

В статье анализируется процесс аграрных преобразований в уездах Нижегородской губернии. На местном конкретно-историческом материале рассматриваются сложности и противоречия земельного передела, исследуется взаимодействие губернских структур управления с уездными органами местного самоуправления и обществом в аграрной сфере.

Ключевые слова: *земельные комитеты; Советы; аграрные отношения; земельный вопрос; сельские общества; декрет; постановление.*

Советское правительство доверило приступить к реализации Декрета о земле местным земельным комитетам. Им поручалась конфискация нетрудового землевладения под контролем уездных Советов. Многие волостные земельные комитеты рассматриваемого региона приступили к конфискации частновладельческого землевладения с ноября 1917 г. Специально созданные для этой цели комиссии производили учет нетрудовых хозяйств, результаты учета заносили в ведомость, образцы которой были разработаны на местах. В ней фиксировались земельный состав хозяйства

по угодьям, движимое и недвижимое имущество, живой и мертвый инвентарь, продовольственные и кормовые запасы.

Активную работу по учету имений проводили земельные комитеты Арзамасского, Васильсурского, Горбатовского, Сергачского, Балахнинского уездов Нижегородской губернии. В течение ноября было принято на учет 12 крупных имений в пяти волостях Арзамасского уезда [1, д. 289, л. 4, 16, 20, 22, 25, 32, 50]. Троицкий волостной земельный комитет Васильсурского уезда за ноябрь–декабрь принял на учет девять хозяйств [2, д. 11, л. 61–70]. В Горбатовском уезде к концу декабря на учете числилось 62 хозяйства [3, д. 101, л. 1–4, 55, 94–141].

Крупные помещичьи имения, имевшие большую ценность как культурные хозяйства, брались на учет губернскими уездными земельными органами.

С организацией волостного звена Советской власти конфискация частновладельческих нетрудовых хозяйств приняла более целенаправленный характер, а учетные работы, как правило, завершались полной конфискацией. Волостные Советы устанавливали контроль над деятельностью земельных комитетов и учетных комиссий, сосредотачивали у себя всю документацию по конфискованным имениям, направляли в них своих комиссаров. В Юринской волости Васильсурского уезда крупное имение графа Шереметьева было взято на учет земельным комитетом еще в ноябре 1917 г. В него был назначен комиссар. Но созданный 31 декабря Совет рабочих и солдатских депутатов нашел, что «действия комиссара не соответствуют постановлению в земельном вопросе декрета, изданного 26 октября» [2, д. 3, л. 27]. На втором заседании 2 января 1918 г. волостной Совет избрал специальную комиссию для приема имения в свое ведение [4, д. 61, л. 15].

Хиринский волостной Совет Арзамасского уезда в январе–феврале произвел переучет в ряде помещичьих хозяйств и, обнаружив недостачу некоторых предметов имущества, инвентаря и кормовых запасов, решил передать управление представителям волисполкома, а комиссаров комитета уволить [5, д. 11, л. 61–70].

Крестьянские Советы завершили работу, начатую земельными комитетами в деле учета и конфискации нетрудового частновладельческого землевладения.

Анализ документов, в частности, учетных ведомостей частновладельческих имений, отчетных материалов уездных и губернских земельных органов, протоколов местных Советов дает основание утверждать, что конфискация нетрудового землевладения в Нижегородской губернии не завершилась полностью в феврале 1918 г. Она продолжалась весной и летом того же года. Причем даже в пределах одной и той же волости первый

этап конфискации – учет имений – затягивался часто на несколько месяцев. В Хиринской волости Арзамасского уезда, например, в первую очередь, было принято на учет имение Понетаевского женского монастыря. Эта работа проводилась в ноябре 1917 г. [1, д. 289, л. 32]. В январе – приняты имения помещика Богодурова [1, д. 289, л. 35], а 12 остальных хозяйств были конфискованы уже земельным отделом Совета в марте 1918 г. [1, д. 289, л. 1, 4, 7, 12, 18, 26, 28, 35, 37, 41, 47]. В Выездновской волости того же уезда имения брались на учет, соответственно, 5, 7 декабря, 4, 28 января, 13, 30 февраля [1, д. 294, л. 2, 9, 15, 17, 22, 28]. Здесь учет также завершался под контролем волостного Совета. В Мотовиловской волости первые имения принимались на учет 27 ноября, а последние – 19 марта [1, д. 281, л. 180]. Подобная картина наблюдалась в Горбатовском, Балахнинском, Васильсурском и других уездах Нижегородской губернии.

В отдельных местах вплоть до осени 1918 г. сохранялись земли, не конфискованные органами Советской власти. В Воскресенской волости Воскресенского уезда, например, пахотные и луговые угодья, принадлежащие священнослужителям села Воскресенского, были приняты на учет лишь 2 октября [1, д. 281, л. 180].

Из 1 503 нетрудовых хозяйств, конфискованных в Нижегородской губернии, удалось выявить время взятия на учет 433. Из них 2,4% хозяйств были взяты на учет до октября, 26,2% – в ноябре–декабре 1917 г., 48,5% – в январе–феврале 1918 г. и остальные – в последующие месяцы.

В течение всего 1918 г. было конфисковано 1 503 нетрудовых хозяйств с общей площадью земельных угодий 851 296 десятин. Конфискованные имения резко различались по величине и составу земельных угодий. Если в группе южных уездов это были крупные помещичьи экономии с преимущественно пахотными землями, то в северных – мелкие нетрудовые хозяйства, среди земельных угодий в которых преобладали леса.

В Балахнинском уезде, например, было конфисковано 273 хозяйства, преимущественно небольших, с лесными площадями [1, д. 281, л. 180].

Завершающим этапом ликвидации всех видов частного землевладения стало распределение конфискованных земель на новых демократических началах. Распределение земли было важнейшим моментом в «обуздании» революционного процесса. Перед большевиками стояла задача овладеть бунтом, возглавить его – и утихомирить. Русская революция с начала февраля 1917 г. была крестьянской, неразрывно связанной с бунтом. Овладеть ситуацией, не дать разрастись бунтарским настроениям, снизить остроту социальных противоречий и ввести жизнь в нормальное русло созидания становится важнейшей задачей новой власти. Для такого поворота к «обузданию» революции нужна была огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений». И не только сме-

лость, но и чувство меры – и близость к массам. Поэтому в важнейшем вопросе распределения земли власть, как и в вопросе о заключении мира пойдет за крестьянством, т.е. будет делать то, на чем настаивала и требовала основная крестьянская масса.

В Нижегородской губернии по вопросу о принципах распределения конфискованного фонда в крестьянской среде не было единой точки зрения. Деревенская беднота считала, что земля должна быть распределена «по справедливости», т.е. перейти в пользование малоземельных и безземельных слоев деревни. Ей противостояли зажиточные крестьяне и сельская буржуазия, претендовавшие на расширение своих наделов и укрепление, таким образом, экономических позиций. Наглядным примером может служить результат опроса сельских обществ Лукояновскогоу езда, проведенного в январе 1918 г. На вопрос анкеты, как будет отдаваться помещичья земля, 38 сельских обществ ответили, что они планируют распределить ее среди безземельных и малоземельных крестьян, испытывающих острую нужду. В 12 анкетах зафиксировано стремление распределить землю уравнительно, по едокам. Вместе с тем в 23 случаях указано, что помещичья земля будет распределена по всем крестьянам, а три сельских общества решило передать ее тем, кто будет «способен засеять» [6, д. 139]. Из ответивших 126 сельских обществ лишь 5 допускали возможность использования наемного труда в сельском хозяйстве. Такие ответы свидетельствовали о серьезных социальных противоречиях в деревне и предвещали упорную борьбу при предстоящем распределении земли.

Основная работа по подготовке и проведению раздела земли развернулась после того, как на местах были получены тексты «Основного закона о социализации земли» и «Временной инструктации о переходных мерах».

Инициатива в деле выработки условий распределения земли во временное пользование принадлежала уездным съездам Советов. В течение февраля–апреля 1918 г. они состоялись в большинстве уездов, и земельный вопрос был одним из главных в повестке дня их заседаний.

Нормы, порядок выделения, условия землепользования устанавливались весьма разнообразные. В некоторых уездах Нижегородской губернии была предпринята попытка установить поуездную норму наделения землей. В Сергачском уезде она была определена в размере 1,48 десятины на каждого едока. Бывшие землевладельцы при желании наделялись землей согласно указанной нормы и пользовались ею на равных основаниях с другими землевладельцами [7, д. 3, л. 46–49]. В других же уездах межволостной передел не планировался. Предполагалось оставить волости в прежних границах, а нормы наделения землей должны были определить земельные отделы волостных Советов.

Согласно выработанных переходных норм, конфискованные земли должны были распределяться среди малоземельных и безземельных по волостным нормам. Такой порядок, в частности, предусматривался решениями Балахнинского и Горбатовского уездных Советов Нижегородской губернии [8, д. 1213, л. 51].

В апреле 1918 г. съезд земельных отделов Нижегородской губернии утвердил «Временную инструкцию о переходных мерах», которая стала основным руководящим документом местных структур власти в ходе весеннего распределения земли. В инструкции подчеркивалось, что «земли, которые обрабатывались и будут обрабатываться личным трудом земледельца и его семьи, как свои, так и арендованные и не превышающие принятую для данной местности временной потребительно-трудовой нормы, переделу не подлежат». «Распределение земли предусматривалось по потребительно-трудовой норме, которая определялась для каждого селения отдельно. При выработке такой нормы должны были браться в расчет рабочие силы крестьянских хозяйств» [9]. Таким образом, Нижегородская губернская инструкция предусматривала не только раздел конфискованных земель частных владельцев, но общее уравнивание в землепользовании внутри каждого села. Это приводило к нивелировке крестьянского землепользования, устраняло противоречия с помещичьим землевладением, т.к. помещики, как социальный слой теряли свой статус и прекращали существовать. Однако обострялись отношения между сельской буржуазией и остальной массой крестьянства. Возникали трения между зажиточными крестьянами, середняками и беднотой. Последнее противоречие было менее острым, и власть через низовые структуры управления на местном уровне будет его решать. А второе противоречие приведет к серьезным осложнениям, как в среде крестьянства, так и к противоречиям богатой верхушки села с новой властью. Однако обойти это противоречие властям было невозможно, оно могло бы выйти на более острый уровень. И привести к аналогичному противоречию, как было между крестьянством и помещиками. Власть только ликвидировала эту проблему, и закладывать условия для нового конфликта было опасно для самой власти. Такая ситуация могла привести к новому социальному взрыву. К тому же, это противоречило настроениям основной массы земледельцев.

Осуществление коренной ломки поземельных отношений потребовало значительных усилий местных Советов и их земельных отделов. Для выполнения технической работы по распределению земли потребовались специалисты. В начале апреля Нижегородский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов принял решение организовать курсы по социализации земли [10, д. 108, л. 32].

В мае по всей губернии уже работали 58 землемеров [11, д. 137, л. 142], затем их число выросло до 140, а летом – до двухсот [12, с. 16].

Попытки земельных органов следовать установкам закона о социализации и губернских инструкций, требовавших выработки уравнительно-трудовой нормы, сразу же натолкнулись на огромные трудности. Недостаток специалистов, запутанность поземельных отношений, отсутствие необходимых статистических данных – все это вынуждало искать и находить более простые и, вместе с тем, эффективные принципы распределения земли во временное пользование. Таким принципом во многих уездах стал раздел по едокам.

В Княгининском уезде по рекомендации уездного исполкома 23 апреля съезд Советов принял «Правила распределения», предусматривавшие полный передел надельных и конфискованных частновладельческих земель по едокам. Попытки губернского земельного отдела заставить советские органы Княгининского уезда следовать букве и духу губернской инструкции во внимание приняты не были [13, д. 2, л. 2]. Крестьянство исходило из житейской целесообразности и, как оно считало, – справедливости. Губернские органы не могли предусмотреть все нюансы передела, поэтому приняли сложившуюся ситуацию, как должное.

Чрезвычайно пестрой была картина распределения в Арзамасском уезде. В большинстве случаев здесь проводился внутри волостной передел по едокам. В результате у зажиточных и кулацких семей были изъяты излишки земель. В селе Васильев Враг распределение производилось по рабочим силам.

В большинстве сел Спасской волости передела не было, а безземельные и малоземельные наделялись из фонда бывших помещичьих земель. То же самое имело место и в Мотовиловской волости [14, д. 28, л. 2; д. 29, л. 95].

В Балахнинском уезде вопреки «Правилам о распределении земли», принятым съездом 8 апреля, раздел во многих волостях начали проводить по едокам. Уездный земельный отдел был вынужден согласиться с такой практикой, а 15 мая разрешил волостным Советам производить разверстку земли «по числу едоков независимо от пола и возраста» [1, д. 272, л. 3]. Этот принцип был соблюден в шести волостях уезда.

Сведения о способах раздела земли, применявшихся в волостях Нижегородской губернии под яровые посевы 1918 г., показывают, что в большинстве волостей преобладал раздел по едокам, который удовлетворял интересы малообеспеченных слоев деревни [15, д. 218, л. 45].

Уравнительный передел ущемлял интересы сельской буржуазии. Их не устраивала передача части земли беднейшим слоям деревни. Поэтому весной в ряде волостей они перешли к активной борьбе против Советов и их земельных отделов. Зажиточные крестьяне Казеевской волости Васильсур-

ского уезда в конце апреля 1918 г. с оружием в руках выступили против Советской власти, захватили руководство волостным Советом и обязали крестьян не пахать вновь полученные земли, угрожая нарушителям штрафом в 25 руб. и физической расправой [16, д. 4, л. 77]. В Юрасовской волости Семеновского уезда кулаки разогнали земельный отдел, его председателя избили, а землю вернули прежним владельцам [17, с. 212].

Представители сельской буржуазии и зажиточные элементы, преобладавшие в ряде волостных Советов, всячески препятствовали межволостному перераспределению земель, если оно ущемляло их интересы.

Они не хотели расставаться со своими участками и отрезать излишки сверх общеуездной нормы безземельной и малоземельной бедноте соседних волостей. Когда, например, начался уравнительный передел земли в Васильсурском уезде, ряд волостных сходов отказался признать решения уездного съезда Советов, а Советы Егорьевской, Высого-Осельской и Низовской волостей поспешили прибавить количество наличных душ в волостях к сведениям, уже доставленным в уездные земельные органы. В результате в ряде волостей распределение проводилось не по общеуездным нормам, а по местным, волостным, которые превосходили уездные [18, с. 517].

К лету 1918 г., в основном завершилось распределение земель ярового клина. На повестку дня встал вопрос о распределение сенокосов, а затем и земель, занятых озимыми посевами. Эта работа завершилась летом и осенью при активном участии комитетов деревенской бедноты.

Каковы же итоги распределения конфискованного земельного фонда в Нижегородской губернии?

Следует заметить, что земельные органы губернии при подведении итогов аграрных преобразований столкнулись с серьезными трудностями, связанными с чрезмерной сложностью социальной структуры дореволюционного землевладения, слабой постановкой работы местной статистики.

В 1922 г. были получены исчерпывающие сведения как о земельном фонде губернии кануна революции, так и об итогах его распределения после Октября. Они были изложены в докладе заведующего губземуправлением на IV губернском съезде профсоюза Всеработземлеса 4 декабря 1922 г. Эти данные таковы:

Общая площадь губернии накануне революции – 4 527 408 десятин.

Из них земель сельскохозяйственного назначения – 2 500 893 десятины.

Лесов – 1 756 516 десятин.

Неудобной земли – 270 000 десятин.

Из земель сельскохозяйственного назначения трудовому населению принадлежало – 1 751 552 десятины.

Купленной обществами и товариществами – 199 255 десятины.

Нетрудовых земель – 550 086 десятин.

В результате распределения трудовому сельскому населению стало принадлежать – 2 437 356 десятин.

Крестьянское землепользование увеличилось на 486 549 десятин.

В результате распределения конфискованного земельного фонда нижегородское крестьянство увеличило свое землепользование на 25% [1922, д. 926, л. 410–412].

Цифра прироста крестьянского землепользования в перерасчете на гектары (529 112 га) позднее была приведена как итоговая в юбилейном издании Нижгубисполкома в 1927 г. [20, с. 34] и последующих статистических сборниках [21, с. 168].

В процессе распределения земельного фонда перед крестьянством и властью вставал вопрос о семенах для засева и сельскохозяйственном инвентаре. Основная масса крестьян испытывала острейшую нужду в этих средствах. Поэтому властные структуры пойдут сразу на радикальные меры по изъятию и распределению зерна из помещичьих экономий среди остро нуждающихся. Помимо этого, зерно изымалось у сельской буржуазии и наиболее обеспеченных крестьян. Сельскохозяйственная техника изымалась из помещичьих хозяйств, создавались прокатные пункты, где техникой, лошадями и скотом обеспечивали беднейшие слои деревни. Так, Земельный Отдел при Княгининском Совете весной 1918 г. распределил среди нуждающихся семенной и живой инвентарь, необходимый для предстоящих весенних сельскохозяйственных работ. Весь этот инвентарь ранее был изъят Советом из помещичьих усадеб [22, д. 1, л. 208].

Члены исполкома Курмышского уездного Совета 9 марта 1918 г. постановили изъять излишки зерна у зажиточных граждан, «которые не участвовали в 3-х летней войне и нажили капитал». Все изъятое зерно передавалось солдаткам, сиротам, беднякам и солдатам-фронтовикам, не имевшим своего засева [23, д. 1, л. 8].

Арзамасский уездный продовольственный Комиссариат дал 16 февраля распоряжение волостным Советам проверить запасы хлеба и все излишки распределить между нуждающимися [24, д. 7, л. 4].

Нижегородский крестьянский съезд Советов 30 июня 1918 г. вынес постановление об уборке нетрудовых озимых посевов 1917 г. В седьмом пункте постановления указывалось о выделении потребного количества семян на обсеменение полей беднейших крестьян. Также собранный хлеб распределялся между голодающими волостями. В примечании указывалось, что, в первую очередь, должны удовлетворяться потребности местных голодных крестьян, и только излишки хлеба должны были поступать в другие волости, жителям городов, не имеющим никаких запасов хлеба [25, д. 10, л. 229].

Для уборки озимых с отчуждаемых земель создавались крестьянские артели, и, в первую очередь, из тех крестьян, которые не имели собственного засева, или малоимущих. Эти артели обеспечивались сельскохозяйственным инвентарем, изъятым из помещичьих экономий. Работа трудовых артелей производилась под наблюдением членов волостных продовольственных отделов. Весь собранный хлеб поступал на ссыпные пункты при экономиях, а потом распределялся среди работников и нуждающихся [25, д. 10, л. 228].

Изъятие излишков для засева полей неимущих проводилась и из монастырей. Такое постановление сначала издал СНК, а позднее по Нижегородской губернии аналогичное постановление издал председатель Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте Лацис. Постановление будет жестким и обязательным к исполнению: «Несмотря на декреты С.Н.К. в монастырях продолжают держать продукты больше установленной нормы. Предписываю всем монастырям в пятидневный срок сдать все излишки продовольствия местным продовольственным комитетам. Неисполнение настоящего приказа влечет за собой все последствия, предусмотренные декретом» [26, д. 15, л. 115].

Для поддержки бедноты в уездные города 27 сентября 1918 г. была разослана телеграмма из штаба 5-й армии: «Имущество всех бежавших контрреволюционеров конфисковать и передать отделам социального обеспечения для передачи бедноте. В покинутые дома и квартиры заселять неимущих и бедноту» [26, д. 15, л. 118].

Таким образом, новая власть издавала законы, в первую очередь, в интересах беднейшего и среднего крестьянства. При этом ущемлялись интересы имущих слоев деревни. Власть исходила в данной ситуации из интересов большинства, и при этом находя широкую поддержку основной массы земледельцев.

Эти мероприятия по сути можно назвать демократическими. Демократия – это народовластие или власть большинства. В интересах этого крестьянского большинства власть и начнет делать свои первые шаги. С другой стороны, действия новых властных структур по отношению к обществу можно назвать прагматичными, рациональными в сложившейся ситуации. Сначала был издан Декрет о мире, на котором настаивало крестьянство, далее крестьянам отдали помещичью землю, что тоже было важнейшим требованием земледельцев. Для предотвращения голода раздавались семена бедноте для засева, а вместе с ними во временное пользование был передан скот и инвентарь. Все это делалось под жестким контролем местных органов власти, выбранных самими же крестьянами. Параллельно с этим власть очень жестко реагировала на погромы, бандитизм, грабежи. Делалось все, чтобы жизнь вошла в стабильное созидательное русло. Од-

нако развитие событий сопровождается возникновением новых противоречий. Возникали противоречия с теми, кто лишался собственности или частично ее отдавал на нужды неимущих. Но сначала недовольство имущих групп не будет представлять опасности для властей, т.к. имущие были в меньшинстве и пока не представляли организованной силы. Первые успехи новой власти были вызваны тем, что она забирала собственность у незначительного меньшинства и передавала ее значительному большинству. Но в дальнейшем ситуация изменится и отношения основной части крестьянства и власти осложнятся.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 121. Оп. 1.
2. ЦАНО. Ф. 2042. Оп. 2.
3. ЦАНО. Ф. 1167. Оп. 1.
4. ЦАНО. Ф. 55. Оп. 1.
5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 2042. Оп. 2.
6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-78. Оп. 1.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-150. Оп. 4.
8. ЦАНО. Ф. 478. Оп. 6.
9. Красное Знамя. – 1918. – 17 апреля.
10. ЦАНО. Ф. 393. Оп. 4.
11. ЦАНО. Ф. 478. Оп. 1.
12. Чернов Г.В. Национализация земли в Нижегородской губернии // Социалистическое строительство в Горьковской области: Сборник статей / Под ред. Н.М. Добротвора. – Горький: [б. и.], 1957.
13. Государственный архив Нижегородской области, г. Балахна (далее – ГАНО, г. Балахна). Ф. 908. Оп. 1.
14. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-421. Оп. 1.
15. ЦАНО. Ф. 121. Оп. 2.
16. ЦАНО. Ф. 1. Оп. 1.
17. Чернов В.Г. Перераспределение земель в Нижегородской губернии весной 1918 г. // Ученые записки ГГУ, вып. 54. – Горький, 1961.
18. Победа Октябрьской социалистической революции в Нижегородской губернии: Сборник документов / Архивный отд. УВД Горьк. облисполкома. Парт. архив Горьк. обкома КПСС; Под ред. А.И. Великоречина и К.Г. Селезнева. – Горький: Кн. изд-во, 1957.
19. ЦАНО. Ф. 713. Оп. 1.
20. 10 лет Советской власти в Нижегородской губернии. – М., 1927.
21. Годы великого строительства, 1917–1967. – Горький, 1967.
22. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-1784. Оп. 1.
23. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-993. Оп. 1.
24. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-4. Оп. 1.
25. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-585. Оп. 1.
26. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-31. Оп. 1.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛХОЗОВ В АРЗАМАССКОМ И ДИВЕЕВСКОМ РАЙОНАХ В 1920-Х – 1930-Х ГГ.

Ирина Николаевна Балахонова
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Средняя школа № 7 им. А.П. Гайдара»,
кандидат исторических наук, учитель истории
Россия, Нижегородская обл., e-mail: ibalahonova@mail.ru

После Октября 1917 г. жизнь русского крестьянства претерпела серьезные изменения. Декрет «О земле» и закон «О социализации» объявляли о национализации земли и объявляли о развитии коллективного хозяйства в земледелии, основанном на обобществлении средств производства. Однако ограничение возможности колхозников свободно распоряжаться продуктами своего труда, лишение организованной помощи со стороны государства отталкивало многих от вступления в колхоз. Борьба с кулаками и середняками, деятельность комитетов бедноты приводили к объединению в колхозы только бедняцкой части деревни, что не могло не сказаться на их материальном положении. Изменения в отношении коллективного хозяйствования начнутся только после НЭПа, во второй половине 1920-х гг., а окончательное становление колхозов произойдет к середине 1930-х гг.

Ключевые слова: *социализация; коллективизация; комбеды; «военный коммунизм»; Красный обоз; раскулачивание; твердое задание; социалистическое обязательство.*

Двадцать шестого октября 1917 г. II Всероссийский съезд, вслед за Декретом о войне, принял Декрет о земле. В его основу был положен сводный крестьянский наказ, составленный эсерами на основании 242 наказов с мест делегатам I Всероссийского крестьянского съезда, который состоялся в мае 1917 г.

Э.М. Щагин отмечал, что в декрет были включены лозунги уравнительного землепользования и запрещения наемного труда в сельском хозяйстве, противоречащие большевистской аграрной программе и составляющие сердцевину эсеровской социализации земли. Другие же требования Декрета о земле – безвозмездная отмена частной собственности на землю, превращение всей земли в общественное достояние, конфискация живого и мертвого инвентаря помещиков и передача его, а также высококультурных имений государству или крестьянским общинам – фактически совпадали с аграрной программой большевиков [1, с. 263].

Однако Декрет о земле оставлял открытыми многие насущные вопросы. ВЦИК 19 февраля 1918 г. принял Закон «О социализации земли». Согласно ему, земля распределялась на «уравнительно-трудовых началах». Землей могли пользоваться лишь те, кто обрабатывал ее своим трудом [1, с. 264].

Декрет о земле и Закон «О социализации земли» провозглашали государство верховным собственником земли, а крестьяне становились пользователями земель, но не их хозяевами. Провозглашенное большевиками «уничтожение всякой частной собственности на землю» и «развитие кол-

лективного хозяйства в земледелии … за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству» противоречили естественному ходу поземельных отношений. Полная реализация аграрной программы грозила большевикам столкновениями с крестьянством, не согласным, в массе своей, встать на путь коллективизации [1, с. 299].

Подтверждением тому являются события в деревнях и селах Арзамасского и впоследствии выделившегося из него Дивеевского уездов.

Первый период социалистического строительства начался в Арзамасском уезде сразу после установления Советской власти и продолжался до 1921 г., до начала НЭПа. Он характеризовался следующими особенностями. Во-первых, в это время появляются коллективные хозяйства всех видов: коммуны, артели, ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли), большинство из которых быстро распадаются. Во-вторых, коллективизация в Арзамасском уезде осуществлялась за счет беднейшей прослойки крестьянского населения, которое отдавало преимущество коммунам, в которой обобществлялись все средства производства, распределение было уравнительное – по едокам [2, с. 33].

Начальный этап социализации сельского хозяйства в Арзамасском уезде знаменовался конфискацией помещичьей земли, осуществлявшейся местными Советами и земельными комитетами, избранными в декабре 1917 – январе 1918 гг. Так, крестьяне села Хватовка постановили: «…просить Красносельскую волостную земскую управу о немедленном образовании … приемочной комиссии для немедленного принятия имения помещика Таратыгина со всем его движимым и недвижимым имуществом в ведение Красносельского волостного земельного комитета, а для этой цели от граждан села Хватовки уполномачиваем нижеследующих лиц: Василия Андреевича Суханова и Степана Васильевича Клячина, коим мы доверяем» [3, д. 693а, л. 7 об.].

Однако экспроприированное имущество расхищалось, поскольку экспроприация и дележ частной собственности пробудили в части крестьян мелкособственнические настроения. Разграблению подвергались не только частновладельческие хозяйства, но и имущество, принадлежавшее государству. В селе Кардавиль крестьяне опустошили поместье Тархова; жители Коваксы, Пиявочного озера и Котихи похитили дрова, заготовленные для Москвы; ломовские, мотовиловские и чернухинские крестьяне увезли спирт со склада спиртзавода, ранее принадлежавшего Кащееву [2, с. 34].

Таким стихийным процессам способствовали и комитеты бедноты, созданные летом 1918 г. и предназначенные для оказания помощи

Советской власти в осуществлении новой политики на селе. «Комбеды должны вести активную борьбу с кулачеством… При комитетах бедноты должны быть организованы… боевые дружины. Партийные организации

на местах должны действовать через комитеты бедноты… Комитеты бедноты должны лишить кулачество право голоса. Должны отобрать для распределения излишки живого и мертвого инвентаря для снабжения им неимущих. Должны обобществлять жизнь села, приготовлять ее к коммунизму… Потребительские общества сейчас – неотъемлемая часть комитета бедноты… Комитеты бедноты должны образовать при себе возможные трудовые артели, …регулировать спрос и предложение труда, устанавливать заработную плату…Производство, предложение, учет, распределение и пр. должны проходить через них, без разрешения комитета бедноты ни один отдельный человек не может что-либо из имущества продать, покупаемое берется на учет…» [4, д. 33, л. 11].

С весны 1918 г. в Арзамасском уезде началось создание коллективных хозяйств. Двадцать шестого марта 1918 г. пятеро крестьян села Старо-Иванцево «после продолжительных бесед и обсуждений дали согласие организовать коммуну. Цель организации – осуществить прежние наши домашние сельскохозяйства, пришедшие в упадок после четырехлетней бойни, спасти от голода самих себя и наши семейства и для поддержания власти трудового народа» [5, с. 34]. Вступавший в коммуну отдавал туда все свое имущество, а довольствие получал в одинаковом размере с другими коммунарами. Все продукты и материалы сверх потребности поступали государству. В апреле 1918 г. коммуна была организована в селе Алрефьеве, в декабре 1918 – январе 1919 г. – в деревне Волчиха [2, с. 35].

Арзамасский уезд, наряду с Ардатовским и Нижегородским, относившимися к промышленно-земледельческим уездам, стоял на одном из первых мест в губернии по количеству возникших совместных хозяйств. Активно сопротивлялись объединению в коммуны зажиточные хозяева: срывали темпы землеустройства, затягивали выдачу семян и инвентаря коллективным хозяйствам [6, с. 143].

Отсутствие технического оснащения также сказывалось на существовании коммун: «Не имея в большинстве случаев никакого инвентаря, возбуждали ходатайства о ссудах и различной помощи… Когда же оказалось, что на всестороннюю помощь рассчитывать нельзя, то все эти коллективы начали хиреть и распадаться» [6, с. 72].

Положение с внедрением коллективных хозяйств осложнилось с введением политики «военного коммунизма», когда продотряды изымали у крестьян хлебные излишки. За зиму 1918–1919 гг. в Арзамасском уезде было заготовлено 270 тысяч пудов ржи, 1,3 млн. пудов картофеля, что приводило к недовольству крестьян новой политикой: «…мы пухли от голода. А из деревни… красноармейцы хлебушек увозили… И при страстях этих всё собирали нас на собрания. Про мировую коммунию, про светлую дорогу,

куды мы вроде-кась выходим… Сидим, бывало, слушаем, а в голове – тьма тёмная…» [2, с. 36].

Все это привело к тому, что на 1 января 1920 г. в Арзамасском уезде можно было считать существующими только воронцовскую коммуну «Свободный труд» и сельскохозяйственное товарищество села Никольское. Ликвидированными к этому времени по Арзамасскому уезду считались шесть коммун, две артели и одно товарищество [2, с. 36].

После окончания Гражданской войны, чтобы вывести страну из разрухи и голода, необходим был подъем сельского хозяйства, поэтому Губземком определил курс на более широкое обобществление земли и составил единый производственный план для колхозов Нижегородской губернии на 1921 г., который позже был утвержден Наркомземом. В объяснительной записке к этому плану Нижегородская губерния разделялась на четыре района, и давалось объяснение этого разделения. Арзамасский уезд был отнесен к четвертому району, который охарактеризовывался следующим образом: «Почвы – переходные к черноземы и черноземы. Осадков мало. Чисто земледельческие уезды с небольшими площадями распашек, с малым количеством неудобных земель. При возвышенной местности». К четвертому району отнесены были также Княгининский, Сергачский и Лукояновский уезды [7, с. 18].

В феврале 1921 г. состоялся II губернский Съезд союзов сельскохозяйственных кооперативов, на котором агроном С. Сысин в своем выступлении отметил, что «колхозы… должны хозяйство вести на рациональных основаниях дабы, с одной стороны, явиться показателем наиболее правильного направления хозяйства для данного района, с другой – наиболее продуктивно осваивать коллективным трудом природные данные района. И то, и другое может быть достигнуто путем абсолютно точного выполнения указаний производственного плана…» [6, с. 123].

В 1921 г. началась новая экономическая политика, разрешившая частную торговлю. В этих условиях выявляется очень существенный, в глазах крестьянства, недостаток колхозов – они ограничивали возможность колхозников свободно распоряжаться продуктами своего труда. Необходимы были иные формы организации сельскохозяйственного производства, соответствующие новым экономическим условиям, которые, как и колхозы, создавали наилучшие условия для высокой производительности труда и, в то же время, способствовали свободной реализации произведенных продуктов, повышая тем самым материальную заинтересованность производителя. Такой формой стала сельскохозяйственная кооперация, которая, оставляя возможность общественного способа производства, позволяла члену кооператива самому реализовывать полученную продукцию, т.е. в наибольшей степени отвечала нуждам страны [8, с. 44].

Положение колхозов с началом нэпа становилось все более тяжелым: они лишались организованной помощи и контроля «ввиду слияния подотделов колхозов с подотделами совхозов, а также ликвидации материальных льгот в связи с переходом на хозрасчет». В 1921–1924 гг. происходит резкое сокращение количества колхозов. Даже сохранившиеся колхозы в большинстве своем стали переходить на кооперативный устав, что вело к их фактическому распаду. Их члены возвращались к обычному крестьянскому землепользованию или уходили на отруба, как отмечалось в докладе Нижегородского губземуправления в Народный комиссариат земледелия о состоянии коллективизации в губернии [8, с. 44].

Так, например, в селе Ознобишино было создано кредитно-сельскохозяйственное промысловое товарищество. Оно охватывало семь селений (Ознобишино, Успенское, Ичалово, Кутузово, Кошкарово, Кашино и Юрьевка Арзамасского уезда (позже они будут отнесены к Дивеевскому уезду) общей численностью 780 дворов. Пай в товариществе составлял 10 руб., вступной взнос – 1 руб. Товарищество в 1924 г. числилось как неубыточное: прибыль приносило кошмовальное производство, аренда садов, снятых в Ознобишенском УЗО (450 яблонь), прокатный пункт (сдача в прокат молотилки и просорушки), ветряная мельница [9, д. 5, л. 1].

И только в середине 1920-х гг. положение колхозов стало меняться. Причиной этого стало усиление расслоения крестьянства, вызванное новой экономической политикой. В отчете отдела сельского хозяйства Нижегородского губземуправления о состоянии кооперативно-колхозного строительства в губернии в 1924–1925 гг. отмечается, что в 1925 г. впервые за период нэпа возрастает коллективное движение. Причем организовывались коллективные общества по инициативе крестьян.

Одиннадцатого февраля 1927 г. состоялось первое с начала нэпа совещание председателей колхозов, на котором обсуждалось положение коллективных хозяйств губернии. От Арзамасского уезда на нем присутствовали два делегата: представитель сельхозартели «Вперед» М.Н. Кочетков и представитель введенской сельхозартели Е.Л. Кузнецов. Выступивший на совещании М.Н. Кочетков рассказал о работе своей артели: «Артель оформилась в 1926 г. и получила из госземфонда 79 десятин пашни и 29 десятин земли. Пашня разбита на 7 полей. В артели 17 хозяев, живущих в селе, из них четверо без домов. Лошадей имеется 12 голов, коров – 17, от УЗУ получено 140 пудов сортовса. Урожай 75 пудов с десятины. Вией засеяно 4 десятины, турнепсом – 5 десятин, прочих яровых 12 десятин, озимых – 25 десятин. 0,5 десятин лугов поднято и засеяно смесью трав, с которых получено 75 пудов сена. За аренду земли платят 1 рубль 50 копеек с десятины. Доход от полеводства – 1 699 рублей – направлен на усиление

животноводства. За год выбыло из артели 6 середняков, на их место приняты бедняки» [2, с. 42].

Арзамасский уезд оказался одним из уездов, где оживление колхозного строительства было наиболее выраженным. Это отмечал съезд колхозов, первый с начала нэпа, который состоялся 22 июня 1927 г.

В 1928 г. в уезде началась массовая коллективизация. В 1929 г. было создано 36 колхозов и 169 разных объединений. После 1929 г. темпы организации коллективных хозяйств стали нарастать, что было связано с объявленной сплошной коллективизацией. Для ускорения процесса единоличников облагали повышенным налогом, а кулаков так называемым «твердым заданием». Колхозник платил государству 3 руб., единоличник – 31 руб., кулацкое хозяйство – 418 руб. [10, д. 58, л. 17].

Такая политика не могла не вызвать недовольства, особенно у зажиточных крестьян. В ответ на это еще более были ужесточены меры по борьбе с кулачеством. Была провозглашена политика «ликвидации кулачества как класса». Раскулачивание далеко не всегда проводилось объективно. Кулацким хозяйство определялось на сельском сходе по решению партийной ячейки, и очень часто к этому разряду причислялись не только зажиточные крестьяне. Особенно массовый характер это явление приняло после выхода в декабре 1930 г. закона «О едином сельскохозяйственном налоге». Закон устанавливал для местных властей контрольную цифру – кулацкими должны были быть признаны не менее 3% хозяйств. В Арзамасском уезде было раскулачено 451 хозяйство [6, с. 149].

На общих заседаниях колхозников не раз рассматривались вопросы относительно кулачества. Несмотря на борьбу с кулаками, многие из них продолжали владеть землей, мельницами, маслобойками, зернодробилками, использовали наемный труд батраков – односельчан-бедняков. Так, в протоколах колхоза села Ичалово Дивеевского уезда отмечалось: «Махов Егор, как владелец мельницы, вплоть до 1930 г. раздавал хлеб взаймы по высокие проценты; Капитанов Василий, как занимавшийся до революции, так и по настоящее время, торговлей хлебом; Антонов Павел Ефимович, как имеющий паровую мельницу; Галынин Иван Федорович, как имеющий масляную, относятся к разряду кулацко-зажиточной части населения» [11, д. 2, л. 4]. Многие из них имели скрытую аренду земли: Волков Никита Никитич, Галынин Александр Иванович, Жилов Василий Степанович [11, д. 2, л. 4 об.].

В 1929 г., когда страна взяла курс на сплошную коллективизацию, правительство возложило на деревню план по хлебозаготовкам, мясозаготовкам, яйцезаготовкам, общие собрания колхозников принимали решения об усилении работы сельских активистов для изъятия излишков у кулацко-зажиточной массы: «Все единогласно постановили сдавать хлебоизлишки

государству по установленным ценам, а также решили выявить хозяйства по злоупотреблению этой кампании» [11, д. 1, л. 5 об.]. Кроме того, часто правление колхоза принимало решение «о дообложении хлебозаготовок над зажиточными хозяйствами» [11, д. 1, л. 8 об.].

В свете борьбы с кулачеством колхозники Дивеевского уезда «постановили в ответ на кулацкие провокации… организовать Красный обоз». Суть его заключалась в заготовках хлеба, молока, яиц, мяса, собираемых с зажиточной части [11, д. 1, л. 22 об.].

Хозяйства, признанные правлением колхоза кулацкими, облагались налогами индивидуально, а их хозяева лишались избирательных прав и облагались твердым заданием по сдаче хлеба, мяса, молока, яиц [11, д. 6, л. 7 об.].

Нужно отметить, что если зажиточный крестьянин добровольно вс отдавал на благо колхоза, он опять же рассматривался как бывший мельник, бывший торговец, бывший держатель маслобойки и т.д. Поскольку такие хозяйства облагались по решению правления колхоза повышенным налогом, то их хозяева подавали в правление просьбы об освобождении их от твердого задания. Ответ, как правило, был один: «В просьбе, о сложении твердого задания, отказать» [11, д. 6, л. 54].

В чем состояло твердое задание? В протоколах колхоза села Ичалово Дивеевского уезда указано следующее: «Леухину Федору Архиповичу дать твердое задание по следующим признакам: как бывшему мельнику, работающему до 1930 г., ржи 20 пудов, овса – 15 пудов; Леухину Павлу Михайловичу, как имевшему молотильную машину…, дать твердое задание ржи 20 пудов, овса 30 пудов» [11, д. 6, л. 42].

Анализируя архивные документы, можно убедиться в том, что не было среди кулаков и середняков ни одного, кто, отдав добровольно все, признавался бы колхозником наравне с другими. Им по-прежнему вспоминали недавнее кулацкое или единоличное прошлое, лишение избирательных прав, а иной раз – и упрятанные хлеб, мясо, неявку на лесозаготовку [11, д. 6, л. 9 об., 12].

Полное завершение коллективизации в Арзамасском и Дивеевском районах произошло к концу 1933 г. Хотя колхозы и в ту пору не избежали бесхозяйственности. Например, в колхозах сел Ичалово и Ознобишино «…за два года по два председателя сменилось. Хозяйство всё обеднело» [11, д. 2, л. 14; 12, д. 6, л. 32 об.].

В соответствии с новыми реалиями времени, «было предложено всем правлениям колхозов заключить договора на соцсоревнование» [12, д. 2, л. 41]. Так, например, в 1939 г. на повестке дня общего собрания колхозников Ознобишенского колхоза им. 1 Мая Дивеевского района значилось следующее: «Мы, колхозники Ознобишенского колхоза берем на себя обя-

зательство полностью рассчитаться с государством к празднованию 22-й годовщины Октябрьской социалистической революции, как по плану, а также по всем видам политических кампаний, а также полностью закончить всю сельскохозяйственную уборку» [13, д. 1, л. 17 об.].

Или другой пример: «Общее собрание колхозников констатирует, что работа…, начиная с подготовки к весеннему севу… и проведении всех уборочных работ и осеннего сева прошли на высоком уровне по производительности труда. На основе социалистического соревнования сев закончили в срок и раньше на 15 дней с перевыполнением плана на 11,1% и в хорошем качестве работы» [13, д. 6, л. 30]. Превышение плана могло идти не только по количеству засеянного, но и по распашке земли: «Колхоз справился с весенним севом, неплохо произведя посев – вместо 333 га по плану 372 га в указанный срок и выполнив сев по социалистическому обязательству взятых в соцдоговоре закончили сев в 30 дней» [13, д. 6, л. 25 об.].

В вопросе о соцсоревновании колхозники не ограничивались только своими обязательствами, но и принимали вызов к нему со стороны других колхозов. Так, колхоз им. 1 Мая села Ознобишино принял вызов колхозников Алтайского края, и общим собранием колхозники постановили «закончить скирдование за 10 дней, закончить молотьбу и рассчитаться с государством по всем видам за 25 дней, закончить зяблевую вспашку за месяц, подготовить помещение к стойловому периоду за 15 дней» [13, д. 6, л. 16 об.].

Не обходилось и без проблем, которые колхозы пытались решать на общих собраниях. Указывалось, что «работа по уборке хлебов проходит слабо, ввиду того, что на работу выходят с большим опозданием; уборка зерна из сараев полностью не вывозится; метание стогов проходит недоброкачественно; некоторые колхозники недобросовестно относятся к работе, а правление колхоза вместе с бригадирами, не принимает никаких мер к этим колхозникам; семена по культурам не засыпаны; сбруи и инвентарь не отремонтированы; навоз на поля не вывезен» [13, д. 2, л. 4; 13, д. 6, л. 17 об.].

Одной из причин этого сами колхозники называли халатность: «Колхозы не имели никакой договоренности между собой в части сельхозмашин по уборке хлебов, хотя таковых в районе сельсовета в целом имеется достаточное количество, но благодаря халатности правлений последние в целом подготовленными не оказались, …сельхозмашины своевременно отремонтированы не были, с уборочной кампанией в срок не справились. Силосование в ряде колхозов совершенно не происходит, что угрожает срыву кормовых культур» [12, д. 2, л. 41].

Решались эти проблемы опять же на общих собраниях колхозников: «Не допускать нарушения сельскохозяйственного устава о невыходе на работу или отказа от работы; за неподчинение колхозников указаниям правления, применять меры взыскания согласно устава колхоза» [13, д. 2, л. 4; 13, д. 6, л. 17 об.].

И все-таки колхозное производство показало свою жизнеспособность. Довоенные колхозы были в основном экономически крепкими. Благосостояние их росло. Например, в 1939 г.Ознобишинский колхоз им. 1 Мая насчитывал «скот: 71 лошадь, 14 коров, 2 быка-производителя, 20 свиноматок, 1 хряк-производитель, 3 барана и козел, 15 пчелосемей; с/х-машины и орудия: 4 грабельные жатки, 1 жатка-лобогрейка, 2 сенокосилки, 1 соломорезка, 1 конные грабли, 1 молотилка БДО, 6 конных молотилок, 5 погонных ремней, 2 сортировки, 1 триер, 4 веялки, 2 дисковые бороны,12 двухконных плугов, 2 лущильника, 46 одноконных плугов, 8 культиваторов, 8 борон – зигзагов, 7 борон с железными зубами, 4 деревянных катка, 3 ручных пропольщика, 8 конных окучников, 5 семирядных сеялок, 2 13-рядные сеялки, 1 клеверотерка, 1 автомашина ГАЗ, 1 трактор с ТЗ сошником, 1 просорушка; постройки, сооружения и насаждения: 5 зернохранилищ, 4 молотильных сарая, 2 сельницы для мякины, 2 картофелехранилища, 2 конюшни для лошадей, 1 двор для молодняка, 1 изба у конюшни, 1 кошоховская, 1 шорная, 1 плотничий сарай, 1 контора, 2 мельницы двухпоставочные, 1 изба на мельнице, 1 кузница, 1 гараж, 1 свинарник, 1 ясличный дом, 1 кирпичный сарай, 1 конюшня при ферме, 1 для обжига кирпича, 1 сад яблоневый» [13, д. 1а, л. 21 об.].

Еще одной положительной стороной 1920-х – 1930-х гг. явился рост образования и культуры колхозников. Так, докладчик Ерошкин, выступая на общем собрании колхозников села Знобишино в 1926 г. отмечал, «что культурно-просветительская работа среди молодежи имеет громадное значение. Молодежь должна, в конце концов, приняться за культурную работу, ибо это в ее интересах. Если колхоз не располагает культурно-просветительными работниками, то необходимо связаться с избой-читальней, если такая имеется и проч. Нужно использовать посиделки, где молодежь убивает много времени без всякой пользы…» [9, д. 5, л. 43 об.]. Для этого проводилась просветительско-лекторская работа, создавались клубы, красные уголки, которые «должны быть обеспечены всеми информационными материалами для просвещения молодежи» [9, д. 5, л. 44].

В результате культурно-просветительской работы к 1940 г. в Арзамасском районе было 78 средних, семилетних и начальных школ; 80 библиотек; 18 изб-читален, 27 клубов, 30 киноустановок. Выписывалось 19 тысяч журналов и газет [2, с. 44]

В целом, подводя итог развитию колхозного строительства в деревне, нельзя не согласиться с Б. Голованoвым: «Нельзя отрицать того, что, несмотря на появляющееся недовольство коллективизацией и раскулачивание, колхозы довольно быстро прижились в российской деревне, традиционно тяготевшей к общинному землепользованию… В тех условиях, именно колхозная деревня взвалила на свои плечи тяжесть не только индустриализации, но и всех других преобразований в стране. Колхозное производство оказалось достаточно прочной основой и будущей победы советского народа в Великой Отечественной войне» [14, с. 144].

Источники и литература

1. Новейшая история Отечества. XX век. Учебник для ВУЗов. В двух томах. Т. 1 / под ред. А.Ф. Киселёва, Э.М. Щагина. – М.: Владос, 1999.
2. Край мой Арзамасский. Устная история сельских поселений / под ред. И.М. Промахиной. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
3. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2497. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф 5449а. Оп. 1.
5. Жулин И. В Нижегородской губернии // Вестник промысловой кооперации. – 1934. – № 5. – С. 68–72.
6. Кооперативно-колхозное строительство в Нижегородской губернии, 1917–1927 / сост. В.В. Колябин. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1980.7. Заботкин С. План должен быть выполнен // Промысловая кооперация. – 1934. – №5–6. – С. 24–25.
8. Одинцов А.Д., Фешин И.Н. Арзамасский район за 50 лет Советской власти. – Арзамас: Арзамасская типография, 1967.
9. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-1342. Оп. 1.
10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-322. Оп. 1.
11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-807. Оп. 1.
12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-1261. Оп. 2.
13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 1351. Оп. 1.
14. Голованов Б. Как ты жила, Нижегородская глубинка? – Арзамас: АГПИ, 1993.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЮННАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР В 1940-Е – 1950-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Александр Евгеньевич Смирницкий

Нижегородская академия МВД России, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород

E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности развития юннатского движения в СССР в первое послевоенное десятилетие, его роль в учебно-воспитательной работе советской общеобразовательной школы, помощь юннатскому движению Советского государства и общественных организаций.

Ключевые слова: *юннатское движение; селекционеры; общеобразовательная школа; пришкольный участок.*

Проблема юннатского движения советских школьников нашла определенное отражение в отечественной и зарубежной историографии. Однако отдельные аспекты его развития были раскрыты в историографии лишь фрагментарно. Явно недостаточно изучен региональный компонент этой проблемы. Недостаточно уделено внимания изучению деятельности отдельных энтузиастов юннатского движения, как учителей, так и учеников. Целенаправленная работа школы по преобразованию природы, деятельность юных натуралистов была одним из важнейших направлений деятельности советской общеобразовательной школы. Актуальность изучения юннатского движения очевидна, ибо в те годы оно решало ряд важных задач, которые остаются значимыми и в наше время. В их числе – воспитание чувства любви и бережного отношения к родной природе, обучение детей навыкам сельскохозяйственного труда. Ребенок, вырастивший домашнее животное, посадивший дерево, выращивающий овощи и фрукты, никогда не будет уничтожать природу. В то же время, утрата связи с землей, технократизм может привести к пагубным последствиям для общества и его самоуничтожению.

Еще до войны Советское государство уделяло самое пристальное внимание развитию юннатского движения в СССР, что было связано с утилитарными целями. В период проведения форсированной коллективизации резко снизилось поголовье скота, что ставило под угрозу экономику и продовольственную безопасность страны. Значительная часть крестьян, объединенная в колхозы в 1930-е гг. варварски относилась к обобществленному скоту, рассматривая его как «ничейную» собственность. Против таких колхозников Советское государство вводило репрессивные меры. Пресса тех лет пестрела призывами бережного отношения к скоту.

Одним из методов сохранения поголовья скота была организация шефства над молодняком со стороны пионеров и школьников. Они отнеслись к этому делу с большим энтузиазмом. Некоторых отличившихся школьников награждали орденами СССР.

В 1930-гг. в СССР широко пропагандировались идей ученого-селекционера И.В. Мичурина. Со всех концов страны к нему приезжали делегации для обучения навыкам селекции. Многие из учеников Мичурина стали опытными учителями биологии и селекционерами. В их числе был и учащийся Кстовской школы крестьянской молодежи С.А. Селифонов.

Еще в начале 1930-х гг., в условиях введения карточной системы школы стремились завести свое приусадебное хозяйство для обеспечения школьников и учителей продовольствием. Именно от школьных приусадебных участков зависела посещаемость, успеваемость и качество школьного питания. Приусадебные участки были и при предприятиях. Фактиче-

ски вся страна превратилась в юннатов. В 1935 г. СНК СССР утвердил проект типовых школьных зданий. При каждой школе предусматривалось создание пришкольного участка, на котором школьники вместе с учителем биологии проводили бы опыты, предусмотренные школьной программой.

В 1939 г. в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, на которой экспонировались ценные породы животных и сорта сельскохозяйственных культур. Свои образцы отправляли туда и школьники.

По понятным причинам Великая Отечественная война прервала деятельность юннатов. Перед страной стояли иные задачи. Однако после завершения войны деятельность юннатских организаций оживилась. Основной формой юннатского движения были школьные кружки. Кроме того, юннатская работа велась и при Домах культуры. Абсолютное большинство учащихся участвовало в юннатской работе во время регулярных кампаний по высадке деревьев, проведения Дня птиц, помощи колхозам и совхозам. Возобновилось издание журнала «Преподавание биологии в школе», в котором освещались проблемы организации юннатской деятельности.

Как и в предвоенные годы, деятельность юннатов имела большое практическое значение для страны. Речь шла не только о воспитании у школьников любви к сельскохозяйственному труду и укреплении связи советского человека с землей, но и об обеспечении народов СССР продовольствием. Эта задача была более чем актуальна. После Великой Отечественной войны страна находилась в руинах. В 1947 г. в СССР начался голод, который унес более 1 млн. человеческих жизней. В этих условиях деятельность юннатов имела важное практическое значение.

Не обошлось без трудностей. В результате отмены карточной системы снабжения в 1947 г. местная администрация существенно урезывала, а то и вовсе отбирала пришкольные участки.

В первое послевоенное десятилетие юннаты участвовали не только в выращивании сельскохозяйственных культур, но и в благоустройстве советских городов. По всей стране в городах началась высадка плодовых деревьев. В 1951 г. горсовет депутатов трудящихся г. Дзержинска Горьковской области обратился к пионерам за помощью. Город в случае ветреной погоды регулярно засыпало песком. Для борьбы с песчаными наносами пионерам предложили высаживать хвойные деревья, которые имеют цепкие корни и способствуют укреплению почвы. За короткое время дзержинские пионеры высадили вокруг города тысячи хвойных деревьев. Город был избавлен от песчаных ветров.

В г. Павлове усилиями пионеров была возрождена культура павловского лимона, завезенная туда еще в 1860 г. Юннаты выращивали отростки и отдавали их организациям и отдельным лицам.

Юннатская деятельность первых послевоенных лет породила своих энтузиастов как среди учителей, так и среди школьников. Одним из них был учитель Кантауровской средней школы Горьковской области С.А. Селифонов.

Развитию юннатского движения в школах способствовала забота Советского государства о его материальной базе в виде пришкольных учебно-опытных участков. Постановлением Совета Министров СССР от 22 сентября 1947 г. «О земельных участках при начальных, семилетних и средних школах» правительство санкционировало отводить школам в рабочих поселках и сельской местности для учебно-опытных целей земельные участки от 0,5 до 2 га (в зависимости от количества учащихся и местных условий) [1].

В этом же году государство инициировало кампанию по восстановлению и развитию садоводства: в частности, 12 июля 1947 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР «О восстановлении и развитии садоводства» [2, д. 318, л. 202].

Советская общеобразовательная школа и юннатское движение приняли в этом деле самое активное участие. В 1947 г. пионеры Чоботовской СШ Кунцевского района Московской области обратились к школьникам СССР с призывом «Украсим Родину садами!» В Горьковской области весной и осенью 1947 г. были заложены плодовые сады в 219 школах [3, с. 25].

Одиннадцатого марта 1947 г. ЦК ВЛКСМ принял постановление «Об участии пионеров и школьников в развитии садоводства». Согласно этому постановлению, ежегодно среди школ и детдомов СССР должны были проводиться конкурсы на лучшего садовода. Уже в III Всесоюзном конкурсе на лучшего садовода от Горьковской области принимало участие 1 230 школ (94 000 чел.). Весной и осенью 1949 г. при школах было заложено 402 фруктовых сада, – отмечалось в отчете Горьковского обкома ВЛКСМ об итогах III Всесоюзного конкурса на лучшего юного садовода по Горьковской области. К февралю 1952 г., по данным Горьковского обкома ВЛКСМ, в Горьковской области под садами и ягодниками было занято 700 га [4, д. 269, л. 16].

В процессе организации и развития юннатского движения выделялись школы, где эта работа была поставлена наиболее образцово. Опыт таких школ широко пропагандировался, причем не только внутри области, но и во всесоюзном масштабе. Такими школами в Горьковской области были Чистовская СШ Чкаловского района, СШ № 1 и № 3 г. Павлово и Кантауровская СШ Борского района.

В 1952 г. под руководством преподавателя биологии и директора Чистовской СШ А.Я. Абросимова был создан плодовый сад. Несмотря на песчаную почву, было посажено 100 яблонь и более 800 ягодных кустов.

Помимо этого, на площади 1,5 га были созданы питомник, участок огородно-полевых растений и коллекционный участок. Уже в 1952 г. из питомника местным жителям было выдано свыше 3 тыс. саженцев ягодных растений [5, д. 8982, л. 68].

Большой вклад в распространение культуры павловских лимонов внесли юннаты школ г. Павлово. Еще в 1946 г. в мужской средней школе № 3 по инициативе учительницы биологии З.В. Гусевой был создан юннатский кружок. К 1951 г. он насчитывал 80 чел. На заброшенном пустыре юннаты развели сад, питомник, цветник. Наряду с этим, они стали выращивать мандарины и лимоны. В 1948 г. юннаты школы № 3 г. Павлово вырастили с помощью отводков 150 кустов лимонов, а в 1949 г. получили первый урожай [6, д. 292, л. 27].

Неоднократно участвуя в различных конкурсах, юннаты школы № 3 г. Павлово приобрели всесоюзную известность. Их опыт освещался на страницах «Учительской газеты». Кружок юннатов вел обширную переписку с юннатами Москвы, Тулы, Челябинска. Через Общество Красного Креста павловские юннаты переписывались со школьниками Чехословакии, Венгрии и Болгарии. К 1951 г. они получили более тысячи писем как из городов СССР, так и из зарубежных стран. В 1949 г. при женской СШ № 1 г. Павлово был заложен питомник цитрусовых. Пионерка этой школы М. Храмова вырастила в комнатных условиях 10 кустов мандаринов. В 1950 г. она получила урожай по 10–15 плодов с куста [6, д. 292, л. 27].

Большой известностью в послевоенные годы пользовался учитель биологии Кантауровской СШ С.А. Селифонов. Еще в 1932 г., будучи учеником Кстовской ШКМ, Селифонов посетил Мичурина. Результаты деятельности великого ученого произвели на Селифонова неизгладимое впечатление. Став в 1934 г. учителем Кантауровской школы, Селифонов приступил к организации учебно-опытного участка.

К 1948 г. участок занимал площадь в 1 га. Его составляющими были:

1) сад, состоящий из 64 кустов крыжовника, 80 кустов смородины, 50 вишневых деревьев;

2) ягодник, в котором было 380 кустов малины различных сортов, в том числе «мальборо», «фалстольф», «ананасная белая»;

3) питомник. В 1948 г. учащиеся получили из питомника около 2 тыс. кустов желтой акации, 500 кустов малины, 1 500 кустов земляники, 30 кустов крыжовника и 20 кустов смородины.

Кроме того, на участке Кантауровской СШ произрастали растения, не культивировавшиеся в Горьковской области: соя, кенаф, топинамбур, чумиза, арбузы, дыни. Все учащиеся школы работали на учебно-опытном участке, как в течение учебного года, так и в летнее время.

С 1948 г. учебно-опытный участок Кантауровской СШ был превращен в базовый участок Горьковского областного института усовершенствования учителей. Ежегодно во время летних каникул учителя биологии школ Горьковской области проходили здесь практику. По данным отдела школ Горьковского обкома ВКП (б) к маю 1952 г. на участке Кантауровской СШ прошли практику более 600 учителей [5, д. 8982, л. 85].

Высоко оценивало деятельность С.А. Селифонова и местное население. Так, в беседе с консультантом – методистом управления школ Министерства просвещения РСФСР А. Стрельцовым председатель Кантауровского сельсовета В.А. Фролов сказал: «Мои 6 детей учились у т. Селифонова. Он привил им интерес к науке и сельскому хозяйству… Один сын мой – агроном, другой – учитель. Остальные продолжают учиться сельскохозяйственному делу» [7].

Однако такие кружки действовали не во всех школах. Там, где администрация школы относилась формально к организации юннатского движения, где не нашлось организаторов, болеющих за свое дело, кружки либо не действовали вообще, либо их деятельность была спорадична, даже при наличии у школ учебно-опытных участков.

Так, бригада «Учительской газеты» и Горьковского обкома ВЛКСМ, обследовавшая состояние юннатского движения и учебно-опытных участков в Горьковской области в 1949 г., установила, что из 914 школ 19 сельских районов 252 школы не получили земли. В Сеченовском районе все 27 школ имели землю, но лишь 4 обрабатывали свои участки. Почти половина школьной земли пустовала в Кзыл-Октябрьском районе [8].

Таким образом, деятельность юннатов была органической частью учебно-воспитательной работы в советской школе. Она приобщала учащихся к сельскохозяйственному труду на основе новых технологий, открывала многим из них окно в большой мир в виде участия в выставках и конкурсах. Вместе со взрослыми юннаты выполняли важную задачу продовольственного обеспечения страны и ее благоустройства. Развитие юннатского движения в СССР в первые послевоенные годы проходило под влиянием августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., однако она влияла на юннатское движение лишь на уровне лозунгов. Практическая деятельность школьников по работе на фермах и опытных участках стояла далеко от высокой сельскохозяйственной политики.

Первые послевоенные годы показали силу и эффективность юннатского движения в СССР. При минимуме денежных средств, слабой материальной базе и недостатке опытных педагогов юннаты добились выполнения важных задач, к числу которых относились: расширение опытнической деятельности (прежде всего, на пришкольных участках), приобщение сотен тысяч школьников, в том числе и горожан, к сельскохозяйственному

труду и к естественным наукам. Многие юннаты после окончания школы поступили в сельскохозяйственные институты. Основной базой для развития юннатского движения была общеобразовательная школа. В то же время, развитию юннатского движения в СССР способствовали органы государственной власти и общественные организации. Опыт участников юннатского движения широко освещался в советской прессе.

Не свободно было юннатское движение и от теневых сторон, главной из которых была кампанейщина при проведении юннатских мероприятий. Главное внимание при проведении такого рода мероприятий уделялось их массовости. Организаторы стремились охватить ими как можно большее количество детей, не обращая внимания на их интересы и предпочтения. В этой связи следует обратить внимание на статистические отчеты школ и заведующих отделами народного образования различного уровня. Архивные источники свидетельствуют, что эти данные не всегда отражали реальное положение дел в сфере развития юннатского движения. Немало школьных юннатских кружков числилось только на бумаге, а пришкольные опытные участки были запущены. Тем не менее, эти недочеты лишь подчеркивают значимость развития юннатского движения в СССР в первые послевоенные годы.

Источники и литература

1. Учительская газета. – 1947. – 18 октября.
2. Государственный архив Кировской области. Ф. Р-2342. Оп. 1.
3. Пионерская летопись. 1922–1982. – Киров, 1982.
4. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 810. Оп. 19.
5. ГОПАНО. Ф. 3. Оп. 1.
6. ГОПАНО. Ф. 810. Оп. 17.
7. Учительская газета. – 1951. – 19 сентября.
8. Учительская газета. – 1949. – 27 апреля.

АРЗАМАССКАЯ ОБЛАСТЬ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

Алексей Александрович Гурьянов
Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас,
директор архива
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
e-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

Статья посвящена анализу причин создания и расформирования Арзамасской области (1954–1957). Автор вводит в оборот актовые материалы и материалы периодической печати, хранящиеся в Государственном архиве Нижегородской области г. Арзамаса.

Ключевые слова: *Арзамас; область; облисполком.*

Административно-территориальное деление – составная часть государственного устройства, имеющая важное значение для развития государ-

ства. От правильного административно-территориального деления во многом зависит не только рациональное функционирование органов власти, но и экономическое развитие страны [1, с. 93].

Административно-территориальное устройство СССР постоянно изменялось и совершенствовалось в соответствии с задачами социально-экономического развития страны. Это коснулось и Горьковской области; согласно Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 января 1954 г. из Горьковской области была выделена Арзамасская область [2, д. 2, л. 2, 4].

В состав области были включены: города Арзамас, Выкса, Кулебаки; Ардатовский, Арзамасский, Большеболдинский, Большемаресьевский, Бутурлинский, Вадский, Вознесенский, Выксунский, Гагинский, Дивеевский, Кзылоктябрьский, Княгининский, Кулебакский, Курмышский, Лукояновский, Мордовщиковский, Мухтоловский, Наруксовский, Первомайский, Перевозский, Петряксинский, Пильнинский, Починковский, Разинский, Салганский, Сергачский, Сеченовский, Смирновский, Спасский, Талызинский, Чернухинский, Шатковский районы, выделенные из состава Горьковской области. Площадь области составляла 27,2 тыс. км^2 [3]. Население по состоянию на 1 января 1954 г. составляло 978 750 чел., и далее оно только стремительно росло [2, д. 57, л. 1, 2].

Арзамасский облисполком являлся коллегиальным органом общего управления. В его компетенцию входило руководство государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством, организация и контроль над реализацией предписаний вышестоящих государственных органов, разработка проектов, планов развития хозяйства и культуры в пределах своей территории, проектов местных бюджетов, обеспечение соблюдения законов, охраны общественного порядка и прав граждан.

Арзамасский облисполком имел следующую структуру: организационно-инструкторский отдел, общий отдел, финансовый отдел, отдел народного образования, отдел здравоохранения, отдел социального обеспечения, отдел коммунального хозяйства, отдел торговли, отдел по делам архитектуры, отдел организационного набора рабочих, сектор кадров, плановая комиссия, комитет по делам физической культуры и спорта, управление сельского хозяйства, управление культуры, управление местной и топливной промышленности, управление промышленности продовольственных товаров, управление автомобильного транспорта и шоссейных дорог, управление министерства юстиции, управление по строительству в колхозах; постоянные комиссии: комиссия по сельскому хозяйству, комиссия по культуре и народному образованию, комиссия по здравоохранению, комиссия по торговле, комиссия по коммунальному хозяйству и благоустройству, бюджетная комиссия [2, д. 2, л. 3–5].

Согласно протоколу заседания сессии Арзамасского областного Совета депутатов трудящихся первого созыва от 17 апреля 1954 г., выбран председатель Исполнительного комитета Арзамасского областного Совета. Им стал Анатолий Андриянович Скочилов [2, д. 1, л. 3]. А.А. Скочилов родился 6 апреля 1912 г. в селе Васильевское Яранского района Кировской области. В 1931 г. он окончил Сельскохозяйственный техникум, в 1938 г. – Горьковский сельскохозяйственный институт, а в 1952 г. – Высшую партийную школу при ЦК ВКП (б). В 1944–1948 гг. А.А. Скочилов служил в органах НКВД–НКГБ СССР, в 1948–1949 гг. являлся секретарем Горьковского областного комитета ВКП (б), в 1954–1957 гг. – председателем Исполнительного комитета Арзамасского областного Совета, в 1957 г. – министром сельского хозяйства Татарской АССР, в 1957–1961 гг. – секретарем Татарского областного комитета КПСС, с 1961 г. – первым секретарем Ульяновского обкома КПСС, членом ЦК КПСС с 1966 г., депутатом Верховного Совета СССР 4, 6–9 созывов. Скончался Анатолий Андрианович 6 июля 1977 г. в Москве.

А.А. Скочилову предстояло выполнить множество постановлений Совета Министров СССР по организации и развитию Арзамасской области.

Превращение Арзамаса в областной центр ускорило развитие доселе скрытых его возможностей в экономике и культуре. По-новому тогда зажил этот еще сравнительно тихий городок: в нем активизировалось социально-культурное строительство и благоустройство, усилилось движение на улицах. Город стал укреплять всесторонние связи с районами области. Всевозможные делегации трудящихся то и дело прибывали для участия в областных мероприятиях. Эти годы положили начало решению важнейших, давно назревших городских проблем.

Во многом благодаря областному статусу, в Арзамасе начала решаться проблема водопровода. В 1954 г. было поставлено начать строительство водовода из Пустынских озер. А уже 5 ноября 1954 г., в канун 37-й годовщины Великого Октября, город, наконец, получил электричество от Новогорьковской ТЭЦ. За один год потребление электроэнергии выросло в 14 раз по сравнению с 1950 г., – остался позади «электрический голод» [2, д. 2, л. 172].

Расширялись действующие предприятия, открывались новые, создавались строительные организации. В 1955 г. начала свою деятельность первая проектная организация – «Облпроект». Выездновская промысловая обувная артель «Возрождение» объединилась с арзамасской артелью «Новый путь», и на их базе была создана Выездновская кожевенно-обувная фабрика. 1956 год – год начала работы асфальто-бетонного завода, строчевышивальной артели, комбината бытового обслуживания. На месте механической мастерской войлочной фабрики возник литейно-механический

завод для валяльно-войлочной промышленности. В 1957 г. заработал и завод железобетонных изделий – наступало время массового жилищного строительства [2, д. 2, л. 51, 52].

Однако наряду с указанными выше начинаниями и достижениями можно указать и на множество не выполненных поручений. Руководствуясь проектом решения Арзамасского областного Совета депутатов трудящихся «О бюджете Арзамасской области на 1955 год и об исполнении бюджета за 1954 год» следует выделить, что с выполнением планов на 1954 г. Облисполкомом, управлением местной топливной промышленности и промышленности продовольственных товаров, Облпромсоветом, областным управлением торговли, Облпотребсоюзом и многими исполкомами городских и районных Советов не были устранены серьезные недостатки в финансово-хозяйственной деятельности промышленных предприятий, торговых и кооперативных организаций. Областное управление местной промышленности из 25 видов планируемых изделий выполнено план по 10 видам и недодало товаров широкого потребления для рынка на сумму свыше 4 млн. рублей. Управление промышленности продовольственных товаров по крахмалопаточным заводам выполнило план всего лишь на 77% и недодало 1 075 тонн сухого крахмала. По Арзамасскому пивоваренному заводу план выпуска пива в бутылках выполнен лишь на 72%, недодано 4 400 гектолитров пива. Артели промысловой кооперации недодали продукции против плана и дополнительно задания на семь с лишним миллионов рублей. Из 73 промысловых артелей не выполнены программы 29 артелей. Подавляющим большинством предприятий не были выполнены планы по производительности труда, снижению себестоимости и накоплениям, допущены большие перерасходы фонда заработной платы. Капитальный ремонт жилищного фонда и благоустройство городов и районных центров во многих районах осуществлялся неудовлетворительно. Областное управление сельского хозяйства слабо осуществляло контроль за финансово-хозяйственной деятельностью машинно-тракторных станций, вследствие чего последние не справлялись с выполнением плана тракторных работ, допустили значительное удорожание работ и перерасход государственных средств на 7,2 млн. рублей, недодали в бюджет доходов от натуральной и денежной оплаты 7 млн. рублей. Выксунский и Кулебакский местные торги допустили перерасход издержек обращения по рознице и общественному питанию на 844 тыс. рублей и непланируемые потери в сумме 300 тыс. рублей. Облпотребсоюз, при выполнении плана товарооборота, превысил издержки обращения на 3,7 млн. рублей, не изжил растраты и хищения, которые составили в 1954 г. 1 080 тыс. рублей, недодал бюджету подоходного налога 852 тыс. рублей. Строительно-монтажный трест «Арзамасстрой» крайне неудовлетворительно

выполнил план (на 61%) и не обеспечил должного качества строительных работ. Многие предприятия промышленности продовольственных товаров, местной промышленности, промысловой кооперации и базы недодали бюджету свыше 12 млн. рублей налога с оборота. Областное Управление культуры и ряд районов не организовали необходимого контроля за работой кинопредприятий области, вследствие чего те неудовлетворительно обслуживали население. Доходы бюджета по отчислениям от прибылей кино недовыполнены на 604 тыс. рублей. Областной финансовый отдел, отдельные исполкомы районных Советов райсполкомов и их финансовые органы не обеспечили проведения массово-разъяснительной работы за своевременную уплату налогов и укрепление платежной дисциплины среди населения и колхозов. На 1 января 1955 г. недоимка по налоговым платежам населения и колхозов составила 5,8 млн. рублей. В рядах районов школы не были обеспечены строительными материалами, транспортом, топливом и рабочей силой. План всеобуча не был выполнен. Крайне неудовлетворительно освоены средства на содержание интернатов при школах [2, д. 50, л. 2–4]. Система здравоохранения наряду со среднереспубликанскими показателями имела множество проблем, в т.ч. с кадрами, оснащением оборудованием и транспортом, неудовлетворительным состоянием зданий, нехваткой помещений для работы, неблагополучным эпидемическим состоянием, низкой рождаемостью, высокой смертностью [2, д. 51, л. 1–24].

Из отчетных документов за 1956–1957 гг. и публикаций в газете «Ленинское знамя» за 1955–1957 гг. о проделанной работе Арзамасского областного Совета депутатов трудящихся следует, что ситуация, хотя и изменилась в лучшую сторону, но полностью проработать год без важных для Арзамасской области замечаний не удалось [3, 1957 г., № 1, с. 2; № 3, с. 1; № 7, с. 1; № 14, с. 1]. В результате Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 23 апреля 1957 г. Арзамасская область была ликвидирована, районы вновь вошли в состав Горьковской области [1, с. 10].

Поэтому можно предположить, что расформирование области было вызвано именно экономическими причинами. Однако конкретная причина расформирования Арзамасской области не указана в архивных документах, и этот исторический факт требует дальнейшего научного изучения.

Источники и литература

1. Куприянова Н.И. История административно-территориального деление Нижегородской губернии (1929–1979): Справочник. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. – 264 с.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-1958. Оп. 1.

3. ГАНО, г. Арзамас. Газета «Ленинское Знамя» Арзамасского РК КПСС и районного совета депутатов трудящихся (1954–1957 гг.). – 403 с.

Раздел III.
ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РЕГИОНА

ЦАРСКИЕ МОНАСТЫРИ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ

Ирина Васильевна Морозова
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Юрьевская средняя школа, учитель
Россия, Нижегородская обл., Гагинский район, с. Юрьево
E-mail: ira.morozova67@yandex.ru

В статье рассказывается о двух монастырях, расположенных на реке Пьяне, близ села Юрьево Гагинского района Нижегородской области, основанных в XVI столетии Иваном IV.
Ключевые слова: *монастырь; святая обитель; Троицкий погост.*

Наше село – маленькая частичка огромной страны, богатой не только лесами и полями, но культурой и верой народа. Православие проповедует патриотизм и любовь к Родине, культуру и нравственные начала, милосердие и семейные ценности, призывает к миру и согласию, добрым поступкам и жизни по заповедям Христа.

Как и вся православная Россия, наша Нижегородская епархия пережила как славные, так и горькие, трагические периоды. Однако трудами и молитвами святителей своих она возрождалась вместе с Православной церковью Русской. Наблюдая за становлением духовной жизни в нашем Отечестве, мы видим как возрождаются ни только храмы душ человеческих, но и сами здания храмов и монастырей [1, с. 7].

В данной статье речь пойдет о двух монастырях, которые, к великому сожалению, вряд ли когда-нибудь возродятся, но память о которых жива в нашем селении по сей день.

В XIX веке в Казанской церкви погоста Сакма А.С. Коробкиным была найдена тетрадь, в которой описывалось событие, связанное с походом Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1552 г. [2, с. 11]. Во время этого похода восьмая остановка (восьмой «стан») царского войска располагалась на территории современной Нижегородской области, а если быть точнее, совсем рядом с сегодняшним селом Юрьевом [3]. Именно на этом месте позже был возведен монастырь. Что послужило причиной его создания? Обратимся к записям тетради: «Царь Иоанн Васильевич Грозный, идя на Казань, остановился, для дневки, близ мордовской деревни Мушек. В это время пришли к нему гонцы, из-под Казани, от воеводы князя Курбского, с известием, что царская рать разбита татарами и много русских взято в плен. Царь прослезился, задумался, решил возвратиться в Москву; помолился и уснул. Во сне явилась ему Божия Матерь в таком виде, как изоб-

ражается на образе Тихвинском, и словами, исполненными кротости, и обещанием Своей всемогущей помощи ободрила Грозного. Проснувшись, царь увидел ту же икону, несомую ангелами с божественным пением, упал на колена, повелел служить молебен… и коленопреклоненно, пламенно молились сам царь, бояре и все воинство… И приказал Иоанн на этом месте создать монастырь, во имя Святой Троицы… и двинулись далее…». Похожее рукописное сказание обнаружено и у крестьянина села Юрьева Маркела Смыслова в конце XIX столетия. Сам же он, по его утверждению, списал это сказание («слово в слово») со старой рукописной тетради, принадлежавшей заштатному дьячку, жившему в Троицком погосте до его упразднения.

В эйфории исторической победы над Казанским ханством московский государь не забыл о чудесном видении ему Пресвятой Богородицы на Троицкой горе. Новооснованному монастырю Иоанн IV, по преданию, пожаловал «множество пашни, лугов и лесу при р. Пьяне, и рыбной ловли в последней, и обещал прислать из Тихвина икону и монахов». Царь сдержал свое обещание. «По повелению Иоанна, посетившего Тихвин, для поклонения тамошней чудотворной иконе, с последней была списана копия и в сопровождении иеромонаха Иова, диакона Серафима и клира, всего в числе десяти человек, отправлена в Троицкий монастырь. Всю дорогу (а это 900 с лишним километров!) икона была несена на руках (путешествие продолжалось два месяца) и прибыла на место 26 июня 1576 г. Вслед за тем последовал царский указ о ежегодной, 26 июня, около Троицкого монастыря, ярмарке [4, с. 312] По всей вероятности, именно 26 июня 1576 г. и следует считать днем образования Пьянско-Грозненского монастыря (так Троицкая обитель именуется во многих исторических документах). Летом же 1552 г., судя по всему, на Троицкой горе, где располагался царский шатер, ратниками Иоанна IV был построен деревянный «обыденный» (т.е. сделанный одним днем) православный храм, освященный во имя Святой Троицы. Не случайно из двух церквей Троицкого монастыря, одна во всех документах называется «царской» [5, с. 8].

Неподалеку от священной Троицкой горы на левом берегу реки Пьяны располагался еще один монастырь, основанный Иоанном IV. В XVI–XVIII вв. напротив святой обители, на правом берегу Пьяны, находился Никольский лес. О втором Грозненском монастыре (во многих исторических документах он именуется как Никола-Сакма) сведений сохранилось не так много, поэтому историю этой святой обители можно воспроизвести лишь частично. В этом нам могут помочь арзамасские поместные акты [6, с. 180] и дошедшие до нас грамоты Коллегии экономии.

Первое упоминание о Никольском монастыре (тогда он был еще погостом) относится к 1592 г. Тогда на месте будущей обители стоял лишь

один деревянный храм, освященный во имя святого Николая Чудотворца. В жалованной грамоте, данной иеромонаху Ионе 10 марта 1592 г., написано: «От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в орземаской уезд в Залесной стан в пустошь, что был погост Николы Чудотворца на реке на Пьяне всем крестьяном которые на той пустоши учнут жить. Бил нам челом Николы Чудотворца черный священник Иона и тот де храм сожгли черемиса и он де тот храм Николы Чудотворца воздвиг опять на старом месте и ему де тою николскою землею владети не почему. И нам бы его пожаловати велеть ему на тое церковную землю дать вводную грамоту почему ему тою землею владеть…» [3].

Согласно документам, деревянная церковь-«обыденка», поставленная ратниками Иоанна IV на месте восьмого стана царского войска во время третьего похода на Казань, во второй половине 80-х гг. XVI века в один из своих набегов сожгли черемисы. В начале 1590-х гг. старанием черного священника Ионы Никольский храм был отстроен заново на прежнем месте. Десятого марта 1592 г. храмоздатель написал царю Федору Иоанновичу челобитную грамоту на владение церковной землей бывшего погоста «Николы Чудотворца». Прошение челобитчика было удовлетворено лишь спустя девять лет уже новым царем Борисом Годуновым.

С 1552 г. до середины 1580-х гг. на месте образовавшейся после черемисского набега пустоши находился «погост Николы Чудотворца». На погосте стояла одна небольшая церковь во имя святого Николая Чудотворца, построенная в июле 1552 г.

Упоминается Никольский погост и в одном из арзамасских поместных актов (от 24 декабря 1592 г.) [7, д. 48, л. 234–240]. Здесь он обозначен как село Сакма. Это значит, что рядом с Никольским храмом за сравнительно малый промежуток времени появились крестьянские дворы, и образовалось небольшое поселение.

В арзамасских поместных актах за март 1627 и 1628 гг. вновь значатся «в Залесном стану за Собакинскими вороты на реке на Пьяне погост Николы Чудотворца» и «Церковь Великого Чудотворца Николы в селе на Сакме» [6]. Следующее упоминание о селе Сакма датировано 1690 и 1691 гг. Судя по всему, здесь в это время уже существовал женский монастырь, образовавшийся на месте Никольского погоста в 30-е гг. XVII века. Монахини и послушницы новооснованной обители ежегодно «в девятую пятницу по Пасхе» принимали участие в крестных ходах к святому источнику великомученицы Праскевы Пятницы и часовне, сооруженной праведным Иовом по повелению Божией Матери на родниковой горе около Студенца [3].

В начале XVIII столетия в Никольском монастыре на Сакме на месте разрушившейся от времени церкви святого Николая Чудотворца был по-

строен второй – каменный двухпрестольный храм. Это событие отражено в «Материалах для истории церквей Нижегородской епархии» [8, с. 112], вышедших в свет в 1902 г.

Дерзкий грабеж, учиненный татарами в Сакминской церкви в ночь на 8 декабря 1869 г., во многом стал причиной скорого упразднения погоста Сакма. Меньше чем через полгода после варварского нападения храм закрыли. Церковь в феврале 1870 г. была разобрана [9]. На месте храма построили небольшую часовню, которая была разрушена после 1917 г.

Жизнь монастырей одновременно проста и очень сложна. Абсолютно каждый монастырь имеет интересную, поучительную историю своего создания и жизнедеятельности. Религиозная, социальная, хозяйственная деятельность составляют суть жизни любого монастыря. Монастыри являются духовными оплотами православия, они дают возможность прикоснуться душой к родникам русской святости, дают думающему человеку прилив новых сил для достойной жизни, служения православию и своему Отечеству. Посещение монастырей приносит в душу покой, тихую радость, спокойствие. Как говорил священномученик протоирей Иоанн Восторгов: «Монастыри – это как бы запасные водоемы живой воды религиозного воодушевления; они питают и увлажняют иссохшие пустыни духа мирской жизни, они дают живительную и спасительную влагу душам жаждущим».

Источники и литература

1. Тихон, игумен (Затёкин Н.И.), Дёгтева О.В. Святители земли Нижегородской. – Н. Новгород: Изд. ООО «Центр содействия бизнесу», 2003.

2. Коробкин А.С. Погост Сакма // Нижегородский сборник / под ред. А.С. Гацискаго. Т. III. – Н. Новгород, 1870.

3. Материал школьного краеведческого музея (на основе материалов, предоставленных краеведом с. Юрьево Н.А. Мухиным).

4. Успенский И.Н. Краткий очерк села Ветошкино Сергачского уезда // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Т. 3 / Под ред. А.С. Гацискаго. – Н. Новгород, 1870.

5. Можаровский А.Ф. Троицкая гора на реке Пьяне // Нижегородские епархиальные ведомости. – 1890. – № 4.

6. Веселовский С.Б. Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг. – Н. Новгород, 1915.

7. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 602 а.

8. Материалы по истории церквей Нижегородской епархии // Действия НГУАК: сборник, том XIII, вып. 3. – Н. Новгород, 1912.

9. Церковная летопись села Юрьева, составленная священником Иоанном Воскресенским, служителем Воскресенского храма // Хранится в краеведческом музее Юрьевской средней школы.

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА СЕЛА КОЖИНО

Ольга Викторовна Исусова
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области.
Центральная городская библиотека им. А.М. Горького,
библиотекарь 1-й категории
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: isusowa.o@yandex.ru

В статье рассматривается история церкви села Кожино Арзамасского района Нижегородской области с XVII века до наших дней.

***Ключевые слова**: церковь; село Кожино; земская школа; церковно-приходская школа; приход церкви в честь Рождества Христова.*

В краеведческом каталоге Центральной городской библиотеки им. А.М. Горького отражены различные документы краеведческого характера, в том числе касающиеся истории православного Арзамаса, однако материала о районных церквях крайне мало; в частности, очень скудная информация по истории церкви Рождества Христова села Кожино.

В XVII веке территория, на которой расположено село Кожино, была пустошью. Изначально земли принадлежали Богдану Князеву, Ивану Болтину и дьяку Гуляю Золотарёву. В 1620 г. они уже числились за князем Борисом Михайловичем Лыковым, который распорядился основать на месте пустоши село с церковью [1, с. 247]. Одноэтажная, с колокольней, с приделом Пророка Илии, она была построена во имя Святителя и Чудотворца Николая. Поскольку здание было деревянным, то до наших дней оно не сохранилось, вероятно, по причине пожара. Новая церковь была построена в 1818 г. уже тщаниями прихожан, на мирские деньги. Каждый житель местности вносил свою денежную лепту или принимал непосредственное участие в строительстве.

Церковь была очень красива и снаружи, и внутри. Здание каменное, с такою же оградой, с колокольней, покрыто железом ***(Приложение 3, фото 1)***. В церкви три престола: «В настоящей холодной в честь Рождества Христова и трапезы теплой в честь Святителя и Чудотворца Николая и Святого пророка Илии» [2, д. 96, л. 70]. «Главный престол устроен княгиней Багратион, в память мужа ее, князя П.И. Багратиона, умершего от раны, полученной в Бородинском бою 26-го августа 1812 г.» [3, с. 277]. По штату церкви были положены священник, диакон и псаломщик, но диаконское место по малочисленности прихода и скудости содержания причта временно закрыли в 1818 г.

В газете «Нижегородские губернские ведомости» от 29 января 1892 г. очень подробно описаны пять достопримечательностей кожинского храма: две иконы, потир, книга «Триодион постная», могильный памятник [4, с. 3].

Особенно чтилась икона Божией Матери, именуемая «Абалацкою» (копия с чудотворной иконы Абалацкой Божией Матери, находящейся в Тобольском монастыре). С 1889 г. с ней ежегодно ходили по домам и служили молебны. Празднество начиналось 27 ноября и продолжалось четыре дня.

С историей другой иконы Божией Матери, «Всех скорбящих радость», связана легенда. Ее писали с чудотворного образа Пресвятой Богородицы, находящегося в церкви Преподобного Варлаама Чудотворца в Москве. В начале 1840 г. в кожинской церкви случился пожар, и обгорели все иконы, висевшие около нее, в то время как она осталась цела и невредима. Священник В. Журавлев признал это чудом и предложил одной из местных девушек, Е. Кондратовой, которая была очень больна, сделать на икону ризу. Вскоре девушка выздоровела.

Имелись также оловянный потир с дискосом и лжицею, который использовали до половины XVIII столетия, заменив его затем на серебряный, и книга «Триодион постная», напечатанная в XVII веке (либо в 1609, либо в 1663 г.). В тексте книги были значительные отличия от текста «Триодиона» XIX века. Предполагают, что она и еще одна книга были проданы раскольникам, проживавшим в селе Собакино. «Наконец, к числу достопримечательностей Кожинского храма нужно, по своей древности, отнести и могильный памятник из белого камня, наподобие гробницы, убранный и довольно красиво со всех четырех сторон и наверху резьбою, с надписью наверху церковнославянскими буквами. Длина его 2 арш. 3 четв., ширина – около аршина, и высота – пол-аршина. Памятник этот найден под каменной колокольней, разобранной при распространении Кожинского храма в 1884 году. От давности большая часть букв на памятнике стерлась, потому разобрать надпись на нем не удалось. Можно думать, что под этим памятником был погребен в 7160 (1652) году какой-то раб Божий Григорий. Весом памятник будет около 40 пудов» [4, с. 3].

Ни одна из достопримечательностей, к сожалению, не сохранилась.

Во владении церкви было 35 десятин 2 307 квадратных саженей усадебной, пахотной и сенокосной земли. Они находились в бесспорном владении церкви, однако в 1898 г. часть была отчуждена под железную дорогу Ромоданово – Нижний Новгород, за что было получено вознаграждение 1 010 руб. билетом государственной комиссии погашения долгов. Земля сдавалась исполу, что приносило определенный доход.

На усадебной земле находились и дома священнослужителей, построенные ими самими. В 1894 г. они составляли собственность священника и псаломщика. Кроме земель, церкви принадлежали караулка и церковно-приходская школа. Возле храма находилось церковное кладбище, где, по воспоминаниям старожилов, были очень красивые памятники и надгробия.

Имелась библиотека, состоявшая из 64 книг. Был и свой церковный хор из 30 певчих.

К приходу церкви относилось пять населенных пунктов: село Кожино, деревни Чуварлейка, Князевка, Страдниково, Шерстино. Итого 252 двора. В Кожине, например, было в 1912 г. 72 двора и 466 жителей, в 1916 г. – 70 (по другим данным – 72 хозяйства), проживало 243 мужчины и 222 женщины. Для сравнения: в 1992 г. – 116 хозяйств и 216 жителей; в 2010 г. – 172 человека [5, с. 123].

Сведения о социальном составе противоречивы. Согласно ведомостям о приходе за 1916 г., в селах проживали только духовные лица и крестьяне, мещан и дворян не было; однако в «Нижегородских губернских ведомостях» от 5 февраля 1892 г. написано, что «в деревне постоянно жили помещики и часто даже по три дома» [2, д. 96, л. 78; 4, с. 123].

По данным ведомости о церкви, все прихожане по национальности – русские, православные, отмечено, что большинство из них регулярно ходят на исповедь и причащаются. Иноверцев, раскольников, сектантов не было, однако, местным жителям не чужды были суеверия [2, д. 96, л. 78]. Например, они верили, что неурожаи в их деревнях бывают потому, что дьячки на Пасху после того, как обойдут дома со святыми иконами, не валяются кубарем по пашне, тогда как раньше валялись. Поэтому каждый год на Пасху крестьяне просили псаломщика «поваляться», а если он отказывался, то проявляли намерение повалить его силой, несмотря на то, что священник этому противодействовал.

История прихода села Кожино тесным образом связана с историей нашей страны. Не обошли его стороной как плохие, так и хорошие события.

В 1812, 1813, 1848, 1871 гг. село посетила «азиатская гостья» – холера. В 1812–1813 гг. от нее умерло 50 человек. Умирали и пленные французы, которых по распоряжению правительства прислали в село на временное проживание. Прихожане усердно молились об избавлении от болезни, а местная жительница Елена Кондратова «на сборные деньги купила в Макарьевской ярмарке св. Евангелие в лист, с серебряной позлащенной верхней крышкой и на себе принесла его в Кожинский храм» [4, с. 3]. В 1871 г. крестьяне взяли в селе Ивановке икону Божией Матери «Взыскание погибших», а затем, в благодарность за избавление от холеры, прихожане из деревни Чуварлейка написали с нее копию и решили ежегодно обходить с ней деревню.

В прихожанах села Кожино издавна замечалось стремление к грамотности. До 1860-х гг. они отдавали своих детей учиться грамоте членам причта, а в 1860-х и 1870-х гг. – крестьянину деревни Страдниково Васи-

лию Маркину (умер в 1886 г.), у которого ежегодно обучалось человек по 10 учеников.

После земской реформы 1864 г. в стране начала расширяться сеть земских школ. Коснулось это отрадное событие и прихожан кожинской церкви. Священник Иоанн Аристов купил на собранные общественные деньги дом, в котором 1 марта 1879 г. открыли земскую школу. Однако дом был очень ветхим, поэтому Арзамасский училищный совет предложил прихожанам отремонтировать здание, но последние отказались от этого, особенно те, у которых не было детей. В «Губернских ведомостях» за 15 января 1892 г. сказано, что «только благодаря помощи, оказанной в 1881 году Арзамасским Уездным Предводителем Дворянства, действительным статским советником Федором Борисовичем Полуэктовым, пожертвовавшим сто рублей, и Арзамасской Земской Управой, пожертвовавшей двадцать пять рублей, Кожинское училище было покрыто новым тесом, сменены в нем пол и потолки и само обшито тесом. Учебные книги, а также и жалованье учителю, даются Арзамасским Земством, а остальные средства для содержания училища даются прихожанами, хотя и не всегда исправно. Первой учительницей Кожинского училища была окончившая курс Епархиального училища девица Агния Снежницкая; но так как священник села Кожина, занимавший должность благочинного, по причине своих многочисленных занятий по благочинию и приходу отказался от законоучительства в училище, то указом духовной консистории и было предложено Арзамасскому Уездному Училищному Совету переместить Кожинскую учительницу в другое училище, а на ее место определить окончившего курс духовной семинарии, который был бы и законоучителем училища. Таким лицом определен окончивший курс духовной семинарии Василий Аристов. Ежегодно в училище учащихся бывает около 45 человек, из которых ежегодно оканчивает курс с правом на льготу по воинской повинности 5–7 человек» [4, с. 3]. Школу посещали только мальчики. Были и девочки, желавшие учиться, но незначительные размеры помещения не позволяли вместить сразу всех. Встал вопрос об открытии школы для лиц женского пола. Тогда местный крестьянин Дмитрий Андреевич Гущин (церковный староста) решил построить для обучения девочек новую школу. Благодаря ему в селе появилось прекрасное здание, которое староста отдал духовному ведомству под церковную женскую школу. «21 сентября 1900 года состоялось скромное торжество освящения женской церковно-приходской школы, построенной в память 25-летнего служения в Архиерейском сане Нижегородского Архипастыря Преосвященнейшего Владимира» [6, с. 670–671]. «В день освящения школы, часам к 12, в село Кожино прибыли председатель Арзамасского Отделения о. Архимандрит Василий, уездный наблюдатель священник Петр Архангельский и делопроизводитель

Отделения учитель духовного училища Н.Я. Крылов. После осмотра школьного здания и по составлении акта принятия его в ведение Епархиального Училищного Совета, – в приходском храме начался благовест и к церкви стал собираться народ. Часа в 2 попол[удни]., при звоне колоколов, из храма к школе открылся крестный ход, с о. Архимандритом во главе. По прибытии крестного хода к школе, о. Архимандрит в сослужении с о. наблюдателем и о.о. заведующими: открываемой школы – местным священником о. Аристовым и Ямско-Слободской ж. школой – о. Руновским, был совершен в школе водосвятный молебен с провозглашением обычного в подобных случаях многолетия. При отпусте крестом о. Архимандритом вновь принятым девочкам – а таковых ко дню освящения набралось до 20 – было сказано слово назидания, а уездным наблюдателем – розданы брошюры религиозно-нравственного содержания. После молебна все здание было окроплено святою водой.

На торжестве освящения школы присутствовали некоторые из соседних священников, учительница школы Троицкая, учительница местной земской школы и утвержденный в звании попечителя школы, строитель ее Д.А. Гущин. Последним для всех гостей предложена была в собственном доме скромная трапеза» [6, с. 670–671].

Труды Дмитрия Андреевича Гущина не остались незамеченными: в 1914 г. он был награжден золотой медалью на Владимирской ленте для ношения на шее за заслуги по Духовному ведомству.

События 1917 г. коснулись, конечно, и прихода церкви в честь Рождества Христова: ее существование было под вопросом. В книге А. Потороева «Разоренные храмы» сказано, что ее закрыли в 1941 г. [7, с. 51]. Старожилы же говорят о 1937 г. По словам Марии Павловны Носковой (1922 г.р.), в этом году крестили последнего новорожденного – Юрия Парфенова. Она вспоминает, как детьми они надевали красивые платья, наряжались и ходили к обедне.

Гонения в стране на православную церковь постепенно усиливались, начались массовые расстрелы «церковников». Не избежали этого и священнослужители кожинской церкви. Дочь псаломщика Николая Ивановича Зефирова, Александра Николаевна Лебедева (1931 г.р.), рассказала о том, что отец продолжал отпевать усопших, за что его неоднократно штрафовали и судили, а потом посадили в тюрьму. Семью Зефировых с четырьмя дочерьми в 1933 г., как и многих «лишенцев», выселили из дома, и они вынуждены были жить в бане. Им помогали односельчане, кто чем мог, так как на работу их очень долго, по понятным причинам, не брали. Позже Дмитрий Степанович Рахманов, директор школы, предложил им работать истопниками, дом свой они выкупили. Умер Николай Иванович Зефиров в 1944 г. и похоронен на местном кладбище.

Священника Михаила Сергеевича Глинкина арестовали в 1937 г. по обвинению в принадлежности к «церковно-фашистской диверсионно-террористической организации» и за «проведение среди населения антисоветской агитации». В этом же году приговорили к высшей мере наказания (расстрелу) с конфискацией имущества. Предположительно, он погребен на Бугровском кладбище в Нижнем Новгороде, где установлен памятный мемориал жертвам политических репрессий [8, с. 104].

Староста церкви Прасковья Лабзина была также арестована и приговорена к десяти годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей).

Сохранилась фотография этого периода, на которой изображены служители церкви, в том числе певчие ***(Приложение 3, фото 2)***.

Началось разрушение: сжигали иконы, смывали золото с образов. Церковное кладбище сровняли с землей. Долго не находилось желающих сбросить крест с крыши, пока не согласился сделать это за определенную плату один из жителей (произошло это только в 1950-х гг.). Старожилы рассказывают, что участь семей тех людей, которые особо усердствовали в разорении, была незавидной. Проследив судьбу одной из них, удалось установить, что многие члены семьи умирали в молодом возрасте при загадочных обстоятельствах.

В начале Великой Отечественной войны в церкви неоднократно размещали солдат перед отправкой на фронт. Сохранилась легенда о том, как одного из них убила алебастровая статуя ангела, когда тот стал над ней глумиться. Она просто упала на него, придавив своей тяжестью. После разорения здание использовали как склад для хранения зерна.

В декабре 2008 г. местные жители приняли решение о восстановлении церкви, началась уборка, вывоз мусора, сборы пожертвований на храм. Откликнулись местные жители села Кожино и деревни Князевки: Е.А. Носков, А.Н. Лебедева, В.В. Блинова, М.И. Спасская, В.И. Климов, Н.В. Климова, В.А. Титкова, Т.И. Спицына, Т.В. Воркунова, Л.А. Пчелина, А.В. Пчелин, В.С. Сергеева, Г.М. Захаров, И.А. Зорькин, Л.И. Зорькина, Э. Зорькина, Г.Г. Китаев и др. Как и в 1818 г., строили всем миром. Ремонтно-строительные работы организовал Евгений Павлович Титков, бывший в то время ректором АГПИ. Для восстановления окон, полов, потолков была нанята бригада профессиональных строителей, а работой по внутренней отделке храма занимался Иван Викторович Ермохин. В сооружении алтаря оказала помощь администрация Березовского сельсовета и жители села Анатолий Алексеевич и Александр Алексеевич Горелышевы.

В 2000 г. сельская церковь Рождества Христова была отнесена к объектам историко-культурного наследия, но в 2014 г. этот приказ утратил силу [9; 10].

В ноябре 2012 г. на пожертвования сельчан была закуплена церковная утварь и иконы.

Третьего августа 2016 г. частично отреставрированную церковь зарегистрировали как местную религиозную организацию «Православный Приход церкви в честь Рождества Христова Арзамасского района Нижегородской области Нижегородской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Настоятель храма, протоиерей Игорь Медведев, проводит службы по субботам, большим праздникам и по необходимости. Жители активно участвуют в жизни храма, в богослужениях. А.И. Лукин следит за чистотой и порядком прихрамовой территории, топит дровами печь.

Конечно, сегодня церковь уже не в том ужасном состоянии, в каком она находилось до 2016 г., но, тем не менее, здание требует дальнейшего серьезного ремонта, как внутри, так и снаружи, предстоит решить еще множество вопросов, связанных с реставрацией ***(Приложение 3, фото 3, 4)***. Хотелось бы верить, что церковь, бывшая когда-то центром сельской жизни и пережившая столько лишений, будет восстановлена полностью, а ее приход увеличится.

Источники и литература

1. Пискарев П. Новоусадская волость // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 62. – С. 246–248. – URL: http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/periodic/gubern/index.html (дата обращения: 18.09.2020).

2. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 559.

3. Ашик В. А. Памятники и медали в память боевых подвигов русской армии в войнах 1812, 1813 и 1814 годов и в память императора Александра I: снимки памятников, медалей и гравюр / В.А. Ашик, действ. чл. Рус. воен.-ист. о-ва и О-ва ревнителей истории. – СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1913. – XII, С. 277. – URL: http://elib.shpl.ru/nodes/10499#mode/inspect/page/293/zoom/5 (дата обращения: 13.10.2020).

4. Летопись села Кожина Нижегородской губернии Арзамасского уезда. V. О достопримечательностях Кожинского храма // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1892. – 29 января. – С. 3. – URL: http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/periodic/gubern/index.html (дата обращения: 18.06.2020).

5. Село Кожино // Край мой Арзамасский: устная история сельских поселений / сост. и отв. ред. И.М. Промахина. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. – С. 121–124.

6. Архангельский П. Торжество освящения женской церковно-приходской школы в селе Кожине, Арзамасского уезда // Нижегородские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1900. – 15 октября. – С. 670–671. – URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3040/ (дата обращения: 7.11.2020).

7. Потороев А. Разоренные храмы: очерки Арзамасского богоборчества. – М.: [б. и.], 2006.

8. Справочный материал по священнослужителям и церковнослужителям Нижегородской епархии в период 1916–1939 гг. / сост. М.В. Циркулёва. – Н. Новгород, 2011. – С. 104. – URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/435/ (дата обращения: 7.10.2020).

9. Об отнесении культовых объектов к объектам историко-культурного наследия: приказ от 24 апреля 2000 года № 5-од // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: http://docs.cntd.ru/document/465531105 (дата обращения: 7.10.2020).

10. Южная часть Нижегородской области: Арзамасский район // Дать понять: сайт Галины Филимоновой. – URL: http://www.gttp.ru/map_NN/arzamas_obl.htm (дата обращения: 7.10.2020).

Автор благодарит настоятеля церкви в честь Рождества Христова с. Кожино протоиерея Игоря Медведева, местных жителей А.Н. Лебедеву, Т.И. Спицыну, М.П. Носкову, В.И. Шишкову и др. за воспоминания, предоставленные материалы и фотографии.

ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР И НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ПОЧИНКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Мария Александровна Бегоутова
ГБПОУ «Починковский сельскохозяйственный техникум», преподаватель
Россия, Нижегородская область, Починковский р-н, с. Починки
E-mail: Begoutova.mariya@yandex.ru

В статье показан процесс церковного строительства в заштатном городе Починки Нижегородской губернии на рубеже XVIII–XIX вв. на примере Христорождественского собора и Никольской церкви.

Ключевые слова: *Христорождественский собор; Никольская церковь; священник Константин Владимирский.*

Рубеж XVIII и XIX веков – интереснейший период в истории провинциального русского зодчества. В столицах уже господствовал классицизм, в глубинке же зачастую в церковном строительстве использовались формы уходящего барокко, иногда причудливо смешиваемые с входящим в моду элементами классики. Русские зодчие прекрасно знали закон соподчинения общего и частного, главного и второстепенного. И главным в городе или селе был храм.

Село Починки не осталось исключением. В центре села на крутом, возвышенном берегу реки Рудни был срублен величественный шатровый храм, посвященный Рождеству Христову (по преданию, первоначальный Христорождественский храм находился на месте нынешней церкви святого Николая Чудотворца). Христорождественский храм был двухэтажным: на первом этаже располагалась трапезная с престолом в честь Казанской иконы Божией Матери, главный храм был на втором этаже, где размещался Христорождественский престол и еще один придельный – в честь митрополита Московского Алексия. У церкви имелась колокольня, вероятно, отдельно стоявшая. Крытый тесом объем храма завершался устремленным в небо островерхим шатром, который венчала традиционно украшенная чешуйчатым осиновым лемехом глава [1, с. 21]. Недалеко от Христорождественского храма стоял боярский двор, где проживали приказчики, управлявшие имением. В центре его стояли рубленые хоромы – две избы, соединенные меж собой клетью с двумя сенями, недалеко от них располагалась баня. Двор был обнесен частоколом, у ворот стояли две избы – одна на подклете судебная, да рядом тюремная. На вотчинном дворе находи-

лись «житница, две конюшни, погреб с выходом, ледник с надпогребицею, 2 анбара кладовых, поварня, две житенки, деник» [2, с. 222] Все эти постройки составляли духовный и административный центр села. В 1795 г. в селе произошел страшный пожар, который уничтожил Христорождественский храм и около шестисот дворов.

Важной вехой в истории Починок было начало здесь в 1790-х гг. каменного строительства. Началось оно с храмов. К постройке каменного Христорождественнсго собора преступили в 1800 г. Строился он на пожертвования прихожан и на кружечные сборы; видимо, поэтому собор стоили почти 25 лет. Кроме того, было заимствовано из комиссии духовных училищ при Святейшем Синоде 27 500 руб. ассигнациями. Строителем-подрядчиком был арзамасский купец Василий Монахов, погребенный при этом соборе на северной стороне. Имя архитектора – автора проекта – установить не удалось. Десятого апреля 1824 г. министр духовных дел и народного просвещения князь А.Н. Голицын сообщил комитету министров: «…как по делам в Святейшем Синоде оказалось, что при Починковском соборе кошельковый сбор и другие доходы, кроме свечных, простираются до 2 840 рублей в год, то предписано было Нижегородскому епископу предложить прихожанам, состоящим большею частью из крестьян военно-коннозаводского ведомства согласятся ли они взять испрашиваемые 27 500 рублей из капиталов комиссии духовных училищ заимообразно: таковая сумма по уважению расстроенного их состояния от неурожаев и троекратных пожаров может быть отпущена им на десять лет без процентов. Вследствие сего Нижегородский епископ представил в подлиннике общественный приговор упомянутых крестьян, засвидетельствованный волостными правлением… в котором единодушно изъявляют согласие на таковой заем, обязываясь заплатить деньги в течение десяти лет из церковных доходов и доброхотных подаяний, в случае же недостатка оных, будут дополнять из своей собственности» [1, с. 32].

В 1826 г. строительство Христорождественского собора было завершено. До окончания кладки в трапезе холодного собора были устроены два придела: на правой стороне, над кладовой, – в честь Казанской иконы Божьей Матери, на левой стороне, над библиотекой, – во имя Святителя Алексия, Митрополита Московского. Главный престол – в честь Рождества Христова, а рядом с ним еще два: по правую сторону в честь Вознесения Господня, по левую – в честь Благовещения пресвятой Девы Марии. Последние три престола освящались в течение трех дней 24, 25 и 26 мая 1826 г.

В 1880-х гг. рядом с храмом была возведена огромная четырехъярусная колокольня с 11 колоколами. Самый большой из них весил 497 пудов. Попечителями-строителями колокольни были крестьяне Г.П. Мешалкин,

В.Н. Бухалин и В.В. Ассорин-Ипполитов. Интерьер был украшен масляной росписью и превосходным иконостасом с работами академика живописи А.В. Ступина.

Починковский священник отец Константин Владимирский писал:

«Особенной тесноты от молящихся в соборе не бывает, даже и на первый день Св. Пасхи и на Воздвижение Животворящаго Креста Господня, когда кроме своих прихожан, в эти праздники стекается народ из соседних селений на торжественное соборное богослужение.

В 1880-х годах при сем соборе построены на средства прихожан массивная каменная колокольня в четыре пролета, имеющая высоты 33½ сажени и стоящая с лишком 25 000 руб. сер. На ней глава с крестом медным, вызолоченным чрез огонь. Колоколов на ней 11 – праздничный самый большой в 497 пуд. 2 фун. 1861 года; полиелейный второй 264 пуд. 32 ф. 1882 года; вседневный третий 79 пуд. 36 ф. 1842 года; четвертый 25 пуд.; пятый 15 пуд. 1764 года и шесть малых колоколов, в коих весу 11 пуд. 31 фун.

Собор обнесен каменною, с железною решеткою, оградою, в которой на западной стороне устроены два каменных помещения для караулки и кладовой…» [3, с. 8].

На фотоснимках начала XX века хорошо видно, какую грандиозную роль играл величественный и роскошный Христорождественский собор, внешне напоминавший Исаакеевский собор в Санкт-Петербурге; комплекс собора и колокольня просматривалась за десятки верст при подъезде к городу.

Христорождественский собор был взорван в 1930-х гг., неимоверными усилиями разбит главный колокол, куски которого увезли на металлургический завод в Нижний Новгород.

Из оставшихся после взрыва кирпичей сложено здание Починковской средней школы № 1 и пожарное депо, которые были построены рядом друг с другом и сохранились до наших дней. Во взорванном Христорождественском соборе хранился архив. Починковцы вспоминали, что бумаги бесценного архива долго летали по улицам, пока не были безвозвратно утеряны. Почетный житель села Починки Николай Алексеевич Елисеев сумел сохранить один из ценнейших источников – «Летопись Соборной Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок, Нижегородской епархии», составленную отцом Константином Владимирским. На месте взорванного храма пытались высаживать деревья, но они не приживались. Сейчас там находится здание суда и Починковский культурно-досуговый центр. Вся эта часть площади, находившаяся некогда под великолепным собором, теперь застроена. Восстановить храм на этом месте не удастся никогда.

В конце XVIII века началось строительство Никольской (теплой) при Христорождественском соборе церкви, освещенной в честь святого Николая Чудотворца.

Отец Константин Владимирский писал о Никольском соборе:

«Ветхая деревянная церковь была продана в село Слободу Лукояновского уезда вместе с иконами, среди которых починковцы не хотели отдавать икону Святого Николая Чудотворца. Несмотря на произошедшую ссору между починковцами и слободскими, последние все-таки увезли ее с собой. На другой день случился пожар (1795 г.) и новый храм сгорел. Починковцы раскаялись в своей оплошности, приобрели в Москве икону Святителя Николая Чудотворца. Несли ее на руках с честью, и по приближению к Починкам она была встречена торжественно с крестным ходом из всех церквей. Место этой встречи было за рекой Рудней у родника, при котором находился столб с иконами. На этом месте возвели каменную часовню с пятью главами, которая была приписана к Петропавловской церкви» [3, с. 10].

Вторично Никольский храм был освящен в 1798 г., а в 1840 г. его расширили пристройкой вместимостью 12 квадратных сажен. К 1902 г. Никольская церковь стала больше первоначальной, ее вместимость увеличилась втрое (вместо 57 кв. сажен 155). Она стала даже обширнее холодного Христорождественского собора.

В ноябре 1902 г. был освящен придел по правую сторону в честь иконы божией Матери «Всех скорбящих радость» и святого апостола евангелиста Иоанна Богослова; главный престол в честь Святителя и Чудотворца Николая и преподобного Серафима Саровского Чудотворца освятили в октябре 1904 г.

До этого расширения прихожане не умещались в храме. Зимой многие, отстояв службу за пределами его в ограде, простужались. В самой церкви от духоты люди падали в обморок, а от давки получали травмы. От недостатка кислорода гасли свечи. В общем, расширение площади храма было вызвано необходимостью и желанием самих прихожан.

Никольская церковь была окрашена желтой и белой краской, на южной и северной сторонах колонны с фронтонами, железная кровля – в зеленый цвет, глава и крест золоченые, еще две небольшие главы покрыты белым железом. Храм имел 22 окна, две двери на западе и на севере. Длина храма составляла 23 сажени, ширина – 12 сажен. На верхнем фонаре, восьмерике и четырех фронтонах были изображены Пресвятая Богородица, пресвятая Троица, архангелы, Иоанн Предтеча, апостолы, святители и преподобные.

Внутри церковь имела форму удлиненной палаты с четырьмя квадратными столбами. Своды в храме расписаны, на них изображение облаков,

херувимов с господом Вседержителем. На столбах и стенах по штукатурке лепная работа, расписанная красками [4, л. 3].

В этой церкви в начале 1970-х гг. был кинотеатр «Мир», затем детско-юношеская спортивная школа. В настоящее время Никольская церковь передана во владение Лысковской епархии. В 2019 г. был утвержден макет полной реконструкции Никольского собора. Храм сильно поврежден, разрушены восьмерики, давно нет крестов. Однако даже сегодня ощущается величие и неповторимая красота этой церкви, строившейся когда-то всем миром и от всей души.

Источники и литература

1. Белякова М.М., Дмитриевский С.М. О Починках – с любовью. – Н. Новгород, 1997.

2. Огарев Г. Хозяйство крупного феодала XVII в. Ч. 1. – Л.,1933.

3. Владимирский К. Летопись (или историко-статистическое описание) соборной Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок, Нижегородской епархии. – Арзамас: Типография Н.Н. Доброхотова, 1891.

4. Светозарский Ф. Краткое описание заштатного города Починок. 1850-е годы (копия) // Хранится в Починковском краеведческом музее.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СВЯТЫХ МЕСТ ЖИТЕЛЯМИ ДИВЕЕВСКОГО И ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ольга Ивановна Александрова[1], Ольга Николаевна Ляпаева[2]

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор»
[1] научный сотрудник
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: magdaalex2014@yandex.ru
[2] зав. отделом научно-просветительской деятельности
Россия, г. Нижний Новгород; e-mail: basiliolisa@yandex.ru

В статье делается попытка проанализировать восприятие православных святынь разными группами населения на примере природных объектов, связанных с почитанием Серафима Саровского.

Ключевые слова: *почитаемые камни; Серафим Саровский; традиции; местное население; переселенцы.*

Первые православные религиозные общины появились на территории Ардатовского уезда Нижегородской губернии (сегодня Дивеевский и Первомайский районы Нижегородской области) в конце XVIII века. В 1861 г. Указом Святейшего Синода было объявлено о возведении Дивеевской женской общины на степень третьеклассного общежительного монастыря [1]. История монастыря была трагической, как и всех российских монастырей, и одновременно очень значительной. С 1861 г. известность монастыря постоянно возрастала, он стал одним из популярных мест паломни-

чества, к нему было обращено внимание царской семьи. В 1927 г. монастырь был разогнан, большинство монахинь подверглись репрессиям.

Монастырь официально был возрожден в 1991 г., и это событие, как и перенесение в него мощей Преподобного Серафима Саровского, стало символом возрождающегося православия в России. Серафимо-Дивеевский монастырь является четвертым уделом Богородицы после Иверии, Афона и Киева [2]. После того, как Дивеевский монастырь открылся вновь, дома в его окрестностях стали скупать приезжие, и сегодня коренные жители Дивеевского района составляют всего 30% населения. У большинства переселенцев существует мистическая история переселения на святые места. Чаще всего, в неопределенной жизненной ситуации их наставляет отправиться в «святое место», сосредоточившее сразу несколько святынь, духовник.

С нашей точки зрения на примере районов, расположенных вокруг Дивеевского монастыря, четко прослеживаются различия между местной, давно сложившейся традицией почитания святынь и складывающимся в последние десятилетия отношением к ним переселенцев. Опросы информантов среди коренных жителей и среди переселенцев наглядно это демонстрируют. Статья основана на опросах населения, проведенных авторами в 2017–2019 гг.

В годы гонений на церковь немногочисленные паломники продолжали посещать Дивеевские земли, святыни, связанные с именем «батюшки Серафима» – родники и камни. Местное население также обращалось к ним в трудных жизненных ситуациях, серафимовские святыни здесь – неотъемлемая часть традиционной культуры. Традиция регламентирует ситуации общения с почитаемыми объектами. Поход к камням и родникам возможен в случае отсутствия вестей от близких, засухи, нездоровья. Часто вспоминают о том, как во время войны женщины ходили просить «преподобненького» подать весть о родственниках с фронта, после чего вскоре приходили письма. Отношение приезжих к дивеевским святыням значительно отличается от местного традиционного. Для них никакого повода для общения со святыней не требуется. Местные получают помощь в каждом конкретном случае: «Ой, батюшки, надо на камешек идти. Дождя-то как долго нету, Господи. Картошечка-то не вырастет... Все веровали: и молодые, и старые. Все веровали. Потому что помолятся – дождик идет». Приезжие ждут от посещения святынь неких чудесных знаков. При этом сюжеты текстов, записанных от переселенцев содержат яркие визуальные образы, сравнимые с кинематографическими или телевизионными. Например, на камнях в Первомайском районе в день Памяти Серафима Саровского свечи, поставленные паломниками в снег на время молитвы,

подожгли снег неким святым огнем, который не жег рук, «как благодатный огонь на гробе Господнем».

В рассказах приезжих о посещении камней и родников часто встречается понятие «энергетика», рассказы о физически ощутимом контакте со святыней. Среди приезжих ходит легенда о научной экспедиции, состоявшейся в 60-е гг. XX века, которая измерила положительную энергию, исходящую от святынь в мегагерцах, и даже вычислила диапазон ее влияния. Приезжие считают, что чем ближе к святыням они живут, тем меньше вероятность возникновения болезней, несчастных случаев и т.п. Более того, приезжие верят, что в случае глобальной катастрофы спасутся только те, кто проживает в радиусе 20 км от Дивеевского монастыря.

В местной традиции о таких вещах речи не идет. И тех, и других объединяет мнение, что Серафимовы камни всегда теплые и способны расти.

Также разделяются мнения о целительной силе камней, родников и могил местночтимых святых. Местные ждут от них облегчения страданий. Приезжие – полного исцеления, в их среде нередки рассказы о том, как больных к святыням посылают представители официальной медицины и исцеление происходит немедленно, непосредственно на камнях или родниках. У приезжих широко распространено мнение о силе, например, «Огненной молитвы», – молитвы без слов и с криком, – знаком принятия которой является сошествие небесного огня, исцеляющего от любой болезни.

И у местных, и у приезжих часты рассказы о явлениях Серафима Саровского. Местные называют его «преподобненький», и является он, как правило, предупреждая о грядущих жизненных испытаниях. Его явление воспринимается как проявление Серафимом заботы и стремления укрепить перед бедой. В местной традиции встреча с Преподобным носит всегда личный характер; чаще всего, он является во сне. Среди приезжих и паломников ходят рассказы о явлении Серафима Саровского и Богородицы большому количеству очевидцев одновременно.

Для приезжих явление Серафима Саровского – проявление святости окрестностей. Из рассказов приезжих информантов, при посещении камней окружающая природа должна принять участие в молитве. Например, деревья склоняются (кланяются) в такт молитвы, исчезают комары и мухи.

Приезжие находят все новые связи природных святынь с Серафимом Саровским, и даже трактуют как ошибки традиционно сложившиеся малые архитектурные формы при почитаемых святынях. Так, на одном из камней они находят отпечаток правой руки Преподобного, указывающий прямо на восток. «А кресты поставлены неправильно. Они поставлены в сторону». Более того, они ожидают все новых и новых явлений: «Значит, вторая рука должна быть еще. Только она пока еще там находится, под землей. Еще не вышла»; «Мы с батюшкой Иоанном приехали один раз. И

первый раз, когда стали молиться (это было между двумя и тремя часами дня, когда солнце с левой стороны шло). И мы читаем акафист Батюшке Серафиму, и когда освещение пошло так вот, на камень, и появилось множество икон Батюшки Серафима. Маленькие и большие изображения Батюшки Серафима. Я просто ахнула!»

Для мифологии приезжих характерна попытка объяснить социальные события особым Божьим промыслом. Бытует мнение, что Мордовский государственный природный заповедник, расположенный недалеко от Сарова, был создан для того, чтобы сохранить медведиц и медвежат, которые внимали молитвам батюшки Серафима. Потомки этих медведей, якобы, до сих пор ходят на Серафимовы камни в дни памяти. Распространен сюжет, что камни являются природным храмом, который могут увидеть только посвященные. Якобы, Преподобный Серафим, предвидя гонения на церковь, благословлял камни как монастыри – Дивеевский, Саровский... И сведения об этом хранятся в неких закрытых архивах.

Местное население воспринимает местные святыни как помощь в жизненных трудах и невзгодах, унаследованную от предков. Для приезжих самого разного возраста переселение на дивеевские земли воспринимается как благополучный итог духовного и жизненного пути. В отличие от местного населения, объединенного семейными, соседскими, профессиональными связями, приезжих объединяет некое чувство духовной избранности. Сообщества местного и приезжего населения стараются отстраниться друг от друга.

Специфика жизни приезжего населения в том, что они не ставят перед собой задачи встроиться в социальную светскую жизнь данной местности. Они формируют некую субкультуру, которая придает своеобразие социальной картине исследуемых районов.

Источники и литература

1. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Серафим (Чичагов). – М.: Паломник, 2005.

2. Дегтева О.В. Нижегородское подворье Серафимо-Дивеевского монастыря, храм Московских Святителей. – Н. Новгород: Изд. отд. Нижегородской епархии, 2009.

Раздел IV.
ЛИЧНОСТЬ
В ИСТОРИИ
РЕГИОНА

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ В РАБОТАХ НИЖЕГОРОДСКОГО ИСТОРИКА П.И. МЕЛЬНИКОВА О КУЗЬМЕ МИНИНЕ

Анна Игоревна Клюева
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, магистрант
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: anna.klyueva.98@mail.ru

В статье анализируются работы нижегородского историка и писателя П.И. Мельникова, посвященные личности Кузьмы Минина. Рассмотрены такие спорные моменты, как местонахождение дома Минина, значение грамоты Дионисия, источники, которыми пользовался нижегородский историк. В результате определено, что не все сведения, приводимые в работах П.И. Мельникова, оказались достоверными и научно обоснованными.

Ключевые слова: *Кузьма Минин; П.И. Мельников; Нижний Новгород.*

Одним из первых историков, занявшихся изучением личности и деятельности Кузьмы Минина, был учитель нижегородской гимназии Павел Иванович Мельников (1818–1883), впоследствии известный писатель, взявший псевдоним Андрей Печерский.

Начало интереса нижегородской общественности к личности К. Минина во многом было связано с посещением в октябре 1834 г. Нижнего Новгорода императором Николаем I [1, с. 232]. При посещении могилы Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе император выразил желание узнать, «нет ли потомков Минина по прямой, или косвенной линии» [2, с. 5]. С этим вопросом император обратился к военному губернатору Нижнего Новгорода М.Н. Бутурлину. Однако нижегородцы ответили, что ничего не знают о потомстве народного героя. Тогда император коротко распорядился: «Отыскать; если остались, я награжу за службу предка» [2, с. 5].

Нижегородский вице-губернатор М.М. Панов поручил заняться родословной Минина старшему преподавателю Нижегородской гимназии Павлу Ивановичу Мельникову, который только за год до этого был назначен корреспондентом Археографической комиссии. В письме на имя губернатора Мельников благодарит за предоставленную честь, за то, что он призван «к исполнению этого истинно русского дела», и предлагает «благо-

склонному вниманию» его небольшое исследование о фамилии Мининых, сделанное им в течение пяти дней [2, с. 19].

Далее Мельников приводит проведенное им небольшое исследование. Он сообщает, что «в городе Балахне есть купеческая фамилия Мининых, претендующая на происхождение от одного из братьев Козьмы Минина» и попросил «сделать надлежащее распоряжение о спросе балахнинских Мининых – не имеют ли они доказательств своего родства с великим мужем», а также предоставить «выписки из балахнинских архивов старинных столбцов и тетрадей (до 1700 года)» [2, с. 19]. Помимо этого, Мельников выражает мнение, что не лишним было бы изучить родословную Мининых на основе ревизских сказок.

Что же касается составленной Мельниковым справки, то в ней исследователь называет Кузьму Минина «художественным говядарем» и говорит о существующем в Нижнем Новгороде ни на чем не основанном поверье, согласно которому К. Минин будто бы «жил и скончался в приходе Церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы, при которой и был сначала погребен» [2, с. 21]. Однако Мельников опровергает этот слух, приводя следующие доводы: К. Минин жил в это время в Москве, что подтверждает царская грамота в Нижний Новгород от 31 мая 1615 г. Более того, самой церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы еще не существовало, что видно из сотной грамоты 1822 г. [2, с. 21].

Сын Минина Нефедий умер бездетным, а вот что касается сестры спасителя Отечества Дарьи, то Павел Иванович замечает, что нельзя точно сказать, была ли у К. Минина сестра, так как «это не подтверждается никаким известным актом» [2, с. 21]. Также историк выявил из царских грамот, что у К. Минина были родные братья, Сергей и Безсон Минины.

Возможно, что у Минина, по мнению П.И. Мельникова, были еще братья, сведения о которых автор надеется найти «при дальнейшем осмотре архивов разных присутственных мест» [2, с. 24–25]. Это доказывается тем, что в переписной книге 1678 г. Павел Иванович нашел сведения о «дворе гостиной сотни Никиты Минина» и «дворе гостиной сотни Клементья Минина» [2, с. 25]. По его предположению, ими были дети или внуки какого-нибудь из братьев К. Минина. Однако тут же историк вносит поправку, что «утвердительно сказать этого нельзя, потому что у нас, на Руси, всякий имевший отца Мину назывался и называется Мининым» [3, с. 72]. Результаты своего исследования историк решает опубликовать в журнале «Отечественные записки».

Уже в 1842 г. П.И. Мельников публикует статью «Исторические заметки» [3, с. 65–72]. В ней историк опровергает слух о том, что Кузьма Минин после освобождения России постоянно жил в Нижнем Новгороде и был похоронен в приходе Похвалинской церкви. Когда царем стал Алексей

Михайлович, тело Минина было якобы перенесено в Спасо-Преображенский собор, что абсолютно неверно, ведь в церквах и архивах данный указ не сохранился. Более того, по сведениям Мельникова, находились люди, которые для того, чтобы получить даровой дом, уверяли, будто бы им во сне являлся Минин и приказывает нижегородскому градскому обществу построить и подарить этим людям дом. Сам Мельников до этого верил преданию о доме и кончине спасителя Отечества в приходе Похвалинской церкви, о чем писал в 1840 г. в журнале «Отечественные записки» в составе «Дорожных записок» – первого увидевшего свет произведения писателя: «Близ Козьмы Минина погребен сын его Нефедий (Мефодий); неизвестно, где похоронена жена его Татьяна; вероятно, близ церкви Похвалы Богородицы, потому что в приходе ея жил и умер сам Козьма Минин. Да и тело его, погребенное на ограде похвалинской, было перенесено в собор уже при царе Алексее Михайловиче» [4, с. 522]. Церковь же Похвалы Пресвятой Богородицы, которая указывается, как вероятное место жительство Минина, вообще в то время не существовала. Мельников пишет: «В сотной грамоте 1621 года… подробно описаны все церкви нижегородские, исключая кремлевских, но о церкви Похвалы не говорится ни слова. Даже самое место, где теперь она находится и где находилась до пожара, показано в этой грамоте за острогом, т.е. оно было не заселено» [3, с. 69]. Значит, церковь Похвалы построена после 1621 г., т.е. гораздо позже после смерти Минина.

Мельников утверждает, что К. Минин после 1612 г. не жил в Нижнем Новгороде, а приехал в этот город незадолго до смерти. В качестве доказательства историк приводит сведения из царской грамоты от 31 мая 1616 г., в которой говорится об изъятии сына, братьев и крестьян К. Минина от суда в Нижнем Новгороде, кроме случаев татьбы и разбоя. В ней сказано: «Бил нам челом думной наш дворянин Кузма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья де и вотчинка за ним в Нижегородском Уезде, и братья его и сын живут в Нижнем Новгороде и пр.» [3, с. 67–68]. Минин же скончался между сентябрем 1615 г. и июнем 1616 г. Следовательно, если он и жил в Нижнем, то никак не более одного года.

Далее Мельников сообщает, что дом К. Минина до 1612 г. находился в Благовещенской слободе в приходе Рождества Иоанна Предтечи, а не в приходе Похвалы Богородицы, как считали до этого. Автор доказывает это, ссылаясь на сотную грамоту 1621 г., в которой говорится о существовании в этом году церкви Рождества Иоанна Предтечи. В источниках XVII века Мельников находит подтверждение своей версии, анализируя документы, связанные с невестой царя Михаила Федоровича Марией Ивановной Хлоповой. В 1616 г. молодой государь Михаил Федорович собирался жениться на ней, но ее дядя поссорился с влиятельным боярином Михаи-

лом Салтыковым, который сказал матери Михаила, что Мария больна. Бывшую невесту сослали сначала в Тобольск, а потом перевели в Нижний Новгород, где ей по царскому указу «дан был двор на житье…, а прежде сего тот двор был Кузмы Минина», о чем говорится в царской грамоте от 31 марта 1633 г. [5, с. 322]. Затем царь отправил в Нижний большую комиссию во главе с боярином Федором Шереметевым, чтобы выяснить правду о здоровье Хлоповой. Материалы этого расследования были напечатаны в 1822 г. в «Собрании государственных грамот и договоров». В следственном деле о Марье Хлоповой от 15 сентября 1623 г. говорилось о «предтечинском попе Герасиме», т.е. священника церкви Иоанна Предтечи, который часто навещал бывшую царскую невесту: «И прислали Марьина отца духовнаго из Нижняго Предтечинскаго попа Герасима» [6, с. 264]. Отсюда следовало, что храм Иоанна Предтечи находился недалеко от места жительства Марии Хлоповой, т.е. от дома Минина. П.И. Мельников знал, что в Благовещенской слободе была церковь Иоанна Предтечи. Это позволило историку сделать вывод о том, что дом К. Минина «до 1612 года находился в Благовещенской Слободе, на берегу Оки, выше Благовещенского монастыря, в приходе Рождества Иоанна Предтечи» [3, с. 68].

Это заключение Мельникова закрепилось в научной исторической литературе. Первым его повторил Н.И. Храмцовский в своей книге «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода» в 1859 г., сославшись на публикацию Мельникова в «Отечественных записках»: «Тоже говорил и Г. Мельников… в 1842 году, в Отечественных записках…: 1–е. Дом, в котором жил Минин до 1612 г., был в Благовещенской Слободе в приходе Иоанна Предтечи, а не Похвалинском» [7, с. 74]. Но затем авторство Мельникова забылось, и его гипотеза стала подаваться как народная легенда. Так, нижегородский краевед А.Я. Садовский в 1916 г. сообщал: «Нижегородские предания утверждают, что дом Кузьмы Минина был в приходе Рождества Иоанна Предтечи, т.е. где-то около Благовещенской слободы» [8, с. 8].

Однако гипотеза Мельникова была ошибочной. В Нижнем Новгороде есть две церкви Рождества Иоанна Предтечи: одна находится в Благовещенской слободе, о которой и писал П.И. Мельников, как о возможном доме К. Минина, а другая – это храм Рождества Иоанна Предтечи у Ивановской башни кремля, который находится на нынешней площади Народного Единства. О нем и говорится в «Писцовой книге 1621–1622 годов по Нижнему Новгороду»: «Идучи ис Почаинские улицы к попову Герасимову двору, в зарядье за мясным рядом дворы по правой стороне» [9, ст. 125]. Соответственно, где-то недалеко следует искать и двор Минина, там, где жила Хлопова.

Разумеется, это не мог быть тот дом, который принадлежал К. Минину ранее 1613 г., ведь невозможно было представить, чтобы царь поместил свою будущую жену в мужицкой избе [10, с. 48]. Конечно же, Хлопова жила в кремлевском дворе К. Минина. По сообщению Мельникова, именно там находился дом Минина после 1613 г. Для доказательства этого автор приводит данные сотной грамоты за 1621 г., в которой сказано: «А на другой стороне соборные церкви дворы: двор стряпчево Нефедья Кузмина Минина с огородом, а по скаске нижегородцов посадских выборных людей то место бывало государево дворовое» [3, с. 68]. Это «государево дворовое место» находилось рядом со Спасо-Преображенским собором. Следовательно, Минину был пожалован двор на самом лучшем месте в городе, а именно – в кремле рядом с собором. Этот двор, как считала Н.И. Привалова, в 1613 г. создатель Нижегородского ополчения получил за его подвиги: «За свой подвиг… Кузьма Минин… был награжден… домом в кремле» [11, с. 185].

Н.И. Куприянова возражала ей, отметив, что грамотой о пожаловании К. Минину дома в кремле историки не располагают. Поэтому, по мнению Куприяновой, этот дом мог быть дан не Кузьме Минину, а его сыну Нефёду, служившему при дворе Михаила Романова [11, с. 188]. Однако в данном случае следует согласиться с Н.И. Приваловой, поскольку в царской грамоте от 31 марта 1633 г. нижегородскому воеводе Коржбоку-Столпину прямо сказано о том, что «тот двор был Кузьмы Минина» [5, с. 322]. По предположению Ф.А. Селезнёва, Нефёд сам мог предложить Михаилу Федоровичу этот дом для размещения Марии Хлоповой и ее близких, «ведь, услужив будущей царице, он мог значительно упрочить свое положение при Дворе» [10, с. 49].

Исходя из всего вышесказанного, следует отвергнуть гипотезу о том, что дом Минина находился в приходе церкви Рождества Иоанна Предтечи в Благовещенской слободе. После того, как в 12 июня 1613 г., «на свой государев ангел, пожаловал Государь в думные дворяне Кузму Минина; [Е. сказывал думное дворянство Кузме Миничю думной розрядной дьяк Сыдавной-Васильев]» [12, ст. 100], Кузьма Минин жил в Москве. Через три года, т.е. в 1616 г., он вернулся в Нижний Новгород и жил в пожалованном ему от государя доме, который находился в Кремле, около Спасо-Преображенского собора. Здесь Минин умер и, как пишет П.И. Мельников, был похоронен в приходе нижегородского Спасо-Преображенского собора. Его, как человека, уважаемого нижегородцами, «быть может, положили и в самом соборе, но не на той стороне, где положены были князья, а на другой, де впоследствии полагали тела архиереев» [3, с. 69].

Следующей работой Мельникова стала статья «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время», которая была опубликована в журнале «Отечественные записки» в 1843 г. [13, с. 1–32]. В этой статье он пишет, что в конце 1611 г. в Нижнем получили грамоту Дионисия, в которой архимандрит просил нижегородцев собрать силы и идти на Москву для ее защиты от неприятелей. Но нижегородцам трудно было собрать силы, поэтому они собрались в кремле в воеводском доме для того, чтобы решить, что делать дальше. Таким образом, Мельников выдвигает новую версию, которой до него не существовало, а именно то, что до него исследователи говорили об изначальном воодушевлении народа после грамоты Дионисия и появлении Минина именно в этот момент. Мельников же говорит, что «воеводы и духовенство не надеялись на успех дионисиева воззвания», и что в числе лиц, которые участвовали в собрании в кремле, был и Минин [13, с. 23].

Когда стали обсуждать меры для того, чтобы воодушевить нижегородцев к походу, Минин рассказал о явлении к нему во сне св. Сергия. Мельников говорит о предварительном сговоре Пожарского и Минина. Минин был избран начальником над собранной казной по предложению Пожарского, а условия, которые выдвинул Минин при своем избрании, были продиктованы Пожарским [13, с. 27]. Также Мельников указывает, что Кузьма Минин жил в Благовещенской Слободе в приходе Иоанна Предтечи. Составляя характеристику Минина, Мельников замечает, что он был «человеком ума обширнаго, воли твердой, зрело обдумавшим план свой, тонким политиком, столь хитро устроившим дело почти невозможное» [13, с. 27]. Более того, благодаря своему уму говядарь получил честь быть в Думе царя Михаила. Однако, как утверждает Мельников, грамоту об избрании Михаила царем Минин не подписал [13, с. 30].

Любопытно то, что в качестве источника Мельников использует некий «Ельнинский хронограф», о котором он упоминает в примечаниях после статьи. Этот хронограф Мельников купил в 1842 г. на ярмарке у торговца Головастикова, который продавал старые книги. Там была подпись некоего крестьянина Ельнина, поэтому хронограф и был назван Павлом Ивановичем «Ельнинским». В конце источника находилась рукопись XVIII века, которая содержала выписки из VIII тома Никоновской летописи о разорении Московского государства. Но Мельников сам замечает, что либо переписчик был неискусный, либо у него был неверный список, т.к. в рукописи встречается несколько «грубых ошибок, а особенно в собственных именах» [13, с. 31]. В конце рукописи Мельников располагает интересное прибавление о племяннике Минина, который погиб в бою. Сам автор признается, что не знает точно, что из себя представляет это прибавление – то

ли это предание XVIII века, то ли список, основанный на современном историческом сочинении, подлинник которого не сохранился.

Сведения о деятельности Кузьмы Минина по организации второго ополчения Павел Иванович позднее дополнил данными из так называемого «Лобкова хронографа» – рукописи, принадлежавшей любителю старины А.И. Лобкову и содержавшей «выписки из разных летописей, хронографов, статейных списков и пр.». Мельников обнаружил этот «хронограф в лист» в 1850 г. во время посещения нижегородской ярмарки у купца Алексея Головастикова, у которого приобрел несколько лет назад и «Ельнинский» хронограф. Как утверждает автор, «Лобковский хронограф», как он его называет, «целыми страницами… схож с Хронографом Столяра, принадлежавшим Н.М. Карамзину». На основании этих данных историк в 1850 г. подготовил новую работу, опубликованную в «Московитянине» [14, с. 1–12].

Известия «Ельнинского» и «Лобковского» хронографов содержат сведения о призыве Минина к нижегородцам, о руководящей роли протопопа Саввы Ефимьева в организации ополчения и о ряде фактов, отсутствующих в других известных исследователям источниках. Но эти обнаруженные П.И. Мельниковым источники оказались утраченными – современные исследователи не смогли найти их ни в одном из известных архивохранилищ или рукописных собраний [15, с. 108]. В 1912 г. издатели юбилейного тома НГУАК указали, что «оба хронографа известны только по статьям Мельникова», который «нашел их у Головастикова в Нижнем Новгороде, но затем хронографы исчезли, будучи проданы на ярмарке старообрядцу». Более того, Мельников «не описал памятников и заменил издание текста пересказом в статьях; только небольшой отрывок из Ельнинского хронографа помещен им в своей статье в подлиннике» [16, с. 441–442].

Мнение по поводу сведений «Елининского хронографа» высказал С.Ф. Платонов, относивший создание этого источника «или к XVIII в. … или же к концу XVII в.». Он писал: «Никак нельзя считать повествование Ельнинского хронографа памятником ранним, современным тем событиям, какие в нем описаны. С другой стороны, общий колорит повествования... легендарен. Действительно, указанная нами сбивчивость изложения, витиеватые речи действующих лиц, не совсем понятные их диалоги – все это свидетельствует нам, что автор произведения не имел ясного представления о том, о чем писал, и вносил в изображение факта свою творческую фантазию» [17, с. 468–469].

Историк Б.М. Пудалов, сомневаясь в реальном существовании этих источников, отмечает отсутствие рукописной традиции у этих памятников письменности. Филологический анализ опубликованного Мельниковым

фрагмента Ельнинского хронографа также «…вызывает с языковой стороны, мягко говоря, недоверие» [18, с. 131–133].

Несмотря на такие выводы современных историков, обнаруженные П.И. Мельниковым хронографы не вызывали сомнений у его современников. Более того, имя нижегородского любителя старины постепенно становилось достаточно известным и в столичных кругах. Летом 1850 г. П.И. Мельников по приглашению министра внутренних дел графа Л.А. Перовского переехал на работу в Петербург [15, с. 108].

Исследования, касающиеся личности Минина, Мельников продолжил и позднее. Из исторических источников П.И. Мельникову было известно, что Кузьма Минин имел прозвище «Сухорук», а по роду занятий был «говядарь». В некоторых источниках его называли мясником. В Нижегородской сотной грамоте при перечислении лавок в мясном ряду была названа лавка Богдана Кузьмина и Михаила Игнатьева Сухоруковых: «А от Почаиньские бани, идучи в Мясной ряд, по правой стороне:… лавка вымолная на одно лицо посадцких людей Богдашка Кузмина да Михалка Игнатьева Сухоруковых» [9, ст. 244–246]; «Да на другой стороне той улицы в зарядье позади лавок, что подле Ивановского мосту под Герасимовым двором Попова, где был Мясной ряд, очистить в зарядье и снесть долов лавченка Самойловские, жены Богомолова, да лавченко Замятни мясника и животинная бойница Богдашка Сухорукова» [9, ст. 199]. П.И. Мельников из этого заключил, что имена указанных людей – это родственники Кузьмы Сухорука. Сделав такой вывод, историк на страницах «Отечественных записок» спрашивает: «Не в этой ли лавке торговал он? Не перешла ли она после возвышения Минина к его родственникам, может быть, двоюродным братьям Богдану Кузмичу и Михайлу Игнатьевичу?» [3, с. 72].

Вскоре П.И. Мельников проанализировал другой источник – Книгу купчих записей начала XVII века. В нее заносились все сделки с недвижимостью. Результаты исследования были опубликованы Мельниковым в 1852 г. в журнале «Московитянин» под заголовком «Как звали Минина. Купчая 1602 года». Это была публикация самого раннего документа, относящегося еще к досмутному времени, в котором упоминался Козьма Минин. В купчей, которая представляла собой акт-договор о продаже двора, говорилось о том, что Иван Матвеевич Жилин продал «двор свой с садом и с огородом за городом на Никольской стороне над Почайною» (около Никольской церкви, т.е. рядом с современным драматическим театром – ***Авт.***) Андрею Афанасьевичу Попову. Продавец И.М. Жилин сообщал среди прочего: «А в межах тот мои двор подле Кузьмы Захарьева сына Сухорука» [19, с. 10]. При этом Мельников от себя добавил в текст слово «Минин». Получилось: «А в межах тот мой двор подле Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука» [20, с. 33]. Текст документа полностью совпадает

с купчей, помещенной в 1852 г. в журнале «Москвитянин», с одним лишь исключением: отчества «Минин» в оригинале нет. Очевидно, ключевое слово «Минин» было добавлено П.И. Мельниковым при подготовке материала к публикации с целью повысить значимость открытого им документа в глазах редактора и читателей журнала «Москвитянин» [19, с. 9]. Следовательно, в ходе рассмотрения историком купчей 1602 г. было открыто новое имя Кузьмы Минина, а именно Кузьма Захарьевич Минин-Сухорук. Это новое наименование Кузьмы Минина закрепилось и стало использоваться в научных трудах и энциклопедиях. Так, прозвище Сухорук применительно к Минину встречается уже в Новом летописце: «Един же от них Нижегородец имеяше торговлю мясную Козма Минин, рекомый Сухорук…» [21, с. 174]. «Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат» пишет о Кузьме Минине как о Захарьве-Сухоруком, при этом добавляя: «"Минин", собственное отчество, но большая часть памятников знает только его, не упоминая фамилии; оно и осталось за Захарьевым в истории» [22, с. 6]. Знаменитый драматург А.Н. Островский написал пьесу «Козьма Захарьевич Минин-Сухорук» [23, с. 7–138].

Однако эта версия нового наименования была опровергнута еще в начале XX века. Председатель Нижегородской архивной комиссии профессор А.Я. Садовский специально занимался исследованием биографии Минина. Изучая документы, он обратил внимание, что прозвище Сухорук и отчество Захарьев рядом с именем Козьмы Минина не встречаются нигде, кроме упомянутой купчей записи. Во всех других текстах XVII века создателя Нижегородского ополчения называли Кузьма Минин, Кузьма Минин «рекомый» (называемый) Сухорук или Кузьма Минич. Миничем, подобно знатным людям, народный герой стал величаться после того, как Михаил Федорович возвел его в думные дворяне. Отчество Минич прямо указывает на то, что имя его отца было Мина, а не Захарий [10, с. 50].

Свои выводы А.Я. Садовский опубликовал в 1916 г. в статье «Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук» [8, с. 1–16]. В ней он приводит убедительные доказательства того, что нет оснований давать Кузьме Минину прозвище Сухорук и отчество Захарьевич, и говорит о том, что «…порывается всякая связь Кузьмы Захарьева с Кузьмою Мининым, и Кузьма Минин должен именоваться так, как именовался он сам, как именовали его родные, и как именовали его все дошедшие до нас официальные документы того времени, – только Кузьмою Мининым» [8, с. 14].

Точку в этой истории поставил современный историк А.Ю. Хачко. Он просмотрел Книгу купчих записей, которой пользовался Мельников, и не обнаружил в соответствующем месте слова «Минин» [19, с. 9–10]. Однако исследователь оправдывает Мельникова и говорит, что прозвище «Сухо-

рук» или «Сухорукий» появилось не из-за фальсификации Павла Ивановича, ведь «его можно обнаружить и в более ранней литературе, и в фольклоре XIX в., хоть оно и не зафиксировано ни в нарративных источниках, ни в официальных документах» [19, с. 9]. Т.е. источник появления прозвища «Сухорук» необходимо искать в устной традиции, которая и дала П.И. Мельникову основание установить взаимосвязь между Кузьмой Захарьевым сыном Сухоруком и Козьмой Мининым.

Зададимся еще одним вопросов. Как мог мясник, не имевший опыта проведения денежных операций, так блестяще организовать финансовую сторону деятельности ополчения, как это сделал Минин? Не случайно именно на Минина указал Дмитрий Пожарский как на человека, который будет заведовать в его войске казной, присовокупив, что «он бывалый человек: ему такое дело за обычай», поскольку «ратное дело ему было не чуждо: прежде он служил в ополчении Алябьева и Репнина» [24, с. 242, 246]. Эта фраза Пожарского, зафиксированная в «Новом летописце», часто толкуется историками в том смысле, что у Минина был опыт военной службы. П.И. Мельников первым высказал мысль о том, что Кузьма Минин заслужил уважение нижегородцев своей храбростью во время походов нижегородских воевод Алябьева и Репнина [14, с. 9]. Однако посадский человек не мог и не должен был нести воинскую службу. Не имел такого опыта и Минин. В августе 1612 г. он признался архимандриту Троице-Сергиевой лавры Дионисию в том, что не было «воинское строение ему в обычай» [25, с. 33]. Слова Пожарского нужно понимать так, что Минину «за обычай» было не участие в боях, а обеспечение войска всем необходимым.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сказать, что исследования П.И. Мельникова внесли большой вклад в изучение личности и деятельности Кузьмы Минина. В частности, была предложена новая версия местонахождения дома народного героя, установлены его возможные родственники, введены в оборот новые исторические источники, сообщены новые интересные предания и даже создано новое имя спасителя Отечества. Однако стоит заметить, что не все сведения, которые приводил в своих работах П.И. Мельников, оказались достоверными; некоторые из них, в частности, новое имя Минина и местонахождение его дома, были в дальнейшем опровергнуты.

Источники и литература

1. Морохин А.В. Личность и деятельность Кузьмы Минина в работах нижегородского историка П.И. Мельникова // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Сборник трудов Всероссийской научной конференции. Рязань, 11–12 апреля 2011 г. / Отв. ред. В.Н. Козляков. – Рязань, 2011. – С. 232–242.

2. Дело о потомках Козьмы Минина // Действия НГУАК: Сборник статей, сообщений, описей дел и документов: Т. 1–18. – Н. Новгород, 1912. – Т. 13. Вып. 4. – 176 с.

3. Мельников П.И. Исторические заметки // Отечественные записки: учебно-литературный журнал. – 1842. – Т. 23. – № 8. – С. 65–72.

4. Мельников П.И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). – СПб.: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 1909. – Т. 7. Изд. 2. – С. 514–573.

5. Царская грамота Нижегородскому воеводе Коржбоку-Столпину, об отдаче князьям Ивану и Якову Черкасским выморочного после Марьи Хлоповой двора в Нижнем Новгороде, принадлежавшего прежде Козьме Минину // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – Т. 3. № 218. – С. 322–323.

6. Следственное дело (в списке), по указу Государя Царя Михаила Феодоровича, произведенное о том: действительно ли нареченная невестою Государю девица Мария Хлопова, во время пребывания ея во дворце, одержима была болезнию, какою именно и долго ли оная потом продолжалась? // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. – М.: Типография Селивановского, 1822. – Ч. 3. – С. 257–266.

7. Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода: в 2-х частях. Ч. 2. – Н. Новгород: Губернская тип., 1859. – 272 с.

8. Садовский А.Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин-Сухорук: новый документ о протопопе Савве Ефимьеве // Издание НГУАК. – Н. Новгород: Типо-Литогр. «Нижегородск. Печатн. Дело», 1916. – Т. 15. Вып. 9. В память 300-летия царствования дома Романовых. – С. 1–16.

9. Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. – СПБ., 1896. – 464 ст.

10. Селезнёв Ф.А. Где в Нижнем Новгороде жил Козьма Минин? // Нижегородская старина. – 2016. – № 49–50. – С. 46–52.

11. Привалова Н.И. Семья Кузьмы Минина // Записки краеведов: очерки, статьи, документы, хроника / сост. Н.И. Куприянова. – Горький, 1979. – С. 185–188.

12. Дворцовые разряды, высочайшему повелению изданные II-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. – СПб., 1850. – Т. I. 1612–1628 гг. – 1224 ст.

13. Мельников П.И. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки. – 1843. – Том XXIX. – № 7. – С. 1–32.

14. Мельников П.И. Несколько новых сведений о Смутном времени, о Козьме Минине, князе Пожарском и патриархе Ермогене // Москвитянин. – 1850. – Ч. VI. № 21. Ноябрь. Кн. 1. – С. 1–12.

15. Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. – М.: Фонд «Русские Витязи», 2017. – 160 с.

16. Ельнинский и Лобковский хронографы // Действия НГУАК. Т. 11: Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. – Н. Новгород, 1912. – С. 441–447.

17. Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник // Собрание сочинений. В 6-ти тт. Т. I. – М.: Наука, 2010. – С. 187–517.

18. Пудалов Б.М. Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). – Н. Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. – С. 125–137.

19. Хачко А.Ю. Как звали Минина (купчая 1602 г.) // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет (10 декабря 2002 г.). – Н. Новгород: ННГУ, 2003. – С. 7–11.

20. Мельников П.И. Как звали Минина. Купчая 1602 (сообщено П.И. Мельниковым) // Москвитянин: учебно-литературный журнал. – 1852. – Т. 1. – С. 33.

21. Новый летописец // Русская летопись по Никонову списку. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1792. – Т. 8. – 256 с.

22. Минин // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова, проф. В.Я. Железнова, проф. М.М. Ковалевского, проф. С.А. Муромцева и проф. К.А. Тимирязева. – М.: Изд. тов. А. Гранат и К°, 1914. – Т. 29. – С. 6–7.

23. Островский А.Н. Козьма Захарьевич Минин, Сухорук (1861) // Собрание сочинений. В 10-ти тт. / под общ. ред. Г.И. Владыкина, А.И. Ревякина, В.А. Филиппова. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1953. – Т. 3. – С. 7–138.

24. Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. III. Московское разоренье. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1868. – 344 с.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ И АРЗАМАССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ

Наталья Алексеевна Пакшина

Арзамасский политехнический институт (филиал) Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева
кафедра прикладной математики, кандидат технических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Nataliapakshina@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, посвященного генеалогии рода Ляпуновых. Среди нижегородских дворян Ляпуновых было немало выдающихся людей. В данной публикации рассказывается о прадеде знаменитого математика академика Александра Михайловича Ляпунова с таким же именем и отчеством. Особое внимание уделено жизни Ляпуновых в Арзамасе.

Ключевые слова: *Александр Михайлович Ляпунов; Арзамас; Курмыш; провинциальный город; биография; XVIII век.*

Род Ляпуновых известен рядом выдающихся ученых, среди которых наиболее ярким является великий математик, академик Александр Михайлович Ляпунов. В этой статье речь пойдет о прадеде А.М. Ляпунова с тем же именем и отчеством, который действительно значительную часть жизни провел в Арзамасе и служил в Арзамасской провинциальной канцелярии.

О прародителях знаменитой научной династии Ляпуновых писали многие исследователи. Задача эта не из легких, поскольку род Ляпуновых не только знаменитый, но и многочисленный. К какой бы эпохе мы ни обратились – будь то конец XVII века или начало XIX-го – мы увидим множество Ляпуновых на государевой службе. Это и воеводы, и стольники, и главы городов, и офицеры – участники Отечественной войны 1812 года. Тема родословия Ляпуновых, воистину, необъятна, и отследить из глубины веков ту ветвь, от которой пошли нижегородские Ляпуновы, и главное

– подтвердить это документально, на наш взгляд, в полной мере пока никому не удавалось.

По скудности сохранившихся документов раннего периода, большинство авторов публикаций о Ляпуновых начинали детальное рассмотрение истории рода с синдика Казанского университета Василия Александровича Ляпунова [1, 2, 3]. Действительно, он и его жена Анастасия Евсеевна Ляпунова (урожденная Александрова) стали семьей, положившей начало целой плеяде известных ученых.

Среди их внуков – два академика: ранее упомянутый А.М. Ляпунов и филолог Б.М. Ляпунов и член-корреспондент Петербургской Академии наук химик-органик А.М. Зайцев. Среди правнуков – академик кораблестроитель А.Н. Крылов и известный ученый физиолог и физико-химик В.А. Анри. Праправнук А.А. Ляпунов стал математиком, основоположником кибернетики в СССР, членом-корреспондентом АН СССР.

Некоторые представители последующих поколений также очень успешно занимались наукой, назовем несколько имен: биологи Е.А. и Н.А. Ляпуновы, математик А.Н. Ляпунов. И это не полный перечень.

Аналогов такого обилия широко известных, состоявшихся ученых, происходящих из одной семьи, крайне мало не только в российской истории, но в мировой (например, математики Бернулли и астрономы Струве).

Сузим временные рамки наших исследований исключительно XVIII веком, а географические – Средним Поволжьем. Этого периода не касался почти никто из авторов, исключением является Т.В. Белокриницкая, опубликовавшая небольшую, но подтвержденную архивными документами, книгу «Наша ветвь рода Ляпуновых», в которой приведены краткие жизнеописания интересующей нас ветви семьи Ляпуновых [4].

Подробные сведения о предках семьи Ляпуновых изложены автором этой статьи в монографии «Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы» [5]. Но за прошедшие пять лет удалось выявить немало новых архивных документов, которые дают возможность уточнить, дополнить, и главное – кое-что исправить в родословии Ляпуновых.

Узнать точные имена некоторых предков удалось, познакомившись с документами Центрального архива Нижегородской области и прежде всего с «Делом по представлению Титулярного советника Александра Ляпунова о внесении в Дворянскую родословную книгу», датированным 1795 г. [6, д. 8790].

Эти документы позволяют выявить информацию о составе семьи с указанием возраста всех членов на момент составления дела, что дает возможность определить, хотя бы приблизительно, даты рождения. К сожалению, в большинстве документов конца XVIII века было принято указывать именно возраст, а не дату рождения. Дело за 1795 г. касается прадеда ака-

демика А.М. Ляпунова, которого, как уже было отмечено, звали также Александром Михайловичем Ляпуновым [7, с. 11].

А теперь дадим слово ему самому и приведем выдержку из представления в «собрание Господ Губернского предводителя Депутаты Нижегородскаго наместничества от Здешней уголовной палаты от Асессора титулярного Советника Александра Михайлова сына Ляпунова». О своих предках он сообщает следующее:

«Предки мои, происходя от Древняго Дворянского рода, продолжали служение по городу Зарайску по коему и деревни жалованыя за собою имели, а отец мой Михайла Иванов сын Ляпунов находился в Статской службе и был немалое время в **Арзамасской провинциальной канцелярии** *(выделено нами – **Авт.**)* подканцеляристом» [6, д. 8790, л. 1].

Подканцелярист – младший письмоводитель, переписчик бумаг в канцелярии. Провинциальные канцелярии – это учреждения общего управления провинцией; они подчинялись губернской канцелярии и возглавлялись воеводой [8, с. 428]. Слово «провинция», употребляемое сейчас чаще как имя нарицательное, носит нередко оценочный негативный смысл: отсталый, малоразвитый, удаленный от центра [9, с. 104]. Но в те времена обозначало достаточно крупную административно территориальную единицу Российской империи. Арзамасская провинция была образована в составе Нижегородской губернии по указу Петра I «Об устройстве губерний и об определении в оныя правителей» в 1719 г. В состав провинции входил город Арзамас с прилегающими землями.

Она занимала значительно большую площадь, нежели современный Арзамасский район и включала в себя территорию также нынешних Шатковского, Вадского, Лукояновского, Болдинского, Дивеевского и других районов [10, с. 50]. Просуществовала провинция более шестидесяти лет и была упразднена в ходе административной реформы Екатерины II. В 1779 г. уезд отнесен в состав Нижегородского наместничества.

Впрочем, не будем забегать вперед. Александр Михайлович Ляпунов родился 14 ноября 1737 г. в семье Михаила Ивановича Ляпунова (?–1765) и его жены Анны Андреевны Ляпуновой (1701–1777) [4, с. 5; 11, д. 65, л. 71 об., 69, 70]. Отец был служащим Арзамасской провинциальной канцелярии.

Что представлял собой Арзамас второй трети XVIII века? Период, начиная с середины XVIII столетия, характеризуется экономическим подъемом для города. Этому способствовало то обстоятельство, что именно в Арзамасе пересекались четыре важных торговых тракта: Московский, Нижегородский, Саратовский и Симбирский. Многочисленные груженые обозы можно было наблюдать в городе и зимой, и летом. И, естественно, в Арзамасе существовало большое количество постоялых дворов. Домов в

1737 г. в городе было 1 131, а жителей, кроме монашествующих, 6 767 человек. В провинции насчитывалось 12 328 дворов и 117 696 человек [10, с. 52, 53].

Хотя, по традиции «золотым веком» называют десятилетия, последовавшие за 1775 г., в 50-60-е гг. город также находился в стадии развития. Например, с конца 50-х гг. XVIII века в Арзамасе началось строительство каменных гражданских зданий. За короткий период в городе были возведены магистрат, уездный архив, провинциальная канцелярия (подушная), ряд купеческих домов. Все «казенные» (общественные) здания были выполнены в характерных для того времени барочных формах [12, с. 14, 15]. Эти учреждения находились в высокой центральной части города, на территории бывшей крепости. В эти же годы строилась и провинциальная канцелярия, в которой довелось служить ряд лет вплоть до 1774 г. А.М. Ляпунову; он пишет об этом так: «Определен был и я в ту же канцелярию» [6, д. 8790, л. 1].

Дата строительства «палаты подушного сбора» арзамасской провинциальной канцелярии – 1759 г. Здание расположено у склона высокого берега реки Тёши и находилось в глубине квартала, прилегающего к главной площади Арзамаса (называемой в то время Арзамасской, а ныне Соборной). Оно было каменным, одноэтажным, прямоугольным в плане (9х15,6 м). Его возвели рядом с домом воеводы, канцелярией и архивом, построенном в том же году. Стены выложили из кирпича и оштукатурили. Пять окон располагались по продольному фасаду и по три – с торцов. Все окна были украшены наличниками. Внутри здания находились шесть помещений с цилиндрическими сводами. До настоящего времени от здания (современный адрес – ул. Владимирского, д. 2, некогда Попов переулок) сохранились только одна внутренняя и все наружные стены, и сейчас оно не используется [12, с. 146, 147]. Кстати, архив сооружался тоже как один из корпусов провинциальной канцелярии и даже назывался он «архив подушного сбора», был также одноэтажным, по размерам (6,5х17 м), т.е. более узким и вытянутым в длину. Это здание сохранилось, но будучи надстроенным вторым этажом и боковыми пристройками, изменило облик [12, с. 378, 379].

Но наступил 1774 г., и А.М. Ляпунова перевели в город Курмыш Алатырской провинции Нижегородской губернии. Напомним, что этот год был очень неспокойным, сложным и даже опасным, поскольку лето 1774 г. – самый разгар Пугачевского бунта. Начиная с 20 июня, Курмыш был в руках сторонников Е. Пугачева.

К сожалению, нам пока неизвестна дата переезда семьи Ляпуновых. Когда это произошло – до трагических событий в Курмыше или уже после? Известно, что пугачевцами были казнены «…Курмышской канцеля-

рии: квартирмейстер Александр Филиппов, канцелярист Михайло Ереемеев…» [14, с. 213]. И, возможно, перевод Ляпунова в Курмыш был связан с тем, что туда направлялись новые служащие. Времена были непростые.

Сам Курмыш был значительно меньше, чем Арзамас. Например, в 1780 г. там числилось всего 407 ревизских душ. Дворяне, церковнослужители и государственные служащие, свободные от налогообложения в этот перечень не попали [14, с. 226, 227]. В любом случае, число жителей не превышало 500 человек. «Курмыш долго не мог оправиться после Пугачевскаго разорения. В географическом словаре Новикова 1788 г. (томъ II) о Курмыше говорится, что в нем жителей 595, церквей каменных 4 и деревянных 3, лавок и амбаров 10, домов – 294» [15, с. 17].

Перемещение для Ляпунова было повышением, и дальнейшая его служебная карьера сложится удачно. Процитируем здесь опять же самого Александра Михайловича: «…нижний чин пожалован был в 774-м годе секретарем в Курмышскую воеводскую канцелярию, а оттоль Указом Правительствующего Сената переведен в оную Уголовную Палату сперва секретарем, а потом в звание судейское асессором» [6, д. 8790, л. 1].

В конце 1770-х гг. воеводою в Курмыше являлся секунд-майор Дмитрий Насакин. Это был последний воевода в городе, о чем свидетельствуют материалы Нижегородской духовной консистории. А.М. Ляпунов служил под его непосредственным руководством. Кроме них, в 1778–1779 гг. в воеводской канцелярии работали канцелярист Федор Панов и подканцелярист Петр Попов [14, с. 227].

Секретарь – должность ответственная, под его руководством шла вся текущая работа, делопроизводство. В 1786 г. в Нижегородском наместничестве было рассмотрено дело о награждении секретаря Нижегородской палаты уголовного суда А. Ляпунова чином титулярного советника [4, с. 5; 13, д. 2569].

Переезжая в Курмыш, А.М. Ляпунов взял с собой мать Анну Андреевну, поскольку его отец Михаил Иванович Ляпунов умер в 1765 г. Прожила она на новом месте недолго и 12 апреля 1777 г. скончалась в возрасте 76 лет. Александр Михайлович женился на дочери подьячего Марфе Васильевне Богородной. Кстати, имя его жены (и, соответственно, прабабушки академика А.М. Ляпунова), до недавних пор было неизвестным [16, с. 14]. И 23 марта 1778 г. в Курмыше у супругов родился сын, которого назвали Василий. А еще Александр Михайлович стал владельцем имения в сельце Плетниха, что находилось примерно в 17 верстах от Курмыша. Позже его сын В.А. Ляпунов напишет об нем следующее: «…сельцо досталось от покойного родителя ТС Александра Ляпунова» [17, д. 5179, л. 15.]. ТС – титулярный советник. Как деревня, так и имение были небольшими, всего

«дворовых людей 4 муж., жен. – 7», а крестьян в «Васильском округе деревни Плетниха муж. 19, жен. 31 душ» [18, с. 13].

Автору этой статьи в прошлом году удалось побывать в Курмыше и в Плетнихе. В бывшем уездном городе сохранились с тех давних пор три каменные церкви. А Плетниха расположена в живописном месте, на зеленом холме недалеко от речки Курмышки, от которой и получил свое название город. От дома и на запад, и на юг открывались панорамные виды. Дворянская усадьба сейчас не сохранилась, и место ее определяется по старым картам Менде, да по сбегающим по склону аллеям сирени. Деревня не заселена… Кое-где сохранились красивые старые деревья: вяз и очень большой ясень.

Единственно, что для Александра Михайловича являлось отягчающим обстоятельством в зрелые годы – это серьезные проблемы со зрением. В том самом документе за 1795 г. он указывает на этот факт, говоря: «От понесенных по сей службе ревностных трудов лишился зрения…» [6, д. 8790, л. 1 об.]. В то время Александру Михайловичу минуло всего 56 лет, и он тогда не догадывался, что болезнь окажется наследственной, и ею будут страдать многие представители рода: и сын В.А. Ляпунов, и внук М.В. Ляпунов, и правнук А.М. Ляпунов, и даже один из его потомков – наш современник [16, с. 14].

Сын Александра Михайловича, Василий, с 1892 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку. Позже он станет отцом большого семейства, и среди его потомков будет много прославленных людей и, прежде всего, ученых. Александр Михайлович очень хотел, чтобы род Ляпуновых продолжился, и в его доме в Плетнихе за одним столом собирались многочисленные потомки. Об этом его желании написала Анастасия Евсеевна Ляпунова (его сноха, жена Василия Александровича) в письме своему сыну в 1862 г.: «Милый мой дорогой Мишель… Катя с семейством после Нового года были здесь, и Марья Ивановна заезжала с Володей, и институтские пробыли здесь неделю… …Наплакалась я, на них глядя… все исполнилось на мне благословение вашего дедушки А.М. когда все собрались за столом внучата: твои дети Саша и Сережа, Викторовичи Володя и Николя, то я вспомнила слова дедушки: «**и узриша сыны сынов твоих окрест трапезы твоей**», хотя они и не ко мне относились, а к папеньке вашему, но все же я насладилась ими…» [19, д. 1199, л. 31, 31 об].

Старейшина рода не мог предвидеть, что пройдет двести лет, и про нижегородскую ветвь рода скажут: «Этот славный род русских интеллигентов дал стране ряд выдающихся деятелей науки и искусства» [1, с. 5], а династию Ляпуновых назовут «интеллектуальной династией» [20].

Автор благодарит Елену Юрьевну Аникину за предоставленную возможность познакомиться с письмами Ляпуновых.

Источники и литература

1. Цыкало А. Л. Александр Михайлович Ляпунов 1857–1918. – М.: Наука, 1988.
2. Ляпунов Б.М. Краткий очерк жизни и деятельности А.М. Ляпунова. – Л.: Известия АН СССР. Отделение Физико-Математических наук. 1930. – С. 1–24.
3. Воронцов Н.Н. Алексей Андреевич Ляпунов. Очерк жизни и творчества. Окружение и личность: к 100-летию со дня рождения А.А. Ляпунова.. – М: Новый хронограф, 2011.
4. Белокриницкая Т.В. Наша ветвь рода Ляпуновых. – М.: МЦНМО, 2019.
5. Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: родословная и детские годы: монография. – Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2015.
6. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 639. Оп. 126.
7. Пакшина Н.А. Нижегородские дворяне Ляпуновы. Дела по представлению // Международный журнал экспериментального образования. – 2017. – № 5. – С. 10–14.
8. Салават Юлаев: Энциклопедия / Гл. ред. И.Г. Илишев. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2004.
9. Гусева А.М. Провинциальный город в контексте гуманитарного знания // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 2. – С. 104–107.
10. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2015.
11. Санкт-Петербургский филиал АРАН. Ф. 257. Оп. 3.
12. Арзамас: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры / [отв. ред. А.Л. Гельфонд и др.]. – Н. Новгород: Кварц, 2013.
13. ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а.
14. Кузнецов С.А. Курмышский летописец. – Н. Новгород: Кварц, 2016.
15. Акаемов Н.Ф. Город Курмыш в XIV−XVIII веках: исторический очерк – Казань: Изд-во Казанского университета, 1895.
16. Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: годы свершений: монография. − Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2019.
17. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766.
18. Пакшина Н.А. Александр Михайлович Ляпунов: биографический очерк на фоне эпохи: монография. – Арзамас – Саров: Интерконтакт, 2020.
19. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 451. Оп. 1.
20. Голубовский М.Д. Интеллектуальные династии: два века Ляпуновых // Нева. – 2012. – № 6. – С. 231–241.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ УЛЫБЫШЕВ: МИФЫ, ДОМЫСЛЫ И ФАКТЫ БИОГРАФИИ

Андрей Вячеславович Малышев

Независимый исследователь, г. Нижний Новгород

E-mail: m10530@yandex.ru

В статье на основе архивных документов восстанавливается биография А.Д. Улыбышева (1794–1858) – «первого выдающегося русского писателя о музыке». Впервые публикуется духовное завещание А.Д. Улыбышева.

Ключевые слова: *Улыбышев; Моцарт; история музыки; Садоков; Вильде.*

Александр Дмитриевич Улыбышев (1794–1858) – музыкальный критик, публицист, драматург, автор книг о Моцарте и Бетховене.

Книга «Nouvelle biographi de Mozart suivie d'un aperçu sur l'histoire Générale de la musique et de l'analyse des principals oeuvres de Mozart», изданная в 1843 г. в Москве на французском языке, стала первым профессиональным музыкальным исследованием, написанным россиянином. Первой книгой из России, вызвавшей интерес в Европе. Еще до Тургенева, Толстого, Достоевского. Русский перевод появился только в 1890–1892 гг. Первые два тома были переведены Модестом Ильичем Чайковским, а третий – Зинаидой Ларош.

Книга «Beethoven, ses critiques et ses glossateurs» была издана в Париже и в Лейпциге на французском языке в 1857 г., а через два года – на немецком, но до сих пор не имеет русского перевода.

По оценке советского академика Бориса Асафьева, «Улыбышев – первый выдающийся русский писатель о музыке» [1, с. 150].

Но Улыбышеву не повезло с биографами, и до сих пор существовали разночтения с датой рождения, местом рождения, датой смерти и другими фактами его биографии.

А ведь как сказал композитор Игорь Стравинский: «У человека одно место рождения, одна родина… и место рождения является главным фактором в его жизни».

Первый биограф Улыбышева – он же «первый нижегородский архивист» Александр Гациский написал: «О месте рождения его я не мог собрать сведений. До 16 лет А. Д. воспитывался за границей, а именно в Германии» [2, с. 7]. Датой рождения назвал 2 апреля 1794 г., а датой смерти – 29 января 1858 г.

В изданной в Нижнем Новгороде книге об Улыбышеве автор, филолог Валерия Белоногова, определяет дату рождения «около 30 августа 1794 года» [3, с. 8], а местом рождения – город Дрезден в Саксонии и заявляет: «Откуда взяли некоторые нижегородские исследователи, что он появился на свет в нижегородском имении Лукино, – неясно. Церковных документов о крещении младенца не сохранилось» [3, с. 9].

Так немец или русский, Лукино или Дрезден?

В марте 2019 г. автором этих строк был сделан запрос в Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО) с просьбой о поиске записи о рождении Александра Улыбышева в метрической книге Покровской церкви села Лукино за 1794 г. Одиннадцатого апреля получен официальный ответ:

«В документах архивного фонда Нижегородской духовной консистории, в метрической книге церкви Покрова Пресвятой Богородицы села Лукино Нижегородского уезда Нижегородской губернии за 1794 г., имеется запись № 1 о рождении:

Рожден 2 января, крещен 9 января.

“У надворного советника Дмитрия Васильева сына Улыбышева на содержании ево девки Юлья Федорова сын Александр крещен того ж м[еся]ца, у которого восприемник деревни Куликова карнет Василей Козмин сын Толстов”.

Таинство крещения совершал: иерей Симион Васильев.

Все имена, отчества, фамилии и чины – так в документе.

Основание: ф. 570, оп. 559б, д. 386, л. 311.

Директор архива Л.В. Зарубина».

Замечу, что если бы любой исследователь в 2016 г. или ранее обратился в Государственный архив Нижегородской области в Балахне, то в тот же день и бесплатно получил бы эти сведения.

Ранее метрические книги Нижегородской духовной консистории за эти годы (Ф. 570. Оп. 559б) хранились в Балахне. Ныне они переданы в ЦАНО, находятся на систематизации и не доступны пока для ознакомления пользователям читального зала. Можно сделать только запрос с четко сформулированным вопросом, оплатить его и ожидать ответа около месяца.

Так кто же родители незаконнорожденного Александра?

Начнем с отца. Как пишет петербургская исследовательница Наталья Сперанская: «Из справочника Ф.-Ж. Фетиса “Всеобщая биография музыкантов” [1878 год] многие авторы, писавшие об Улыбышеве, заимствовали сообщение, что его отец был русским посланником в Дрездене. <…> Архив внешней политики Российской империи не содержит каких-либо материалов, указывающих на дипломатическую службу Д.В. Улыбышева» [4, с. 432].

Качественная статья Сперанской, появившаяся в 2013 г., во многом стала основой для книги Белоноговой, изданной в 2016 г. Но вот тезис, что нет доказательств дипломатической службы Д.В. Улыбышева в Дрездене, не устроил автора пока единственной книги об Улыбышеве, и она вместо Балахны поехала в Дрезден. Как и следовало ожидать, следов дипломатической службы Д.В. Улыбышева не удалось отыскать. А раз не обнаружилось, то был сделан голословный вывод, что Дмитрий Васильевич был внештатным сотрудником российской дипломатической миссии в Дрездене. «Был ли смысл в таком нештатном сотрудничестве? А вы знаете, был», – считает Белоногова [3, с. 22].

Еще более уверовала Белоногова в свою правоту, когда обнаружила запись в Дрезденском адрес-календаре за 1810 г. на странице 111 о проживании Дмитрия Улыбышева по адресу Falkenschlage 592. Но эта находка – секрет Полишинеля. Ведь о проживании в Дрездене повествует и сам А.Д. Улыбышев: «Когда мне было 13 лет, я уже довольно сносно умел разбирать ноты, и даже осмеливался выступать в любительских концертах с пьесами Роде и Крейцера. Это было в Дрездене» [5, с. 72]. Но Белоногова

делает вывод, что в этом доме «родились дети» [3, с. 21]. Почему проживание по указанному адресу в 1809 г. (календари готовились к печати накануне) означает быть по этому адресу и в 1794 г., объяснений не предоставлено. Ознакомиться с Дрезденскими адрес-календарями можно на сайте Саксонской земельной библиотеки www.slub-dresden.de. Здесь представлена коллекция календарей за 1808–1837 гг. Между прочим, в календарях за 1808, 1809, 1811 гг. Улыбышевых нет.

Но были и адрес-календари Российской империи, которые издавались с 1765 г. С 1769 г. по 1804 г. они назывались «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова». Заглянув в Месяцеслов за 1794 г., можно узнать, что «в Нижнем Новгороде… в дворянской Опеке: Предводитель, Надв. Сов. Дмитрий Васильевич Улыбашев» [6, с. 321]. То есть, Д. В. Улыбышев был предводителем дворянства Нижегородской округи (уезда) Нижегородского наместничества. А дворянская опека – его присутственное место. Здесь же на странице 41 можно ознакомиться с составом миссии в Дрездене: чрезвычайный посланник действительный статский советник барон Иван Иванович Местмахер и при нем титулярный советник Карл Губерг. Максимально полная коллекция российских адрес-календарей представлена на сайте Государственной публичной исторической библиотеки России. Хорошим помощником для поиска лиц по адрес-календарям второй половины XVIII века является книга «Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795) [7]. Здесь названы трое Улыбышевых: упомянутый Дмитрий Васильевич, его брат Иван Васильевич, их отец и дед нашего героя Василий Петрович [7, с. 650].

В.П. Улыбышев фигурирует в шести месяцесловах с 1780 по 1785 гг. И везде он надворный советник, предводитель дворянства Нижегородского уезда Нижегородского наместничества. Предводитель дворянства – выборная должность на трехлетие, т.е. он избирался два раза.

Д.В. Улыбышев, согласно месяцесловам, в 1787 и 1788 гг. – коллежский асессор, один из директоров Государственного ассигнационного банка в Санкт-Петербурге. С 1793 по 1796 гг. он, как мы и отмечали, – надворный советник, предводитель дворянства Нижегородского уезда Нижегородского наместничества. Как и отец, избирался дважды. Кстати, месяцесловы с 1797 по 1801 гг. не издавались.

Информацию об Улыбышевых, конечно, можно почерпнуть не только в адрес-календарях, но и в архивах. Только в ЦАНО Улыбышевы упоминаются в десятках, если не в сотнях дел.

Например, сохранился документ о том, что накануне появления на свет незаконнорожденного ребенка в декабре 1793 г. Дмитрий Васильевич озаботился получением займа и готовит прошение «в собрание господ гу-

бернского предводителя з депутаты Нижегородского наместничества» с просьбой «о выдаче ему из дворянской здешнего наместничества» денег тысячу рублей в заем сроком на один год под залог деревни Каленок Горбатовской округи со всеми крестьянами, землею и всякими угодьями [8, д. 213, л. 1, 2]. Прошение было подано 4 января 1794 г., деньги получены 19 января.

В январе 1798 г. нижегородский губернатор Андрей Львов подает «в правительствующий Сенат Представление», в котором испрашивает в воздание трудов, усердие к службе нижегородского уездного предводителя надворного советника Улыбышева «к награждению чином удостоения» [9, д. 19, л. 2].

К Представлению был приложен Послужной список, из которого мы узнаем, что Дмитрию Васильевичу 40 лет, из дворян. «Имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян в котором уезде и как имена селений: Губерней Нижегородской Нижегородской и Горбатовской округе в селе Лукине и деревнях: Еловке, Ягодном, Белкове, Каленке, Бедрица и Лукерьине 421, Саратовской Волской округи в деревнях Горячке и Ивановке 317, Переславль Рязанской Скопинской округи в деревне Рыхотке 96, Тверского Весьегонской округе в сельце Мякишево 20 мужеска пола душ» [9, д. 19, л. 3 об.].

Вступил в службу в артиллерию фурьером сержантом 18 марта 1770 г. В октябре того же года переведен в гвардию, в Преображенский полк фурьером сержантом. Продолжил службу в Измайловском полку с тем же чином до 16 октября 1784 г.

Выпущен к статским делам капитаном 1 января 1785 г. В Государственном ассигнационном банке стал кассиром 12 апреля 1786 г.

Пожалован по именному указу коллежским асессором и должностью директора 22 декабря 1786 г.

Отставлен от службы по болезни надворным советником 31 марта 1791 г.

Выбран дворянством Нижегородской округи предводителем 18 декабря 1791 г. Победил в повторных выборах 17 декабря 1794 г. [9, д. 19, л. 3 об.].

При подготовке ко вторым выборам Улыбышев исполнял обязанности предводителя сразу трех уездов (округов). Вот как обращались к нему в ноябре–декабре 1794 г. в письмах и прошениях: «Высокоблагородный и высокопочтенный Нижегородской, Балахнинской и Семеновской округи дворянский предводитель» [8, д. 26, л. 65 об.].

Перед поступлением на службу в банк «для обучения наукам находился в чужих краях» [10, д. 752, л. 109].

По сведениям за 1799–1801 гг., имел дом в Нижнем Новгороде [8, д. 821, л. 9, 19, 26 об.].

Высочайший указ о пожаловании в коллежские советники последовал 29 апреля 1800 г. [9, д. 19, л. 1].

В 1800 г., согласно исповедной росписи Покровской церкви села Лукино, у него уже трое незаконнорожденных детей: Александр, Владимир и Екатерина [11, д. 556, л. 447].

В марте 1801 г. он еще не женат [8, д. 704, л. 77].

А 4 сентября 1803 г. в Москве некая Юлия Федоровна в письменной уступке по судебному делу представляется как жена коллежского советника Улыбышева, урожденная Шиман, сестра лекаря Федора Федоровича Шимана, он же Фридрих Шиман [12, с. 74а]. То есть, венчание состоялось в 1802 г. плюс–минус полгода.

В 1803 г. Александр I подписал указ № 20980 «О признавании детей усыновляемых наравне с законными во всех линиях наследственных». Ранее им был утвержден проект Государственного Совета, по которому разрешалось узаконение внебрачных детей, родители которых вступили в брак между собой. Это привело к резкому увеличению количества прошений на монаршее имя. Подал прошение и Дмитрий Васильевич.

Тридцатого октября 1806 г. последовал указ: «Снисходя на всеподданнейшее прошение коллежского советника Дмитрия Улыбышева, Всемилостивейше дозволяем рожденным от него с законною женою до брака детям: Александру, Владимиру, Екатерине, Любови и Елисавете, принять фамилию отца их и вступить во все права по роду и наследию законным детям принадлежащие» [13, д. 10509, л. 2]. Первой упоминает данный указ ленинградский музыковед Анна Штейнберг [14, с. 74]. Статья Штейнберг – первая статья об Улыбышеве на основе документов из столичных архивов.

И только получив указ, семья Улыбышевых смогла выехать за границу в том же году. Для выезда необходим был паспорт, куда незаконнорожденные дети не могли быть вписаны. Выезд состоялся через пограничную Митаву (соврем. Елгава), где Юлия Федоровна оставила на воспитание родственникам свою племянницу, крестницу Юлию Гроте, 12 лет [12, с. 75].

Таким образом, на вопрос – русский или немец, Лукино или Дрезден – ответ однозначный. Александр родился в Лукине, до почти 13-летнего возраста жил в России, а за границей был не более пяти–шести лет (семья возвратилась в Россию в 1811 г. или в начале 1812-го).

И если Штейнберг и Сперанская в своих работах об Улыбышеве ссылаются на документы, то Гациский ограничился одним – аттестатом, выданным А.Д. Улыбышеву в 1830 г. по окончании службы, но публикует его не в полном объеме. Аттестат предоставил зять Улыбышева К.И. Садоков. В остальном очерки Гациского – это набор непроверенных

слухов, воспоминаний и анекдотов неизвестных лиц, что привело к появлению ошибок в именах, неверным датам и выдуманным историям.

Одна из самых известных, «что вслед за трагической кончиной А.С. Грибоедова, А.Д. предлагали занять его пост в Персии, но он от этого уклонился» [2, с. 7]. Документальных подтверждений этой истории нет. Гациский упоминает ее как возможную причину выхода Улыбышева в отставку.

Но у Александра Дмитриевича была конкретная причина к отставке. Это «расстроенные домашние дела», а именно неурегулированные отношения с дворянкой, представительницей славного рода Олсуфьевых, Варварой Александровной. Они были не венчаны, но Варвара родила от Александра дочь Наталью. Особую пикантность ситуации придавало то, что в Москве в Коллегии иностранных дел служил Александр Дмитриевич Олсуфьев, камергер [15, с. 364], не ближний, но родственник Варвары Александровны. Напомним, что Александр Дмитриевич Улыбышев служил также в Коллегии иностранных дел, но в Санкт-Петербурге [15, с. 358]. Поэтому «расстроенные домашние дела» грозили скандалом на обе столицы.

С Олсуфьевыми Улыбышевы пересекались неоднократно. Например, в Дрезденском адрес-календаре 1810 г. на странице 111 выше на две строчки над Д. Улыбышевым упоминается некий майор Алексей Олсуфьев. Матвей Дмитриевич Олсуфьев был советником Государственного ассигнационного банка, где в свое время служил Д.В. Улыбышев. Но, главное, они были помещиками одного Весьегонского уезда Тверской губернии. У Улыбышевых было сельцо Мякишево, а у отца Варвары Александровны гвардии унтер-офицера Александра Матвеевича Олсуфьева – село Антоновское.

Двадцатого мая 1830 г. Улыбышев на четыре месяца уходит в отпуск, а в сентябре посылает прошение об увольнении его от службы [13, д. 10509, л. 3 об.].

Почему не произошло венчание за это время, нам не известно. Варвара Александровна и ее дочь Наталья, безусловно, в это время находились в Лукине. Так, 20 июля 1830 г. «госпожа девица Варвара Александрова Олсуфьева» в восприемниках (крестная) Офимьи, дочери крестьянина Алексея Григорьева [16, д. 957].

А 15 июня 1831 г. родилась София, 20 июня ее крестили, и в метрической книге Покровской церкви села Лукино была сделана запись № 13. «Проживание имеющая в доме у господина Улыбышева ея благородия девица Варвара Александрова Олсуфьева дочь София незаконнорожденная. Восприемники: Волского уезда дер. Горячка господин полковник Владимир Дмитриевич Улыбышев. Дер. Ягодной господина Василия Максимова жена Екатерина Дмитриева» [16, д. 974, л. 596].

В 1832 г. Варвара Александровна была беременна третьим ребенком, вероятно, повивальная бабка предсказала рождение мальчика. Воспользоваться как отцу узаконением незаконнорожденных детей через последующий брак Александр Дмитриевич уже не мог – Николай I отменил эту возможность в 1829 г.

«26 августа 1832 года села Лукина помещик Действительный Статский Советник и Кавалер Александр Дмитриевич Улыбышев взяли себе в жены Весьегонского уезда села Антоновского помещика гвардии унтер-офицера Александра Матвеева Олсуфьева дочь девицу Варвару Александрову. Оба первым браком.

Сей брак поучинен обыском, венчали и подписали Иерей Сидор Матвеев, дьячок Иван Дмитриев.

Со стороны жениха: Нижегородского уезда Дворянский предводитель князь Николай Александрович Дадианов, Нижегородский помещик титулярный советник Михаил Михайлович Аверкиев, Нижегородской губернии канцелярист титулярный советник Александр Герасимов Лукинский.

Со стороны невесты: Горбатовской округи села Шапкина помещик корнет Василий Федоров Козлов. Той же округи деревни Крашева помещик титулярный советник и кавалер Аполлон Николаев Саламыков и той же округи дер. Мекешева помещик губернский секретарь и кавалер Гаврила Алексеевич Новосильцев» [16, д. 990, л. 445].

А 6 декабря 1832 г. «села Лукина у господина Действительного статского советника и кавалера Александра Дмитриевича Улыбышева и законной его жены Варвары Александровой родился сын Николай».

Крещен 28 декабря, «молитвовал, имя нарек и крещение совершал иерей Сидор Матвеев, при крещении были дьячок Иван Дмитриев, пономарь Иван Петров. Восприемники: Нижегородский уездный дворянский предводитель порутчик и кавалер князь Николай Александрович Дадианов. Каменского прихода деревни Гарей помещица девица Марья Васильева Толстова» [16, д. 990, л. 442 об.].

Незаконнорожденные дочери Наталия и София были «узаконены» удачным замужеством с хорошим приданым.

Первого октября 1847 г. в Покровской церкви села Лукино венчалась Наталья со старшим учителем Нижегородской гимназии Константином Ивановичем Садоковым [16, д. 1330а, л. 1341 об.].

К.И. Садоков родился 16 мая 1822 г., отец – священник Николаевской церкви, что на Каргаче Вологодского уезда, Иоанн Андреев Садоков. В этой церкви Константина и крестили 20 мая [17, д. 670, л. 14 об.].

«Первоначально воспитывался в Вологодской семинарии, поступил в 1840 г. в число воспитанников Главного педагогического института,

а в 1842 году препереведен в высшее отделение онаго на филосовско-юридический факультет» [17, д. 670, л. 11].

Двенадцатого февраля 1845 г. получил назначение в Нижегородскую гимназию старшим учителем латинского языка «с обязанностию прослужить в ведомстве Министерства Народного Просвещения не менее восьми лет» [17, д. 670, л. 2].

В Нижний Новгород прибыл 15 марта 1845 г.

Первого августа 1848 г. у Садоковых рождается сын Александр.

С 31 августа 1849 г. Садоков – старший учитель законоведения.

В 1859 г. он получает назначение исправляющего должность инспектора в Пензенском дворянском институте, куда прибывает с семьей в сентябре. Здесь происходит его знакомство с Ильей Николаевичем Ульяновым – факт, упущенный «лениноведами».

В январе 1860 г. перемещен на такую же должность в Нижегородскую гимназию. Директором гимназии стал 24 августа 1860 г.

С разрешения Министерства Народного Просвещения поручено ему цензурирование неофициальной части Нижегородских губернских ведомостей 19 мая 1861 г.

Назначен директором училищ Нижегородской губернии 4 апреля 1864 г. с сохранением должности директора гимназии.

Избирался почетным мировым судьей, уездным и губернским гласным Нижегородского земства, губернским гласным Нижегородской градской думы.

Был награжден орденами от Св. Станислава до Св. равноапостольного князя Владимира 3-й степени (1870 г.) [18, д. 422].

В 1881 г. получает назначение на должность помощника попечителя Московского учебного округа, на которой состоял до 1895 г. [19, д. 215].

Дослужился до чина тайного советника.

Умер в Москве 28 декабря 1898 г., погребен в Лукине 7 января 1899 г. [20, д. 3000, л. 88 об.].

Наталья Александровна умерла 26 ноября 1895 г. в возрасте 70 лет [21, д. 1218, л. 702]. На основании этой записи в метрической книге церкви села Лукино можно предположить, что родилась она в 1825 г. Соответственно, в этом году или ранее состоялось знакомство Александра Дмитриевича с Варварой Александровной.

Софья венчалась в Лукинской церкви 26 сентября 1854 г. с отставным коллежским регистратором Карлом Вильде, сыном надворного советника Густава Григорьева Вильде [16, д. 1564, л. 1240 об.–1241].

Карл Густавович Вильде родился в 1832 г. Окончил 2-ю Петербургскую гимназию 13 июля 1849 г. В некоторых энциклопедиях утверждается, что учился на юридическом факультете Петербургского университета.

Но «университеты» он проходил в Сибири, написав прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири с просьбой принять на службу по Тобольской губернии «с правами и преимуществами, предоставленными чиновникам, определяющимся на службу в Сибирь» [22, д. 1472, л. 121]. Службу проходил в Тобольской Казенной Палате. Произведен в коллежские регистраторы со старшинством 29 августа 1852 г. «По прошению по болезни» уволен в отставку 30 июля 1854 г., отправляется в Нижний Новгород.

После женитьбы на Софье определен в Нижегородскую Казенную Палату 7 ноября 1854 г. Десятого января 1855 г. назначается чиновником особых поручений Нижегородской Казенной Палаты. Двенадцатого января того же года Софья участвует в концерте пианиста Милия Балакирева в зале Дворянского собрания, исполнив каватину из оперы «Сомнамбула» Беллини. Карл произведен в губернские секретари со старшинством 6 декабря 1856 г. Восьмого ноября 1857 г. в семье Вильде рождается дочь Софья [22, д. 1558, л. 100]. Седьмого июля 1858 г. Вильде утвержден секретарем Палаты [22, д. 1796, л. 40]. В том же году курирует работу театра на Нижегородской ярмарке, а из печати вышел сборник романсов и песен М. Балакирева с двумя романсами на слова К. Вильде: «Когда беззаботно, дитя, ты резвишься» и «Рыцарь» [23, с. 57]. С 1863 г. – один из ведущих актеров московского Малого театра.

Но Александру Дмитриевичу приписывают еще двух незаконнорожденных. Это Иван Сидорович Покровский и Федор Павлович Знаменский. Белоногова объявила их братьями и «нашла» им мать Фектисту [3, с. 181]. Это девица – возлюбленная Улыбышева, с ней он проводил время в июле 1843 г. в доходном доме Добролюбовых в Нижнем Новгороде, о чем поведал в дневнике, опубликованном в журнале «Звезда» в 1935 г. [24].

Кто же такая Фектиста, сколько ей было лет? Редкое имя позволило однозначно ответить на этот вопрос. Это дочь крестьянина деревни Лукерьино Нижегородского уезда (сегодня это окраина г. Кстово) Степана Карпова. По ревизской сказке 1834 г. она записана как Феоктиста, и было ей в тот год 17 лет [25, д. 1209, л. 421]. Владелицей Лукерьино была Елизавета Дмитриевна, сестра Александра Дмитриевича. Числится Феоктиста и в ревизской сказке за 1850 г. (а мать «братьев», по Белоноговой, умирает уже в том же 1843 г. [3, с. 184]), но пропадает в 1858 г. То есть, между 1850 и 1858 гг. она или получила свободу или умерла. Не упоминает, что Феоктиста родила хотя бы одного ребенка и сам Улыбышев, подробно ее описывая [24, с. 185, 186]. Мы не утверждаем, что она никогда не рожала, хотя документальных свидетельств этому нет, но утверждаем, что ее сыновьями не могли быть ни Иван Покровский, ни Федор Знаменский.

Воспитанники, то есть взятые на воспитание сироты из числа родственников, или дворовых, или подкидышей, традиционно были в семьях Улыбышевых. Им по возможности давали некое образование и отпускали на свободу. Были и личные воспитанники. Так, в своем завещании Елизавета Дмитриевна Улыбышева упоминает «воспитанника покойной матери моей мещанина Василья Ларионова и также воспитанника покойного родителя моего мещанина Ивана Галактионова» [26, д. 81а, л. 14]. У Александра Дмитриевича было как минимум четверо воспитанников, всех он упоминает в своем завещании. Завещание мы публикуем ниже. Необходимость его публикации связана с неверными трактовками его содержания некоторыми авторами. Так, Гациский придумал пункт завещания, что «денежная выгода от музыкальных сочинений завещана А.Д. дочери своей Наталье Александровне Садоковой» [2, с. 16], а Иван Покровский заявлял об обделении себя денежной суммой Садоковым как распорядителем завещания [3, с. 185]. Заявление ложное, причитающуюся сумму получил, с текстом завещания был знаком, о чем и подписался [27, д. 10142, л. 36]. И вообще, завещание как никакой другой документ сполна характеризует сложившиеся семейные отношения.

Но были и незаконнорожденные. Таковым был при рождении и сам Александр Дмитриевич, его брат и сестры, его дочери Наталья и Софья. И всегда Улыбышевы признавали ребенка, как минимум, давая ему свое отчество, а иногда, по сложившейся в России традиции, усеченную фамилию – Башев. Это незаконнорожденный сын Василия Петровича Улыбышева, губернский секретарь Степан Васильевич Башев. Выйдя в отставку, стал управляющим в имении своего племянника Владимира Дмитриевича Улыбышева в деревне Горячке Вольского уезда Саратовской губернии. Активно участвовал в семейных делах Улыбышевых. Например, был свидетелем в январе 1825 г. в Московской палате Гражданского суда по разделу наследства умершего 7 декабря 1824 г. Дмитрия Васильевича Улыбышева [27, д. 1546, л. 3]. Был вместе с В.Д. Улыбышевым в 1831 г. в Лукине.

Как часто говорят: «Мы повторяем судьбы своих родителей». Так и у незаконнорожденного Степана Васильевича рождается дочь – незаконнорожденная Авдотья Степановна Башева. После смерти отца она становится воспитанницей В.Д. Улыбышева [26, д. 81а, л. 14]. После смерти в 1845 г. Владимира Дмитриевича переезжает к Александру Дмитриевичу и становится его племянницей, всеобщей любимицей.

Так кто же такой Иван Сидорович Покровский, самый знаменитый из воспитанников Улыбышева, так называемый «домашний доктор» семьи Ульяновых? Он подкидыш. Сохранилась запись в метрической книге Покровской церкви села Лукино за 1839 г. В графе о дате рождения прочерк, крещение 27 февраля. «Того же села и вотчины господина Улыбышева к

крестьянину Ефиму Макарову подкинут младенец Иван. Восприемник: того же села священник Исидор Матвеев» [16, д. 1096, л. 1822 об.]. А рядом запись: «Свидетельство выдано в 1853 г.». Такие пометки на метрических книгах делались при изготовлении копии. Именно в 1853 г. Покровский поступил в Нижегородскую гимназию, копия с метрики – необходимый документ при поступлении. А теперь духовное завещание А.Д. Улыбышева.

«Во имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, Аминь.

Чувствуя преклонность лет, я нижеподписавшийся, находясь в здравом уме и твердой памяти, составил сие духовное завещание, по которому должны быть приведены в надлежащее исполнение следующие статьи.

1.

Предоставляя родовое наследное мое имение в губерниях Нижегородской и Саратовской прямым моим наследникам, завещаю я жене надворного советника Константина Иванова Садокова, служащего ныне старшим учителем в Нижегородской гимназии, Наталье Александровой Садоковой десять тысяч рублей серебр. (10000) с тем, чтобы эта сумма выплачена была ей прямыми моими наследниками в продолжение не более как трех лет, считая со дня моей кончины. Сверх того, назначаю ей Садоковой, все мое движимое имущество, за исключением мебели, что находится в господском моем доме, в селе Лукине.

2.

Жене моей Варваре Александровой, урожденной Олсуфьевой, оставляю я на память жалованный мне бриллиантовый перстень; сестре моей Екатерине Дмитриевой Пановой книжную мою библиотеку. Надворному советнику Константину Иванову Садокову золотые часы с таковой же цепочкой; а платье оставшееся после меня должно быть, за исключением енотовой шубы, разделено между моими служителями.

3.

Неслужащему Нижегородскому дворянину Милию Алексееву Балакиреву предоставляю я музыкальную мою библиотеку, две скрыпки и тысячу руб. серебр. (1000).

4.

Ныне служащему в уездном училище Нижегородской губернии города Семенова Василию Нуждину, равно и сестре его Авдотье Александровой жене Александра Веселовского, служащего в том же городе Семенове, назначаю по пяти сот рублей серебр. (500). Столько же, то есть по пять сот руб. каждому воспитанникам Нижегородской Гимназии Ивану Сидорову Покровскому и Федору Павлову Знаменскому.

5.

Вольноотпущенной мною дворовой девушке, Дарье Семеновой Тютиной, завещаю я домик, занимаемый ею, в настоящее время, в селе Лукине вместе с землею, на которой он построен. Сверх того, наследники мои обязаны производить ей Тютиной пожизненную пенсию во сто пятьдесят руб. сер. в год (150) или выплатить ей немедленно по моей кончине капитал две тысячи рублей сер. (2000).

6.

Если после меня не останется никакого денежного капитала, платежи кому следует в силу вышеписанных статей, обеспечиваются доходами или продажею благоприобретенного мною покупкою у бригадирши Новосильцевой недвижимого населенного имения, состоящего Нижегородского уезда в селе Лукине и деревне Еловице. Если ж откроются какие-нибудь надежные взыскания или частные долги на мне, платить наследникам родового моего имения.

/На подлинном написано/ Александр Дмитриев сын Улыбышев руку приложил. Сделано в Нижнем Новгороде. Января 4 дня 1858 года.

Что действительно сие завещание писано и подписано собственноручно действительным статским советником Александром Дмитриевичем Улыбышевым, находящимся в здравом уме и в твердой памяти, в том по личному его прошению свидетелями были и руку приложили.

Статский советник Ясон Петров сын Евтропов. В том же свидетельствую и подписуюсь коллежский советник и кавалер Павел Алексеев сын Веселовский. В том же свидетельствую и подписуюсь коллежский советник и кавалер Федор Герасимов сын Шебалин» [27, д. 9597, л. 4–5 об.].

Когда умер Александр Дмитриевич?

Согласно выписке из метрической книги Нижегородской Покровской церкви, умер 24 января 1858 г. «от гиморроидальных припадков», 26 января «по церковному чиноположению отпет» [27, д. 9597, л. 6], и в тот же день гроб с телом был доставлен в Лукино. Захоронили 29 января, о чем и была сделана запись в метрической книге Покровской церкви села Лукино.

Именно даты 2 января 1794 г. и 29 января 1858 г. выбиты на надгробном памятнике Улыбышеву в Лукине. Мастер, сделавший надгробие, руководствовался записями из метрической книги Покровской церкви села Лукино.

Сын Николай умер от чахотки 9 мая 1860 г., похоронен в Лукине [21, д. 39, л. 1111 об.].

«5 декабря 1891 года умерла, 9 декабря погребена землевладелица села Лукина жена действительного статского советника Варвара Александрова Улыбышева в возрасте 90 лет от инфлюэнции» [20, д. 2999, л. 365 об.].

Источники и литература

1. Асафьев Б.В. Русская музыка. XIX и начало XX века. – Л.: Музыка [Ленингр. отд-ние], 1968.

2. Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья. Биографические очерки. Книжка I. – Н. Новгород: Тип. Ниж. губ. правления, 1887.

3. Белоногова В.Ю. Забытая мелодия. Жизнь и труды Александра Улыбышева. – Н. Новгород: Кварц, 2016.

4. Сперанская Н.М. Александр Дмитриевич Улыбышев и его драматические опыты // А.М.П. Памяти А.М. Пескова / Редкол.: А.С. Бодрова, С.Н. Зенкин, Е.Э. Лямина, Н.Н. Мазур, В.А. Мильчина, Н.М. Сперанская. – М.: РГГУ, 2013. – С. 431–462.

5. Новая биография Моцарта [Соч.] А.Д. Улыбышева. Пер. М. Чайковского с примеч. Г. Ларош и статья его же «О жизни и трудах Улыбышева». Т. 1–3. – М., 1890–1892. Т. 2. 1891.

6. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1794. – СПб.: Имп. Академия наук, 1794.

7. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795). [Справ.-указ.]; Сост. В.П. Степанов. – СПб.: Акад. проект, 2003.

8. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 639. Оп. 124.

9. ЦАНО. Ф. 1408. Оп. 1.

10. ЦАНО. Ф. 4. Оп. 1а.

11. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а.

12. Драницын Н.И. Опись дел Сенатского архива за 1816–1818 гг. (Продолжение) // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Сборник. Т. XIII. Выпуск IV. – Н. Новгород, 1912.

13. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 126.

14. Штейнберг А. У истоков русской мысли о музыке // Советская музыка. – 1967. – № 10. – С. 73–82.

15. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829: [В 2-х ч.]. – СПб.: Имп. Академия наук, 1829. Ч. 1. – 1829.

16. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559б.

17. ЦАНО. Ф. 505. Оп. 407.

18. ЦАНО. Ф. 520. Оп. 478.

19. Российский государственный исторический архив. Ф. 852. Оп. 121.

20. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 10.

21. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3.

22. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 233.

23. Милий Алексеевич Балакирев: Летопись жизни и творчества. – Л.: Музыка [Ленингр. отд-ние], 1967.

24. Записки А.Д. Улыбышева // Звезда. – 1935. – № 3. – С. 178–197.

25. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239А.

26. ЦАНО. Ф. 178. Оп. 95.

27. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766.

Выражаю благодарность Л.Г. Силкиной и А.В. Любавину за содействие в написании данной статьи.

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ З.А. ПЕШКОВА – КРЕСТНОГО СЫНА М. ГОРЬКОГО

Татьяна Венедиктовна Казнина
Литературно-мемориальный музей А.П. Гайдара, г. Арзамас
Отдел Мемориальный музей А.М. Горького,
старший научный сотрудник
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: kaznina.tatyana@yandex.ru

Данная статья посвящена уточнению даты рождения крестного сына М. Горького – Зиновия Алексеевича Пешкова (Зиновия Моисеевича Свердлова). В последние годы стали доступны многие архивные документы, связанные с малоизученным периодом жизни семьи Свердловых, которая занимала особое место в жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Впервые были исследованы архивные материалы, связанные с уточнением и документальным подтверждением даты и места рождения Зиновия Моисеевича Свердлова (впоследствии Зиновия Алексеевича Пешкова). Материалами для исследования послужили документы, хранящиеся в Центральном архиве Нижегородской области: метрические книги, протоколы допросов, в которых имелся необходимый материал. В результате исследования установлена точная дата рождения Зиновия Свердлова (Пешкова) и восстановлена история изменения им не только его дня рождения, но и фамилии и отчества.

Ключевые слова: *М. Горький; Зиновий Свердлов; метрические книги; дата рождения; Нижний Новгород; Арзамас; крещение; священник Ф.И. Владимирский; Французский легион.*

Зиновий Алексеевич Пешков (1883–1966) – генерал и дипломат, кавалер пятидесяти правительственных наград, ставший во Франции национальным героем. Имя этого человека в XX веке было широко известно в мире, и лишь на родине, в Советской России, оно было предано забвению. Во второй половине 1980-х гг. происходит переоценка роли и значения Зиновия Пешкова в жизни М. Горького. Меняется взгляд на жизнь прославленного генерала. Долгие годы его биография была вне поля зрения горьковедов. Но все изменилось, появились первые газетные и журнальные статьи на эту тему, в которых иногда сложно отличить подлинные факты от мифов.

Одной из загадок биографии нашего героя является дата его рождения. До настоящего времени официальной датой рождения Зиновия Алексеевича Пешкова принято считать 16 октября 1884 г. Но это противоречит ряду документов, хранящихся в Архиве А.М. Горького в Москве и ГКУ ЦАНО в Нижнем Новгороде. Поэтому мы решили обратиться непосредственно к архивным документам, чтобы подтвердить или опровергнуть дату, которая тиражируется во многих статьях, посвященных Зиновию Пешкову, в России и за рубежом.

При рождении Зиновий Алексеевич Пешков получил имя Ешуа Соломон Моша Свердлов. Его родителями были мещанин г. Полоцка Витебской губернии Моше Израилевич и Елизавета Соломоновна Свердловы, проживавшие за чертой оседлости в Нижнем Новгороде.

Пролить свет на одну из страниц биографии Зиновия помогла «Метрическая книга еврейского раввина г. Нижнего Новгорода» за 1883 г. Метрические книги велись в еврейских общинах, согласно правилам, установленным законодательством Российской империи. Запись о рождении содержит информацию о дне, месяце рождения, дате обрезания (для мальчиков). Кроме этого, фиксируется социальный статус отца, фамилия, имя и отчество отца, у матери указывается только имя. Обязательно вносилась фамилия раввина, совершившего обряд и вносившего записи в метрическую книгу. Итак, согласно всем правилам на обороте шестой страницы нижегородский раввин Ицхак Абрамов Подиско сделал рукописную запись чернилами черного цвета под № 32, в которой сообщалось, что в сентябре 27 числа у «полоцкого мещанина Моше Свертлова и его жены Ита-Леи» родился «младенец мужского пола, наречено имя Ешуа Золомон». Согласно записи в метрической книге, Зиновий родился 27 сентября 1883 г. по старому стилю, по новому – 8 октября 1883 г. Родовая фамилия отца младенца записана в метрической книге через «т» (Свертлов, а не Свердлов). Никаких исправлений и зачеркиваний фамилии в документе нет. Скорее всего, эта ошибка была допущена человеком, осуществлявшим данную запись о рождении младенца [1, д. 16, л. 6 об.].

Подтверждение факта рождения Зиновия Свердлова в сентябре 1883 г. мы находим также в документах Нижегородского Жандармского Управления. Так, в протоколе допроса за № 7 от 17 апреля 1901 г. в графе 2-й – «Место и время рождения» – стоит дата «23 сентября 1883 года», записанная со слов Зиновия Моисеевича Свердлова подполковником Поповым. Единственное разночтение – это день рождения: 23-е число, а не 27-е, как указано в метрической книге [2, д. 4–27, л. 23 об.–24]. Из приведенных выше архивных документов следует, что Зиновий Моисеевич Свердлов (Ешуа-Золомон Моше Свердлов) родился именно в сентябре 1883 г., а не в октябре 1884 г. Что же касается точной даты его рождения (23 или 27 сентября), то, скорее всего, нужно остановиться на 27 сентября, согласно записи в метрической книге.

Возникают вопросы, по какой причине и когда появилась всем известная новая дата рождения Зиновия Моисеевича Свердлова, и каковы обстоятельства смены юношей наследственной фамилии и отчества. Общепризнанным фактом является то, что важную роль в биографии Зиновия Свердлова сыграло знакомство с русским писателем М. Горьким. Именно благодаря поддержке писателя в Арзамасе, где Горький отбывал административную ссылку, состоялось крещение 19-летнего Зиновия, которое должно было помочь молодому Свердлову поехать на учебу в Москву, в Императорское филармоническое училище. Поэтому одной из первых появляется версия, что новая дата рождения могла появиться в Арзамасе по-

сле принятия Зиновием Свердловым православия, когда исчезает Ешуа Золомон Мовшев Свердлов и появляется официально Зиновий Алексеевич Пешков.

Обратимся к историческим источникам. С благословения Правящего архиерея благочинный г. Арзамаса протоирей Федор Владимирский с дьяконом Веселовским проводят таинство Святого Крещения, и в метрической книге Троицкой церкви появляется запись от 30 октября 1902 г.: «К Почину Православной Кафолической Восточной Церкви через таинство Святого Крещения и Миропомазания присоединён к Православию полоцкий мещанин Ешуа Золомон Мовшев Свердлов, 19 лет от рождения, с присвоением, согласно его желанию, отчества и фамилии восприемника – Алексея Пешкова» [3, д. 4, л. 146 об.]. Из записи видно, что юноше исполнилось полных 19 лет, эта запись подтверждает год его рождения – 1883. Какие-либо уточняющие сведения или исправления касательно его даты рождения в данной метрической книге отсутствуют.

После совершения обряда крещения протоиерей Ф.И. Владимирский выслал в Нижегородскую Духовную Консисторию копию паспорта З.М. Свердлова. Зиновий в это время жил в Арзамасе, дожидался получения новых документов, в которых, вероятнее всего, будет стоять подлинная дата рождения – 27.09.1883 г., изменятся лишь фамилия и отчество. Алексей Максимович беспокоился о своем крестном сыне и просил присмотреть за ним инспектора народных училищ Александра Михайловича Храброва. На следующий день после крещения З. Свердлова, 31 октября 1902 г., Горький писал Храброву: «Если Зиновий еще в Арзамасе – просите его подождать бумаг из консистории, они, несомненно, скоро придут» [4, ПГзл 48–11, л. 8]. Получив новые документы, Зиновий покинул Арзамас и поехал в Нижний Новгород. Начальник нижегородской охранки в отношении за № 59 сообщал о Зиновии Свердлове, что тот «проживал в городе Арзамасе, откуда возвратился приблизительно в конце ноября 1902 года» [5, с. 290–298].

Вскоре короткая запись появилась в «Метрической книге нижегородского раввина» за 1883 г.: «Крещен 30 октября 1902 года и наречен Зиновием Алексеевым Пешковым» [1, д. 16, л. 6 об.]. Но и в этом документе осталась ранее зафиксированная дата рождения – 27 сентября 1883 г.

А уже 24 (11) ноября 1902 г. газета «Русский листок» сообщала: «На днях причт Троицкой церкви гор. Арзамаса, Нижегород. губ, по поручению нижегородской духовной консистории, совершил чин присоединения к православной церкви над полоцким мещанином Свердловым 19 лет, иудейского вероисповедания. Восприемником Свердлова при св. крещении были: А.М. Пешков (М. Горький) и В.Н. Кольберг. Крестнику М. Горького и поклоннику его таланта

присвоены по его собственному желанию отчество и фамилия крестного отца, так что Свердлов, с принятием христианства, стал называться Зиновием Алексеевичем Пешковым» [6, с. 1].

Прошел почти год, когда из Нижегородской Духовной Консистории причту Троицкой церкви города Арзамаса пришел Указ Его Императорского Величества. В Указе предписывалось: «Сделать исправление записи в вашей метрической книге за 1902 год о крещении еврея Ешуа Золомона Мовшева Свердлова, уничтожив в ней, присвоенную ему сей записью фамилию Пешкова, оставив за ним его родовую фамилию Свердлов. Октября 18 дня 1903 года» [3, д. 4, с. 147]. Как оказалось, при крещении можно было сменить имя, отчество можно было взять восприемника по разрешению благочиния, а фамилию – только по разрешению министра внутренних дел. Такого разрешения Зиновий не получал, поэтому и последовал данный указ о возвращении наследственной фамилии.

Но в это время двадцатилетний Зиновий Алексеевич Пешков находился уже в Москве с новыми документами. По иронии судьбы они оказались недействительными. А в списках нижегородских мещан и цеховых он значился под № 144, как Свердлов Зиновий Алексеевич, с указанием даты рождения – 27 сентября 1883 г. [7, д. 1464, л. 143–144].

Возможность сменить не только фамилию, отчество, но и дату рождения у него появилась в 1904 г., когда подошло время призыва Зиновия в армию. Учеба в школе МХТ отсрочки не давала, и призыв был неминуем. И, не желая отбывать воинскую повинность в русской армии простым солдатом, он решил поступить на курсы вольноопределяющихся, но экзамены не сдал и, чтобы избежать мобилизации, в начале сентября 1904 г. выехал за границу, в Канаду (через Швецию). Скорее всего, не без участия М. Горького. По Канаде и США Зиновий путешествовал уже под новым именем – Николай Заволжский. Позднее в письме к Амфитеатрову Горький напишет: «…мой крестник, эмигрант и дезертир, а также имеет и еще некоторые причины скрывать свое имя и местожительство» [8, с. 187].

В 1906 г. в Америке произошла судьбоносная встреча Максима Горького с крестным сыном Зиновием Пешковым. После долгих странствий по Новой Зеландии Зиновий приехал к писателю в Италию на Капри. В конце 1910 г. женился на дочери полковника Бураго – Лидии Петровне. В начале 1911 г. Зиновий и Лидия решили перебраться на жительство в Австралию, в Мельбурн. М. Горький помог осуществить мечту молодых. Он посоветовал Зиновию получить заграничный паспорт. В связи с этим в Арзамас на имя протоиерея Ф.И. Владимирского пришло письмо из Милана от Зиновия Алексеевича Пешкова. Он просил выписку из метрической книги. Отец Федор Владимирский выслал на адрес Зиновия нужный ему документ и сделал запись в метрической книге: «Выдана метрическая выпись

16 IV-1911 г. согласно требованию Зиновия Пешкова из Милана, Италия» [3, д. 4, л. 144]. Выходит, несмотря на запрет Консистории, депутат Государственной Думы протоирей Ф.И. Владимирский помог З.А. Пешкову в очередной раз получить необходимые ему документы на фамилию Пешков. Доподлинно неизвестно, какая дата рождения была поставлена в данной выписке. Письмо Зиновия Пешкова отцу Федору Владимирскому не сохранилось.

И последняя версия. В начале Первой мировой войны, в августе 1914 г., Зиновий Пешков вступил добровольцем в Иностранный легион французской армии. Эта война серьезно повлияла на его судьбу и помогла определить жизненный путь. После подписания контракта по желанию легионеру выдавался так называемый «анонимат» – документ, в котором можно было изменить имя, дату и место рождения. Потом новые данные вносились в служебный паспорт легионера. Легионер Зиновий Пешков, скорее всего, воспользовался случаем, который предоставила ему судьба, и изменил дату рождения 27 сентября 1883 г. на 16 октября 1884 г. При этом он оставил фамилию, имя и отчество, которые получил в Арзамасе после крещения, – Зиновий Алексеевич Пешков. Установить причину, по которой З.А. Пешков выбрал именно эту дату рождения (16 октября 1884 г.), не представляется возможным из-за отсутствия документальных материалов. Вероятно, она была связана с очень важным событием в его жизни. Став легионером, Зиновий простился с прежней жизнью. Ведь легионеры – это «больше никто, кроме как легионеры», напишет он в своей книге мемуаров «Звуки горна. Жизнь в иностранном легионе». Легион стал для него не просто местом службы, он заменил ему и родной дом. С 1914 г. новая дата рождения окончательно утвердилась в биографии Зиновия Алексеевича Пешкова. Во французской армии З. Пешков прошел пятнадцать ступеней: от солдата 2-го класса до бригадного генерала. И с полным основанием можно предположить, что смена фамилии и новая дата рождения сыграли положительную роль в его судьбе.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2805. Оп. 1.

2. Архив А.М. Горького. Ф. ЖД. 4–27. Протокол допроса З.М. Свердлова от 17.04.1901 .

3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. 65. Оп. 2.

4. Архив А.М. Горького. Ф. ПГ-РЛ. 48–11. Письмо М. Горького к А.М. Храброву от 31.10.1902 г.

5. Фарбер Л.М. Новые материалы об А.М. Горьком // Горьковские чтения. – Горький, 1964. – С. 290–298.

6. Крестник Горького // Русский листок (Москва). – 1902. – 24 (11) ноября. – URL: http://starosti.ru (дата обращения: 10.05.2020).

7. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35 б.

8. Письмо М. Горького А.В. Амфитеатрову от января 1910 г. // Литературное наследство. Т. 95. – М.: Наука, 1988.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК. АРЗАМАССКАЯ АЛЬМА-МАТЕР». О РАБОТЕ НАД СБОРНИКОМ

Светлана Васильевна Борисова[1],
Александра Александровна Бабикова[2]
Муниципальное бюджетное учреждение – литературно-мемориальный музей А.П. Гайдрара г. Арзамаса Нижегородской области,
[1] старший научный сотрудник, [2] заведующий отделом
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: arzgaidar@mail.ru

Статья посвящена работе над сборником воспоминаний о детских годах будущего писателя Аркадия Гайдара. Впервые в этом сборнике представлен материал об Арзамасском реальном училище, о городе Арзамасе, каким увидели его современники Аркадия Голикова.

Ключевые слова: *книга; сборник; Арзамасское реальное училище; Арзамас; Аркадий Гайдар (Голиков); Виктор Анфимов; Александр Потехин; Николай Козин; Александр Дунаевский; Виктор Рябов; повесть «Школа».*

К 115-летию со дня рождения писателя Аркадия Гайдара сотрудниками литературно-мемориального музея А.П. Гайдара было принято решение об издании уникальных воспоминаний бывших учеников Арзамасского реального училища, хранящихся в фондах музея. Результатом работы стал сборник «Исторический дневник. Арзамасская альма-матер».

Основу сборника составили материалы фондов литературно-мемориального музея А.П. Гайдара, также были использованы материалы историко-художественного музея и архива города Арзамаса. В издание включены воспоминания бывших учеников Арзамасского реального училища о себе, о своих товарищах, о городе Арзамасе, ставшим для многих из них самым милым сердцу уголком России.

В сборнике представлены уникальные фотографии учеников и преподавателей АРУ, иллюстрации к повести Аркадия Гайдара «Школа» Валериана Васильевича Щеглова, а также почтовые открытки с видами Арзамаса Максима Петровича Дмитриева. Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историческим краеведением города Арзамаса и творчеством А.П. Гайдара.

Реальное училище было открыто в Арзамасе 3 октября 1904 г. в двухэтажном каменном доме по улице Новой (ныне улица Кирова), а в 1908 г. переселилось в новое, специально построенное под него здание на улице Прогонной (ныне улица Советская).

Автором проекта был учитель рисования и черчения училища Николай Викторович Роговицкий, окончивший Строгановское художественное училище в Москве. Под постройку был отведен участок земли рядом с тем местом, где раньше находилась школа живописи Александра Васильевича Ступина, на его сооружение городом была пожертвована 1 тыс. рублей.

Это было самое красивое здание в Арзамасе. В трех этажах разместилось все, что нужно для организации учебного процесса. Все классы имели

хорошее естественное освещение, и в короткие зимние дни искусственного освещения не требовалось. Санитарная норма на одного ученика достигала трех с половиной кубических метров.

Классов было десять, в них обучалось около четырехсот ребят. На первом этаже размещалась хорошо оборудованная приемная врача, химический кабинет для проведения самостоятельных анализов, гимнастический зал, чертежный кабинет, раздевалка, учительская, канцелярия.

На втором этаже был физический кабинет, естественный кабинет, ученическая фундаментальная библиотека и четыре класса.

На третьем этаже, кроме классов, был большой актовый зал, а также зал, где проходили уроки рисования.

Все здание отапливалось собственной котельной; во всех классах, кабинетах, коридорах работала вентиляция. На каждом этаже стояли умывальники с полотенцами, мылом; питьевой бачок с фильтром для очистки воды; были вместительные туалеты – люфт-клозеты. Весь комплекс училища был разработан со знанием дела. Отделка всех помещений элементарно простая, но с применением материалов высокого качества. Никакой роскоши не было.

Реальное училище готовило мальчиков для поступления в высшие инженерно-технические заведения. Поэтому предпочтение отдавалось точным наукам. Обучение было платным и длилось семь лет. В АРУ учились дети разных сословий: дворян, чиновников, мещан, священнослужителей и купцов. При поступлении сдавались вступительные экзамены.

Реалисты имели определенную форму одежды: темно-синяя шинель под ремень, китель с золотыми пуговицами и кантом на вороте, брюки навыпуск, форменная фуражка с кантами и кокардой из двух перекрещенных дубовых веток с аббревиатурой «АРУ», зимой на фуражку надевали башлык.

Арзамасское реальное училище входило в четверку лучших учебных заведений данного профиля всей Российской империи, уступая только Московскому, Петербургскому и Варшавскому реальным училищам. И в том огромная заслуга его учителей и бессменного директора Ивана Алексеевича Смирнова.

Знания, полученные в училище, были глубокими и обширными по всем дисциплинам. Преподавательский состав подобран очень грамотно, все педагоги имели университетское образование. Примерно 320 человек получили аттестат об окончании Арзамасского реального училища. Восемь выпусков провела эта школа, начиная с 1911 г. и до 1918 г., когда училище было преобразовано в школу 2-й ступени.

Из стен училища в разное время вышли прекрасные специалисты и очень достойные люди, являющиеся гордостью нашей страны. Среди них:

драматург Иван Персонов; писатель Аркадий Гайдар; талантливый публицист, секретарь ЦК комсомола Западной Белоруссии Анатолий Ольшевский; второй секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Салтанов; генерал-майор, начальник штаба ГРУ Виктор Рябов; начальник Политуправления и заместитель начальника Главного управления Гражданского воздушного флота страны Николай Березин; доктор медицинских наук Николай Козин; архитектор Александр Дунаевский; участник Гражданской войны, разведчик в Китае и Персии Александр Рязанов – отец знаменитого режиссера Эльдара Рязанова и многие другие.

Каждый из них оставил свой след в истории России. Будучи разбросанными по разным городам и весям нашей необъятной страны, они все с огромной теплотой и любовью вспоминали свои детские и юношеские годы, проведенные в Арзамасе и свою милую сердцу альма-матер.

Глава «Дни далекой юности» посвящена воспоминаниям Виктора Николаевича Анфимов – выпускника Арзамасского реального училища. Виктор Николаевич – инженер-конструктор Уралмашзавода, почетный уралмашевец. Деятельность его отмечена Президиумом Верховного Совета РСФСР, Министерством тяжелого машиностроения, Министерством просвещения. Он же участник Выставки достижений народного хозяйства, более 13 лет избирался депутатом города Свердловска.

Виктор Анфимов был принят в реальное училище в 1910 г. Он оставил подробные воспоминания об особенностях обучения в АРУ, о преподавателях и учениках, в том числе и об Аркаше Голикове, будущем писателе Аркадии Гайдаре. Вот как Виктор Николаевич вспоминает свой первый день в училище: «В 1910 году я был принят в первый класс Арзамасского реального училища, 16 августа приступили к занятиям без всякой раскачки, и началась новая жизнь в новой обстановке. На первом уроке всем были вручены именные правила поведения в виде отдельной книжечки, в которой было записано, как надо вести себя в училище, дома, на улице: при встрече с учителями в училищном коридоре предлагалось здороваться, а на улице – снимать фуражку. Одним словом, предлагалось вести себя так, чтобы не бросать тень на учебное заведение, в котором ты учишься» [1, л. 20].

Далее Виктор Николаевич рассказывает о будущем писателе Аркадии Гайдаре: «С 1914 по 1918 г. в реальном училище учился Аркадий Голиков. Он на четыре года был моложе меня и по годам, и по классам. Когда я уже оканчивал курс, он учился в четвертом классе. Семья Голиковых жила в небольшом деревянном доме, по фасаду в три окошка недалеко, от училища. Классным наставником Аркадия был преподаватель Николай Николаевич Соколов. Я помню Голикова всегда подвижным, жизнерадостным. Ему и минуты не сиделось на месте: то мчался на всех порах по коридору,

то юрко сновал среди одноклассников. Его белобрысая головка мелькала то тут, то там. Он мог залезть под одну парту и через минуту выбраться под другой. Форменная курточка выползала из-под ремня» [1, л. 46].

В главе «Что вспомнилось» арзамасский краевед, выпускник Арзамасского реального училища Александр Семенович Потехин оставил свои воспоминания о городе Арзамасе, его жителях, а также о годах своего обучения в АРУ. Так Александр Семенович описывает атмосферу, царящую в училище: «В Арзамасском реальном училище атмосфера была совсем другая. Мне ни разу не приходилось слышать от бывших учеников плохого отзыва о школе и преподавателях, со стороны которых к учащимся было самое человеческое отношение. Начиная с директора Смирнова, все преподаватели считали учеников за людей и если журили за шалости, то поотечески, без издевательства над личностью» [2, л. 26].

Свою повесть «Дорогой поколений» доктор медицинских наук, профессор кафедры детских болезней Горьковского мединститута Николай Иванович Козин передал в 1980-х гг. в фонды музея А.П. Гайдара. Для него город Арзамас на семь лет волею судьбы стал родным. Николай Козин переехал в Арзамас из Нижнего Новгорода и стал учеником АРУ. В своей книге он подробно и интересно рассказывает не только о своих юношеских годах в Арзамасе, но и прослеживает судьбы своих друзей-одноклассников в дальнейшем. Таким Николай Иванович запомнил Арзамас своей юности: «Арзамас к 1914 году собой представлял тихий городок. Он оживал только по большим праздникам и по пятницам – в базарные дни. В пятницу, на его огромной центральной площади, а также по прилегающим к ней улицам и переулкам, раскидывался обширный базар. Не бывает теперь таких. И чего там, бывало, не увидишь. Рядами тянулись деревенские подводы, уставленные кадушками с солеными огурцами, квашеной капустой, свежими овощами, с тушами мяса, баранины, свинины. Ближе к Рождеству в два ряда выстраивали целых мороженых свиней, и они казались живыми, но обездвиженными.

Центральные улицы были наряднее. На них теснее друг к другу стояли двух- и даже трехэтажные купеческие дома вперемежку со стареющими дворянскими “гнездами” – особняками с белыми облупленными колоннами, с большими венецианскими окнами в затейливых рисунках цветных стекол. “Тургеневские усадьбы” имели большие сады, а в улицу смотрели палисадники с клумбами цветов» [3, л. 6–7].

Очерк «Арзамас» Александра Сергеевича Дунаевского – архитектора, автора многих проектов и строек Москвы и Ленинграда, вошел в сборник четвертой главой. В мае 1913 г. его отца перевели на этот участок железной дороги. Саша Дунаевский приехал в Арзамас из Москвы с родителями, поступил в АРУ. В очерке автор подробно рассказывает о реальном

училище и его преподавателях. Так Александр Сергеевич вспоминает директора училища Ивана Алексеевича Смирнова: «Однако главной ценностью Арзамасского реального училища в описываемый период являлось не здание, а его педагогический состав во главе с директором Иваном Алексеевичем Смирновым.

Как живой рисуется образ этого худощавого, слегка сутуловатого старика в мундире со звездой на груди и с густой шевелюрой седеющих волос. Борода и усы закрывали всю нижнюю часть его лица, а нависающие над очками густые брови двигались все время вместе со складками лба.

Директор, или, как его называли ученики, Дедушка пользовался всеобщим уважением, которое он, безусловно, заслуживал не столько своим почтенным возрастом, сколько большим опытом воспитательной работы и своим расположением к молодежи» [4, л. 9].

В пятой главе книги «О себе и о своих товарищах» Виктор Михайлович Рябов – генерал армии, видный специалист, начальник одного из отделов разведывательной службы Генштаба вооруженных сил СССР, рассказывает историю своего знакомства с Аркадием Голиковым, будущим писателем Гайдаром. Виктор Михайлович вспоминает: «Аркадий был нашим вожаком и защитником. В его присутствии нас не трогали старшие и драчливые мальчишки. Он не позволял нам обижать маленьких или девочек. Вместе с тем, он предводительствовал при наших набегах на чужие сады за яблоками. Следил, чтоб не ломали яблонь, подбирали упавшие яблоки с земли. Объект для нападения мы избирали сообща. Он редко вмешивался в наши обсуждения. Иногда подсказывал: “Эти люди бедные, не стоит их обижать”. Его слова были для нас авторитетом» [5, л. 5].

Последние главы книги «Исторический дневник. Арзамасская альма-матер» мы посвятили Аркадию Петровичу Гайдару. Отдельной главой представлена краткая автобиография писателя, которую сам он назвал «Обыкновенная биография в необыкновенное время». Завершает издание прославившая Гайдара повесть «Школа», которая увидела свет в 1929 г. Это литературно-художественное произведение, прототипами героев которого послужили преподаватели Арзамасского реального училища и многие однокашники Аркадия Голикова.

Двадцать второго января 2020 г., в день празднования 116-летия писателя Аркадия Гайдара, в стенах Литературного музея А.П. Гайдара состоялась презентация книги «Исторический дневник. Арзамасская альма-матер». Мы надеемся, что этот сборник займет достойное место в ряду замечательных иллюстративных и информационных материалов об истории Арзамаса и будет интересен самому широкому кругу читателей.

Источники и литература

1. Анфимов В.Н. Школьные годы в Арзамасском реальном училище в 1910–1918 гг. (Фрагменты из истории реального училища и воспоминания о днях далекой юности). Свердловск, 1981 г. (рукопись). АГМГ инв. № 4607.
2. Потехин А.С. Что вспомнилось. Воспоминания машинописные (копия). БМГ № 428.
3. Козин Н.И. Дорогой поколений. Воспоминания машинописные. АГМГ инв. № 4570-18.
4. Дунаевский А.С. Арзамас 1913–1920. Очерк. Воспоминания машинописные. Москва, 1960 г. АГМГ инв. № 3061.
5. Рябов В.М. Арзамас. О себе и о товарищах. Воспоминания машинописные. АГМГ н. всп. № 5439.

ИВАН ПАНКРАТЬЕВИЧ ГОРЯЧКИН: ЛИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ В МОЗАИКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ

Светлана Владимировна Завьялова[1], Александра Арефьевна Завьялова[2]

[1] Филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Новгороде,
кандидат исторических наук, преподаватель
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: zavyalova_sv@mail.ru

[2] МБОУ «Школа 60», учитель
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: zavialova_a@mail.ru

В статье рассказывается о судьбе участника Первой мировой войны и Уренского восстания в Варнавинском уезде Костромской губернии.

Ключевые слова: *Горячкин Иван Панкратьевич; Первая мировая война; село Урень; Варнавинский уезд; Костромская губерния.*

Иван Панкратьевич Горячкин (10 марта 1896 – ноябрь 1918) родился в починке Катайский Карповской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. Его родители – Панкрат Харизанович и Василиса Агафоновна – заботились о том, чтобы дети выросли грамотными, поэтому отправили сыновей Фадея и Ивана учиться в соседнюю деревню Полом этой же волости. Школа была негосударственная, учили грамоте пожилые люди в своем доме за деньги, за продукты. Иван рос бойким мальчиком, Фадей по поведению был более спокойным, уравновешенным. Детей в школе спросили о том, откуда они, из какой деревни, попросили назвать фамилию. Фадей назвал фамилию Соловьев, а Иван – Горячкин. На выбор фамилии Ивана повлияло его прозвище «горячий по натуре, поступавший сгоряча, боевой». Учились братья хорошо. Детство было трудным. Отец Ивана Панкрат Харизанович вместе с маленьким Фадеем, которому было около девяти девяти лет, отправился на Алданские золотые прииски (конец XIX – начало XX вв.). Мать – Василиса Агафоновна осталась дома с маленькими детьми Иваном и Устиньей. Все заботы и работы, маленькие дети легли тяжким бременем на ее женскую долю; все делать по крестьян-

скому хозяйству приходилось самой: пахать и сеять, боронить и молотить, управлять скотину и запрягать коней.

Судьба Ивана оказалась тесно переплетенной с трагическими событиями в нашей стране. В 1914 г. началась Первая мировая война. Ивана призвали в армию. Первая мировая война была первой в истории человечества войной такого масштаба и с такими огромными жертвами; войной, которая привела к распаду Российской империи, изменению политического строя российского государства, к радикальным переменам в жизни людей.

Из 54 государств мира в войну было вовлечено 33 государства. Потери убитыми и умершими от ран составили 10 млн. человек, раненых – 19 млн., из них около 3,5 млн. остались инвалидами [1, с. 265–267].

Иван оказался на фронте. Дата его призыва неизвестна. По архивным данным выяснено, что Иван Горячкин был приписан в звании рядового стрелка в 49-й Сибирский стрелковый полк [2]. Этот полк четырехбатальонного состава был сформирован на базе кадров, скрытых в полках 8-й Сибирской стрелковой дивизии. 49-й и 50-й Сибирские стрелковые полки четырехбатальонного состава – это 1-я бригада; 51-й и 52-й Сибирские стрелковые полки четырехбатальонного состава – это 2-я бригада; вместе они составляли 13-ю Сибирскую стрелковую дивизию, сформированную в Иркутском военном округе [3].

13-я Сибирская стрелковая дивизия была сформирована в августе–сентябре 1914 г. в связи с объявленной мобилизацией. 49-ому Сибирскому стрелковому полку 28 августа 1914 г. было пожаловано знамя образца 1900 г., с образом Спаса Нерукотворного и малиновой каймой. Формирование 13-й Сибирской стрелковой дивизии производилось в Енисейской губернии (Иркутский ВО). В конце сентября 1914 г. дивизия прибыла под Варшаву (Северо-Западный Фронт). Двадцать третьего октября 1914 г. 13-я и 14-я дивизии вошли в состав сформированного VI-го Сибирского армейского корпуса, который был направлен в 1-ю армию (Северо-Западный фронт). С февраля 1915 г. 13-я дивизия была выведена из состава корпуса и временно действовала при I-м Сибирском армейском корпусе (2-я армия, Северо-Западный фронт).

Пятнадцатого июня 1915 г. 13-я Сибирская стрелковая дивизия вошла в состав формируемого в Минске VII-го Сибирского армейского корпуса. (ПСЗф229). Четырнадцатого июля того же года корпус был включен в состав 5-й армии (Северо-Западный фронт) [4]. Сибирские стрелковые дивизии (13-я и 14-я) VII-го Сибирского корпуса в ходе войны зарекомендовали себя храбрыми и надежными соединениями. 12-я и 13-я дивизии VII-го Сибирского армейского корпуса отлично показали себя в первые месяцы войны [5].

Рядовой стрелок 8-й роты 49-го Сибирского стрелкового полка Иван Панкратьевич Горячкин за храбрость был награжден 28 февраля 1916 г. Георгиевской медалью IV-й степени (номер награждения: 501038) [6].

После награждения Иван с сослуживцами фотографировался в Минске, на улице Губернаторской в фотоателье Кугеля (надпись на оборотной стороне фотографии сохранилась). Фотография представляет собой художественно оформленный портрет военнослужащих. Имена стоящих рядом с Иваном бойцов неизвестны.

Одиннадцатого августа 1915 г. Северо-Западный фронт был разделен на два. При этом VII-й Сибирский армейский корпус вошел в состав вновь формируемой на Северном фронте 12-й армии. В сентябре 1916 г. корпус был направлен на усиление Юго-Западного фронта и включен в состав 7-й армии.

С апреля 1917 г. VII-й Сибирский армейский корпус действовал в резерве 7-й армии в районе Коломыя (Юго-Западный фронт). В мае 1917 г. корпус участвовал в наступлении Юго-Западного фронта [7].

В войсках 12-й армии уже давно шло глухое брожение на политической почве, командование старалось его потушить [1, с. 108]. В донесении командующего 12-й армией за 1917 г. говорится: «Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием» [1, с. 150].

Сводки донесений военно-политического отдела штаба верховного главнокомандующего свидетельствовали о том, что общее настроение армии продолжает оставаться напряженным и нервно-выжидательным [1, с. 150].

На фронтах Первой мировой войны начались «братания» противников и массовое дезертирство солдат (в основной своей массе призванных из крестьян), уставших от затянувшейся войны, кровопролития, невыносимой жизни в окопах. На фронте падала дисциплина.

В 1917 г. в России началась революция. «Наборы обезлюдили деревню, остановили землеобрабатывающую промышленность; ощутился громадный недостаток рабочей силы… Деревня без мужей, братьев, сыновей и даже подростков тоже была несчастна. Города голодали, торговля была задавлена, постоянно под страхом реквизиций… Товара было мало, цены росли, развивалась продажа “из-под полы”, получилось “мародерство”… Армия устала, недостатки всего понижали ее дух…» [8].

По словам Ф.П. Соловьева, Иван Панкратьевич с другими однополчанами дезертировал с фронта (дата неизвестна). По возвращении домой Иван создал семью с Татьяной Степановной Селезневой (Субботиной), уроженкой починка Катайский Карповской волости Варнавинского уезда

Костромской губернии. Семья Фадея и семья Ивана проживали поначалу вместе с родителями: Панкратом Харизановичем и Василисой Агафоновной; потом семьи стали делиться. По крестьянской традиции родители должны оставаться жить с младшим сыном, т.е. с Иваном. Мать Татьяны хотела, чтобы ее дочь и Иван жили на «старине», т.е. с родителями, а Василиса Агафоновна сказала, что не хочет с Иваном жить («он курит»), а на «старине» останется жить с семьей Фадея («он не курит и не пьет»). Для того, чтобы молодая семья могла жить отдельно, Ивану отдали срубы на новую избу и самовар. Мать Татьяны была сердита на такое решение Василисы Агафоновны, между ними начались ссоры. Время было неспокойное – сосед, сват могли наговорить на другого соседа, свата, родственника властям или бандитам, которых в то смутное время было немало.

В августе 1918 г. в селе Урень Варнавинского уезда Костромской губернии началось вооруженное восстание крестьян. Оно, как и многие крестьянские волнения того периода, было спровоцировано реквизицией хлеба, которая проводилась без заранее составленного плана, допускались грубости, избиения, угрозы. В отношении жителей деревни власть применяла аресты, контрибуции [9].

Иван Панкратьевич не мог оказаться в стороне от событий, происходивших в его родных местах, он примкнул к повстанцам.

В докладе коллегии (Н. Огибалов, А. Кравков, С. Медников), проводившей расследование причин восстания в Варнавинском и Ветлужском уездах Костромской губернии, отмечалось, что председатель уездного Совета М.М. Галахов действовал без всякой инструкции, принимал участие в избиениях жителей, не давал точного отчета уездному Совдепу о результатах реквизиции и о взысканных контрибуциях [10, д. 31, л. 82 об.]. Отбирали у жителей деревень не только хлеб, но и все, что было в домах: масло, сбрую, войлоки, одежду, «новины» (новое, тканное вручную на ткацких станах полотно).

Советская продовольственная политика, безобменный характер заготовок, произвол при определении излишков, непосильность предъявляемых требований для крестьянских хозяйств, широкое использование грубой силы вызвали протест населения в деревнях центральных районов России, Приуралья, в том числе и Поветлужья, переросший в конце лета 1918 г. в восстания [11, с. 101]. «К концу августа 1918 г. Советская Россия представляла собой клокочущий вулкан». Зажатая со всех сторон железным кольцом внешних фронтов, она разжигалась фронтами внутренними. Крестьянские восстания, организованные эсерами, вспыхивали то там, то здесь, отражая недовольство населения перегибами продотрядов [12].

Уренское восстание было крупное, наиболее длительное, организованное крестьянское выступление, произошедшее с августа по сентябрь

1918 г., охватившее регион Поветлужья, в состав которого входили Варнавинский уезд (Уренская, Тонкинская, Черновская, Семеновская, Карповская, Вахрамеевская волости, образующие Уренский край) и часть Ветлужского уезда Костромской губернии [11, с. 101–102].

Летом 1918 г., к моменту очередных реквизиций хлеба и сбора нового урожая, борьба за хлеб в Поветлужье вспыхнула с новой силой и переросла в открытое выступление крестьян против военно-коммунистической политики большевиков. Происходят стихийные убийства представителей волостной и уездной власти в Тонкинской, Карповской, Уренской волостях Варнавинского уезда Костромской губернии. Сопротивление крестьян, выраженное в самосправах, самосудах, отчаянном бунте, разливалось мощным потоком по волостям, селам, деревням Поветлужья. Крестьяне жестоко мстили сельским активистам за причинные им беды. Центром крестьянского восстания становится более богатое в экономическом отношении по сравнению с близлежащими населенными пунктами село Урень – центр торгового земледелия и ремесла. Организацию восстания взяли на себя бывшие офицеры, крупные торговцы, зажиточные крестьяне. На территории, охваченной восстанием, был избран новый состав уездного Совета, т.е. сохранялась и использовалась для проведения необходимых мероприятий советская форма организации власти. Восставшие провозгласили Уренский край самостоятельным уездом и решили предпринять поход на уездный центр – Варнавин для борьбы с варнавинскими красноармейцами и Советами. Столкновению восставших с варнавинским красноармейским отрядом в Урене, ставшему началом восстания, было придано большое значение в Ярославском военном округе, военный комиссар которого, М.В. Фрунзе, направил на подавление сопротивления советской власти значительные военные силы [11, с. 117–118].

После подавления восстания село Урень было обложено контрибуцией. Властью были приняты меры по ликвидации последствий выступления: сохранялось осадное положение в Ново-Успенской, Широковской волостях Ветлужского уезда, в Уренской, Тонкинской, Вахрамеевской, Семеновской, Черновской волостях Варнавинского уезда. Отряд Красной армии разыскивал скрывавшихся повстанцев. На территории восстания действовали Всероссийская чрезвычайная комиссия, а также Губернская и Уездная чрезвычайные комиссии, осуществлявшие аресты и расстрелы участников восстания. Работал оперативный штаб по расследованию участия в восстании, по поиску укрывавшихся повстанцев, действовали суды, проводились следствия по делам участников восстания, выносились приговоры – к тюремному заключению, к ссылкам и концентрационным лагерям [11, с. 163].

Глубокой осенью (в ноябре) 1918 г. Иван в ожидании расправы над участниками Уренского восстания спрятался в родительском доме (в доме проживал Ф.П. Соловьев со своей семьей и матерью Василисой Агафоновной) в подполье, в сусеке на картошке. В дом Соловьевых пришли два красноармейца. Анну Нестеровну (жену Фадея) схватили за волосы и стали бить нагайками, схватили Фадея Панкратьевича и тоже стали избивать. Из подполья вышел Иван со словами: «Не троньте брата моего. Он не виноват» [13]. Иван был схвачен в починке Катайский Варнавинского уезда Костромской губернии; в этом же починке были схвачены Тимофей Большаков, Иван Селезнев и Евстафий Лебедев, имена других неизвестны. Их посадили до утра в амбар под охрану. Всю ночь в деревне раздавались крики, люди были напуганы происходящим.

По приговору Костромской выездной комиссии было расстреляно 12 человек. Многие красноармейцы, примкнувшие к восставшим, были пойманы в Катайском починке Вахрамеевской волости Варнавинского уезда Костромской губернии и расстреляны. Это Тимофей Большаков, Иван Горячкин, Иван Селезнев и Евстафий Лебедев [14, д. 68, л. 114 об., 115].

Расстрел пойманных красноармейцев происходил под деревней Ашуей Карповской волости Варнавинского уезда (в 1–2 км от починка Катайский), у оврага. Перед расстрелом рано утром их заставили копать могилу. Один из расстрелянных был ветлугай, пятеро – из починка Катайский (Иван Горячкин, Сенифон Спиридонович Большаков…), один – из деревни Большое Тарасово Карповской волости Варнавинского уезда, один (многие?) – из деревни Большие Воробьи Карповской волости Варнавинского уезда). Аверьян Миронович Большаков (уроженец починка Катайский Карповской волости Варнавинского уезда) простоял всю ночь в колодце у Василия Петровича Веселова (сруб в колодце был вертикальный, он и простоял), а потом убежал в воинскую часть, остался в живых. Аверьян Миронович Большаков в 1930-е гг. вступит в ряды ВКП (б), станет председателем колхоза «Свободный путь», организованного в деревне Катайское, погибнет во время Великой Отечественной войны. Николай Большаков скрывался в омете (соломе), потом собрал котомку и тоже вернулся в воинскую часть.

Никого из жителей деревни к красноармейцам-повстанцам не подпускали, сказав, если подойдут, то их ждет такая же участь. Из деревни Большие Воробьи Карповской волости Варнавинского уезда Костромской губернии к одному из попавших под расстрел красноармейцев на лошади примчалась жена с шестью детьми на телеге. Попрощаться с мужем она не успела. Перед расстрелом Иван на ветку дерева повесил шапку-кубанку из кудрявой овцы и кольцо. У матери Василисы Агафоновны в напоминание о сыне остался кисет [15].

Могила была мелко забросана мерзлыми глыбами, около могилы стояли караульные с шомполами и ружьями. После расстрела убитых разрешили положить в гробы. На иве, под которой были похоронены павшие, кто-то вырезал крест. Место расстрела показывал Анне Фадеевне впоследствии очевидец событий, уроженец починка Катайский Василий Иванович Куралов (1904 г.р.). Ивану Панкратьевичу Горячкину, фронтовику, отмеченному наградой, «дяде Ване», как его называли в семье Соловьевых Арефия Фадеевича и Анны Александровны, было двадцать два года. У Ивана остался ребенок – Дуся, две–три недельки ей было [16]. Евдокия Ивановна часто бывала у Фадея Панкратьевича, своего дяди. Мать Евдокии Ивановны, Татьяна Степановна Селезнева (Субботина) так и осталась жить в деревне Катайское Варнавинского уезда Костромской губернии, в 1924 г. она родила сына Федора Семеновича.

Боевые, бравые солдаты, получившие военный опыт на фронтах Первой мировой войны, в основной своей массе выходцы из крестьян, хотели изменить жизнь в родных краях в интересах труженика-земледельца. Они встали на путь вооруженной борьбы с несправедливыми действиями советской власти по отношению к крестьянству, вступили в ряды повстанцев. Гражданская война, разделившая население огромной страны на «своих» и «чужих», закончилась трагедией.

Спустя сто лет, в ноябре 2018 г. потомкам Ивана Панкратьевича Горячкина стало известно о проявленной им храбрости в годы Первой мировой войны и награждении его Георгиевским крестом IV-й степени. Боевой и храбрый по своей натуре, Иван не мог оставаться в стороне от событий, происходивших на его родине, он остался верен присяге Николаю II, которую давал, вступая на защиту Отечества во время Первой мировой войны и воевал мужественно и отважно, не признал новую советскую власть. Революция и гражданская война принесли трагедию в семью Соловьевых: мать Ивана, Василиса Агафоновна, потеряла сына, Фадей Панкратьевич – брата, дочь – отца. Трагически оборвалась жизнь двадцатидвухлетнего Ивана Горячкина, а военное лихолетье Второй мировой войны повлияло на судьбу его дочери – Евдокии Комаровой.

Источники и литература

1. Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 2. – М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1938. – URL: runivers.ru›lib/book3190/ (дата обращения: 05.01.2019 г.).

2. Пакалевский куст. – URL: https://ok.ru/pakalewsk.bush (дата обращения: 19.12.2018 г.).

3. 13-я Сибирская стрелковая дивизия. – URL: http://ria1914.info/index.php?title= (дата обращения: 23.12.2018 г.).

4. Историческая справка по 2-му Сибирскому Стрелковому … – URL: http://antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/istSibStD14.htm (дата обращения: 20.12.2018 г.).

5. Симонов Д.Г. Сибирские формирования в период Первой мировой войны: краткий исторический обзор. – URL: http://kraeved.ngonb.ru/node/4841) (дата обращения: 21.12.2018 г.).

6. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.: Военно-походная канцелярия при Императорской главной квартире, г. Петроград. Оп.: Военно-походная канцелярия при Императорской главной квартире. 1883–1917 гг. Д.: Списки солдат, награжденных Георгиевскими крестами и медалями в период 1 Мировой войны // Пакалевский куст. – URL: https://ok.ru/pakalewsk.bush (дата обращения: 19.12.2018 г.).

7. Историческая справка по 2-му Сибирскому Стрелковому… – URL: http://antologifo.narod.ru/pages/list2/histore/istSibStD14.htm. (дата обращения: 20.12.2018 г.).

8. Из показаний А.Д. Протопопова чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о состоянии страны к зиме 1916/1917 гг. // Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней / Сост. А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – М.: Проспект, 1999. – С. 385.

9. Балдин М.А. Восстания могло и не быть (К предыстории Уренского восстания в августе 1918 года): машинописн. текст. / Варнав. истор.-худож. музей. Варнавино. – С. 5.

10. Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 383. Оп. 2.

11. Завьялова С.В. Крестьянское восстание в Поветлужье 1918 г. – Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014.

12. Миронов С.С. Гражданская война в России. – М.: Вече, 2006.

13. Воспоминания Ф.П. Соловьева, А.Ф. Соловьева, А.А. Соловьевой, А.Ф. Карасевой, А.Ф. Синцовой // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

14. Государственный архив Костромской области. Ф. 6. Оп. 3.

15. Воспоминания А.Ф. Синцовой, записанные А.А. Завьяловой 08.08.2011 г. // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

16. Воспоминания А.Ф. Карасевой (1924 г.р.), записанные А.А. Завьяловой 04.08.2011 г. // Хранятся в личном архиве А.А. Завьяловой.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ХРИПУНОВ – ПОЧЕТНЫЙ ХИМИК СССР

Мария Олеговна Яшина[1], Наталья Валентиновна Хорева[2]

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: mariay4shina@yandex.ru

[2.] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра истории, обществознания и права, кандидат исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: n.khoreva2010@yandex.ru

В статье рассказывается о выдающемся человеке, уроженце рабочего поселка Мухтолово, талантливом химике и руководителе – Николае Федоровиче Хрипунове. Значительную часть своей жизни он посвятил работе на химическом комбинате в г. Воскресенске Московской области, сумев сохранить это градообразующее предприятие в сложные перестроечные и постперестроечные годы.

Ключевые слова: *Николай Федорович Хрипунов; Почетный химик СССР; Герой Социалистического Труда; орден Ленина; Воскресенск; химический комбинат.*

Николай Федорович Хрипунов родился 8 декабря 1937 г. в рабочем поселке Мухтолово, который находится в Нижегородской (ранее Горьковской) области между городами Муром и Арзамас [1, с. 75]. Его отец работал железнодорожником. Мать растила шестерых детей и вела домашнее хозяйство. Многодетная семья, безусловно, нуждалась в деньгах, поэтому по вечерам родители подрабатывали на железнодорожной станции разгрузкой вагонов. Дети, чем могли, помогали семье: работали на огороде, ухаживали за домашними животными, продавали пассажирам проходивших мимо поездов грибы и ягоды, собранные ими в лесу.

В 1955 г. Николай успешно окончил школу и поехал поступать в Ивановский химико-технологический институт. Имея прекрасный багаж школьных знаний, он без труда выдержал вступительные экзамены в вуз. В институте учился легко и с увлечением, но материально было трудно. Родители помогать студенту не имели возможности, а стипендии, даже повышенной, не хватало. Приходилось по вечерам работать грузчиком, подрабатывать в институтской лаборатории, а в конце месяца питаться только капустой и хлебом, которые были тогда на столах бесплатно в институтской столовой.

В числе лучших студентов Николай Хрипунов был направлен на практику в дружественную страну социалистического лагеря – Венгрию. В 1960 г. Хрипунов окончил Ивановский химико-технологический институт с красным дипломом. Ему рекомендовали продолжить учебу в аспирантуре, но он решил попробовать себя на производстве.

Город Воскресенск, весьма провинциальный населенный пункт, но при этом – крупнейший в Московской области центр по производству строительных материалов, химической и машиностроительной промышленности. В июле 1929 г. на Воскресенском химическом комбинате начались строительные работы. Днем рождения комбината принято считать 22 января 1931 г., когда были изготовлены первые тонны минеральных удобрений. С тех пор Воскресенский химический комбинат (ныне ОАО «Минудобрения»), стал ведущим предприятием по производству минеральных удобрений и других химикатов для народного хозяйства.

В конце 1950-х гг. на Воскресенском химкомбинате велась масштабная реконструкция. Директор химкомбината Н.И. Докторов направил сотрудника технического отдела В.П. Овчинникова в Иваново, поручив отобрать для комбината хороших специалистов-выпускников. Н.И. Докторов сам окончил Ивановский химико-технический институт и, видя, что московские специалисты надолго не задерживаются на комбинате, решил укрепить кадры ивановцами.

В 1960 г. на завод прибыла почти вся группа, в которой учился Николай Хрипунов. Всех ребят назначили начальниками смен, в основном, во

вновь строившиеся цеха. Николай Хрипунов был назначен начальником смены в строившийся цех гидросульфата натрия. Директор комбината внимательно следил за молодыми специалистами и особо одаренных буквально «растил», гоняя их из цеха в цех. Так, Н.Ф. Хрипунов через восемь месяцев был назначен заместителем начальника цеха, а еще через десять месяцев – начальником цеха солей [2, с. 13].

Первый секретарь горкома КПСС Воскресенского района в 1968–1974 гг. М.Е. Махатаев вспоминал: «На пути лидерства у Николая Федоровича было всякое – и хорошее, и не очень. В самом начале своей деятельности попал в немилость к тем, кто не очень-то любил дисциплину и порядок на производстве. Посыпались анонимные письма во все инстанции на якобы неоправданную требовательность и даже на грубость молодого начальника смены. Но Н.И. Докторов разгадал козни недоброжелателей, не дал в обиду Хрипунова» [3].

В 1965 г. Н.Ф. Хрипунов был командирован во Францию для приемки оборудования для нового цеха двойного суперфосфата. Вернувшись на Родину, через восемь месяцев Николай Федорович был назначен заместителем главного инженера – начальником нового производственного отдела. Имея определенные самостоятельные должностные полномочия, он испытывал ряд трудностей на новом месте. В дела его отдела, и даже в организацию производства, стал вмешиваться начальник планового отдела М.В. Фельдман. Мирон Владимирович был опытным экономистом, фактически первым помощником, советником директора химкомбината. Между Хрипуновым и Фельдманом возник конфликт. Но, несмотря на дружеские отношения с Фельднаном, Н.И. Докторов вновь поддержал Н.Ф. Хрипунова и предоставил ему возможность самостоятельно, посвоему организовать работу отдела, координировавшего работу всех цехов.

Перед уходом на пенсию Н.И. Докторов рекомендовал Н.Ф. Хрипунова на должность директора и организовал совместную поездку с молодым коллегой в Москву для представления его в министерских кругах. Но тогда в министерстве незнакомый молодой человек не вызвал доверия. В 1972 г. Н.Ф. Хрипунов был назначен на должность главного инженера. И только с 1980 г. Николай Федорович стал директором Воскресенского химкомбината.

Работа для него была делом жизни. Он трудился до позднего вечера, часто в выходные дни. Как бы поздно ни пришел он домой, в 8 утра всегда был на заводе. Несмотря на занятость, Николай Федорович сумел окончить аспирантуру, защитить диссертацию, ему была присуждена ученая степень кандидата технических наук [4].

Н.Ф. Хрипунов уделял большое внимание науке, постоянно укреплял кадровый состав центральной лаборатории, проектно-конструкторского отдела. Принимал личное участие в разработке новых прогрессивных технологических процессов. Только благодаря его настойчивости и вере в успех, после определенных трудностей был внедрен в производство новый, полугидратный способ получения фосфорной кислоты. Сейчас этот способ применяется на всех предприятиях нашей страны и за рубежом. Николай Федорович защитил диссертацию на эту тему и, как уже упоминалось выше, стал кандидатом технических наук.

Производство он знал досконально. Кроме того, хорошо разбирался в экономике, бухгалтерии, финансах, внешнеэкономической деятельности, капитальном строительстве. Очень часто по пути на завод Хрипунов заезжал на строительные объекты: в пионерлагерь, в профилакторий, в плавательный бассейн, на набережную, к месту возведения памятника Н.И. Докторову или в микрорайон Новлянский, на строительные площадки новых жилых домов.

Жилья строилось много. Очередь на его бесплатное получение работниками химкомбината длилась всего четыре года. По расчетам Николая Федоровича, к 2000 г. все работники комбината смогли бы получить отдельные квартиры. Строительство жилья, в основном, велось в Новлянском квартале за рекой. Это было очень неудобно для рабочих. Но позже был возведен пешеходный мост, и рабочие почти за полчаса могли добираться до места работы. Когда в одно субботнее утро мост рухнул, Хрипунов воспринял это как личную трагедию. Он, работая оперативно, помогал организации, которая строила мост, поскорее восстановить его.

Николаю Федоровичу несколько раз предлагали высокие должности в Москве, но он не хотел оставлять ставшие родными завод и город Воскресенск.

В 1985 г. коллектив Воскресенского ордена Ленина и ордена Октябрьской революции производственного объединения «Минудобрения» им. В.В. Куйбышева рапортовал о том, что за 3,5 месяца до назначенного срока он выполнил плановое задание 11-й пятилетки. Кроме этого, комбинат сверх плана готов выпустить продукции на 4 млн. рублей. По тем временам это очень серьезное вливание в государственный бюджет и большой вклад в выполнение госпрограмм развития химической отрасли и сельского хозяйства. Продукция химкомбината на складах не залеживалась.

Комбинат развивался, город рос и благоустраивался. Много было планов, но не всем суждено было сбыться. Наступили сложные перестроечные и постперестроечные времена: так и остался недостроенным банно-прачечный комбинат, так и не был разбит парк на набережной в Новлянске, хотя были подготовлены площадка и план разбивки парка.

Заветной мечтой Николая Федоровича Хрипунова было полное использование фосфогипса, который неизбежно получается как отход при разложении апатита серной кислотой. При такой технологии отпала бы необходимость в отвале, и, таким образом, улучшилась бы экологическая обстановка. Хрипунов, буквально «загоревшись» этим проектом, «зажег» им заводские службы. К тому же, в рамках рационализаторских предложений, было найдено много способов применения потолочных и перегородочных материалов, тампонажного цемента для нефтедобывающей промышленности, в качестве заменителя каолина при производстве бумаги, в дорожном строительстве, для производства кирпича, для улучшения структуры почв в сельском хозяйстве, для производства сухих штукатурных смесей. Однако мечта Николая Федоровича так и не осуществилась. Цех по переработке отходов ЭФК закрыли из-за нерентабельности производства, а отвал попрежнему был значительным относительно отходов.

При активном руководстве Н.Ф. Хрипунова были разработаны и внедрены впервые в отечественной практике современные технологические схемы ряда производств. Благодаря этому выросли объемы производства, велась реконструкция предприятия. Н.Ф. Хрипунов является автором более 20 изобретений, в 1979 г за проектирование, строительство и освоение производства аммофоса был удостоен звания лауреата премии Совета Министров СССР.

За трудовые заслуги Николай Федорович был награжден орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалями [2, с. 54]. В 1986 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он – почетный химик СССР, лауреат премии Совета Министров СССР, кандидат технических наук, делегат XIX Всесоюзной партконференции, депутат Верховного Совета СССР, делегат XXVII съезда КПСС, Почетный гражданин города Воскресенска, народный депутат СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1986 г. «за досрочное выполнение заданий одиннадцатой пятилетки и социалистических обязательств, заслуг в развитии производства минеральных удобрений и проявленную при этом трудовую доблесть» Хрипунову Николаю Федоровичу присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Николай Федорович избирался народным депутатом Верховного Совета СССР от Егорьевского территориального избирательного округа № 30 Московской области, а также членом комиссии Совета Союза по вопросам развития промышленности, энергетики, техники и технологии [5, с. 78], делегатом XXVII съезда КПСС. Удостоен звания «Почетный химик».

В сложные 1990-е гг. Н.Ф. Хрипунов продолжал руководить предприятием, искал новые возможности, новые пути развития. Несмотря на многочисленные трудности, Николай Федорович смог сохранить производство и кадровый состав. Но из-за чрезмерных нагрузок было подорвано его здоровье. В начале 1997 г. Н.Ф. Хрипунов перенес микроинфаркт, затем инсульт. Из-за серьезных проблем со здоровьем он был вынужден отойти от дел.

Николай Федорович практически всю свою жизнь прожил в Воскресенске. В 1997 г. Н.Ф. Хрипунову было присвоено звание «Почетный гражданин города Воскресенска». Он скоропостижно скончался 26 мая 2005 г. и похоронен на Воскресенском кладбище. Его именем названа улица в Воскресенске, установлена мемориальная доска. В 2007 г. супруга Н.Ф. Хрипунова Эмилия Александровна опубликовала свою книгу воспоминаний «Дорогой мой человек» [2]. В июне 2008 г. в городе была открыта скульптурная группа «Основателям воскресенского хоккея» – памятник Н.С. Эпштейну, Н.И. Докторову и Н.Ф. Хрипунову.

Судьба нашего земляка оказалась накрепко связанной с судьбой Воскресенского химического комбината, которому в январе 2021 г. исполняется 90 лет.

Источники и литература

1. Бугров Ю.А. Мухтолово: от А до Я. – Курск, 2002. – 104 с.

2. Хрипунова Э.А. Дорогой мой человек. – М.: ГУМО Воскресенская типография: 2007. – 147 с.

3. Куйбышевец (многотиражная газета Воскресенского химического комбината). – 1996. – № 46 (4101).

4. Материалы краеведческого музея Мухтоловской СОШ № 1.

5. Ардатовский край: прошлое и настоящее / сост. Л.В. Гладкова, А.В. Седов. – Н. Новгород: Нижполиграф, 2000. – 368 с.

Раздел V.
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ РЕГИОНА

ГОЛУБАЯ СВАСТИКА ПРОТИВ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. ВОЙНА В ВОЗДУХЕ МЕЖДУ СССР И ФИНЛЯНДИЕЙ 1939–1940 ГГ.: ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Евгений Ильич Подрепный[1], Евгений Павлович Титков[2]

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: podrepnyy@yandex.ru

[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, доктор исторических наук, профессор
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: istcentr@mail.ru

Исполнилось 80 лет после окончания так называемой «Зимней войны» 1939–1940 гг. между СССР и Финляндией. Официальная советская историография писала о боях 1939–1940 гг. с Финляндией кратко, подчеркивая подавляющее количественное и качественное превосходство советских ВВС над авиацией противника. Уровень современной историографии позволяет посмотреть на данную проблему без идеологической предвзятости, объективно, однако крупных исследований на эту тему до сих пор мало. В данной статье сделана попытка анализа состояния отечественной историографии данной проблемы.

Ключевые слова: *авиация; автор; война; историография; летчик; проблемы; самолет.*

Прошло более 80 лет после окончания так называемой «Зимней войны» 1939–1940 гг. между СССР и Финляндией и более 75 лет после выхода Финляндии из Второй мировой войны (так называемая «продолжительная» война против СССР 1941–1944 гг.). В этих конфликтах активно участвовали Военно-воздушные силы обеих сторон. Этот сюжет долго не привлекал особого внимания отечественных исследователей, хотя из событий воздушной войны с Финляндией 1939–1940 гг. можно и необходимо извлечь уроки не только для истории. В данной статье сделана попытка дать краткую характеристику состояния отечественной историографии данной проблемы.

Советская историография сообщала о боях 1939–1940 гг. с Финляндией кратко, подчеркивая подавляющее количественное и качественное превосходство советских Военно-воздушных сил над авиацией противника. Отмечалось, что советские ВВС с начала боевых действий завоевали господство в воздухе и прочно удерживали его [1, с. 254–255; 2, с. 167–168; 3,

с. 19]. Приводились данные о потерях «белофиннов» – 362 самолета при своих потерях – 261 самолет и 321 авиатор [1, с. 255; 2, с. 168].

Бои в воздухе нашли свое отражение в мемуарах советских летчиков, например, дважды Героя Советского Союза В.И. Ракова [4], Героев Советского Союза В.Ф. Голубева [5], И.А. Каберова [6]. Полной картины воздушного противоборства так называемой «Зимней войны» 1939–1940 гг. советская историография не давала. В результате «Зимняя война» являлась одним из наиболее мифологизированных вооруженных конфликтов XX века. Большая часть этих мифов рождена западной пропагандой. Чего стоят только одни утверждения о чрезмерных потерях самолетов с красными звездами! [7, с. 2].

Первой серьезной попыткой создания научного труда по истории воздушной войны между СССР и Финляндией в 1939–1940 гг. можно считать специальный выпуск журнала «История авиации» № 2, подготовленный с участием Российского Государственного Военного Архива, участника Зимней войны В.М. Рабиновича и М.Б. Саукке [7]. В нем приводятся оценки Генштабом РККА возможностей финской авиации к началу конфликта – 388 самолетов, из них 315 боевых, при этом истребители составляли ничтожно малую долю – 63 машины, что придавало советскому командованию уверенность в победе [7, с. 6]. Первоначально в состав действующей группировки Ленинградского военного округа (ЛВО) выделялось 23 авиационных полка (около 1 200 боевых самолетов из имевшихся в составе ВВС ЛВО 1 838 машин) [7, с. 6–7].

Блокада финских портов и содействие наступающим войскам являлись главными задачами для Краснознаменного Балтийского (КБФ) и Северного флотов, имевших в своем составе пять авиаполков и многочисленные отдельные эскадрильи, насчитывавшие в своем составе около 500 боевых самолетов [7, с. 7]. Военный совет КБФ возлагал на морскую авиацию большие надежды, – пишет П.В. Петров. Перед ВВС КБФ были поставлены четыре основные задачи: 1) уничтожение финского военно-морского флота; 2) уничтожение береговых батарей; 3) обеспечение десантной операции на островах Финского залива; 4) прикрытие с воздуха Ленинграда, Кронштадта и Лужской губы. Из них успешно были выполнены лишь две последние задачи – наиболее простые. Что касается уничтожения финских броненосцев или береговых батарей, то здесь командование КБФ постигло полное разочарование. Все удары морской авиации по финским броненосцам береговой обороны обошлись в 65 тонн сброшенных авиабомб, но сами корабли остались целыми и невредимыми. На финские береговые батареи было потрачено во много раз больше бомб, но результат был тем же самым – ни одного попадания. В среднем на каждую батарею было потрачено около 200 тонн бомб без особого успеха. Причинами тому были

неудовлетворительная подготовка летного состава, бесприцельная бомбардировка, отсутствие предварительной аэрофотосъемки и хорошая маскировка финских батарей. Кроме того, морской авиации удалось нанести некоторый ущерб финским портам. Некоторые из них (Турку, Раумо, Мантилуото) имели серьезные повреждения, но, тем не менее, продолжали функционировать до окончания войны [8, с. 578–579].

Боевой состав ВВС не был однороден: с одной стороны, многие полки относились к ядру ВВС Красной Армии, были давно сформированы, укомплектованы и сколочены. Например, полки 16-й и 55-й скоростных бомбардировочных бригад, а также часть полков из состава 59-й истребительной авиабригады имели ограниченный опыт «польского» похода. При этом многие летчики воевали на Халхин-Голе, получили закалку в Испании и Китае. В то же время, имелись полки, сформированные или получившие новую технику лишь в самое последнее время. Неудивительно, что уровень боевой подготовки летчиков и слетанность подразделений новых частей оставляли желать много лучшего. Такой важный показатель, как аварийность, в 1938 г. подскочил по сравнению с предыдущими годами более чем в два раза.

Еще более напряженная обстановка сложилась с руководящими кадрами. Из всего руководящего состава авиачастей, привлеченных к боевым действиям, лишь на 37% должностей находились кадровые военные! В подавляющем большинстве должности заместителей командиров авиаполков, комиссаров полков и эскадрилий, инженеров всех рангов и уровней занимали призванные из резерва партийные и советские работники, заводские инженеры, школьные учителя и даже…. колхозные счетоводы! [7, с. 7].

Именно уровень общей и профессиональной подготовки командного и летного состава стал вторым по важности фактором, определившим результаты боевой работы ВВС РККА в ходе финской кампании. Особенно это сказалось опять же на начальном этапе, когда ощущалась известная нехватка сил и средств [7, с. 8].

Анализ состояния военной авиации Финляндии в 1939 г. дан в работе А.Б. Широкорада [9, с. 212–213]. В нашем распоряжении имеются мемуары лучшего финского аса Второй мировой войны, участника Зимней войны, Илмари Ютилайнена, в которых изложены эпизоды воздушных боев 1939–1940 гг. [10, с. 16–46]. Краткая биография Илмари Ютилайнена и его коллеги, Ханса Хенрика Хассе Винда, даны в труде Н.Г. Бодрихина [11, с. 340–344].

В ходе Зимней войны 1939–1940 гг. ряды финских летчиков пополнили добровольцы из Швеции и Дании [12, с. 30–39]. Большинство из шведских добровольцев были молодыми людьми в возрасте от 21 до 23 лет и носили

первичное офицерское звание фанрих (аналог немецкого звания фенрих и английского пайлот-офицер). То, что некоторые из них на начало войны числились в резерве, говорит о том, что оппонентами наших летчиков являлись выпускники гражданских школ, зачисленные после их окончания в армейский резерв [12, с. 30].

Шведской авиагруппе предстояло действовать в Северной Финляндии, где собственной авиации у финнов не было. Подразделению передали из состава шведских ВВС 12 истребителей Глостер «Гладиатор» и четыре легких бомбардировщика Хаукер «Харт» (чуть позже к ним добавился транспортный «Юнкерс» F-13) [12, с. 30].

Около десятка датских летчиков пополнили ряды финской авиации во время Зимней войны [12, с. 37]. Несколько вылетов на заключительном этапе войны (после поступления новейших истребителей «Фиат» G. 50) совершили итальянские летчики-добровольцы. Сражались на финской стороне и два летчика-венгра [12, с. 39].

А.Б. Широкорад дал краткую характеристику боевого применения финской военной авиации в 1939–1940 гг. Он пишет, что финские самолеты имели минимальные потери на земле. Это было достигнуто за счет хорошее маскировки и рассредоточения самолетов по замерзшим озерам. Зимой 1939/1940 гг. все финские самолеты были оснащены лыжами, и замерзшие озера становились отличными аэродромами для них.

Малые потери финнов в воздухе по сравнению с советской авиацией объясняются, прежде всего, тактикой действий и человеческим фактором. Финны не пытались бороться за господство в воздухе, а действовали лишь когда складывалась благоприятная для них обстановка. При равенстве в целом по тактико-техническим данным боевых самолетов финские и иностранные пилоты были, в основном, гораздо опытнее советских летчиков [9, с. 213].

Высокие боевые качества финские летчики показали и в дальнейшем. Так, морской летчик-истребитель Н.П. Цыганков вспоминал, что в 1942 г. финны дрались очень хорошо [13, с. 562–563].

Можно констатировать, что военные действия в воздухе в Зимней войне в современной историографии изложены далеко не полно. Показателем этого можно считать дискуссию вокруг побед Йормы Сарванто над шестью советскими бомбардировщиками ДБ-3 в одном воздушном бою [14]. Довольно подробно изучено боевое применение отдельных типов авиационной техники, например, советских истребителей И-16 [15; 16; 17; 18, с. 109–112], бомбардировщиков ДБ-3 [19], СБ [20, с. 124–135] или финского бомбардировщика Бристоль «Бленхейм» [21].

М.А. Маслов пишет, что бомбардировщики СБ, по сравнению с другими типами самолетов, применялись наиболее массово, поэтому их потери

оказались наибольшими. Он называет цифру более 100 экземпляров. Самолет СБ зимой 1939–1940 гг. не был скоростным бомбардировщиком. Летая на неубираемых лыжах, самолеты имели полетную скорость в пределах 300 км/ч, и поэтому зачастую становились добычей практически всех типов финских истребителей. Малые высоты применения в условиях плохой видимости и низкой облачности делали самолет уязвимым от наземного огня. Воздушный стрелок в зимнем обмундировании практически не имел возможностей управлять одновременно верхним и нижним пулеметами. Впрочем, этот недостаток, оказавшийся «ахиллесовой пятой» самолета СБ, так никогда и не был устранен [20, с. 133–134].

Советские самолеты, совершившие вынужденную посадку на территории Финляндии, немедленно эвакуировались с целью их возможного ремонта и вероятного последующего использования. Финнам удалось разыскать и довести до летного состояния восемь экземпляров СБ [20, с. 135]. Самолетный парк финских ВВС пополнили и другие советские машины, например, истребитель И-153 «Чайка [22, с. 104–109]. Всего финны ввели в состав своих ВВС полтора десятка бывших советских самолетов [19, с. 114].

По советским данным, в ходе Зимней войны в Финляндию поступило 376 самолетов, а по финским – 225. Из Англии в Финляндию были отправлены машины: 24 «Бленхейма» («Спаниели») [см.: 23], один Mk. IV разбился в пути, а другой был сильно поврежден, 30 истребителей «Гладиатор» [см.: 24], 12 многоцелевых «Лизандеров» [см.: 25], 11 истребителей «Харрикейн» [см.: 26; 27]. Из них только 10 «Гладиаторов» были переданы безвозмездно, а остальные – в рамках торгового соглашения.

Южно-Африканский Союз, британский доминион, безвозмездно передал 22 учебно-тренировочных истребителя «Глостер «Гонтлет-II».

Италия отправила в Финляндию 35 истребителей «Фиат» G. 50. На некоторое время они были задержаны в Германии. В боях принять участие успела только половина этой партии. Пять истребителей разбились при перегонке или при освоении летным составом [9, с. 213]. По данным А.И. Харука, в Финляндии для G. 50 изготавливали лыжное шасси, крайне необходимое для местных условий. Новыми истребителями перевооружили авиагруппу HLeLv 26, ранее летавшую на бипланах «Глостер» «Гладиатор». Первая победа на G. 50 была зафиксирована 13 января 1940 г., когда был сбит бомбардировщик СБ. Всего по итогам Зимней войны пилоты G. 50 претендуют на 14 сбитых самолетов [см.: 28, с. 26].

В ВВС Финляндии довольно активно использовались французские истребители «Моран» MS. 406 [29]. В декабре 1939 г. финнам было передано 30 MS. 406C1. Уже в январе 1940 г. машины прибыли на место назначения, где ими вооружили группу LIv 28. В боевых действиях она участвова-

ла с 4 февраля, одержав до конца Зимней войны 16 подтвержденных и 4 предположительных победы. Собственные потери составили один сбитый и 10 поврежденных в боях «моранов», еще четыре самолета были разбиты в процессе освоения летным составом [30, с. 39].

Подробная характеристика некоторых импортных истребителей, а также самолета-истребителя «Фоккер» D XXI (который стал основой ВВС Финляндии) дана в статье С. Павлова [31]. По его мнению, настоящим качественным усилением финской авиации стали американские истребители «Брюстер» «Баффало» Модель 239 [31, с. 14], а истребитель MS 406 ни в чем не уступал И-16 [31, с. 15].

Дискуссионным давно является вопрос об участии в боях в составе финской авиации английских истребителей «Спитфайр». О поставках Финляндии этих машин писал В.И. Раков в своих мемуарах [4, с. 204]. Предоставим слово Н.Г. Бодрихину. На его вопрос к Герою Советского Союза, «де-факто» лучшему летчику-истребителю ВВС ВМФ СССР генерал-лейтенанту авиации В.Ф. Голубеву, не мог ли он перепутать «Спитфайр» с другой машиной, Голубев с обидой отвечал, что сбивая ее, видел самолет с близкой дистанции. Как авиамоделист-любитель, он хорошо знал характерные обводы запоминающегося «Спитфайра» и спутать его с другой машиной не мог. Н.Г. Бодрихин пишет, что западные историки в унисон отрицают присутствие «Спитфайров» в финских ВВС, однако, учитывая «нелюбовь» правительства Великобритании к России, а особенно к советской, и его способность засекречивать свои старые документы сколь угодно долго, вряд ли они правы [11, с. 342–343].

Сведения о боевых действиях отдельных типов самолетов ВВС Финляндии даны А.Б. Широкорадом [9, с. 214–217]. В ходе Зимней войны, пишет он, по советским данным, финская авиация потеряла 362 машины. Финны же признали потерю только 67 своих машин, из которых 21 была сбита в воздушных боях. Серьезные повреждения получили 69 финских самолетов. Погибли 304 летчика, 90 пропали без вести и 105 были ранены.

Как видим, цифры серьезно расходятся, тут явно «передергивают карты» обе стороны. К примеру, если верить финнам, то на один сбитый их самолет приходилось шесть человек убитых и пропавших без вести. А ведь на большинстве боевых машин финнов было один–два человека, и лишь на «Бленхейме» по три человека. И что, никто за всю войну не выпрыгнул с парашютом из сбитой машины?

Благодаря поставкам с Запада, финские ВВС в последний день войны, невзирая на потери, насчитывали 196 боевых самолетов, в т.ч. 112 боеготовых, т.е. больше, чем накануне – 30 ноября 1939 г. [9, с. 218].

Известный финский историк авиации Карл-Фридрих Геуст утверждал, что советская авиация (включая морскую) потеряла 640–650 самолетов, из

которых 190 были сбиты в воздушных боях, а 300 уничтожены зенитной артиллерией финнов [9, с. 218].

Современные российские историки дают следующие данные о потерях советских ВВС за 105 дней военных действий: в ходе воздушных боев было потеряно 118 самолетов, повреждено – по крайней мере, еще семь машин. Потери от ружейного и зенитного огня составили 102 самолета; кроме того, шесть машин были сданы в капительный ремонт [7, с. 74].

Значительную долю в общем объеме занимали небоевые потери: по погодным условиям, из-за отказа техники или по вине личного состава.

Российские историки пишут, что «метеопотери» несут в себе значительную долю «человеческого фактора». Иной раз командованию полков приходилось выполнять приказы, не «стыкующиеся» с погодой (и попробовали бы они сделать обратное!). Не учет высшим руководством местных условий привел к тому, что «метеопотери» преобладали среди прочих не боевых потерь.

Необходимо отметить, что на численность потерь ВВС РККА сильно повлиял наступательный характер войны, т.е. то обстоятельство, что подавляющее большинство боевых заданий летным составом выполнялось над территорией противника. В случае повреждения или потери ориентировки самолеты зачастую совершали вынужденные посадки, которые, если бы это происходило на своей территории, могли бы не иметь никаких последствий. Однако в ходе Зимней войны «вынужденная» посадка означала почти гарантированную стопроцентную утрату машины – ее уничтожал либо сам экипаж, либо она становилась трофеем противника. Хотя воспользоваться таким «пополнением» в ходе войны финны не успели, введенные впоследствии в строй восемь СБ, такое же количество И-153, по пять ДБ-3 и И-15бис, а также один И-16 более чем на треть (!) покрыли убыль материальной части ВВС Финляндии в ходе боевых действий.

Из-за отказов материальной части был потерян 31 самолет (из них по производственным дефектам – три), еще четыре – отправлены в капитальный ремонт [7, с. 74].

Считается, что по вине личного состава было потеряно 73 самолета, для еще шести потребовался капитальный ремонт.

Всего же за время Зимней войны боевые потери советских ВВС составили 348 самолетов. Кроме того, в заводской и капитальный ремонт отправлено 87 машин [7, с. 74].

По данным П.В. Петрова, безвозвратные потери ВВС КБФ в ходе боевых действий оказались достаточно велики – 90 самолетов и 110 летчиков. Одной из основных причин столь низкой эффективности действий и больших потерь ВВС КБФ была совершенно неудовлетворительная боевая подготовка летного состава перед Зимней войной, который был в основ-

ном обучен полетам лишь в простейших метеорологических условиях. Недопустимо высоким являлся уровень аварийности в авиационных частях морской авиации [8, с. 579].

Финская авиация потеряла 76 машин, помимо этого, серьезные повреждения получил еще 51 самолет [7, с. 74].

Итоги этой «незнаменитой» войны повергли в шок советское военное и политическое руководство. Путь и не вполне гласно, но был взят курс на радикальное наведение порядка в армии, совершенствование ее материальной части и военной теории [7, с. 74]. Например, за время войны был накоплен значительный опыт эксплуатации техники в зимних условиях, что сыграло весьма важную роль в Великой Отечественной войне, особенно в первую военную зиму, когда в роли неподготовленных оказались уже немецкие Люфтваффе [7, с. 76].

Источники и литература

1. Шумихин В.С. Советская военная авиация. 1917–1941. – М.: Наука, 1986. – 288 с.
2. Воздушная мощь Родины / В.С. Шумихин, В.М. Пинчук, В.С. Бруз и др. Под ред. Л.Л. Батехина. – М.: Воениздат, 1988. – 432 с.
3. Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – М.: Воениздат, 1968. – 452 с.
4. Раков В.И. Крылья над морем. Записки военного летчика. – Л.: Лениздат, 1974. – 504 с.
5. Голубев В.Ф. Во имя Ленинграда. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 512 с.
6. Каберов И.А. В прицеле свастика: Воспоминания летчика-истребителя. – 2-е изд., испр. и доп. – Л.: Лениздат, 1983. – 294 с.
7. Морозов М., Котельников В., Булах А. ВВС Красной Армии в Зимней войне 1939–1940 // История авиации. – Спецвыпуск № 2. – 104с.
8. Петров П.В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 – весна 1941 гг. – М.: Русское общество содействия образованию и науке, 2016. – 704 с.
9. Широкорад А.Б. Три войны «Великой Финляндии». – М.: Вече, 2007. – 384 с.
10. Ютилайнен И. Я бил «сталинских соколов». Лучший финский ас Второй Мировой / Илмари Ютилайнен; пер. с англ. А.Г. Больных. – М.: Яуза-пресс, 2013. – 256 с.
11. Бодрихин Н.Г. Величайшие воздушные асы XX века. – М.: Яуза: Эксмо, 2011. – 512 с.
12. Жирохов М.,А. Морозов М.Э. Волонтеры Зимней войны // Авиамастер. – 2002. – № 5. – С. 30–39.
13. Драбкин А.В. Я – истребитель! Первое полное издание. – М.: Яуза: Эксмо, 2009. – 832 с.
14. Иммельманов М. Четыре минуты Йормы Сарванто. Попытка анализа одного воздушного боя // Авиапарк. – 2009. – № 4. – С. 8–13.
15. Киселев О. Истребители И-16 в Зимней войне 1939–1940 гг. // История авиации. – 2008. – № 32. – С. 2–16.
16. Киселев О. Истребители И-16 в Зимней войне 1939–1940 гг. // История авиации. – 2008. – № 33. – С. 2–13.
17. Киселев О. Истребители И-16 в Зимней войне 1939–1940 гг. // История авиации. – № 53. – С. 21-37.
18. Котельников В., Морозов М. Незаконнорожденный бомбардировщик // История авиации. – 2001. – № 2. – С. 2–14.

19. Маслов М.А. Истребитель И-16. Норовистый «ишак» сталинских соколов. – М.: Коллекция: Яуза: ЭКСМО, 2007. – 176 с.

20. Маслов М.А. Скоростные бомбардировщики Сталина СБ и Ар-2. – М.: Коллекция: Яуза: ЭКСМО, 2010. – 208 с.

21. Булах А. Королевские спаниели на Зимней войне // Авиамастер. – 1996. – № 0. – 84 с.

22. Маслов М.А. Боевые «чайки» Сталина. И-15, И-15бис, И-153. – М.: Коллекция: Яуза: ЭКСМО, 2008. – 160 с.

23. Булах А. Бристоль «Бленхейм» //Авиамастер. – 1998. – № 1 (Спец. выпуск). – 84 с.

24. Зинчук С., Каратеев А. «Gladiator» // Авиамастер. – 1998. – № 4. – С. 22–23.

25. Кузнецов К. Бедная «Лиззи». Многоцелевой самолет «Лайсендер» // Авиамастер. – 2004. – № 2. – С. 16–37.

26. Истребитель Хаукер «Харрикейн» /Текст В. Котельникова // Крылья – дайджест лучших публикаций об авиации. – 1997. – № 9. – С. 1–44.

27. Колесников С. Лики «Харрикейна» // Крылья Родины. – 1992. – № 12. – С. 22–29.

28. Харук А.И. «Соколы» Муссолини. Итальянские истребители Второй мировой. – М.: Яуза: ЭКСМО, 2012. – 128 с.

29. Хаустов А.В., Котлобовский А.В. Солдат многих армий: Французский истребитель M.S. 406C1 // Аэрхобби. – 1993. № 1 (3). – С. 36–38; № 2 (4). – С. 27–29.

30. Харук А.И. Французские истребители Второй мировой. – М.: Яуза: ЭКСМО, 2013. – 112 с.

31. Павлов С. Не только «мессеры» и «фоккеры»… // История авиации. – 2001. – № 1. – С. 11–15.

ТАНКИ С БЕРЕГОВ ВОЛГИ (1941–1942 ГГ.): ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ

***Евгений Ильич Подрепный*[1],**
***Иван Алексеевич Калмыков*[2]**

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России,
доктор исторических наук, доцент
Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: podrepnyy@yandex.ru

[2] Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального образования «Корпоративный университет Правительства Нижегородской области», кандидат исторических наук
Нижегородская обл., г. Нижний Новгород; e-mail: kalmykov@kupnokreml.ru

В первый период Великой Отечественной войны на берегах великой русской реки Волги сформировалось два крупных центра танкостроения: в Горьком и Сталинграде, которые в самый ее тяжелый период снабжали фронт средними танками Т-34 и легкими Т-60 и Т-70. Так, за 1941–1942 гг. завод № 112 «Красное Сормово» в Горьком поставил фронту, соответственно, 161 и 2 718 танков Т-34, а Сталинградский тракторный завод (СТЗ) – 1 250 и 2 520 Т-34. Особенностью танкостроения в обоих волжских городах была организация выпуска боевых машин на непрофильных заводах, за исключением СТЗ, где производство Т-34 началось еще до войны. В настоящей статье сделана попытка раскрыть эту проблему на основе отечественной историографии.

***Ключевые слова**: историография; опыт; организация; производство; танк.*

Прошло 75 лет после победоносного завершения Великой Отечественной войны. Большой вклад в Победу над нацистской Германией внесла танкостроительная промышленность СССР, в том числе предприятия, расположенные на берегах реки Волги. Изучение историографии данной проблемы представляет интерес для изучения использования производственного потенциала Советского Союза в условиях войны.

В первый период Великой Отечественной войны на берегах великой русской реки сформировалось два крупных центра танкостроения: в городах Горьком и Сталинграде, которые в самый ее тяжелый период снабжали фронт средними танками Т-34 и легкими танками Т-60 и Т-70. Их вклад в Победу отражен в труде Н.И. Рыжкова. Так, за 1941–1942 гг. завод № 112 «Красное Сормово» в Горьком поставил фронту, соответственно, 161 и 2718 танков Т-34, а Сталинградский тракторный завод (СТЗ) – 1 250 и 2 520 Т-34 [1, с. 360].

Характерной особенностью танкостроения в обоих волжских городах была организация выпуска боевых машин на непрофильных заводах, за исключением СТЗ, где производство танков Т-34 началось до войны [2, с. 52–53]. Изучение историографии проблемы представляет интерес для анализа использования производственного потенциала Страны Советов в чрезвычайных условиях.

Производство Т-34 в Горьком было налажено на судостроительном заводе, строившем до войны подводные лодки [См.: 3; 4; 5].

Как отмечает А. Баженов, начало танкостроения в Сталинграде связано с проектированием и вводом в строй Сталинградского тракторного завода. Первоначальный американский проект СТЗ не предусматривал создания на нем танкового производства. Однако уже в ходе строительства по настоянию советских товарищей в проект были внесены существенные коррективы. А. Баженовым изложены аспекты развития танкостроения на СТЗ в 1929–1939 гг. [2, с. 52].

Предполагавшиеся объемы производства танков были просто потрясающими – 13 800 машин в год, что составляет половину всех танков, выпущенных советской промышленностью в предвоенный период. Для выполнения этой программы была санкционирована постройка в Сталинграде специального броневого завода.

Но освоение производства тракторов на СТЗ было довольно напряженным, постоянно возникали различные проблемы, предприятие лихорадило, поэтому начинать крупносерийное производство танков на заводе в сложившейся ситуации было невозможно [2, с. 52; 6, с. 64].

Краткая характеристика танкового потенциала СТЗ была дана И.В. Быстровой. Она считает, что СТЗ был одним из первых базовых предприятий для создания производственной базы для выпуска танков на

случай войны. До войны на СТЗ работал небольшой танковый цех, в котором было собрано в конце 1940 г. из готовых узлов всего 10 танков Т-26. В конце 1940 г. завод был перестроен на выпуск Т-34, которые он начал выпускать с января 1941 г. параллельно с выпуском тракторов и тягачей [7, с. 209].

В 1940-м Сталинградский тракторный завод должен был выпустить 20 танков, а в 1941 г. – 1 000 танков. К началу 1942 г. на СТЗ предполагалось создать производственные мощности с годовой программой выпуска 2 000 танков с учетом прекращения всех работ по подготовке серийного производства гусеничного танка СТ-35 [2, с. 53].

Седьмого июня 1940 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) № 976-368сс «О производстве танков Т-34 в 1940 году». В нем подчеркивалась особая важность оснащения Красной Армии танками Т-34, и определялось, что в 1940-м должны были быть изготовлены 600 танков Т-34, из которых доля СТЗ составляла 100 машин.

Постоянно растущие плановые задания предполагалось выполнять во многом благодаря применению конвейерной сборке Т-34 [2, с. 53].

Но и на ведущем Харьковском заводе № 183, и на СТЗ конвейерная сборка танков организовывалась впервые. Кроме того, впервые в практике танкостроения заводы осваивали секционную сборку и сварку узлов корпуса. Сварку предполагалось осуществлять в специальных кантователях, что позволяло перевести бронекорпусное производство с традиционного на поточно-массовое. Крайне медленно шло и изготовление специальной оснастки [2, с. 53].

Как отмечает М.В. Свирин, перед войной и в ее первые дни Т-34, вышедшие из СТЗ, почти ничем не отличались от своих «сестер» или «братьев», покинувших сборочные цеха Харьковского завода (ХПЗ) № 183. Это не вызывает удивления, ведь в то время сталинградцы только осваивали сборку танков, узлы и детали которых поступали с тех же предприятий-смежников, что и для харьковчан [8, с. 301].

Мы располагаем уникальным источником – воспоминаниями уполномоченного Государственного Комитета Обороны, военного инженера, генерал-лейтенанта А.А. Ветрова [9, с. 44–58]. Назначение уполномоченного ГКО на СТЗ, по его словам, было вызвано тем, что на конец июля 1941 г. производство основных танковых узлов, агрегатов и деталей здесь было еще не налажено. Не было определено, какой из заводов должен поставлять танковому производству в Сталинграде броневые корпуса и бронебашни [9, с. 45]. Аналогичная ситуация возникла и на заводе № 112 «Красное Сормово», о чем писал в своей монографии А.Ю. Ермолов [10, с. 88–89].

На самом предприятии не хватало квалифицированных электриков, слесарей-монтажников, оружейников. Из-за нерегулярного снабжения многими позициями комплектующего оборудования со стороны поставщиков, – писал А.А. Ветров, – цех сборки танков работал с перебоями [9, с. 47]. Однако, по его мнению, перегруженные многочисленными срочными и весьма срочными правительственными заданиями, руководители СТЗ, мягко выражаясь, не уделили должного внимания развертыванию танкового производства. А это привело к тому, что, приступив, наконец, к серийному выпуску весьма сложных и трудоемких тридцатьчетверок, руководство завода растерялось, не смогло сразу войти в нужный ритм [9, с. 48].

Показателен алгоритм действий уполномоченного ГКО в этих условиях. А.А. Ветровым были направлены телеграммы и шифровки в адрес директоров предприятий-смежников с требованием срочно, самолетами, отгрузить Сталинградскому тракторному заводу радио- и электрооборудование, кабель и аккумуляторы к танкам. Одновременно были написаны письма и телеграммы руководству ряда союзных наркоматов, а также заводов-смежников с просьбой как можно скорее выделить для СТЗ запланированное оборудование, металлы, инструменты и комплектующие изделия для танков. А.А. Ветров упоминает, что ему пришлось прибегнуть и к угрозам пожаловаться «куда следует», но все эти письменные и телефонные просьбы дали положительные результаты. На заводских складах СТЗ образовался определенный задел приборов танкового электрооборудования, вооружения и некоторых других материалов [9, с. 48–49].

Таким образом, мы видим пример решения производственных проблем в рамках административно-командной системы в условиях катастрофического начала войны.

А.А. Ветров показывает и внутренние проблемы становления танкового завода. Слабая обеспеченность деталями агрегатных цехов была следствием работы недавно созданного механического цеха, а также литейки, результатом нечеткого производственного планирования, слабой оперативности заводских снабженцев [9, с. 49]. Примечательно, что эти проблемы были характерны и для завода «Красное Сормово», об этом, например, писал А.С. Магид еще в 1972 г. [11 с. 51-57].

Можно сделать вывод, что даже на крупных передовых предприятиях (СТЗ, «Красное Сормово») уровень развития металлургии не вполне соответствовал требованиям военного производства для современной войны.

А.А. Ветров пишет о проблемах локализации производства броневых корпусов и башен на СТЗ, которые во многом напоминают ситуацию в Сормове [9, с. 50–51; 10, с. 89, 390–391; 12, с. 89–90]. Помощь предприятию оказал наркомат судостроительной промышленности СССР, выделив

специалистов, несколько электросварочных аппаратов и нужные к ним электроды [9, с. 51].

Примечательно, что А.А. Ветров был назначен и уполномоченным ГКО по Сталинградской судоверфи, где было налажено производство броневых корпусов и бронебашен Т-34 [9, с. 57].

К 1 октября 1941 г. СТЗ стал де-факто главным производителем Т-34, и выдаваемая ему суточная программа выпуска Т-34 программа выпуска танков выросла с 4 до 11 машин (в то время как суточная программа завода № 112 составляла не более двух танков). Но долго такое положение продолжаться не могло, – пишет М.В. Свирин. В октябре завод был практически предоставлен сам себе. Связи со многими смежниками нарушились. Правда, распоряжением по наркомату в октябре не были переданы пять сварочных аппаратов и 30 квалифицированных сварщиков, но погоды они, конечно, не делали. Проблемы кооперации завода «Красное Сормово» в период освоения выпуска Т-34 отражены в статье П.В. Пустырева [13].

Ввиду значительного увеличения суточной программы выпуска танков, а также перебазирования Мариупольского завода имени Ильича на Восток броневое производство для Т-34 на СТЗ было ориентировано на мощности завода № 264 (Сталинградская судоверфь в Сарепте) [8, с. 302]. К октябрю 1941 г. работа корпусного цеха на заводе № 264 улучшилась, а выпуск броневых корпусов и башен Т-34 увеличился [9, с. 57–58].

М.В. Свирин показал огромную работу, которую проделал коллектив судоверфи по развертыванию бронекорпусного производства [8, с. 303–305]. Важным достижением завода № 264 при поддержке НИИ-48 стало освоение процесса упрощенной термической обработки броневых деталей [8, с. 305].

Эвакуация Сталинградского тракторного завода в 1942 г. прошла исключительно неудачно, – считает А.Ю. Ермолов. Решение о ее начале запоздало, и завод продолжал выпускать танки вплоть до начала боев на его территории. Организованную эвакуацию произвести не удалось. Значительная часть рабочих погибла в боях за город-герой [10, с. 395].

Организация производства броневых корпусов Т-34 для завода № 112 показана в работе П.В. Пустырева [14].

Можно сделать вывод, что проблемы организации производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово» в начале Великой Отечественной войны [11, с. 41–42; 15, с. 26–30; 16, с. 56–57] во многом были похожи на сталинградские.

В первом периоде Великой Отечественной войны встала задача производства как можно большего количества танков в целях восполнения понесенных больших потерь. Поэтому основные усилия были направлены на усовершенствование довоенных образцов, не требовавших перестройки

всего производственного процесса. Осенью 1941 г. и весной 1942 г. создаются легкие танки Т-60 и Т-70, отличавшиеся дешевизной производства благодаря применению автомобильных агрегатов и простой конструкции [17, с. 17–18].

Оба волжских города стали центрами производства легких танков для Красной Армии.

Завод № 264 (судостроительная верфь в Сарепте) организовал выпуск легких танков Т-60 после эвакуации туда производства этих машин из Харькова в 1941 г. Во второй половине сентября на завод прибыли эвакуированные с Харьковского тракторного завода конструктора и технологи, которые еще в Харькове начали подготовку к выпуску Т-60 и потому имели лекала, штампы и выкройки некоторых узлов танка [8, с. 352–353].

Сталинградская судоверфь должна была стать одним из основных производителей танков Т-60. Силовые агрегаты должен был поставлять ГАЗ, пушки ШВАК – Ковровский завод № 2 и Тульский оружейный завод, стальные траки – СТЗ, а бронекорпуса и башни завод № 264 должен был изготовлять самостоятельно [2, с. 53].

Казалось, что проблем с выпуском Т-60 здесь не будет, но поскольку трансмиссии должен был подавать СТЗ, предельно загруженный программой выпуска Т-34, организовать здесь удалось только со второй декады декабря 1941 г. Завод буквально задыхался от нехватки времени и резервов. Осваивая новое для себя производство, завод № 264 должен был увеличить выпуск продукции с октября по декабрь с 50 до 200 штук.

Эти объемы были нереальными даже в мирное время. В первые же месяцы войны завод ощущал нужду буквально во всем – в кадрах, оборудовании, сырье. Наблюдались постоянные срывы выполнения плана. Пытаясь хоть как-то угнаться за все время увеличивающимся заданием, руководство завода пошло на снижение качественных показателей выпускаемой продукции и на упрощение ее конструкции [2, с. 53].

Проблемы завода № 264 очень напоминали ситуацию на СТЗ. М.В. Коломиец цитирует доклад старшего военпреда Морозова о выполнении плана января 1942 г. В нем отмечалась плохая подача корпусов заводом «Красный Октябрь», причем корпуса поступали неукомплектованными, с целым рядом недоделок, которые пришлось доделывать заводу № 264.

Не выполнял свои обязательства и СТЗ: например, за январь месяц должно было быть поставлено 450 комплектов радиаторов и бензобаков, а фактически подано радиаторов 102 шт., а бензобаков на 100 машин [18, с. 32].

До начала 1942 г. завод № 264 сдал заказчику 53 танка, и лишь в январе вышел на запланированную программу (100 танков в месяц) [8, с. 353]. В

июне 1942 г. завод перевыполнил план, сдав 311 танков Т-60 при плане 300, при этом имелись большие проблемы с поставками радиаторов и траков Сталинградским тракторным заводом.

В июле 1942 г. выпуск танков Т-60 тормозился из-за несвоевременной поставки двигателей с Горьковского автозавода, при этом часть моторов поступала без стартеров и генераторов, а часть имела трещины в блоке цилиндров. Кроме того, практически отсутствовали обрезиненные опорные катки, что вызывало задержку в сборке машин на три дня.

В июле 1942 г. после сдачи 51 машины, производство танков на заводе № 264 было прекращено. При этом из-за задержки с поставкой двигателей с ГАЗа последний танк был окончательно готов только 26 июля [18, с. 36–37].

Всего же по июнь 1942 г. здесь было отгружено 830 танков Т-60. По данным А.Ю. Ермолова, на заводе № 264 в 1941 г. было изготовлено 45 танков, а в 1942 г. – 1 141 танк [10, с. 397].

Вклад Горьковского автозавода в производство танков Т-60 изложен в труде А.А. Гордина [19, с. 128–129; см. также: 15, с. 71–72, 80–84].

Производство легких танков Т-60 и Т-70 в 1941–1943 гг. было целесообразным и объяснялось рядом обстоятельств, изложенных в труде «Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны» [20].

Массовое производство легких танков в первый период войны трактуется как способ уменьшить временное превосходство противника в бронетанковой технике путем использования легких боевых машин, широко используя для этого автомобильную промышленность, т.е. не в ущерб развертыванию производства танков основных типов, что и было осуществлено.

С точки зрения оперативно-тактической целесообразности производство отечественных танков в первый период войны оправдывалось также наличием в это время в немецкой армии большого количества легких танков и других машин с противопульной броней [20, с. 22–23].

Таким образом, танкостроительные предприятия, расположенные в волжских городах – Горьком и Сталинграде – внесли огромный вклад в отражение агрессии гитлеровской Германии в самый трудный период Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Рыжков Н.И. Великая Отечественная: битва экономик и оружие Победы. – М.: ИД «Экономическая газета», 2011. – 448 с.

2. Баженов А. Броня Сталинграда // Родина. – 2013. – № 1. – С. 52–55.

3. Подрепный Е.И. Выполняя решение Государственного Комитета Обороны // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 5. – С. 56–58.

4. Подрепный Е.И., Пустырев П.В. Проблемы организации выпуска танков Т-34 на заводе № 112 в первом периоде Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1942 годы) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2020. – № 1. – С. 68–71.

5. Подрепный Е.И., Пустырев П.В. Становление Горьковского танкостроительного комплекса в 1941–1942 гг. // Клио: ежемесячный журнал для ученых. – 2020. – № 2 (158). – С. 116–123.

6. Мельников Н.Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. – М.: Яуза-Каталог, 2019. – 736 с.

7. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / Рос. Акад. наук., Ин-т рос. истории. – М.: [ИРИ РАН], 2006. – 704 с.

8. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 448 с.

9. Ветров А.А. Так и было. – М.: Воениздат, 1982. – 159 с.

10. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.

11. Магид А.С. Корабелы делают танки. – М.: Знание, 1972. – 128 с.

12. Пустырев П.В. Проблема трещинообразования при изготовлении корпусов танка Т-34 на заводе № 112 – взгляд военной приёмки // Современные научные исследования: тенденции и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (28 февраля 2020 г.) / Под общ. ред. Е.А. Назарова. – Казань: ООО ПК «Астор и Я», ЧУДПО «НИОЦ», 2020. – С. 88–93.

13. Пустырев П.В. Внешняя кооперация завода «Красное Сормово» в период освоения производства танка Т-34 в 1941 г. // Colloquium-journal. – 2019. – № 24-6 (48). – С. 49–50.

14. Пустырев П.В. Организация производства бронекорпусов танков Т-34 на заводе № 112 «Красное Сормово» в 1942–1945 гг. // Science of Europe. – 2020. – № 49 (49). Vol. 3. – С. 32–34.

15. Вдовин М.Н., Горева А.М. Нижний Новгород – город трудовой доблести. К 75-летию Великой Победы и в память о 80-летии начала Великой Отечественной войны. – Н. Новгород: Кварц, 2020. – 344 с.

16. Сорокин А. «Переходить на выпуск танков…» // Родина. – 2014. – № 2. – С. 56–59.

17. Алексеев П.Д., Португальский Р.М., Рунов В.А. История военного искусства. (Развитие тактики стрелковых подразделений Советской Армии в годы Великой Отечественной войны). – М.: Воениздат, 1993. – 414 с.

18. Коломиец М.В. Танки-«смертники» Великой Отечественной. – М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. – 160 с.

19. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород: Кварц, 2012. – 320 с.

20. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны /под ред. О.А. Лосика. – М.: Воениздат, 1979. – 414 с.

ЛЕГКИЕ ТАНКИ Т-60, Т-70 В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ

Дмитрий Петрович Капьятец
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университета им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, соискатель ученой степени кандидата исторических наук (кафедра истории и политики России)
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: kapyatets@yandex.ru

История Великой Отечественной войн в настоящее время является одной из наиболее актуальных тем для отечественной исторической науки. Важным представляется изучение истории отечественного оружия, в том числе легких советских танков военного времени, поскольку Горьковская область была одним из центров советского танкостроения в 1941–1945 гг. Горьковский автомобильный завод в годы войны производил легкие танки и самоходки, в которых широко применялись автомобильные агрегаты. Производственная база ГАЗ благоприятствовала развертыванию на нем производства легких танков. Но само решение о частичном перепрофилировании завода является спорным. В статье сделана попытка раскрыть основные достижения историографии применения легких танков Т-60 и Т-70 на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: *боевые действия; опыт; применение; танк.*

Великая Отечественная война – не просто страницы в учебниках, а важная часть не только нашей общей, но и семейной истории, – отмечает президент РФ В.В. Путин [1, с. 2]. Важным в ней представляется изучение истории отечественного оружия, в том числе легких советских танков военного времени, поскольку Горьковская область была одним из центров советского танкостроения в 1941–1945 гг. [2, с. 6]. Например, Горьковский автомобильный завод в годы войны производил легкие танки и самоходки, в которых широко применялись автомобильные агрегаты. Производственная база ГАЗ благоприятствовала развертыванию на нем производства легких танков. Но само решение о частичном перепрофилировании завода было наиболее спорным из всех. Ведь Красная Армия испытывала большие проблемы, связанные с нехваткой автомобильного транспорта. Стоило ли в этих условиях производить вместо автомашин второстепенные по своему значению легкие танки? [3, с. 113]. В этих условиях представляется актуальным и полезным историографический анализ применения легких танков Т-60 и Т-70 на фронтах Великой Отечественной войны.

Официальная советская историография считала, что в условиях, когда буквально каждый танк был на счету, определенное значение имело увеличение производства легких танков Т-40 и их последующей модификации – танков Т-60. Выпуск легких танков составлял в этот период значительный процент от общего выпуска танков нашей промышленностью. Несмотря на относительно невысокие боевые показатели легких танков по

комплексу «огневая мощь – броневая защита», они сыграли важную роль в боевых действиях советских войск против гитлеровских захватчиков, – утверждает труд под редакцией маршала бронетанковых войск О.А. Лосика [4, с. 15]. О том же пишут другие исследователи [5, с. 51–52], в том числе авторы «Истории военного искусства», изданной в 1993 г. [6, с. 17–18].

Изучение данных трудов позволяет лучше понять место легких танков Т-60 и Т-70 в системе вооружения и организации бронетанковых и механизированных войск Красной Армии в 1941–1943 гг. Так, в учебном пособии В.Н. Шевченко дана организация танковой бригады по штату от 30 августа 1941 г. Из 61 танка (КВ, Т-34, Т-40 или Т-60) легкие танки составляли 32 единиц, т.е. половину парка бригады [7, с. 83].

С 15 июля 1941 г. по апрель 1942 г. было создано вновь, а также за счет расформированных соединений 234 танковых бригады и 75 отдельных танковых батальонов. В отдельных танковых батальонах на вооружении состояло по 29 и 36 танков, из них 20 легких Т-40 – Т-60 [5, с. 64–65].

В учебном пособии, изданном Академией бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского к концу 1942 г., отмечается, что легкие танки Т-60 и Т-70 составляли 60% всего танкового парка Красной Армии. «Имея слабое вооружение и броневую защиту, они были малоэффективными» [8, с. 9].

В пособии С.В. Колокольцева, посвященном Сталинградской битве, приводится боевой и численный состав 5-й танковой армии в ноябре 1942 г. Всего в армии имелось 379 танков, из них КВ – 70, Т-34 – 162, Т-70 – 113 и Т-60 – 54 (около 50%) [9, с. 11]. 26-й танковый корпус имел 161 танк, в том числе: КВ – 24, Т-34 – 68 и Т-70 – 69, т.е. удельный вес легких и средних танков был равным [9, с. 12].

Ведомственные публикации показывают сокращение удельного веса легких танков в механизированных и танковых корпусах накануне Курской битвы. Так, в 6-м танковом корпусе накануне сражения имелось 197 танков, из них легких – 42; в 3-м танковом корпусе из 231 танка легких было 36 [10, с. 21].

В 1943 г. была пересмотрена организация танковой бригады, легкие танки в ней были исключены [5, с. 67].

Рассекречивание архивных документов после распада СССР позволило расширить поле исследования проблемы. Многие положения советской историографии при этом остались в силе. Это видно на примере монографии М.Ю. Мягкова [11, с. 55], а также книги немецкого автора Романа Тёппеля [12, с. 71].

М.В. Свирин сделал попытку рассмотреть проблему легких танков на фоне развития событий на советско-германском фронте в 1941–1942 гг. Он

показал связь положения с легкими танками в СССР с положением на фронтах. Эвакуация промышленности поломала все первоначальные планы производства машин. Т-40 и Т-50 на заводах № 37 и № 174. М.В. Свирин раскрыл проблемы организации выпуска легких танков Т-50, которые были для своего времени довольно удачными [13, с. 282–283]. В его труде описана версия разработки танка Т-60 в условиях начавшейся войны. Начало работ над Т-60 им датируется июлем 1941 г.

Автором дается версия истории с письмом конструктора Н.А. Астрова И.В. Сталину о невозможности выпуска танка Т-50 на заводе № 37 в условиях военного времени и возможности быстрого освоения на тех же площадях нового танка «030», который мог выпускаться в значительно больших количествах, чем танк Т-40. Уже утром следующего дня на завод приехал В.А. Малышев, которому было получено заниматься новой машиной. Нарком одобрил танк и внес ряд поправок в идеи конструкторов. На следующий день вышло постановление Государственного Комитета Обороны СССР о срочной организации его массового выпуска в 1941 г. в количестве 10 000 единиц. Для производства предполагалось задействовать пять заводов Наркомата среднего машиностроения (НКСМ) и Наркомата танковой промышленности (НКТП), включая Горьковский автозавод (ГАЗ). [13, с. 285–287].

Героическими усилиями полуголодных тружеников тыла росло количество танков в действующей армии. Если на 1 декабря 1941 г. на фронте было не более 1 730 исправных танков всех типов, то к 1 мая 1942 г. их стало уже 4 065. Оказалось возможным приступить к формированию танковых корпусов.

В конце марта 1942 г. формируются первые четыре танковых корпуса, в состав которых вошли по две танковые и по одной мотострелковой бригаде. Согласно штату, корпус должен был иметь 5 603 чел., 20 танков КВ, 40 средних Т-34, 40 легких танков Т-70 (или Т-60), артиллерийский и зенитный дивизионы (в составе мотострелковой бригады), а также ряд подразделений обеспечения. Никаких артиллерийских, ремонтных или инженерных частей корпусного подчинения предусмотрено не было. Вскоре после появления новые формирования были испытаны в бою [13, с. 318].

Опыт боевого применения танковых корпусов весной 1942 г. под Харьковом показал, что новые соединения не обладали необходимой оперативно-тактической самостоятельностью при ведении боевых действий, поэтому уже летом их штат был скорректирован. В июле в состав танковых корпусов были включены отдельный артиллерийский дивизион гвардейских минометов, разведывательная рота, две подвижных ремонтные базы, а также рота подвоза ГСМ корпусного подчинения. В сентябре число танков

в корпусе было увеличено с 100 до 168, за счет дополнения третьей танковой бригады и резерва [13, с. 325].

Осенью 1941 г. танки Т-60 оставались чуть ли не единственным типом танка, что выпускался на предприятиях НКТП в более или менее достаточных количествах, несмотря на то, что завод № 37 из подмосковного Черкизова в октябре отбыл в Свердловск, на территорию вагоноремонтного завода имени Воеводина. Здесь был образован новый танковый завод № 37, и 1 января 1942 г. первые 20 танков Т-60Ш, собранные из привезенных деталей, прошли по улицам Свердловска и отбыли на фронт.

За первый квартал 1942 г. здесь было выпущено свыше 500 танков, а всего за 1942 г. – 1 639 машин [13, с. 351–352].

Коломенский паровозостроительный завод (КПЗ) в сентябре 1941 г. приступил к выпуску бронекорпусов и башен для Т-60. В октябре 1941 г. завод № 38 эвакуировался в Киров, на территорию завода Имени 1 мая, где начало свою деятельность не только бронекорпусное, но уже и танковое производство. Первые пять Т-60 были сданы в Кирове уже в январе 1942 г., за первый квартал 1942 г. уже изготовили 241 машину, а по июль – 535 [13, с. 352].

Сталинградская «Судоверфь» (завод № 264), помимо выпуска бронекорпусов для Сталинградского тракторного завода (СТЗ), должна была стать одним из основных производителей танка Т-60. Силовые агрегаты должен был поставлять ГАЗ, пушки ШВАК – ковровский оружейный завод № 2 и тульский оружейный завод № 535, стальные траки – СТЗ, а бронекорпуса и башни завод № 264 должен был изготовлять самостоятельно.

Казалось, что проблем с выпуском Т-60 здесь не будет, но поскольку трансмиссии должен был подавать СТЗ, предельно загруженный программой выпуска Т-34, организовать здесь удалось только со второй декады декабря 1941 г. Завод буквально задыхался от нехватки времени и резервов. Осваивая новое для себя производство, завод № 264 должен был увеличить выпуск продукции с октября по декабрь с 50 до 200 штук.

Эти объемы были нереальными даже в мирное время. В первые же месяцы войны завод ощущал нужду буквально во всем – в кадрах, оборудовании, сырье. Наблюдались постоянные срывы выполнения плана. Пытаясь хоть как-то угнаться за все время увеличивавшимся заданием, руководство завода пошло на снижение качественных показателей выпускаемой продукции и на упрощение ее конструкции [14, с. 53].

В ноябре 1941 г. заводом № 264 было выпущено 164 комплекта корпусов и башен, а в декабре уже 223.

С марта 1942 г. СТЗ и завод № 264 непрерывно увеличивали темпы производства и достигли наибольшего выпуска продукции в мае. Однако к этому времени стало ясно, что легкие танки Т-60 не соответствуют усло-

виям войны. В связи с этим постановлением ГКО в июле 1942 г. выпуск Т-60 прекращался, а все оборудование демонтировалось и отправлялось в Барнаул на только что построенный завод № 77. Сталинградские предприятия концентрировались на выпуске Т-34 [14, с. 53].

Двадцатого июля 1941 г. вышло постановление ГКО о налаживании производства Т-60 на Горьковском автозаводе [15, с. 110]. Шестого сентября 1941 г. было налажено производство легких танков Т-60, а в октябре налажен их регулярный выпуск. Впервые в практике отечественного танкостроения была введена конвейерная сборка танков [15, с. 112].

С сентября по декабрь 1941 г. Горьковским автозаводом было выпущено 1 323 танка Т-60 (что составляло около 30% всех произведенных танков в СССР за период с июля по декабрь 1941 г.). Всего было выпущено 3 007 единиц горьковских Т-60 [15, с. 115].

Боевое применение танков Т-60 наиболее подробно изложено в труде М.В. Коломийца, посвященном истории легких танков военного времени. В боях под Москвой легкие танки составили до трети всех танков Красной Армии. Опыт боев на московском направлении показал, что использование легких танков Т-30 и Т-60 в лобовых атаках в одном строю с тяжелыми и средними машинами приводило к большим потерям [16, с. 105].

Весной 1942 г. в Красную Армию стали поступать новые легкие танки Т-70 [13, с. 355–357; 16, с. 45–57]. Первыми соединениями, вооруженными только легкими танками Т-70, стали две отдельные танковые бригады – 157-я и 162-я, сформированные в первой половине 1942 г. в Муроме [16, с. 107].

Впервые танки Т-70 пошли в бой в ходе оборонительных боев Красной Армии на Юго-Западном направлении в июне–июле 1942 г. [16, с. 107–109].

Боевые действия на Брянском, Юго-Западном, Южном, Воронежском, Сталинградском и Юго-Восточном фронтах в июле–августе 1942 г. стали пиком боевой карьеры советских легких танков Т-60 и Т-70. Во многих частях, соединениях и объединениях число этих машин составляло 35–40% общей численности, а иногда и больше [16, с. 109].

Летняя кампания 1942 г. еще раз ярко показала, что легкие танки Т-60 имеют низкие боевые качества и не пригодны для ведения лобовых атак. Не намного лучше оценивались танкистами и новые легкие танки Т-70. Оказалось, что они также с трудом могут бороться с немецкой бронетехникой, а слабая броневая защита не позволяет эффективно их использовать для поддержки пехоты [16, с. 110].

Летние бои 1942 г. следует считать финальными для танков Т-30 и Т-60. В этих сражениях большое количество этих машин было потеряно, а выпуск их прекратили в июле. Оставшиеся «шестидесятки» применялись в

качестве учебных машин, а также для разведывательных действий. Удачное использование танков Т-60 и Т-70 в разведке признавалось многими командирами [16, с. 118].

Предложения об использовании легких танков для разведки озвучивались и в 1943 г. Например, 25 сентября 1943 г. генерал-лейтенант танковых войск Богданов докладывал в ГБУ Красной армии, что танк Т-70 ввиду своей высокой подвижности как нельзя лучше соответствует задаче преследования отступающего противника.

В отличие от Т-34 и КВ, – писал Богданов, – танк указанного типа обладает малой шумностью (звук танка не превышает звука автомобиля) даже в движении на самых высоких оборотах, что вкупе с малыми размерами самого танка позволяет подразделениям на Т-70 подобраться практически вплотную к противнику, не вызывая у него преждевременной паники.

Если немецкие артиллеристы могут вести огонь по танку Т-34 с расстояния 800–1 200 м, – считал автор, – то малые размеры Т-70 на местности снижают эту дистанцию до 500–600 м. Малый вес танка облегчает его транспортирование как к линии фронта, так и во время эвакуации подбитых танков в тыл. Танки Т-70 проще в освоении и управлении малоподготовленными водителями, подлежат ремонту в полевых условиях.

Все имеющиеся случаи больших потерь подразделений Т-70, продолжал Богданов, – объясняются большей частью неграмотным использованием, но не конструктивными недостатками самого танка. «Считаю решение о прекращении производства танка Т-70 преждевременным. Выпуск танка следует сохранить, усилив его вооружение» [16, с. 119].

Пиком карьеры для Т-70 следует считать битву на Курской дуге. В ходе этого грандиозного сражения стало окончательно ясно, что эффективность легких танков в открытом бою близка к нулю. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что Т-70, как правило, старались использовать во вторых эшелонах атакующего боевого порядка, а также меньшими (по сравнению с другими танками) габаритными размерами [16, с. 142–143].

В ходе знаменитого Прохоровского сражения танки Т-70 (Т-60 в этих боях не участвовали) составляли до 50% участвовавших в бою машин [16, с. 144]. Командующий 5-й гвардейской танковой армией П.В. Ротмистров сообщал письмом на имя Г.К. Жукова, что танки Т-70 просто нельзя стало допускать к танковому бою, т.к. они более чем легко уничтожаются огнем немецких танков [16, с. 146].

Примером использования легких танков на отдельном участке фронта в 1942–1944 гг. можно считать бои за Крым. Первого февраля 1942 г. в Камыш-Буруне выгрузились 25 танков Т-60 [17, с. 229]. К началу первого наступления Крымского фронта в его бронетанковых соединениях насчитывались 47 танков Т-60 (всего было 29 КВ, 19 Т-34, 59 Т-26) [17, с. 238].

Из 17 потерянных машин семь вышло из строя по техническим причинам, семь подорваны на минах, один сгорел по техническим причинам, подбито немецкой артиллерией – всего два [18, с. 133].

В отчете 40-й танковой бригады говорилось, что Т-60 по пахоте не мог двигаться совсем; машины были без оптики, меткость огня танков была мала. Делался вывод, что на открытом Крымском театре танк Т-60 совершенно непригоден, т.к. несет большие потери, являясь хорошей мишенью для ПТО противника [17, с. 258].

В период освобождения Крыма, в марте 1944 г. первым на Сивашский плацдарм был переправлен легкий танк Т-70 [17, с. 732]. К 8 мая 1944 г. в составе 19-го танкового корпуса имелось 9 танков Т-70 [17, с. 794].

С весны 1944 г. танки Т-70 постепенно стали изымать из боевых частей, переводя их в учебные. Единственные подразделения, в которых они использовались довольно долго – это части самоходной артиллерии и полки кавалерийских дивизий.

К концу Великой Отечественной войны количество Т-70 в войсках было очень невелико. Например, по состоянию на 10 мая 1945 г. танковые части 2-го Украинского фронта насчитывали 381 танк и САУ, из этого количества Т-70 было только 9 штук [16, с. 150].

Небольшое количество танков Т-70 использовалось в Войске Польском (53 машины) и Чехословацком корпусе (10 штук), куда они были переданы из частей Красной Армии [16, с. 150].

Всего за время войны было изготовлено 15 000 легких танков Т-30, Т-60 и Т-70, которые сыграли неоценимую роль в самый трудный период Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Владимир Путин: нет испытания сложнее, чем война // Союзное Вече. – 2020. – 3 ноября. – С. 2–3.

2. Вдовин М.Н., Горева А.М. Нижний Новгород – город трудовой доблести. К 75-летию Великой Победы и в память со дня начала Великой Отечественной войны. – Н. Новгород: Кварц, 2020. – 344 с.

3. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.

4. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны /под ред. О.А. Лосика. – М.: Воениздат, 1979. – 414 с.

5. Советские танковые войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Сборник материалов военно-научной конференции, посвященной 30-летию Победы над фашистской Германией) /отв. ред. О.А. Лосик. – М.: Военная ордена Ленина академия бронетанковых войск имени Маршала Советского Союза Малиновского Р.Я., 1975. – 124 с.

6. Алексеев П.Д., Португальский Р.М., Рунов В.А. История военного искусства. (Развитие тактики стрелковых подразделений Советской Армии в годы Великой Отечественной войны). – М.: Воениздат, 1993. – 414 с.

7. Боевые действия советских войск в битве под Москвой / Под ред. И.Е. Крупченко. – М.: Изд-во МО СССР, 1982. – 95 с.

8. Тактика оборонительного боя в Великой Отечественной войне. Применение танковых войск Часть I. – М: Изд-во МО СССР, 1991. – 62 с.

9. Колокольцев С.В. Боевые действия танковых и механизированных корпусов Юго-Западного и Сталинградского фронтов в контрнаступлении под Сталинградом (19–30 ноября 1942 года). – М.: Изд-во МО СССР, 1976. – 104 с.

10. Цынкалов А.Ф. Боевые действия 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов в оборонительной операции 1-й танковой армии в битве под Курском (5–11 июля 1943 г.). – М.: Изд-во МО СССР, 1979. – 81 с.

11. Мягков М.Ю. 1942 год. От «Кремля» до «Марса». – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 304 с.

12. Тёппель, Р. Курск 1943: Величайшая битва Второй мировой войны / Р. Тёппель. – М.: Вече, 2018. – 288с.

13. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937–1943. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 448 с.

14. Баженов А. Броня Сталинграда // Родина. – 2013. – № 1. – С. 52–55.

15. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород: Кварц, 2012. – 320 с.

16. Коломиец М.В. Танки-«смертники» Великой Отечественной. – М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. – 160 с.

17. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. – М.: Эксмо: Яуза, 2016. – 896 с.

18. Неменко А.В. Огненный шторм над Севастополем. Военная техника и вооружения в битве за Крым. 1941–1942. – М.: Центрполиграф, 2019. – 255 с.

ПРОИЗВОДСТВО ЛЕГКИХ ТАНКОВ Т-70 НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДОКУМЕНТАМ НИЖЕГОРОДСКИХ АРХИВОВ)

Дмитрий Петрович Капьятец

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университета им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, соискатель ученой степени кандидата исторических наук (кафедра истории и политики России)

Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород

E-mail: kapyatets@yandex.ru

В 2020 г. исполнилось 75 лет Великой Победы над гитлеровской Германией и 100 лет истории русского танка. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. нижегородские танкостроители внесли достойный вклад в оснащение Красной Армии бронетанковой техникой. Среди этих машин особое место занимает легкий танк Т-70, разработанный конструкторами Горьковского автомобильного завода (ГАЗ) во главе с Н.А. Астровым, выпущенный в нескольких тысячах экземпляров на ряде предприятий. Танки Т-70 принимали активное участие в боях под Сталинградом, в битве на Курской дуге. Однако история этой массовой боевой машины до сих пор изучена поверхностно. В настоящей статье сделана попытка раскрыть возможности нижегородских архивов для дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; изучение; историография; источник; производство; легкий танк.*

В 2020 г. исполнилось 100 лет истории русского танка. В развитие отечественного танкостроения достойный вклад внесла промышленность Нижегородской (Горьковской) области, которая выпускала в 1941–1945 гг. танки Т-34, Т-60 и Т-70. Среди этих машин легкий танк Т-70 занимает особое место, поскольку он разрабатывался конструкторами Горьковского автомобильного завода (ГАЗ) во главе с Н.А. Астровым [1, с. 355–357].

Танк Т-70 пришел на смену легкому танку военного времени Т-60, отличался от него большей массой (около 10 тонн) и вооружением (45-мм пушка и спаренный с ней пулемет). Экипаж танка состоял из двух человек. По сравнению с Т-60 танк Т-70 имел более мощное вооружение броневую защиту [2, с. 21–22]. В Горьком за 1942–1943 гг. было выпущено 6 847 танков данного типа (в 1942 г. – 3499, в 1943-м – 3348 Т-70) [3, с. 158].

История производства данной боевой машины до сих пор изучена лишь поверхностно. В советскую эпоху сведения об этом танке в краеведческой литературе были минимальными. Например, в официальном труде по истории Горьковского автомобильного завода [4] танк Т-70 не упоминается совсем, хотя в нем имеется фотография его испытаний в Горьком.

Ту же картину мы видим и в словаре-справочнике, изданном в 1990 г. [5, с. 56]. Исключением стал сборник, вышедший в 1976 г., в котором были опубликованы отрывки воспоминаний бывшего директора Горьковского автомобильного завода И.К. Лоскутова. Автор ограничился сообщением о том, что наши конструкторы разработали более мощную модель танка, на которую установили сдвоенный двигатель, состоявший из двух девяносто сильных моторов. И.К. Лоскутов пишет, что новый танк осмотрел лично И.В. Сталин, которому новая машина понравилась, и он рекомендовал поставить ее как можно скорее на производство.

Из воспоминаний директора следует, что технология изготовления Т-70 и подготовка их производства были выполнены очень быстро. И скоро фронт стал получать от автозаводцев мощные и прочные боевые машины. За это группа специалистов автозавода была удостоена Государственных [Сталинских – ***Авт.***] премий [6, с. 93].

За 1990–2000-е гг., несмотря на «архивную революцию», ситуация кардинально не изменилась. Более подробная картина выпуска Т-70 на ГАЗ дана в монографиях М.Н. Вдовина, А.М. Горевой [7, с. 66–73; 8, с. 78–86], А.А. Гордина [3, с. 128–130]. Эти сведения были дополнены в публикациях Н.В. Быковой, А.В. Крикунова, И.А. Солнышкина [9], Н.В. Быковой, О.В. Левиной [10] и А.П. Горынцева [11]. В данных статьях рассказывается о выпуске на заводе Дробильно-размольного оборудования в г. Выксе Горьковской области (завод № 177 Наркомата танковой промышленности СССР – ***Авт.***) корпусов легких танков Т-60 и Т-70.

В монографии А.Ю. Ермолова вопросу производства легкого танка Т-70 на заводах СССР отведено всего несколько абзацев. Автор ограничился повторением ряда сведений из трудов М.В. Свирина о разработке новой машины, но при этом ввел в научный оборот ряд документов фонда 644 Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) [12, с. 175–176]. Основное внимание А.Ю. Ермолов уделил деятельности танковых заводов № 37 и № 38, а не Горьковскому автомобильному. Автор подчеркивает, что Т-70 по своим характеристикам приблизился к легким танкам 1930-х гг. Т-26 и БТ, за исключением более низкой стоимости и отсутствия третьего члена экипажа. Последнее значительно снижало эффективность Т-70 – ведь один человек должен был совмещать обязанности наводчика, заряжающего и командира [12, с. 175].

А.Ю. Ермолов приводит краткую характеристику всех предприятий, выпускавших легкие танки Т-60 и Т-70, включая ГАЗ [12, с. 395–397].

Наиболее информативной по истории Т-70 является работа М.В. Коломийца, посвященная легким танкам Великой Отечественной войны Т-30, Т-60 и Т-70 [13]. Автор излагает краткую историю создания машины на Горьковском автозаводе, уделяя особое внимание разработке спаренного двигателя ГАЗ-202. М.В. Коломиец неоднократно цитирует документы комиссара Главного бронетанкового управления Красной Армии армейского комиссара 2-го ранга Н. Бирюкова, в частности, его записи от 16 декабря 1941 г. [13, с. 46], от 12 февраля 1942 г. [13, с. 47]. В работе цитируется также доклад старшего военпреда на ГАЗе военного инженера 2-го ранга Окунева [13, с. 47]. М.В. Коломиец исследовал ход работы над новым танком на основании акта приемной комиссии (февраль 1942 г.) [13, с. 48].

Из работы видно, что к изготовлению танка Т-70 привлекались заводы наркома танковой промышленности № 176, 177, 178 и № 180. Таким образом, большинство заводов не только находились на территории Горьковской области, но и выполняли наибольший объем работы по выпуску комплектующих для танка Т-70 [13, с. 53]. Более 80% этих боевых машин были собраны в Горьком [13, с. 55]. В работе показаны большие трудности, которые испытывал ГАЗ при выпуске новых танков [13, с. 55–56].

Часть документов и материалов по проблеме содержится в сборниках и иных изданиях краеведческого плана.

В сборнике документов, подготовленном нижегородскими архивистами в 1995 г. [14], приведены повестки дня заседаний Горьковского городского комитета обороны (ГГКО) за период с 24 октября 1941 г. по 9 ноября 1943 г. В данном сборнике лишь в одном случае упоминается решение ГГКО об обеспечении брезентом выпуска танков Т-70 в мае 1943 г. на автозаводе им. В.М. Молотова [14, с. 308].

Своего рода справочником по хронологии освоения серийного выпуска танка Т-70 (и не только его) является энциклопедический справочник «Горьковский автомобильный завод. 1929–2006. Люди. События. Факты» [15]. Первое упоминание о танке в нем – постановление ГКО от 6 марта 1942 г. об организации на Горьковском автозаводе серийного производства танков Т-70 [15, с. 61].

Двадцать четвертого марта 1942 г. главный инженер ГАЗа докладывал на парткоме завода о ходе подготовки к выпуску машин Т-70 [15, с. 62]. В апреле был издан ряд приказов по заводу, касающихся выпуска этих танков:

– 14 апреля – об организации в МСЦ-4 (механосборочный цех – ***Авт.***) мастерской по изготовлению сырой резины и обрезинке катков для танков Т-70 [15, с. 63];

– 17 апреля – о премировании коллектива РСЦ за сооружение тира для испытаний танков Т-70 [15, с. 63];

– 22 апреля – об установлении темпа сборки танков Т-70 по 10 машин в день [15, с. 63].

Семнадцатого июня 1942 г. директор премировал большую группу работников за выполнение майской программы по выпуску танков Т-70, боеприпасов и вооружения [15, с. 67].

Двадцать восьмого августа 1942 г. на парткоме завода был рассмотрен вопрос о причинах срыва графика сборки и сдачи танков Т-70 за первую декаду августа и о мероприятиях по ликвидации отставания [15, с. 71].

Тридцать первого октября 1942 г. последовал экстренный приказ об оснащении сборочного цеха № 5, направленный на увеличение выпуска танков Т-70 [15, с. 75].

Наконец, упоминается постановление ГКО о производстве на автозаводе самоходно-артиллерийских установок с 76-мм пушками (СУ-76) с прекращением производства танков Т-70 с 1 ноября 1943 г. [15, с. 84].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что источниковая база по проблеме использована далеко не в полной мере. Так, в фонде Р-2435 Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО), опись 8, дело 41 содержится ряд приказов по Горьковскому автозаводу за 1942–1943 гг.

В отчете по основной деятельности Горьковского автозавода им. Молотова за 1942 г. приводится годовой заказ Наркомата среднего машиностроения по танкам Т-70 – 3 400 штук [16, д. 37, л. 22].

Восьмого мая 1942 г. директор И.К. Лоскутов издал приказ № 67, касающийся выпуска танковых моторов, в котором ставилась задача моторным цехам на май месяц 1942-го, в том числе по моторам 203 для танков Т-70. Дневной выпуск был задан в 17 изделий. Сто двадцать моторов в мае 1942 г. следовало отгрузить заводу № 38 [16, д. 41, л. 188].

Приказ директора № 72 от 10 мая 1942 г. требовал немедленно организовать производство траков на ГАЗе на полную программу выпуска танков Т-70 [16, д. 41, л. 195].

В фонде Р-2435 ЦАНО имеются приказы наркома среднего машиностроения (НКСМ) С.А. Акопова. Так, приказ № 8сс от 8 января 1943 г. ставил задачу организовать на предприятии в соответствии с постановлением ГКО № 2693сс от 14 января 1943 г. выпуск в первом квартале 1943 г. 1 750 танков Т-70: в январе и феврале по 550 штук, в марте – 650 танков. В апреле 1943-го ГАЗ должен был выйти на уровень производства 700 танков в месяц [16, д. 67, л. 5].

Приказ наркома № 47сс от 2 февраля 1943 г. требовал обеспечить отгрузку маршевым ротам до 5 февраля 140 танков Т-70, причем равными сериями [16, д. 67, л. 13].

Первого апреля 1943 г. вышел приказ С.А. Акопова № 133-с «Об улучшении качества танков, выпускаемых на Автозаводе имени Молотова» [16, д. 67, л. 47–48 об.]. В частности, в нем отмечалось, что «во время длительных маршей, проведенных за последнее время танковыми соединениями Красной Армии, большое количество танков не доходило до места назначения.

Это явилось результатом неудовлетворительного состояния технологической дисциплины, недоброкачественной сборки и монтажа машин на танковых заводах. Такое же положение имеет место по танкам, выпускаемым Горьковским Автозаводом» [16, д. 67, л. 47].

«Танки Т-70, выпускаемые Горьковским Автозаводом, имеют также серьезные недостатки, а именно: блоки моторов 203 изготовляются неудовлетворительно, поршневые кольца имеют совершенно недостаточную упругость, зажигание устанавливается небрежно, траки гусениц дают недопустимо высокий процент поломок, блоки смотровых приборов невзаимозаменяемы» и т.д. [16, д. 67, л. 47].

Перечень поручений предприятию по исправлению положения составил несколько страниц машинописного текста [16, д. 67, л. 47 об.–48 об.].

Реализации данного приказа наркома был посвящен приказ по Горьковскому автозаводу № 46 от 6 апреля 1943 г. В нем директор ГАЗа А.М. Лившиц, повторив констатирующую часть вышеназванного документа, подробно расписал организационно-технические мероприятия по реализации указаний наркома [16, д. 67, л. 56–58]. Данные источники позволяют лучше понять механизм руководства танковой промышленностью в условиях Великой Отечественной войны.

Приказ директора ГАЗа № 50 от 12 апреля 1943 г. был посвящен обеспечению ежесуточной сборки в цехе № 5 25 машин и сдаче по 30 танков Т-70, и содержал крупные организационно-технические мероприятия [16,

д. 67, л. 59–61]. В частности, речь шла об улучшении бытовых условий обслуживающего персонала обкатки и сдачи машин [16, д. 67, л. 61].

Приказ директора автозавода № 54 от 19 апреля 1943 г. касался окончания подготовки производства и выпуска форсированных танковых двигателей и графика их выпуска [16, д. 67, л. 70–71].

В деле имеется приказ наркома обороны СССР И.В. Сталина № 0341 от 10 апреля 1943 г. о проведении окончательных испытаний радиостанций типа 12-РПТ на танках Т-70 [16, д. 67, л. 75].

Двадцать пятого мая 1943 г. вышел приказ по Горьковскому автозаводу № 76 о ликвидации прорыва по сдаче танков Т-70 по причине большого количества дефектов узлов, подаваемых цехами Мотор № 1, Мотор № 2, МСЦ-5 [16, д. 67, л. 90–93].

В тот же день на ГАЗ по высокочастотной связи («ВЧ») поступил приказ № 230с по НКСП «О качестве танков Т-70». Из 330 машин Т-70, предъявленных в апреле 1943 г. к приемо-сдаточным испытаниям, были забракованы и возвращены заводу 167 танков, или 52%. В первой декаде мая было забраковано и возвращено заводу 47% танков, – говорилось в приказе наркома [16, д. 67, л. 97]. То есть, проблема качества танков Т-70, выпущенных Горьковским автозаводом, накануне битвы под Курском, была критической.

Из отчетных документов завода № 177 (завод дробильно-размольного оборудования) за 1942 г. можно узнать, что в октябре этого года предприятие наладило выпуск основной продукции – корпусов Т-70 – по графику [17, д. 21, л. 88].

Органически дополняют вышеназванные источники документы Государственного общественно-политического архива Нижегородской области (ГОПАНО). В первую очередь, речь идет о фонде Р-3 – Танковый отдел Горьковского обкома ВКП (б). Например, 8 июля 1942 г. секретарь обкома М.И. Родионов телеграфировал наркому авиационной промышленности (НКАП) СССР А.И. Шахурину о катастрофическом положении с поставкой сот радиаторов Горьковскому автозаводу заводами НКАП [18, д. 2600, л.156].

На совещании с работниками промышленности по вопросу выполнения заказов по Т-34 и НКАП 15 августа 1942 г. речь шла также о наращивании выпуска танков Т-70 сверх плана на заводах в Муроме и Выксе в помощь Сталинграду [18, д. 2620, л. 3].

Одиннадцатого сентября 1942 г. в Горьковском обкоме ВКП (б) проходило совещание с руководителями промышленности «по вопросу о ходе выполнения указаний председателя ГКО товарища Сталина» [18, д. 2621]. Во время обсуждения «указаний товарища Сталина» директор Муромского завода № 176 Федотов отмечал, что в последнюю декаду предприятие

увеличило выпуск корпусов Т-70, причем работа шла по графику [18, д. 2621, л. 10].

Однако и проблем имелось много. И.К. Лоскутов сообщил, что сентябрьская программа заводу, по сравнению с августом, увеличена на 50 машин Т-70 [18, д. 2621, л. 16]. Из его выступления следовало, что корпуса танков, изготовленные заводом № 177, по дороге в Горький «уже трескаются» [18, д. 2621, л. 18]. Вышеназванные документы ГОПАНО в научный оборот до сих пор не были введены.

Таким образом, изучение конкретной проблемы – организации производства легких танков Т-70 – поможет лучше раскрыть многие проблемы истории отечественной промышленности периода Великой Отечественной войны, решить задачи патриотического воспитания молодежи.

Источники и литература

1. Свирин М.Н. Броневой щит Сталина. История советского танка 1937–1943. – М.: Яуза, Эксмо, 2006. – 448 с.

2. Строительство и боевое применение советских танковых войск в годы Великой Отечественной войны /под ред. О.А. Лосика. – М.: Воениздат, 1979. – 414 с.

3. Гордин А.А. Горьковский автомобильный завод. История и современность. 1932–2012. – Н. Новгород: Кварц, 2012. – 320 с.

4. Горьковский автомобильный / Редкол.: И.И. Киселев, В.Я. Доброхотов. – М.: Мысль, 1981. – 303 с.

5. Горьковчане в Великой Отечественной войне: Словарь-справочник / сост. В.П. Киселев, Л.Г. Чандырина. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1990. – 351 с.

6. Во имя победы. Трудовой подвиг горьковчан в годы Великой Отечественной войны. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. – 208 с.

7. Вдовин М.Н., Горева А.М. Все для Победы! (Очерки истории оборонной промышленности Горьковской области. 1930–1945 гг.). – Н. Новгород: Кварц, 2010. – 304 с.

8. Вдовин М.Н., Горева А.М. Нижний Новгород – город трудовой доблести. К 75-летию Великой Победы и в память со дня начала Великой Отечественной войны. – Н. Новгород: Кварц, 2020. – 344 с.

9. Быкова Н.В., Крикунов А.В., Солнышкин И.А. Выксунский завод дробильно-размольного оборудования в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: Нижегород. гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С. 40–42.

10. Быкова Н.В., Левина О.В. Оборонно-промышленный комплекс СССР в годы Великой Отечественной войны: вклад выксунцев // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: Нижегород. гос. тех. ун-т им. Р.Е. Алексеева, 2016. – С. 43–46.

11. Горынцев А.П. Выксунские машиностроители – фронту // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет / Материалы научно-практической конференции (18–19 апреля). Часть II. – Н. Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1995. – С. 103–110.

12. Ермолов А.Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. – СПб.: Алетейя, 2013. – 408 с.

13. Коломиец М.В. Танки-«смертники» Великой Отечественной. – М.: Стратегия КМ: Яуза: Эксмо, 2010. – 160 .
14. Забвению не подлежит: Страницы нижегородской истории (1941–1945 годы). Книга третья / Сост. Л.П. Гордеева, В.А. Казаков, В.П. Киселев, В.В. Смирнов. – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1995. – 670 с.
15. Горьковский автомобильный завод. 1929–2006. Люди. События. Факты. Энциклопедический справочник /Авт.-сост. В.А. Белов. – Н. Новгород: Кварц, 2006. – 608 с.
16. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2435. Оп. 8.
17. ЦАНО. Ф. Р-2288. Оп. 1.
18. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-3. Оп. 1.

«ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ» Е.В. СЕРЕБРЯКОВА И ЕГО ФРОНТОВАЯ БИОГРАФИЯ

Евгений Викторович Колосунин
Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина,
преподаватель высшей категории
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, e-mail: pak-725@mail.ru

Статья посвящена фронтовой биографии Е.В. Серебрякова – основателя поискового движения в Арзамасе. Основой работы стал анализ мемуаров Е.В. Серебрякова – «Документальные очерки».

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Зеленая Брама; поисковая работа; мемуары.*

Свою судьбу с Арзамасом семья Евгения Викторовича Серебрякова связала в конце 1950-х гг. На оборонном предприятии «Темп-Авиа» он прошел профессиональный путь от токаря-расточника до заместителя начальника цеха. И еще, – он навсегда остался фронтовиком. Именно с этого человека начинается история поискового движения в нашем городе.

Все, кто знал и помнит Е.В. Серебрякова, отмечают его скромность. Он не любил рассказывать о войне, хотя она не отпускала его до последних дней. Первую и единственную боевую награду, орден Отечественной войны II степени, получил в канун 40-летия Победы. Лишь немногие знали, насколько драматичной была его фронтовая судьба.

О том, как сложилась судьба 17-летнего юноши, мы можем узнать, прочитав мемуарные записи Е.В. Серебрякова [1]. Сам автор назвал их «Документальные очерки». Это порядка ста страниц машинописного текста, где мы погружаемся в реалии военного времени: западная граница СССР, семья военного, отступление с частями Красной Армии, арьергардные бои с наступающим врагом, трагедия «Зеленой Брамы», плен, побег и снова плен, дорога в Освенцим. Но Е.В. Серебряков пережил все это и встретил Победу. Мемуарные записи Е.В. Серебрякова были переданы нам его дочерью – Т.Е. Суматохиной.

Серебряков родился 19 декабря 1924 г. в деревне Смертино Палехского района Ивановской области. К 22 июня 1941 г. ему исполнилось 16 лет и, сдав экзамены, Евгений был переведен в девятый класс. Его отец, В.А. Серебряков, был капитаном-пограничником и к началу войны занимал должность старшего помощника начальника штаба 77-го полка 10-й дивизии НКВД по ОЖДС (охрана железнодорожных сооружений). Дивизия была расквартирована на Западной Украине и Северной Буковине, в непосредственной близости от западной границы и была задействована в охране железнодорожных мостов.

Война началась для пограничников ранним июньским утром. И в этот же день школьник Евгений Серебряков вступил в ряды истребительного отряда по борьбе с немецкими диверсантами и украинскими националистами. Началась эвакуация гражданского населения из города Чорткова, где дислоцировался штаб 77-го полка. На семейном совете было принято решение, что Евгений останется добровольцем в полку и вместе с отцом будет пробиваться на восток. Получив оружие, он вместе с боевыми товарищами-чекистами прикрывал отступление полевых частей РККА – 6-й и 12-й армий. Вскоре военные будни и сложная оперативная обстановка разлучили отца и сына.

Ведя арьергардные бои с моторизованными частями противника, советские части отступали от Перемышля на Львов, дальше на Винницу и Умань. В начале июля 1941 г. первый батальон 77-го полка, в составе которого воевал Е. Серебряков, сосредоточился в районе Винницы в Пятничанском лесу у села Гусятина. Здесь у реки Збруч проходила «старая граница». Выбросив крупный парашютный десант на левый берег, немцы попытались окружить и уничтожить наших бойцов. Серебрякову вручили снайперскую винтовку и приказали уничтожить вражеских наблюдателей и корректировщиков минометного и артиллерийского огня. Задача была выполнена.

В середине июля начались тяжелейшие бои в районе Бердичева. 10-я дивизия НКВД вошла в состав группы генерала Огурцова и поддерживала 44-ю танковую дивизию полковника Крымова. Отходили методом «подвижной обороны». В районе села Андрушевка 16-летнему бойцу Е. Серебрякову пришлось участвовать в своей первой штыковой атаке, которая перешла в рукопашную схватку. Враг потерял около 250 солдат и офицеров, в т.ч. командира дивизии в звании генерала. Боевые действия этих недель слились в сплошной единый бой, который не прекращался ни днем, ни ночью.

В августе 1941 г. остатки 10-й дивизии войск НКВД вместе с поредевшими частями 6-й и 12-й армий были окончательно окружены и погибли недалеко от Умани – в лесах «Зеленой Брамы». Так называется лесной

массив на правобережье реки Синюха, возле села Подвысокое в Новоархангельском районе Кировоградской области Украины. Остатки батальона Е. Серебрякова прикрывали прорыв сводного отряда, в который вошли бойцы и командиры 10-й дивизии войск НКВД и 60-й дивизии. Обеспечив прорыв, пробиться за отрядом группа не смогла. Она была прижата к топкому берегу реки Синюхи и уничтожена. Тринадцатого августа 1941 г. Е. Серебряков попал в плен. Свои злоключения в плену он назвал «длинной дорогой в никуда».

Несколько дней в пересыльном лагере в Новоархангельске, затем этапом в Звенигородку. Здесь ему помог возраст. Вместе с тремя мальчишками – воспитанниками музыкального взвода – его решили использовать на хозяйственных работах за территорией лагеря. Усыпив бдительность охранника, подростки бежали. Решили идти в Житомир, где пути беглецов разделились. Товарищи по побегу отправились искать свой детский дом, а Евгений стал пробираться к Днепру, обходя шоссейные дороги и крупные села. Случайная встреча с участником подполья, чье имя осталось для Евгения неизвестным, изменила все его планы. Под видом детдомовца, получив немецкие документы, он отправился на «поиск» дальних родственников. Передвигаясь по дорогам, которые были забиты немецкой техникой, он запоминал условные обозначения, нанесенные на борта вражеских танков, бронетранспортеров и грузовиков. Информацию передавал связным. Но Красная Армия отступала все дальше, а оккупационный режим усиливался. Вскоре связь подростка со связными прекратилась. В начале зимы 1941 г. Евгений был задержан дозором немецкой полевой жандармерии.

Узника привезли в город Славянск Донецкой области. В местном лагере, расположенном в домах барачного типа, огороженных колючей проволокой, военнопленные умирали от голода и холода. Но Е. Серебряков выжил и оказался «за пределами ада». Ему удалось попасть в команду подсобных рабочих, которую направили в немецкую авторемонтную полевую мастерскую. Работа была тяжелой, но здесь кормили и разрешали отапливать жилое помещение. В ходе работы стали складываться группы единомышленников, возникли доверительные отношения. Евгений близко сошелся с напарником Дмитрием из Вологды, который попал в плен в боях под Дыбальцево. Был придуман план диверсии в мастерских. Главным было отвести от себя любые подозрения. Операция была разработана технически грамотно, и мастерская была сожжена, уничтожено несколько десятков армейских автомашин. Ответственность за произошедшее была возложена на немецкого вольнонаемного рабочего. Узников перевезли в город Сталино.

Вторая попытка побега оказалась неудачной. Евгений Серебряков был обречен. С группой советских военнопленных товарным составом его от-

правили в лагерь смерти Освенцим. Состав шел уже по территории Польши, когда подростку удалось вновь бежать. Пленники сделали узкий лаз, вырезав доски пола. Воспользоваться им, в силу возраста, смог только Евгений.

Так он оказался в польском партизанском отряде. Воевал, носил там позывной «Ключ». Когда в 1944 г. отряд соединился с частями наступающей Красной Армии, партизан «Ключ» вновь стал красноармейцем Серебряковым, а в 1945 г. вернулся на родную землю, где встретил мать и младшего брата. Его отец В.А. Серебряков – начальник штаба Дятьковской партизанской бригады – погиб в бою 1 июля 1943 г. на Брянщине.

В августе 1941 г. попал в Уманский котел и был взят в плен советский поэт, писатель и журналист Е.А. Долматовский. Ему удалось бежать. О боях под Уманью рассказывает его военно-историческая документальная повесть «Зеленая Брама». Несколько фрагментов этой книги посвящены судьбе Е.В. Серебрякова [2, с. 283–284].

Те, кто прошел военными дорогами, навсегда остались фронтовиками. В конце 1960-х гг. в их среде зарождается традиция – встречи ветеранов. Девятого мая 1972 г. состоялась первая встреча ветеранов и родственников погибших солдат, участвовавших в сражении под Зеленой Брамой. Позже был сформирован Объединенный совет ветеранов 6-й и 12-й армий, создана поисково-исследовательская группа, руководителем которой стал Е.В. Серебряков. Этой работе он посвятил оставшиеся годы своей жизни.

Что входило в задачи поисково-исследовательской группы? Прежде всего, сбор документальных архивных материалов, воспоминаний ветеранов. На основе этих материалов изучался и описывался боевой путь всех частей двух армий (а это больше тридцати дивизий). Собирались сведения по безвозвратным потерям: погибшие в боях, погибшие в ходе подпольно-партизанской борьбы, умершие в фашистских концлагерях в плену. Шла работа по поиску родственников.

Интерес Е.В. Серебрякова к боям в Зеленой Браме объясняется не только его участиям в этих событиях. В подразделениях, которые погибли в этом лесном урочище, служило и воевало много горьковчан, в т.ч. и призванных в Арзамасском районе. Особенно большое пополнение прибыло в Западную Украину осенью 1940 и весной 1941 г.

Поисково-исследовательская группа под его руководством вела поиск неучтенных братских захоронений, организовывала перезахоронения в братские могилы. Так, в мае 1982 г. в результате поисковой работы в Стрельцовой балке у села Подвысокое в районе Зеленой Брамы группе удалось обнаружить останки трех военнослужащих РККА, погибших в августе 1941 г. По солдатскому медальону удалось определить имя одного

из погибших. Останки бойцов были перезахоронены в братской могиле села Подвысокое.

Важным направлением работы группы был поиск военных реликвий в местах окружения частей 6-й и 12-й армий. Сложившиеся боевые условия вынуждали командования частей зарывать в тайниках наиболее ценные документы штабов, знамена частей, предметы вооружения и снаряжения. В 1994–1995 гг. группа организовала две экспедиции в урочище Зеленая Брама. В результате были обнаружены три тайника, где находились четыре полевых сейфа и знамя 348-го артполка 141-й стрелковой дивизии.

Серебряков вел подробную картотеку погибших, где использовал уникальную информацию, полученную из малодоступных ныне источников. Следует заметить, что в картотеке числится много уроженцев Горьковской области, есть в ней и уроженцы Арзамасского района. До сих пор многие красноармейцы и офицеры, чьи места захоронений в картотеке определены и указаны, по Книгам Памяти и ОБД «Мемориал» числятся пропавшими без вести. Таким образом, работа, проделанная Е.В. Серебряковым, еще ждет своего завершения.

Источники и литература

1. Серебряков Е.В. Документальные очерки (машинопись) // Хранятся в личном архиве Е.В. Колосунина.

2. Долматовский Е.А. Зеленая Брама – М., 1985.

ПАВЕЛ ФАДЕЕВИЧ СОЛОВЬЁВ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА РОДИНУ

Светлана Владимировна Завьялова[1], Александра Арефьевна Завьялова[2]

[1] Филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения» в г. Нижнем Новгороде,
кандидат исторических наук, преподаватель
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru;

[2] Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Школа 60», учитель
Россия, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород
E-mail: zavialova_a@mail.ru

В статье рассказывается о жизни и гибели П.Ф. Соловьёва, участника советско-финской и Отечественной войн.

Ключевые слова: *Павел Фадеевич Соловьёв; советско-финская война; Великая Отечественная война.*

Павел Фадеевич Соловьёв родился в деревне Катайское Варнавинского уезда Карповской волости Костромской губернии 27 февраля 1916 г. в крестьянской семье Соловьёвых Фадея Панкратьевича и Анны Нестеров-

ны. Павел был вторым ребенком в семье. Невысокого роста, он слыл весельчаком, гармонистом и правдолюбцем, остроумным человеком, «горой» стоял за правду и справедливость [1]. По свидетельствам сестры Павла, Синцовой Александры Фадеевны, Павел вместе с отцом участвовал в строительстве станции Тарасиха Горьковской железной дороги. После раскулачивания с 1936 г. Павел вместе с семьей родителей жил на Перевозе (так назывался населенный пункт около деревни Красный Яр Уренского района Горьковской области), работал в леспромхозе на гусеничном тракторе (получил грамоту за хорошую работу). Восьмого августа 1938 г. Соловьев Павел Фадеевич был призван Уренским РВК Горьковской области в ряды Красной Армии для прохождения срочной службы в звании рядового. Фадей Панкратьевич перевез сына на лодке через реку Уста, и Павел побежал на поезд. Это было прощание навсегда, отец и сын уже никогда больше не увидятся. Павел служил в Красной Армии под Ленинградом. Международная обстановка была неспокойной. Первого сентября 1939 г. началась Вторая мировая война.

Павел Фадеевич был участником войны с Финляндией. В семейном архиве сохранилось 23 письма от Павла к родителям: 10 писем – с советско-финской войны, три – с Великой Отечественной; остальные письма – с разных мест службы в Красной Армии в промежутке между этими войнами. Пожелтевшие и ветхие от времени письма-треугольнички, написанные в основном карандашом на тетрадных и блокнотных листах и даже на оборотной стороне карты, бережно хранились матерью солдата. В первом письме к родителям (от 3 января 1940 г.) Павел сообщает, что находится на Дальнем Севере, на финской территории, что приходится идти в бой, не щадя своей жизни. Сын просит родителей не расстраиваться, так как он один – ни жены, ни детей, только они одни по нему всплакнут, если его не станет. Во втором письме от 6 января 1940 г. Павел описывает переход советско-финской границы: «Границу мы перешли 30 ноября в 8 часов утра. Шли по бездорожью, по горам, болотам и озерам, шел я в передовой заставе как химинструктор. Переход был нелегкий. Но когда в начале вечера впереди стали получать перестрелки, мы взяли оружие “наизготов[ку]”. Но финские бандиты были отброшены. …Ночью сделали привал, было холодно, все озябли, через 40 минут была команда “Подъем! Приготовиться к походу”. Настало утро 1 декабря, и мы пошли в разведку десять человек вперед. …Километров пять прошли хорошо, стали подходить к деревне, из-за сопки нам было видно, как белофинны удирают и за собой уводят население, а дома жгут и взрывают все постройки…».

Павел Фадеевич писал письма часто, с интервалом около недели. В структуре писем четко прослеживаются вступление, в котором сын,

посылая свой красноармейский привет, обращается к отцу и матери, сестрам и братику, окончание письма, в котором он непременно ставит свою подпись, дату написания письма, передает привет всем знакомым и пишет «прощайте». В третьем письме от 15 января 1940 г. Павел сообщает, что едет на передовую линию, на фронт, находится под Петсамо в Финляндии.

В советско-финской войне 1939–1940 гг. Красная Армия заняла область Петсамо. После прекращения военных действий по мирному договору Петсамо было возвращено Финляндии (без полуостровов Средний и Рыбачий, которые остались за СССР). Эвакуированное население возвратилось в область [2].

Письма от 18 января, 1 февраля, 4 февраля, 8 февраля, 9 февраля, 16 февраля и 9 марта 1940 г. свидетельствуют о том, что Павел находился на финской территории на прежнем месте, в Петсамо. Павел сообщает о погоде («один день был мороз 37 градусов, а то все время 20 градусов и даже 15 градусов»), что находятся они в финской избе, что в военторге есть все: и конфеты, и пряники, и сахар, и махорка, что кормят хорошо; домой, возможно, приедет только в 1941 г., так как он командир, а командирам нужно служить три года. Павел просит родных о нем не беспокоиться («видно, участь моя такая»), пишет, что служит честно, а после службы намерен «больше не лес ворочать, а ездить … на машине…» (письмо № 6 от 4 февраля 1940 г.). Видимо, рядом с ним служил его земляк Федор Т., на полуострове Рыбачьем, километрах в тридцати от него. В письме № 8 от 9 февраля 1940 г. Павел переживает по поводу возвращения родителям дома, отнятого в годы коллективизации («…сегодня пойду за справкой и пошлю документ для сена и для избы нашей. Если поможет командование, но если не помогут, то я не знаю, что и делать, дорогие вы родители, я бы знаю, что надо помочь, но чем могу, я помогу… я …ходить не могу, даже врачи признают, что с нервами ненормально через расстраивание через дом…»). С советско-финской войны Павлу Фадеевичу посчастливилось возвратиться живым.

Из писем П.Ф. Соловьёва известно, что после окончания советско-финской войны он дважды просился домой, но комиссар не отпускал его. В письме № 14 от 26 ноября 1940 г. П.Ф. Соловьёв сообщает, что служит в п. Грузино Чудовского района Ленинградской области. В апреле 1941 г. Павел проходил службу в г. Боровичи Ленинградской области, в 13-й армии, возил орудия на тракторе Харьковского тракторного завода (письмо № 17 от 26 апреля 1941 г.). Седьмого июня 1941 г. Павел писал, что до окончания службы осталось три–четыре месяца. В письме от 18 июня 1941 г., за четыре дня до начала Великой Отечественной войны, Павел сообщал, что находится в окрестностях города Луги Ленинградской обла-

сти. Он просил родителей перешить и прислать ему посылкой старые сапоги («40 размер»), а гимнастерка и брюки, чтобы ехать домой, у него есть; писал, что осталось недолго, «если будет спокойно».

Летом 1941 г. Павел ждал демобилизации из армии. Родители с нетерпением ждали его. Получив в июне 1941 г. письмо от сына, родители в воскресный день пошли заказывать для него в село Пакали Тонкинского района хромовые сапоги сапожнику Журавлёву и узнали там о начале Великой Отечественной войны. По возвращении они сообщили детям, что Пашенька не приедет, что началась война, и его отправят на фронт. Вся семья плакала.

С фронтов Великой Отечественной войны от П.Ф. Соловьёва сохранилось три письма, в одном из которых (письмо № 21 от 18 июля 1941 г.) он писал, что находится километрах в 40 от города Луги Ленинградской области, километрах в 30 от линии фронта, что «скоро на передовую».

Лужский оборонительный рубеж (**Лужская укрепленная позиция**) – система советских укреплений (оборонительный рубеж) протяженностью около 300 км, построенная в июне–августе 1941 г. на территории Ленинградской области, от Нарвского залива, по рекам Луге, Мшаге, Шелони до озера Ильмень с целью не допустить прорыва войск немецкой группы армий «Север» на северо-восток в направлении Ленинграда. Двадцать седьмого июня военные строители приступили к работам. Для обороны рубежа 6 июля была создана Лужская оперативная группа во главе с генерал-лейтенантом К. П. Пядышевым. Через 15 дней после начала строительства, 12 июля 4-я немецкая танковая группа вступила в бой с частями прикрытия Лужской оперативной группы в районе реки Плюссы. Хотя работы по созданию рубежа завершены не были, упорная оборона советских войск заставила командование вермахта остановить наступление на Ленинград [3].

Письмо П.Ф. Соловьёва № 22 от 4 августа 1941 г.: «Здравствуйте высокоуважаемые родители! Во-первых, отец, мать. Посылаю Вам свой красноармейский привет. И желаю всего хорошего в вашей дальнейшей жизни. И еще нижайшее почтение, братское, моим сестрам Нюре и Сане. И еще горячий привет брату Ореше и всем вообще по горячему привету. Дорогие родители, я хочу Вам сообщить, что я нахожусь жив и здоров того и Вам желаю и хочу сообщить о том, что почему я не писал долго Вам писем, потому что было никак невозможно. И сейчас нахожусь на передовой. Но кое-как выбрал время, а то, то бумаги нет, то писать нечем. Но хочу сообщить о том, что я знаю, что жизнь Ваша, наверное, не очень хорошая, но смотрите Вам виднее, живите. Ну а мне сейчас пока ни до чего. Буду жив или нет, если что, то сообщу или уже товарищи сообщат. Ведь вы знаете, что сейчас идет такая война, но вообще глядите, как-нибудь переживите.

Но еще я Вас прошу, что Вы передайте привет Иванку Груздеву и его семье, если он дома, и всем остальным соседям. И если можно, то достаньте адрес Мити-зятька. Я ему кое-что напишу, и где он воюет, мне охота узнать, а пока до свиданья. Я жив и здоров, того и вам желаю. Известный Вам сын и брат П.Ф. Соловьёв. Мой адрес: действующая Красная Армия, почта полевая служба 695 710 ГАП 7 батарея Соловьёву П.Ф. Прощайте, дорогие родители. Передавайте привет девчатам и ребятам и всем остальным и сестренке Фекле».

В письме от 15 августа 1941 г. Павел сообщает, что находится в городе Тихвин Ленинградской области в госпитале: «С 9 на 10 августа в 3 часа ночи получил ранение осколком снаряда, и пока правая нога не ходит». Он успокаивает родных: «Дорогие родители, я еще вам хочу сообщить, что не плачьте и обо мне не беспокойтесь, я излечусь. Но вы живите как-нибудь получше».

Последнее место службы рядового (должность не известна) П.Ф. Соловьева – 1-й Украинский фронт, 60-я армия, 15-й стрелковый корпус, 336-я стрелковая дивизия, 1130-й стрелковый полк, полевая почта 47024. Двадцатого января 1944 г. воин получил слепое осколочное ранение правой половины лица с многооскольчным переломом нижней челюсти. Павел Соловьёв умер от смертельных ран в госпитале № 14369 города Киева 9 февраля 1944 г. и был похоронен на Звериницком кладбище в братской могиле № 10 в Киеве [4].

336-я стрелковая дивизия формировалась в городе Мелекессе (ныне Димитровград) Ульяновской области в августе–ноябре 1941 г. В конце ноября 1941 г. она прибыла на Западный фронт и участвовала в Московской битве. Потом ее боевой путь лежал через Калужскую, Тульскую, Орловскую, Житомирскую, Тернопольскую, Львовскую области. За участие в освобождении города Житомир дивизия приказом Верховного Главнокомандующего от 1 января 1944 г. получила почетное наименование «Житомирской» [5].

Тридцать первого декабря 1943 г. противник под угрозой окружения оставил Житомир. 336-я стрелковая дивизия вышла своими частями в район Дубровец, перерезав железную дорогу Житомир – Новоград-Волынский. К 12 января 1944 г. части 15-го стрелкового корпуса 60-й армии вышли на рубеж западнее Полонное – Любар, где из-за контратак противника временно перешли к обороне [6].

Хронологические рамки подчинения 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии составляют период с 3 декабря 1941 г. по 10 мая 1945 г. Боевые действия подчиненных 336-й стрелковой дивизии стрелковых полков 21 января 1944 г. (в день ранения П.Ф. Соловьёва) происходили западнее Житомира [7].

Фадею Панкратьевичу и Анне Нестеровне в мае 1944 г. пришло заказное письмо из Киева с уведомлением о смерти сына: «…9 февраля раненому по поводу внезапного сильного кровотечения была сделана операция. Но раненый от падения сердечной деятельности скончался 9 февраля 1944 г. Начальник эвакуационного госпиталя майор медицинской службы Быков. Заведующий делопроизводством Цицельская».

По сохранившимся письмам с фронтов советско-финской и Великой Отечественной войн представляешь заботливого сына и любящего брата. Письма проникнуты вниманием и заботой о близких и родных. Письма были единственной связью с родными, давали возможность почувствовать тепло родительского дома. Письма свидетельствовали о том, что близкий человек жив и здоров, вселяли надежду на встречу. При воспоминании о своем брате Арефий Фадеевич Соловьёв всегда становился грустным и молчаливым, ему было очень жаль погибшего брата. Александра Фадеевна Соловьёва (Синцова) в 1952 г. ездила в Киев с целью посетить братскую могилу, в которой похоронен ее брат.

В 1955 г. Фадей Панкратьевич и Анна Нестеровна подали запрос в Уренский военный комиссариат о получении уведомления о гибели сына в Великую Отечественную войну для получения пособия по факту гибели сына. Из Уренского военкомата было получено извещение:

«Уренский военный комиссариат Горьковской области. Шестого июля 1955 г. № 4/385 город Урень. Гражданину Соловьёву Фадею Панкратьевичу извещение.

Ваш сын Соловьёв Павел Фадеевич, рядовой, уроженец деревни Катай Полянского сельсовета Тонкинского района Горьковской области, находясь на фронте Великой Отечественной войны был ранен и умер от ран 09 февраля 1944 г. Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии. Основание: извещение эвакогоспиталя № 1436 от 11.2.44 г.» [8].

Пятнадцатого июля 1955 г. А.Н. Соловьёва написала заявление в Тонкинский районный отдел социального обеспечения по поводу выплаты пенсии за погибшего на фронте сына. Ей была назначена пенсия 112 руб. в месяц [9].

Война оборвала жизнь солдата, защитника Родины Соловьёва Павла Фадеевича – «Пашеньки», как его называли в семье. Война принесла родным скорбь и печаль, утрату родного и дорогого сердцу человека, сына и брата, включив его в ряды Бессмертного полка. Павлу было всего 28 лет, шесть из которых он отдал службе на благо Родины.

Память – это то, что мы можем дать в знак благодарности тем, кто воевал в годы Великой Отечественной войны. Память о тех, кто не жалея своей жизни, защищал Отчизну от фашистских захватчиков. Они воевали и

умирали за то, чтобы мы сегодня жили спокойно и мирно. Самое малое, что мы можем сделать для погибших и оставивших этот мир уже после войны – это помнить о них и гордиться ими.

Источники и литература

1. Воспоминания А.Ф. Синцовой, 1927 г.р., записанные А.А. Завьяловой // Хранятся в семейном архиве А.А. Завьяловой и С.В. Завьяловой.

2. Область Петсамо (Печенгская область). – URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php (дата обращения 08.01.2019 г.).

3. Лужский оборонительный рубеж. – URL: https://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=1050 (дата обращения 7.05.2019 г.)/

4. Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО). Именной список безвозвратных потерь личного состава Советской Армии, числящихся не разысканными по Тонкинскому райну Горьковской области. Соловьев Павел Фадеевич. // Мемориал – электронный архив. – URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm (дата обращения: 20.04.2019 г.).

5. Поисковый отряд «Победа». 336-я Краснознаменная Житомирская ордена Суворова стрелковая дивизия. – URL: poisk-pobeda.ru›forum/index.php… (дата обращения 08.05.2019 г.).

6. 336-я стрелковая дивизия – соединение РККА в Великой Отечественной войне. – URL: rkkawwii.ru›division/336sdfl (дата обращения: 16.05.2020 г.).

7. Память народа: Боевой путь воинской части: 336. – URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/336+сд/ (дата обращения: 16.05.2020 г.).

8. Уренский районный военный комиссариат, Горьковской области от 06.07.1955 г. с. Урень. Гражданину Соловьеву Ф.П. Извещение // Хранится в семейном архиве А.А. Завьяловой и С.В. Завьяловой.

9. Почтовое уведомление // Хранится в семейном архиве В.Н. Синцова.

АРЗАМАССКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (ПО МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ)

Алина Евгеньевна Щеглетова

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
старший научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас
E-mail: schegletova.lina@yandex.ru

В фондах Арзамасского историко-художественного музея хранятся личные коллекции женщин-фронтовиков и тружениц тыла, которые внесли свой вклад в Великую Победу. Их героические подвиги в тылу и на фронте были отмечены государственными наградами.

Ключевые слова: *арзамасские женщины; Великая Отечественная война; батальон; медицинская служба; учитель; награды; коллекция; воспоминания.*

У женщин особая миссия – быть матерью, воспитывать детей, ухаживать за супругом, но в мировой истории немало примеров, когда женщины играли важнейшую роль в тех или иных событиях, порой затмевая своей стойкостью, мудростью самых сильных мужчин. Особую роль всегда играли русские женщины! Немало им посвящено литературных и музыкальных произведений, полотен великих художников, театральных постановок и др. В прошлом году все мы отмечали 75-летие Великой Победы. В связи

с этим хочется вспомнить женщин, без которых бы не было сегодняшнего дня. «Без женщин, – часто заявляли бывшие фронтовики, – нам не выиграть бы войны. В Великой Победе – великая доля женских усилий» [1, с. 19]. В этой доле есть вклад женщин Арзамаса и Арзамасского района. Историко-художественный музей г. Арзамаса бережно хранит личные коллекции женщин-фронтовиков и тружениц тыла.

Хорошо известно арзамасцам о славных боевых делах 29-го ордена Красной Звезды отдельного батальона ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), фотографии и воспоминания участников которого хранятся в фондах и научно-справочной библиотеке Историко-художественного музея. Формировалось это спецподразделение в Арзамасе, и многие девушки вступали в его ряды добровольцами. Испытывая все трудности фронтовой обстановки, порой при выполнении боевых операций теряя своих подруг, они не падали духом, четко справлялись с нелегкими обязанностями. [1, с. 21].

Вера Сергеевна Гришина из Арзамаса стала рядовой 29-го отдельного батальона 12 апреля 1942 г. Так начался ее боевой путь. Из 500 девушек батальона 80 чел. было из Арзамаса и Арзамасского района. Батальон формировался преимущественно жительницами Горьковской области. Девушки заменили отправленных на фронт мужчин ***(Приложение 4, фото 1)***. Три месяца они проходили школу молодого бойца в Лукоянове, в июле 1942 г. были отправлены по ротам, а затем по наблюдательным постам. В 1942 г. 29-й батальон стоял на обороне г. Горького. Батальонный пост располагался в Арзамасе, ротные – в Лукоянове, Дальнем Константинове и др. В каждой роте – сеть наблюдательных постов, располагавшихся на определенном расстоянии друг от друга, чтобы обеспечить наблюдение за самолетами противника. В феврале 1943 г. батальон был направлен в Курск. Весной 1943 г. вслед за передовыми частями советской армии В.С. Гришина и ее боевые подруги вошли в освобожденный Курск и начали работать по его охране. «Мы пережили Курскую дугу, массированный налет немецких самолетов, а после ликвидации Курской дуги снова учились на радистов, и наш батальон с телефонной связи перешел на радиосвязь, стал более подвижным» [2, с. 3]. После Курска батальон быстро продвигался вперед вслед за передовыми частями Советской Армии, летом 1944 г. бойцы были в Черновцах, а затем их направили на 1-й Белорусский фронт. Батальон участвовал в освобождении Белоруссии, Варшавы. Медаль за освобождение Варшавы получили все девчата батальона. Горькие воспоминания В.С. Гришиной связаны с польским лагерем смерти Майданек: «Мы слушали рассказы людей, которых спасла наша армия в самый последний момент… большие бараки, где держали обреченных людей, газовые камеры, где душили, специальный стол, где вырывали золото с

зубов. Шесть огромных печей и труба, еще в лесах, немцы хотели увеличить ее размеры, чтобы улучшить тягу. Один барак отдельно от других, в нем обувь. Невозможно без ужаса смотреть на маленькие туфельки, сандалики, владельцы которых так и не поняли, за что их лишили жизни» [2, с. 5]. Взвод В.С. Гришиной участвовал в битве за взятие Берлина, которая началась 16 апреля 1945 г.: «140 мощных прожекторов вспыхнули одновременно по линии фронта, которые были установлены на расстоянии 200 метров друг от друга. А передачу команды обеспечили мы – рядовые 29 отдельного радиобатальона ВНОС» [2, с. 6]. После этой операции бойцов батальона разместили в 70 км от Берлина. Здесь они несли службу, встретили День Победы и с нетерпением ждали возвращения на Родину. Девятнадцатого июля девушки отправились домой, батальон остался нести службу, их заменили мужчины. Заслуги отважных бойцов были высоко оценены: Вера Гришина, Тамара Кочемасова, Анна Беспалова и многие другие девушки из Арзамаса были удостоены высоких боевых наград.

Нельзя не отметить исключительные заслуги перед Родиной медицинских работников. В первую очередь, хотелось бы упомянуть фронтового хирурга Надежду Ивановну Николаеву, коллекция которой хранится в фондах Историко-художественного музея. В марте 1942 г. она была мобилизована в Красную Армию, где впоследствии стала начальником отделения 4268-го инфекционного госпиталя 63-й армии 1-го Белорусского фронта. Боевой путь капитана медицинской службы можно проследить по наградам и благодарностям: за оборону Сталинграда, освобождение Варшавы, взятие Берлина. Это была невысокая хрупкая, но стойкая духом женщина. Ее высокий профессионализм позволил ей спасти несколько сотен жизней. Но даже сильные женщины и на войне не лишены романтизма. Известно, что Надежда Ивановна очень любила творчество поэта А. Блока, маленький томик его стихов всегда носила с собой в кармане и в свободное время сама читала его раненым бойцам. Эта книга, прошедшая через все войну, сегодня хранится в фондах музея вместе с личными документами, благодарностями и наградами. За участие в Великой Отечественной войне Надежда Ивановна была награждена орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией». В советский период истории нашего города она первая (в 1968 г.) была удостоена звания «Почетный гражданин г. Арзамаса».

Марии Васильевне Голуб (Гультяевой) не было и 18 лет, когда началась Великая Отечественная война. Семья проживала под Ленинградом. Подруги Мария Гультяева и Ольга Мельникова только окончили школу, 21 июня 1941 г. прошел их школьный выпускной вечер. Война смешала планы вчерашних школьниц. Девушки разыскали штаб по формированию отрядов народного ополчения. Узнав, что они значкисты ГСО («Готов к

санитарной обороне»), их зачислили в партизанский отряд под командованием Анатолия Ивановича Оссовского. Больше месяца шла боевая подготовка. Во второй половине августа 1941 г. небольшой партизанский отряд, в который вошли и подруги, несколько раз проникал на оккупированную финскими войсками территорию, потерь почти не имел и удачно проводил каждую операцию. В середине сентября по всей линии Ленинградского фронта финские части, поддерживаемые танками, начали яростное наступление, пытались овладеть Сестрорецком. Путь им преградило народное ополчение, которое отчаянно боролось с врагом. Под непрерывным огнем противника Маша и Ольга ползали по полю и оказывали помощь раненым. Марию Гультяеву саму ранило в ногу, но она продолжала свою работу, перевязала раны двадцати бойцам, а санитарка Ольга Мельникова перевязала девятерых бойцов. Подразделение понесло большие потери, но противника из последней линии окопов выбило. Двигаться на штурм следующего рубежа не было сил. В строю осталось 17 бойцов и ни одного командира. Из воспоминаний Марии Васильевны: «Раненых мы укрыли в лесу. За их судьбу я очень волновалась. Попросила бойцов не поддаваться панике, держаться, пока не подоспеет подкрепление. Отправила одного бойца к комбату, сама легла за станковый пулемет вместо раненого наводчика, рядом положила гранаты. Бойцы успокоились и тоже заняли оборону. Враги не предприняли атаки. На душе у меня было скверно. В бою ранили в голову Ольгу. Я не знала, что с подругой, где она. В темноте финны постепенно окружали, но к нам успела прийти подмога. Удар с тыла был для них неожиданным. Они бросились бежать. Преследовать их я не смогла, болезненно ныла рана в ноге, в сапоге хлюпала кровь…» [3, с. 5]. Затем Мария Гультяева была отправлена в госпиталь, но уже через некоторое время опять была в строю. В конце декабря в одном из боев санинструктор Мария Гультяева получила тяжелую контузию. Новый 1942-й год она встречала в полевом госпитале. Затем долгое время лечилась в тылу, в Вологде. Врачебная комиссия категорически запретила Марии Гультяевой возвращаться на передовую. Весь второй военный год она работала в передвижном полевом госпитале. И как ни дорог был он, Мария все-таки отпросилась в передовые части. Но не медиком, а комсоргом. Войну закончила помощником начальника политотдела по комсомолу военно-автомобильного подразделения. День Победы встретила недалеко от Берлина. Ее награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны Мария Васильевна переехала в Арзамас, работала на приборостроительном заводе.

До Германии дошла и младший лейтенант медицинской службы Екатерина Михайловна Лапина, получив за прорыв обороны немцев под Берлином благодарность от командования. Уроженка села Слизнево Арзамасского района, с июня 1942 г. она была призвана в Красную Армию. Служила старшей сестрой терапевтического полевого подвижного госпиталя № 5495, затем старшей медицинской сестрой инфекционного госпиталя № 4162. Приказом от 12 августа 1944 г. младший лейтенант медицинской службы Е.М. Лапина была награждена медалью «За боевые заслуги», впоследствии – орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени [4, л. 12]. При освобождении Румынии получила ранение медсестра госпиталя № 2613 Анна Николаевна Огаркова [5].

Сотням и тысячам спасли жизни, вернули здоровье врачи размещенных в Арзамасе эвакогоспиталей: Милица Владимировна Докучаева, Александра Ивановна Бабайкина и др. В конце июня – начале июля 1941 г. в Арзамас прибыл первый госпиталь № 2823, а 12 июля начальником этого госпиталя была назначена опытный врач Милица Владимировна Докучаева. Медицинскими сестрами в этом же госпитале работали Серафима Федоровна Благова и Елена Васильевна Писаревская. Коллекции этих женщин хранятся в фондах Историко-художественного музея г. Арзамаса: фотографии, документы, а также личные вещи, медицинские инструменты – тонометр, иглы для шприцов, зажимы и др. [6; 7]. Заботливые руки этих женщин, профессионалов своего дела, поставили на ноги многих раненых бойцов и командиров.

Война оторвала от земли тысячи арзамасцев, на фронт ушли трактористы, комбайнеры, механики. Забрали и немало тракторов, лошадей, транспортных средств. И это накануне страдной поры – уборки урожая. Его спасение стало всеобщей заботой. Рассчитывать на успех можно было при условии пополнения поредевших рядов тракторных бригад МТС, и 3 июля 1941 г. были открыты курсы по подготовке трактористов и комбайнеров. В добровольном порядке пришли учиться более 50 женщин и девушек – жены и сестры фронтовиков. Это позволило закончить все уборочные работы до заморозков. План хлебозаготовок района, так же как и планы поставки картофеля и лука были выполнены. Это была первая значительная победа Арзамасского района в военный период.

Во всех колхозах и на производстве женщины стали заменять ушедших на фронт мужчин. Свыше 200 полеводческих бригад, более тысячи звеньев, около 50 животноводческих ферм, многие колхозы и сельские Советы возглавляли женщины – вчерашние рядовые колхозницы и работницы, ученицы старших классов средних школ. Для их обучения и переквалификации создавались различные курсы и кружки, практиковались семинары ***(Приложение 4, фото 2)***. По инициативе женщин-пахарей Ленинского

колхоза в 1942 г. и последующие годы шло соревнование за гектар пахоты в день на конном плуге. В 1943 г. в 86 колхозах района трудилось 14 611 женщин [1, с. 23].

В годы Великой Отечественной войны агрономом, а с декабря 1943 г. – директором Арзамасской МТС работала Елизавета Ивановна Кудина, беззаветная труженица, прекрасный специалист, душевный человек. Она вспоминала: «Из всего штата МТС мужчин в то время было 11 человек – в основном бригадиры тракторных бригад. На тракторах, комбайнах, молотилках и автомашинах работали в основном девушки и женщины. Много невзгод им пришлось перенести. Трудно выразить словами, сколько патриотизма, сколько энергии было в этих людях. Они взяли тяжелую мужскую ношу на свои юные, еще неокрепшие плечи. Они готовили технику к уборке и в процессе этой работы изучали машины, овладевали практикой вождения» [8, с. 3]. Главной проблемой в годы испытаний была нехватка горючего. Для ее решения 15 тракторов оборудовали газогенераторными установками, и топливом для тракторов стала обыкновенная березовая чурка. Чурки готовили сами трактористки в лесах Арзамасского лесничества. За короткое время было заготовлено чурки столько, сколько требовалось для 15-ти тракторов до конца сезона. При осваивании газогенераторных тракторов сотрудники МТС испытали большие трудности. Требовалось время, настойчивость и терпение, чтобы добиться хотя бы удовлетворительной их работы, некоторые девушки не смогли с этим справиться. Из воспоминаний Е.И. Кудиной: «Большими мастерами на газогенераторных тракторах были Съеднова Мария, Синягина Мария и др. Это были мужественные, находчивые, никогда не унывающие девушки. Нередко по двое суток не слезали с тракторов, урывками отдыхали. Сменные задания, как правило, перевыполняли. Шестнадцатилетней пришла к нам в МТС Сима Шульпина из Ново-Языково, быстро освоила трактор, а через некоторое время стала одной из лучших трактористок станции… Наша МТС всю войну была в числе передовых МТС области, наши люди были неоднократно премированы, 54 человека награждены медалями “За доблестный труд в Великой Отечественной войне”» [8, с. 4].

О своей работе в годы Великой Отечественной войны вспоминает Евдокия Ивановна Круглова, секретарь первичной партийной организации колхоза «Мировой Октябрь» села Красного: «Война застала меня на строительстве трассы Выездное – Ардатов. Народа на строительстве было очень много, но когда приехал гонец из с. Красного с извещением, что по радио в 2 ч. дня объявлена война с Германией, народ работу не бросил, работали полный день. Трудное настало время, остались в колхозе женщины, молодежь. Пришлось все оставшееся конское поголовье закреплять за ребятами-подростками в возрасте от 13 до 15 лет и женщинами, но люди

работали с большим энтузиазмом, все задания и полевые работы выполняли… Трудности большие встречались с заготовкой и вывозкой органических удобрений, вывозили и на лошадях, а большинство на салазках, по 30–40 салазок в каждой бригаде. Зимой по ночам готовили семена для посева, площадь с большими трудностями, но засевали полностью, урожай получали хороший по 14–15 ц с га. Народ знал, что этот хлеб пойдет для сыновей, мужей, братьев… Гитлер подходил к Москве. Не спали ночами, работали с народом. Кроме хлебопоставок, выполняли закупки хлеба и картофеля. Колхозники на санках, в руках приносили на склад колхоза, были и такие, которые не хотели продавать, приходилось ночами с ними работать с помощью милиции. Вся работа проводилась вручную: жали, косили, стоговали. Колхозники выполняли по 1,5–2 нормы… В 1941–1942 гг. много к нам было прислано эвакуированных семей военнослужащих и просто эвакуированных с Запада, всех их с большими трудностями приходилось размещать по квартирам, отоплять, кормить, многие были с детьми. Много через наше село проходило армий, бойцов, размещали в каждом доме, в церкви, клубе, детском саду. Народ армии оказывал всевозможную поддержку, картошкой, а кормили бойцов. Вспыхнул в 1942 г. сыпной тиф, пришлось закрывать дет. ясли и открывать там временную тифозную больницу, которая была переполнена. Много раз с Москвы на самолетах прилетали профессора по борьбе с тифом… Но не все время люди работали, им давали отдых. У нас работал при клубе с. Красное хор, который выезжал на тока, в поле к колхозникам и пели песни, сказывали стихотворения, были пляски. После отдыха небольшого народ еще работал лучше, по-стахановски…» [8, с. 6].

Посильный вклад внесли арзамасцы в святое дело защиты столицы нашей Родины. Когда враг пробивал дорогу к Москве, несколько сотен земляков участвовали в сооружении оборонительных рубежей. Государство отметило самоотверженный труд арзамасцев, наградив 60 человек медалью «За оборону Москвы». Среди награжденных – учительница Лидия Николаевна Бессонова, работала в Арзамасском педучилище, заведовала начальной школой и методкабинетом ГорОНО, затем была завучем в Пушкинской школе. Четвертого ноября 1941 г. она была мобилизована под Москву [9; 10].

Большую работу по сбору средств на нужды фронта проделала заведующая районо З.В. Зюзина. Под ее руководством школьники собрали 160 тыс. рублей на постройку самолета «Арзамасский школьник» эскадрильи «Валерий Чкалов» (Ла-5), за что получили благодарность И.В. Сталина. Летчики, летавшие на нем, сбили 20 фашистских самолетов. Были и радостные моменты: за сбор верхушек клубней картофеля пионерами и комсомольцами Арзамаса под руководством З.В. Зюзиной в марте 1945 г.

Горьковский ОблОНО наградил ее и школьников Почетными грамотами, а также выделил 17 тыс. рублей на организацию и содержание районной станции юннатов [11; 12].

Вот лишь некоторые имена арзамасских женщин, внесших свой вклад в дело Великой и очень долгожданной Победы. Сегодня, когда западные страны пытаются принизить роль советских граждан в разгроме фашизма, хочется вспомнить этих настоящих героинь, обратиться к документам, фотографиям, воспоминаниям, хранящимся в наших фондах, чтобы еще раз доказать, что это наша Победа, которую у нас никто не сможет отнять!

Закончить статью хотелось бы воспоминаниями о моей бабушке – Афимье Анисимовне Козокиной, уроженке села Ковакса Арзамасского района. Когда началась война, ей было без малого 16 лет. Труженик тыла, не покладая рук она работала в колхозе, на заготовке леса под Балахонихой, на добыче торфа под Балахной. Пережив войну, родила и вырастила 15 детей, получив высокое звание «Мать-героиня» вместе с грамотой Верховного Совета СССР и золотой материнской звездой [13].

Источники и литература

1. От Арзамаса до Берлина / Г.П. Голубев, А.П. Демочкин, А.Д. Одинцов и др.; под ред. И.А. Гордеевцева. – Арзамас: Юпитер, 1993. – 300 с.
2. Гришина В.С. О работе комсомола в 40-е годы и о 29 батальоне ВНОС // Научно-справочная библиотека Историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области (ИХМ ГАНО).
3. Голуб М.В. Воспоминания о Великой Отечественной войне // Научно-справочная библиотека ИХМ ГАНО.
4. Сводная справка к приказам войскам 5 ударной армии 3 Украинского фронта № 98/4 от 12 августа 1944 г. 295 л. – URL: http://podvignaroda.ru/?#id=34703289&tab=navDetailDocument
5. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2092.
6. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2853.
7. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 4008.
8. Кудина Е.И. Воспоминания. 1965 г. // Научно-справочная библиотека ИХМ ГАНО.
9. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 5060.
10. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 5210.
11. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 4067.
12. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 4387.
13. ИХМ ГАНО. Инв. номер н/в АКМ 2128.

СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ ТУМАНОВО АРЗАМАССКОГО РАЙОНА

Анна Владимировна Токарева[1], Александр Алексеевич Безруков[2]

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области.
Центральная городская библиотека им. А.М. Горького,
[1] ведущий библиотекарь, [2] библиотекарь 1-й категории
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас
E-mail: arzbiblio@yandex.ru; sasha.bezrukoff@yandex.ru

В статье рассмотрен многолетний опыт сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне в селе Большое Туманово Арзамасского района.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; село Большое Туманово; ветераны войны; труженики тыла; воспоминания; краеведение; памятники; Вахта Памяти; школьные музеи; боевые награды.*

В 2020 г. исполнилось 75 лет со дня Великой Победы. Дорогой ценой заплатил наш народ за честь и свободу страны. Только из Нижегородской области в Красную Армию ушло 844 тыс. человек. В дело Победы достойный вклад внесли и жители села Большое Туманово Арзамасского района, из которого на фронт отправилось 399 солдат, из них 209 погибло, защищая Родину.

Идут годы, но память о героях-земляках по-прежнему живет в селе благодаря делу, начатому Владимиром Васильевичем Лаптевым – ветераном войны, учителем истории. Он вел большую краеведческую работу, в т.ч. по сбору и сохранению источников о Великой Отечественной войне. Сам Владимир Васильевич в марте 1942 г. ушел на фронт добровольцем после окончания десятого класса. О страшных буднях начала войны он вспоминал так: «До сих пор помню свое боевое крещение. Училище должны были перевести в Горький, и эшелоны с курсантами и имуществом направились по железной дороге Ростов – Сталинград. На станции Зимовники (а некоторые – на станции Котельничи) эшелоны были подвергнуты налету немецкой авиации. Рушились станционные здания, горели склады с ГСМ, обрушилась водонапорная башня. Среди курсантов были убитые и раненые. Несколько эшелонов отвели с горящей станции в степь. И вновь налетели немецкие штурмовики, они с бреющего полета расстреливали бегущих курсантов, ведь у нас не было даже личного оружия, чтобы защищаться. Стервятники с выпущенными колесами пролетали над нашими головами, разворачивались и вновь хлестали пулеметными очередями. Было жуткое зрелище: на обожженной степи лежали убитые товарищи, многие были ранены. К вечеру этого же дня нам заменили курсантскую форму на полевую красноармейскую, выдали автоматы. Какой-то коман-

дир выступил перед нами, кратко поставив задачу: “Перед вами Дон, немцы рвутся с ходу форсировать его. Ваша задача – разгромить их. Перед вами наших частей нет”. Сразу после этого, в ночь, марш-бросок к Дону…» [1, с. 178–179]. Восемнадцатого июля 1944 г. Владимир Васильевич в боях за Львов получил тяжелое ранение, а через четыре месяца инвалидом II группы вернулся домой, где долгое время преподавал в Большетумановской основной школе. Двадцать девятого октября 1969 г. по инициативе В.В. Лаптева в этом образовательном учреждении был открыт краеведческий музей, одно из направлений которого – история Великой Отечественной войны. В течение многих лет его фонды пополнялись новыми экспонатами: фотографиями, картами, схемами фронтовых дорог и воспоминаниями земляков-ветеранов.

После смерти краеведа его дело продолжила Ирина Николаевна Кульпина – директор Большетумановской школы. Сегодня под ее руководством в музее организуются экскурсии и создаются информационные стенды на тему войны: «Наши земляки на фронтах Великой Отечественной войны», «Колхоз в годы войны», «Военные дороги земляков», «Героическое поколение», «Туманово в годы войны». О последнем стенде стоит сказать особо: здесь размещены материалы о вкладе тружеников тыла – женщин, подростков, стариков – в победу над врагом. Они заслуживают такого же уважения, как и солдаты, воевавшие на полях сражений. В те годы каждая пара рук была на вес золота, и люди это хорошо понимали, работая с раннего утра до позднего вечера. Партийная организация часто обращалась к сельчанам с патриотическими призывами: «Каждый успех на полях – помощь фронту!», «Каждый выигранный день в битве за урожай – удар по фашистам!», «Всё внимание, все силы – полевым работам!». Благодаря слаженным действиям работающих колхозы регулярно снабжали фронт всем необходимым: хлебом, овощами и мясом. Несмотря на то, что все работы велись вручную, урожай всегда убирался вовремя. Наравне со взрослыми трудились и школьники, за что весной 1943 года на районную Доску почета были занесены имена Александры Лодыгиной, Александры Гудковой, Алексея Морозова, Алексея Савина, Леонида Маслова. Многие жители села Большое Туманово, работавшие в то тяжелое время, были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [2, с. 138].

Фондовая, экспозиционно-выставочная и научно-поисковая работа школьного музея имеет большое значение для формирования исторической памяти населения как части культурного кода россиян.

Но важна не только музейная деятельность. Существенная роль в процессе увековечения подвига народа принадлежит также памятникам и монументам, поставленным в честь Великой Отечественной войны. Понимая

это, жители Большого Туманова хотели донести до каждого, что прошлое забывать нельзя. Поэтому 9 мая 1965 г. в честь двадцатилетия Победы над фашистской Германией в селе был заложен памятник погибшим. Сдьмого ноября того же года состоялось его торжественное открытие, на котором выступили ветераны-фронтовики Евгения Михайловна Соколова и Алексей Васильевич Швецов, после чего память о павших бойцах почтили минутой молчания. С тех пор 9 мая и 22 июня у памятника ежегодно проходят митинги с участием местных жителей и школьников.

Вот уже много лет ученики большетумановской школы несут Вахту памяти в своем селе. В отрядах юнармейцев проходят уроки мужества, на которых ребята рассказывают о вкладе своих земляков в дело Великой Победы. Еще в 2010 г. гостями таких мероприятий были ветераны войны, тогда в селе их насчитывалось одиннадцать человек. Привыкшие довольствоваться малым, они, однако, нуждались в заботе и внимании в силу преклонного возраста. Учащиеся школы часто помогали им по хозяйству: приносили воду, убирали дрова. А по праздникам ребята приходили к ним с подарками и сувенирами, сделанными своими руками. Но время неумолимо бежит вперед, и спустя десять лет в селе Большое Туманово не осталось в живых ни одного участника войны. Но память о них жива и сегодня. Так, в рамках туристско-краеведческой экспедиции в школе ежегодно проходит итоговая конференция, посвященная истории села Большое Туманово в годы Великой Отечественной войны. На семинарах юные исследователи выступают с отчетами о проделанной поисковой работе с последующей передачей материалов в музей.

Краеведческой работой в селе занимается не только школа, но и отдельные жители. Например, уникальный материал о земляках-тумановцах, не вошедших в Книгу Памяти, уже более тридцати лет по крупицам собирает Иван Петрович Гудков. У него в войну воевали отец, дед и дядя. Отец-связист вступил в бой 23 июня 1941 г. в городе Ровно, где проходило первое танковое сражение, а закончил войну в Берлине. Про своего деда краевед знал лишь, что тот был радистом и служил в артиллерии. Чтобы получить больше информации, Иван Петрович поехал в Центральный архив Министерства обороны РФ в Подольск. Для поиска нужных сведений пришлось посещать его несколько лет подряд во время отпусков. Он узнал, в какой части служил его дед, в каких сражениях участвовал, какими медалями был награжден. Также И.П. Гудков решил проследить боевой путь своего дяди Алексея Ивановича, который пришел с войны в звании гвардии сержанта с тремя наградами: «За взятие Будапешта», «За освобождение Вены», «За Победу над Германией». Как выяснилось, он был трижды представлен еще и к медали «За Отвагу»: при освобождении Краматорска, в боях под Кишиневом и в Австрии – за то, что огнем и прикла-

дом уничтожил семь фашистов. К сожалению, А.И. Гудков умер в 1986 г., так и не узнав об этом награждении [3, с. 17]. В 2000 г. Иван Петрович задался целью узнать, кто из 209 тумановцев, не вернувшихся с войны, был удостоен наград. Он снова ездил в Подольск с целью поиска информации. Награжденными оказались 39 человек. Все собранные материалы краевед внес в специальный альбом. Кропотливая работа И.П. Гудкова в Арзамасском военном комиссариате помогла дополнить Книгу Памяти нижегородцев именами почти тысячи солдат [3, с. 17]. Им же был уточнен список погибших земляков для мемориальных досок: были внесены имена братьев Волковых (Владимира, Павла, Михаила) [4, с. 211–212], Зимёнковых (Ивана, Якова, Михаила) [4, с. 268] и Швецовых (Василия, Андрея, Алексея) [4, с. 509–510].

В настоящее время Иван Петрович продолжает заниматься изучением судеб ветеранов своего села и делится результатами своих изысканий на страницах местных печатных изданий. В газете «Арзамасская правда» в 2014 г. была опубликована его статья «Солдатские дороги» о боевом пути гвардии сержанта Михаила Петровича Самсонова. Материал основан на воспоминаниях родственников и данных Центрального архива Министерства обороны. Гудковым были найдены две справки, подтверждающие некоторые факты из биографии участника войны. Факт ранения Самсонова отражен в первой справке: «Развивая наступление, части дивизии были направлены в город Сталиногорск. В этих упорных боях 12 декабря 1941 года Михаил Петрович был ранен в правую руку и направлен на лечение в рязанский госпиталь». Факт выписки сержанта из казанского эвакогоспиталя задокументирован во второй: «Через четыре дня в одном из ожесточенных боев на кенигсбергском направлении в районе города Топиау гвардии сержант Самсонов был тяжело ранен вражескими осколками. Арзамасец получил ранения лица, а также плеча и руки. Подобранный санитарами, после оказания первой медицинской помощи Михаил Петрович был отправлен в 14-й отдельный гвардейский медсанбат 18 стрелковой дивизии. Затем после операции в медсанбате через ряд эвакуационных госпиталей он был доставлен для дальнейшего лечения в эвакогоспиталь Наркомздрава № 5870 Казани. В Казани гвардии сержант М.П. Самсонов находился на лечении до 10 июля 1945 года» [5, с. 3].

Свою благородную миссию Иван Петрович продолжает и поныне.

Свидетельством непревзойденного героизма и подвига нашего народа являются боевые награды. Ордена и медали Великой Отечественной войны – это тоже своеобразная летопись истории страны, которую хранят потомки. Они служат нам напоминанием о том, какой ценой завоеваны счастье и мир, и если в каждой семье их будут передавать от поколения к поколению, то связь с прошлым не прервется никогда.

Из села Большое Туманово ордена получили семь ветеранов войны: Михаил Петрович Лаптев (Красной Звезды, Отечественной войны I степени), Василий Александрович Шиманов (Красной Звезды, Отечественной войны I степени), Василий Яковлевич Лисёнков (Отечественной войны II степени), Александр Иванович Маркианов (Отечественной войны II степени), Василий Иванович Хорьков (Отечественной войны II степени), Александра Ивановна Хорькова (Отечественной войны II степени), Николай Иванович Шиблев (Отечественной войны II степени). Медалями были награждены: Григорий Дмитриевич Глухов («За боевые заслуги»), Алексей Васильевич Забродкин («За боевые заслуги»), Петр Иванович Гудков («За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией», «За взятие Берлина»), Иван Васильевич Лаптев («За Победу над Германией»), Иван Николаевич Тарасов («За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За освобождение Варшавы»), Пелагея Ивановна Хорькова («За Победу над Германией») и др.

Тема Великой Отечественной войны – святая для всех граждан нашей страны. Наши деды и прадеды – великое поколение, которому все мы обязаны жизнью. Память об этом является нравственным стержнем, объединяющим разные поколения и слои современного общества. Это то, что позволяет нам чувствовать себя единым народом.

Каждое краеведческое исследование о войне – это ручеек, который вливается в большую реку нашей памяти о славном прошлом страны. Поэтому работу, проводимую в Большом Туманове, необходимо продолжать, развивать, поддерживать и пропагандировать.

Источники и литература

1. От Арзамаса до Берлина / ред. И.А. Гордеевцев. – Арзамас: Юпитер, 1995.

2. Край мой Арзамасский: устная история сельских поселений / сост. и отв. ред. И.М. Промахина. – М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.

3. Гудков И. Славный путь тумановцев-победителей: неизвестные страницы военной истории / беседовала О. Шорина // Арзамасские новости. – 2019. – 7 ноября.

4. Книга памяти нижегородцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Т. 3. Ардатовский, Арзамасский, Большеболдинский, Вадский районы / ред. А.П. Веров. – Н. Новгород: Нижполиграф, 1994.

5. Гудков И. Солдатские дороги // Арзамасская правда. – 2014. – 21 февраля.

Авторы выражают благодарность за сотрудничество и предоставленные материалы директору Большетумановской школы и руководителю краеведческого музея И.Н. Кульпиной, ее заместителю И.А. Коренковой и жителю села, краеведу И.П. Гудкову.

Раздел VI.
ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ АРЗАМАССКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

***Михаил Сергеевич Любов*[1],**
***Денис Сергеевич Машинов*[2]**

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра биологии, географии и химии, кандидат педагогических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: Lubov.arz@mail.ru;
[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, естественно-географический факультет, студент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: enaken2018@mail.ru

В статье рассматриваются климатические условия Арзамасского региона в XX-м и в наступившем XXI-м столетиях. Проводится анализ погодно-климатических изменений, произошедших за последнюю четверть века, в связи с потеплением климата в Нижегородском регионе.

Ключевые слова: *климат; погода; температура; осадки; сезон; Арзамасский регион.*

В настоящее время мы являемся свидетелями быстро меняющегося климата на планете. Особенно активно глобальное потепление происходит в высоких широтах. Россия – северная страна и естественно процессы, связанные с потеплением климата, становятся у нас все более заметными. Не исключением является и Нижегородская область в целом, и Арзамасский регион в частности. За последнюю четверть века существенно потеплели все месяца холодного сезона, обновились температурные рекорды в сторону повышения, сократился зимний период почти на десять дней. Так, средняя годовая температура воздуха в XX веке составляла около +4°С, а среднее годовое количество осадков – 480–550 мм. В наступившем столетии средняя годовая температура воздуха повысилась примерно на 1°С. Увеличилась на 1°С и средняя июльская температура воздуха и составляет +20°С, а средняя температура января возросла на три градуса, с –12°С до –9°С [1, с. 45].

Рассмотрим подробнее погодно-климатические изменения, произошедшие в XXI веке на территории Арзамасского региона. Довольно заметно изменились средние суточные температуры воздуха холодного сезона года – в связи с потеплением зим. Обновились за последний период некоторые абсолютные значения температур воздуха. Определенной динамике подверглись также показатели по количеству и характеру выпадения осад-

ков. Несколько нарушилась и традиционно-привычная продолжительность сезонов года [1].

Зима на территории нашего региона – это период, когда средняя суточная температура воздуха устойчиво держится отрицательной, сохраняя при этом постоянный снежный покров. Зимний период, согласно нашим наблюдениям, в Арзамасском регионе устанавливается в среднем с конца третьей декады ноября и продолжается до середины третьей декады марта. Следует заметить, что устойчивый переход к минусовым значениям температуры воздуха может происходить уже в начале ноября, но снег при этом часто отсутствует. Погодные условия такого ноября (и даже в отдельные годы декабря) считать зимними не целесообразно и вполне логично выделять, на рубеже осень – зима, под сезон – предзимье.

Самым поздним началом зимы в Арзамасском регионе за всю историю метеонаблюдений следует считать 31 декабря 2019 г., когда постоянный снежный покров установился только в предпоследний день календарного года. За последние 35 лет позднее становление зимы в наших широт стало все чаще повторяться. Так, в 1986 г. зима началась с 3 декабря, в 1990 г. – с 8 декабря, в 1991 г. – со 2 декабря, в 1992 и 1996 гг. – с 16 декабря, в 2005 г. – со 2 декабря, в 2006 г. – с 19 декабря. В 2008 г. с 12 декабря среднесуточная температура воздуха стала отрицательной, а снег выпал только 23 декабря. В 2009 г. наступление зимы произошло 8 декабря, в 2012 г. – 4 декабря, а в 2015 г. – 26 декабря. В XXI столетии раньше обычных сроков зима пришла в наш регион только в 2007 г. (10 ноября) и в 2011 г. (8 ноября) [2]. В метеорологической «летописи» нашего региона известно немало как суровых, так и очень мягких зим. Очень холодными были зимы 1941–1942 гг., 1955–1956 гг., 1968–1969 гг., 1978–1979 гг., когда средняя температура воздуха на протяжении всего зимнего сезона была существенно ниже многолетней нормы (на 5–10°С). Такие длительные температурные аномалии были обусловлены, главным образом, антициклональным состоянием атмосферы, когда периодически на территорию нашего региона с Карского моря происходило ультраполярное вторжение арктического воздуха, а также распространение антициклонов со Скандинавии и из районов Сибири. Естественно, при этом зимы были не только суровыми, но и малоснежными. Только зимой 1955–1956 гг. синоптическая ситуация носила иной характер, при которой циклоны с Атлантики проносились над территорией нашей области, и в тыловую часть этих вихрей затягивался арктический воздух. Соответственно, морозы периодически сочетались со снегопадами и метелями, что крайне редко наблюдается в наших широтах. Впоследствии сильные морозы также случались на территории нашего региона, но они были уже относительно кратковременными и происходили лишь в один из зимних месяцев (например, в январе 1987 г.).

Аномально теплыми наблюдались зимы 1982–1983 гг., 1988–1989 гг., январь и февраль 1999 г., зима 2000–2001 гг., 2006–2007 гг. (кроме февраля), 2015–2016 гг. (кроме января), зима 2019–2020 гг. (последняя стала самой теплой за всю историю метеонаблюдений!). В указанные периоды средняя температура воздуха была на 5–10°С выше климатической нормы. Довольно часто в наступившем столетии становился аномально теплым один из зимних месяцев. Зимние положительные аномалии температур обусловлены широтной циркуляцией, при которой на территорию нашего региона выносился теплый и влажный воздух с Атлантики и со Средиземного моря. В целом, для зимнего сезона характерны ветры с южной и западной составляющей.

Весна на территории нашего региона – это период, когда средняя суточная температура воздуха устойчиво держится в диапазоне положительных температур (не превышающих +15°С). При этом возможны как кратковременные похолодания, вплоть до отрицательных температур, так и резкие потепления – до летних значений. Таким образом, за начало весны в Арзамасском регионе принимают устойчивый переход средней месячной температуры воздуха через 0°С в сторону положительных значений и, соответственно, начало активного таяния снежного покрова. По нашим наблюдениям, за последние 35 лет весенний режим погоды в среднем устанавливается у нас в середине третьей декады марта, хотя еще полвека назад этот рубеж приходился на конец месяца. Очень раннее наступление весны в прошлом веке отмечалось лишь в 1975, 1983 и 1993 гг. (середина марта), в XXI веке – в 2001, 2002, 2004, 2014, 2015 гг., а в 2007, 2008, 2017, 2019 и 2020 гг. весенний режим погоды установился уже в первых числах марта. В остальные годы наступление весны происходило в соответствии со среднемноголетними сроками. Весной на севере Русской равнины еще лежит снег, а на юге подстилающая поверхность уже хорошо прогрета – это приводит к усилению меридианального воздухообмена. Следствием такого процесса становится частая и резкая смена погодных условий, чередование волн тепла и холода. В начале весны роль адвективного фактора (горизонтального перемещения воздуха) остается решающей в формировании погоды [3]. При антициклонических вторжениях с севера весны в нашем регионе становятся более холодными, чем обычно. Аномально холодной наблюдалась погода весной (практически весь сезон) 1941, 1942, 1945, 1955, 1965 и 1969 гг., а также в мае 1990 и 1994 гг., в апреле 1998 г., в мае 1999 и 2000 гг. Теплую весну обусловливают широтные циркуляционные процессы. В этом случае погода в Нижегородском крае определяется теплыми воздушными массами с Атлантического океана и выходом циклонов с южных морей. В мае при выносе сухого воздуха с Прикаспийской низменности и из Казахстана может возникать весенняя засуха и

устанавливаться летний температурный режим. Теплее обычных были весны 1950, 1951, 1962, 1967, 1973, 1975, 1977, 1983, 1984 гг., апрель 1990 и 1991 гг., весна 1995 г., апрель 2000 и 2001 гг., май 2003, 2005, 2007 гг., апрель 2008 г., весна 2010 и 2013 гг. При этом в апреле средняя месячная температура воздуха нередко оказывалась в два раза выше многолетней климатической нормы, а в мае превышала норму на 2–3°С. Фактически весенним месяцем с положительной среднемесячной температурой воздуха выдался март 2002, 2004, 2007, 2008, 2014, 2015 и 2017 гг.

Лето в Арзамасском регионе – это период со среднесуточной температурой воздуха выше +15°С, при условии отсутствия заморозков. Летний сезон, по нашим наблюдениям, практически совпадает с календарными сроками, т.е. устойчивый переход средней суточной температуры воздуха через 15-градусный рубеж в сторону повышения происходит в конце мая – начале июня и продолжается примерно до конца августа. В новом столетии раннее начало лета наблюдалось во второй декаде мая 2005 и 2007 гг. и в первой десятидневке мая 2010 и 2012 гг. Позднее положенных сроков лето пришло в 2003 г. (в конце второй декады июня), в 2008 г. (в конце первой декады июня), в 2017 г. (в середине третьей декады июня) и в 2018 г. (в конце второй декады). Запоздалый приход летнего сезона связан, как правило, с затоками холодного воздуха с арктических морей в мае и в начале июня. Иногда вторжение арктического воздуха в эти сроки приводит к ночным заморозкам. Повторяемость июньских заморозков на территории нашего региона составляет в среднем один раз в 10 лет. Так, в XXI веке в Арзамасе заморозки отмечались только в июне 2008 г. и 2018 г., а также в низких местах по району в июне 2014 г. (при этом в городе температура воздуха сохранялась слабоположительной). Заметим, что заморозок 2014 г. был аномально поздним для наших широт, он пришелся на 19 июня, причем после уже установившейся фактически летней погоды с 11 мая. Дольше обычного затянулось лето в 2002 и 2009 гг. – до середины сентября.

Летом заметно ослабевает циклоническая деятельность. Среди летних циклонов преобладают стационарные циклоны, приходящие и задерживающиеся на одной территории длительное время. Летом уменьшается влияние и снижается подвижность западных циклонов, а повторяемость северо-западных циклонов оказывается наименьшей среди сезонов года. Летом сохраняется роль Черноморских циклонов. С циклонами естественно связана дождливая и (кроме Черноморских) сравнительно прохладная погода. В теплый сезон велико влияние отрога Азорского антициклона, а также антициклонов стационарных, смещающихся с районов Арктики и Скандинавии. При этом, такие антициклоны могут становиться блокирующими, когда надолго преграждается путь воздушным массам с Атлантики. Арк-

тический воздух в антициклонах быстро прогревается, и так как он очень сухой, то часто вызывает засухи в нашем регионе. Таким образом, с антициклонами у нас летом связана жаркая и сухая погода.

Летние сезоны различаются у нас не только продолжительностью (от 40 суток в 1962 г. до 130 дней в 1957 г.), но и температурными условиями. Холодными были летние сезоны в 1950, 1962, 1976, 1978, 1993 и 1994 гг. В XXI веке существенно холоднее обычного был только июнь 2003 и 2017 гг. В указанные периоды средняя месячная температура воздуха была на 2–3°С ниже многолетней нормы. Самыми теплыми в прошлом столетии, в Нижегородском регионе, были летние сезоны 1951, 1972, 1981, 1988, 1995, 1997, 1998 и 1999 гг. [3, с. 85]. В наступившем веке заметно теплее обычного оказались июнь 2001 и 2002 гг., август 2007 г., июль и август 2010 г., июль 2011 г. В эти периоды средняя месячная температура воздуха превышала норму по климату на 3–4°С. Самыми жаркими летними сезонами было лето 1972 и 2010 гг. (средняя температура воздуха была выше нормы на 5–6°С). Аномально длительной жаре способствовал блокирующий антициклон, который на длительный период нарушил привычную западную циркуляцию воздушных масс. В целом, для летнего сезона у нас характерны ветры с северной и западной составляющей.

Осень в наших широтах начинается с переходом средней суточной температуры через 15°С к более низким значениям и появлением вероятности возникновения заморозков на почве и в воздухе. Как правило, это случается с началом календарной осени. Осенью, естественно, возможны как возвраты тепла (именуемые «бабьим летом»), так и волны холода с выпадением осадков в виде снега и крупы. В осенний период на территории нашего края наблюдается активизация циклонической деятельности, обусловленная практически одновременным углублением Исландского минимума. При этом значительно возрастает повторяемость северо-западных и западных циклонов со стороны Атлантики, а роль Черноморских и Средиземноморских циклонов снижается. С активизацией циклонов связана сырая и прохладная погода. Кроме того, быстрое прохождение циклонов приводит к затоку в их тыловую часть холодного арктического воздуха. Холоднее обычного (на 1–3°С ниже нормы) были осенние сезоны в 1946, 1959, 1968, 1973, 1976, 1987, 1993 и 1998 гг., в новом столетии немного ниже климатической нормы оказался только октябрь 2014 и 2015 гг.

Роль антициклонов осенью заметно меняется. Снижается почти вдвое повторяемость блокирующих антициклонов. При этом чаще проникают в наш регион Скандинавские антициклоны. В ряде случаев их роль может усиливаться за счет влияния Сибирского антициклона. Естественно, погода при этом бывает сухой, и если в сентябре она еще относительно теплая, то в октябре уже достаточно холодная, с ночными заморозками. Очень

теплая и сухая погода («бабье лето») устанавливается при малоподвижных антициклонах, формирующихся над Нижегородским Поволжьем или приходящих со стороны Каспия и Средней Азии. К наиболее теплым можно отнести осенние сезоны в 1955, 1963 и 1974 гг., октябрь 1981, 1985, 1991 гг., сентябрь 1994, 1995 гг., октябрь 1999, 2004, 2005, 2007 гг., октябрь и ноябрь 2008 г., сентябрь и октябрь 2009 г., октябрь 2011, 2012, 2013 и 2019 гг., сентябрь 2015 г. В эти периоды средняя месячная температура воздуха отклонялась в положительную сторону от 2 до 5°С.

Таким образом, за последние 35 лет в связи потеплением климата произошло изменение сроков наступления сезонов года; в частности, стала позднее наступать зима и раньше, по сравнению с прошлым столетием в наш регион приходит весна. На 2–3°С повысилась средняя месячная температура воздуха в холодный период. Увеличились максимальные значения температур и осадков для большинства месяцев года ***(Приложение 5, рис. 1, рис. 2).*** Увеличилась повторяемость аномальных погодных явлений.

Источники и литература

1. Любов М.С. Природно-климатические условия Арзамасского региона: монография. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 106 с.

2. Любов М.С., Янковская Е.В. Погодные аномалии начала XXI века на территории Арзамасского района Нижегородской области// Молодой ученый. – 2016. – № 16 (110). – С. 322–326.

3. Терентьев А.А., Колкутин В.И. Климат конца XX века в средней полосе Нижегородской области. – Н. Новгород: Изд-во «Вектор-ТиС», 2004. – 373 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ “УЧАСТКИ ДУБРАВ В КОММУНАРСКОМ ЛЕСНИЧЕСТВЕ” ПОЧИНКОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Валерий Александрович Шеманаев[1], Денис Михайлович Кривоногов[2], Артем Владимирович Щегольков[3]

[1] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра биологии, географии и химии, кандидат педагогических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: v.shemanaev@mail.ru

[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра биологии, географии и химии, кандидат биологических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: deniskrivonogov@mail.ru

[3] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кафедра биологии, географии и химии, ассистент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: mister.shegolkov@yandex.ru

В статье рассматривается экологический проект «Экологическое состояние памятника природы регионального значения "Участки дубрав в Коммунарском лесничестве"» Починковского района Нижегородской области» и его реализация с учащимися МБОУ Починковской СОШ и студентами естественно-географического факультета Арзамасского филиала ННГУ.

Ключевые слова: *памятник природы регионального значения; родной край; растительный мир; животный мир; Красная книга Нижегородской области.*

Поклон и вам – тенистые дубравы!
Могучие лесные дерева,
Найдем мы здесь и желуди, и травы,
И царство белого гриба!
Любимец жителей лесных – орешник!
Густой кустарник, что родит орех!
Для белок лакомство, конечно,..
И самому вкусить его – не грех!
Что за чудо – русский лес!
Сказка, быль и дар небес!
Рай, который все так ищут –
В общем – чудо из чудес!

(Игорь Ефремов)

Объект исследования: Памятник природы представлен высоковозрастными и средневозрастными дубравами, находящимися на различных стадиях вторичной сукцессии после выборочных рубок конца XIX – начала XX века. Дубравы расположены на землях лесного фонда в кварталах 47–49, 62–67, 78–83, 92–95, 102–104 Починковского межрайонного лесничества Коммунарского участкового лесничества ***(Приложение 6, рис. 1)***.

Первый ярус слагают дуб (*Quercus robur L., 1753*) и липа (*Tilia cordata Mill., 1768*) как минимум I класса боннитета ***(Приложение 6, рис. 2)***. Диаметр деревьев достигает 60–70 см (отдельные экземпляры до 1 м и даже более), высота деревьев 22–24 м. В первом ярусе иногда встречается береза. Второй ярус представлен клёном русским (*Acer platanoides L., 1753*). Подлесок образуют клён остролистный, дуб черешчатый, липа сердцелистная, вяз гладкий (*Ulmus laevis Pall., 1784),* а также лещина обыкновенная (*Corylus avellana (L.) H.Karst., 1881),* которая доминирует по проективному покрытию. На всей территории встречаются также жимолость настоящая (*Lonicera xylosteum L., 1753*), рябина обыкновенная (*Sorbus aucuparia L., 1753*) и бересклет бородавчатый (*Euonymus verrucosus Scop., 1771*). Травянистый покров представлен медуницей темной (*Pulmonaria obscura Dumort., 1865*), осокой волосистой (*Carex pilosa Scop., 1772*), звездчаткой лесной (*Stellaria holostea L., 1753*), фиалкой удивительной (*Viola mirabilis L., 1753*), снытью обыкновенной (*Aegopodium podagraria L., 1753*), чиной весенней (*Lathyrus vernus (L.) Bernh., 1753*), пролесником многолетним (*Mercurialis perennis L., 1753*), хохлаткой Галлера (*Corydalis*

solida (L.) Clairv., 1811), хохлаткой Маршалла (*Corydalis marschalliana Hayek*, 1925) (вид занесен в Красную книгу Нижегородской области) [1, с. 54].

На территории памятника природы и его охранной зоны отмечено гнездование следующих видов птиц: канюк (*Buteo buteo L., 1758*), черный коршун (*Milvus migrans Boddaert, 1783*), чеглок (*Falco subbuteo L., 1758*), обыкновенная горлица (*Streptopelia turtur L., 1758*), вяхирь (*Columba palumbus L., 1758*), обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus L., 1758*), длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis Pallas, 1771*), большой пестрый дятел (*Dendrocopos major L., 1758*), обыкновенный жулан (*Lanius collurio L., 1758*), зяблик (*Fringilla coelebs L., 1758*), дрозды: певчий (*Turdus philomelos Brehm, 1831*), черный (*Turdus merula L., 1758*) и белобровик (*Turdus iliacus L., 1766*), иволга (*Oriolus oriolus L., 1758*), обыкновенная чечевица (*Carpodacus erythrinus Pallas, 1770*), поползень (*Sitta europaea L., 1758*), сойка (*Garrulus glandarius L., 1758*), сорока *(Pica pica L., 1758*), обыкновенная горихвостка (*Phoenicurus phoenicurus L., 1758*), черноголовый щегол (*Carduelis carduelis L., 1758*), буроголовая гаичка (*Poecile montanus Conrad von Baldenstein, 1827*), речной сверчок (*Locustella fluviatilis Wolf, 1810*), садовая (*Emberiza hortulana L., 1758*) и обыкновенная овсянки (*Emberiza citrinella L., 1758*), черноголовая (*Sylvia atricapilla L., 1758*) и серая славки (*Sylvia communis Latham, 1787*), мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca Pallas, 1764*), малая мухоловка (*Ficedula parva Pallas, 1764*), зеленая пересмешка (*Hippolais icterina Vieillot, 1817*), пеночки: весничка (*Phylloscopus trochilus L., 1758*), теньковка (*Phylloscopus collybita Vieillot, 1817*), трещотка (*Phylloscopus sibilatrix Bechstein, 1793*) и зеленая (*Phylloscopus trochiloides Sundevall, 1837*); большая синица (*Parus major L., 1758*), длиннохвостая синица (*Aegithalos caudatus L., 1758*), лесной конек (*Anthus trivialis L., 1758*), соловей (*Luscinia luscinia L., 1758*), зарянка (*Erithacus rubecula L., 1758*) [2, с. 9].

Также памятник природы служит местообитанием ряда видов животных, нуждающихся в особом контроле за их состоянием в природной среде на территории Нижегородской области: осоед (*Pernis apivorus L., 1758*), обыкновенная пустельга (*Falco tinnunculus L., 1758*), зеленый дятел (*Picus viridis L., 1758*) [1, с. 153].

Кроме того, в биотопе памятника природы обитает мнемозина (*Parnassius mnemosyne L., 1758*) – бабочка, занесенная в Красную книгу Российской Федерации [3, с. 432].

Основная цель проекта: формирование экологической культуры, воспитание экологического сознания и этики у учащихся, а также развитие практических умений и навыков природоохранной деятельности.

Формы работы:

– проведение наблюдений на территории памятника природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве»;

– описание природно-территориального комплекса памятника природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве»;

– проведение природоохранных мероприятий на территории памятника природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве» (размещение кормушек, скворечников, дуплянок, искусственных площадок для гнездования дневных хищных птиц, соляные кормушки, размещение стожков сена для копытных млекопитающих (лось, косуля), уборка твердых бытовых отходов;

– информационная поддержка учащимся представлена в виде методических рекомендаций по проведению комплексной оценки антропогенных воздействий на окружающую природную среду;

– разработка эколого-краеведческих викторин;

– проведение конкурса рисунков, плакатов, презентаций, буклетов;

– проведение выставки поделок из разнообразного природного материала;

– проведение тематического вечера «Заповедный край»;

– выпуск экологических листовок, буклетов, газет;

– эколого-краеведческие походы по изучению флоры, фауны, природных особенностей родного края.

Оборудование и материалы: компас, рулетка, планшет, теодолит, перчатки, мешки для мусора, полевой дневник, методические рекомендации.

Ожидаемые результаты:

1 этап: Сбор информации о памятнике природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве».

2 этап: Оценка состояния природного памятника «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве».

3 этап: На основе обследования памятника природы составляются туристические маршруты.

Условия реализации проекта:

Индивидуальная самостоятельная деятельность учащихся по изучению памятника природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве».

Реализация проекта:

1) Разработка программы экологического практикума (методические рекомендации).

2) Проведение исследований в соответствии с методическими рекомендациями.

3) Презентация итоговых результатов.

Реализация проекта осуществляется по основным направлениям:

1. Климат и человек

1) Климатические условия местности (температурный режим, количество осадков).

2) Влияние климата на растительность и животный мир памятника природы.

3) Влияние климата на хозяйственную деятельность людей в данной местности.

2. Ландшафтная экология

1) Основные формы рельефа, характер местности.

2) Овражно-балочная сеть местности.

3) Современный ландшафт местности.

4) Почвы местности. Значение почвы в жизни леса.

3. Лесная экология

1) Тип растительности на данной местности.

2) Влияние почвы на компоненты леса.

3) Представители древесной растительности.

4) Травяной покров.

5) Влияние человека на растительный покров местности.

4. Птицы родного края

1) Перелетные, кочующие и оседлые птицы местности.

2) Наблюдение за птицами.

3) Изготовление кормушек, скворечников.

5. Экологический десант

1) Участие учащихся, студентов и местного населения в природоохранных мероприятиях на территории памятника природы.

2) Привлечение общественности к проблемам памятника природы.

6. Экологическая тропа

1) Выбор природных объектов для создания экологической тропы.

2) Требования к выбору маршрута экологической тропы (привлекательность, доступность, информативность).

3) Оборудование экологической тропы.

4) Правила поведения на экологической тропе.

5) Разработка экологической тропы, с целью организации и проведения экскурсий.

Паспорт на памятник природы

«Участки дубрав в Коммунарском лесничестве»

1. Местонахождение: Нижегородская область, Починковский муниципальный район, от села Починки 36 км на юго-запад, от поселка Коммунар 4 км на юг. Расположен на землях лесного фонда в кварталах 47–49, 62–67, 78–83, 92–95, 102–104 Коммунарского участкового лесничества Почин-

ковского межрайонного лесничества (по материалам лесоустройства 2004 г.).

2. Назначение: сохранение экосистем высоковозрастных водораздельных дубрав, редких видов животных и растений.

3. Площадь памятника природы: 1 921 га.

4. Категория: памятник природы.

5. Профиль: комплексный.

6. Пользователи, владельцы и собственники земель: Починковское межрайонное лесничество (Коммунарское участковое лесничество).

7. Состояние природного памятника и его территории (удовлетворительное).

8. Виды и режим использования:

1) Познавательное.

2) Научное.

3) Учебно-исследовательское.

4) Эстетическое.

9. Необходимые мероприятия:

– установка информационных щитов и знаков;

– разработка экскурсионных маршрутов;

– систематический уход за состоянием памятника природы;

– контроль за состоянием прилегающих территорий.

10. Наименование организаций, взявших на себя обязательства по охране памятника природы: Починковское межрайонное лесничество (Коммунарское участковое лесничество).

11. Утвержден постановлением Правительства Нижегородской области от 29 января 2013 г. № 38.

Сроки реализации проекта: 2021–2022 гг.

Выводы:

Памятник природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве» слабо задействован в работе по формированию экологической культуры и экологической этики учащихся общеобразовательных учреждений, студентов, молодежи и местного населения.

На сегодняшний день памятник природы «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве» является относительно небольшим изолированным островком первичных широколиственных лесов, окруженным агроландшафтами и вторичными лесами. Охранный статус памятника природы защищает его от интенсивного антропогенного воздействия. Уникальный природный комплекс первичных широколиственных лесов, некогда занимавших огромные площади южной части Нижегородской области, сохранился только в виде фрагментированных изолированных островков. Природные экосистемы первичных широколиственных лесов, обладающие

самым высоким биологическим разнообразием умеренной зоны Русской равнины, представляют собой реликтовые природные ландшафты, имеющие не только природоохранное и научное, но и образовательное, учебно-исследовательское и эстетическое значение.

Источники и литература

1. Красная книга Нижегородской области. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 2: Сосудистые растения, моховидные, водоросли, лишайники, грибы – Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2017. – 304 с.

2. Постановление Правительства Нижегородской области «Об образовании памятников природы регионального значения в Починковском муниципальном районе Нижегородской области» от 29 января 2013 г. № 38.

3. Красная книга Российской Федерации: Животные. – М.: АСТ, Астрель, 2001. – 862 с.

«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ», ИЛИ ПАНДЕМИИ В XIX ВЕКЕ

Ольга Владимировна Ратушная

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас

E-mail: ratushnaya-1999@mail.ru

В статье рассматривается эпидемиологическая ситуация в России XIX века. Особое внимание уделяется мерам, предпринимавшимся против распространения холерны. Подробно рассмотрена эпидемиологическая ситуация на территории Нижегородской губернии (области), в том числе в Арзамасе. Выявлены причины быстрого распространения инфекции в XIX и XXI вв. Особое место уделяется анализу свидетельств современников событий XIX века.

Ключевые слова: *эпидемиологическая ситуация; холера; пандемии; инфекция; XIX век; карантин; COVID-19.*

История эпидемий в нашей стране особенно актуальна в переживаемый нами период. Это связано с тем, что в конце 2019 г. была выявлена новая инфекция – COVID-19, которая перевернула жизнь миллионов людей по всему миру, в т.ч. и россиян. Правительства многих стран по всей планете прилагают колоссальные усилия в борьбе с новым вирусом, который, к сожалению, практически беспрепятственно шагает по всему миру. Меры, принимаемые властями разных стран, в т.ч. и России, вызвали бурные эмоции у населения, которое обязано их соблюдать. «Такого раньше не было! Это все политика властей! Вакцины нет! Вируса не существует!» и т.п. Знакомы ли вам подобные высказывания? Возможно, они принадлежат вашим знакомым, друзьям или просто прохожим. Думается, что с таким явлением вы сталкивались не раз.

При этом человек, знающий историю распространения эпидемий в России, уверенно скажет, что подобные высказывания принадлежат тем, кто мало осведомлен в данном вопросе.

«Нет холер! Какая там холера! Морят да разоряют только! Прочь ее! Не надо нам холер! Не хотим ее знать!» [1, с. 228]. Эти громкие возмущения обывателей эхом раздаются из далеких 1830-х гг. Ситуация поразительно знакома. Но если итог событий далекого прошлого нам известен, то события настоящего находятся в фазе кульминации. Рассмотрев события настоящие и события 200-летней давности, можно выявить закономерности и предугадать ход дальнейших событий, выявить причины складывания такой ситуации в настоящий момент.

В 1820-х гг. в Россию пришла «азиатская гостья» – холера. Это острое инфекционное заболевание, протекающее с тяжелой диареей, рвотой, приводящее к обезвоживанию организма, что, в свою очередь, приводит к моментальному летальному исходу [2]. Рассмотрим эпидемиологическую ситуацию в России того времени. В течение XIX века холера вторгалась в Россию восемь раз (в 1823, 1829, 1830, 1837, 1847, 1852, 1865 и 1892 гг.). После каждого вторжения следовало несколько холерных лет (от 4–5 до 12–13) [3, с. 246]. Таким образом, пандемий в России было несколько, но особенно ярко проявили себя первая и вторая, в 1830–1831 гг. и в 1847–1859 гг., соответственно [4, с. 1–2].

В 1829 г. холера перешла русские границы сразу в двух местах: в Оренбург через Персию, затем проникла в Тифлис и Астрахань. Осенью 1830 г. инфекция проникла в среднюю часть России. Во второй половине сентября она появилась в Пензенской, Симбирской и Костромской губерниях. Указом Сената от 24 сентября (опубликованным 4 октября), в названных губерниях был приостановлен рекрутский набор. Указом от 10 октября набор приостановлен по причине распространения холеры в губерниях Костромской, Курской и Слободско-Украинской [5, с. 4].

Распространение холеры было молниеносным. Современница тех событий так вспоминает холерные годы: «Она [холера] затронула многие губернии... <…>Тогда я решилась ехать через Смоленск, хотя бы сделав крюк верст в 300, но холера была и там. <...>Холера надвигалась быстро, словно бурный поток… Доктора, полиция были подняты на ноги, карантины были предписаны в каждом доме, где случится больной» [6, с. 137].

Правительство действительно ввело строгие карантинные меры. «Всю Россию изрезали карантины», – писал советский историк и литературовед С.Я. Гессен [5, с. 6]. Их было много, но организация самих мер оставляла желать лучшего. Сами ограничения носили малоэффективный характер. В качестве основных мер выступало окуривание проезжающих специальными средствами на заставах. В силу отсутствия должного руководства про-

исходило массовое скопление людей и повозок, что в итоге мало препятствовало распространению инфекции.

Известный историк литературы и цензор А.В. Никитенко так писал в своем дневнике: «Холера со всеми своими ужасами явилась в Петербург. Город в тоске. Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности. Город казался вымершим, одни холерные повозки колесили во всех направлениях. На улицах лежали трупы, которые не успевали убирать. Да еще десятки гробов постоянно тянулись на кладбища. <…> Постепенно закрывались учебные заведения, общественные собрания и увеселения» [5, с. 22].

Другие современники тех событий также упоминали о происходившем в те дни, главным образом, описывая мрачную картину холерных годов. Так, в записках Н.И. Бахметева читаем: «Явилась к нам губительная холера, которая беспощадно уносила ежедневно множество жертв, доходивших до 50 человек в день, так как в то время никто еще не знал этой болезни...» [7, с. 260].

А.Г. Гриббе приводит следующие данные: «Холера наводила такой ужас на все живущее, даже и на людей так называемого образованного класса, что не мудрено, если народ темный, полный суеверия и предрассудков, не в состоянии был объяснить себе ни причины заболевания, ни тех мер, которые принимались тогда всюду, в видах предотвращения распространения болезни, меры эти, едва достигали своей цели» [8, с. 515].

Из свидетеств современников можно понять, что холера заставила правительство России ввести чрезвычайное положение. Меры, предпринимаемые властями, не ограничивались только закрытием городов и разного рода учреждений. Борьбу с инфекцией старались четко организовать. Эти меры следует рассмотреть на примере Москвы, т.к. подобную организацию старались распространить по всей России.

В Москве устанавливались карантинные меры, представленные кордонами на границе Московской губернии. Подобные действия предохраняли от новых заносов инфекции в город и из него в другие губернии. Пропускали в Москву только по истечении 14–дневного карантина. На заставах проезжавших окуривали специальными составами. Москва была разделена на 20 округов. В каждом округе был прикомандирован врач, который именовался медицинским инспектором и был членом медицинского совета. В каждой части были открыты временные больницы (на 25–50 коек каждая), находившиеся в заведывании медицинского инспектора части. Инспектору помогали два врача и два студента-медика. Было предписано, чтобы жители в случае заболевания немедленно обращались в полицейский дом, откуда немедленно отправлялся к больному лекарь. Дежурный врач, прибыв

к больному холерой и подав пособие, должен был немедленно отправить его во временную больницу, находившуюся в части [4, с. 5].

По распоряжению Московского военного генерал-губернатора ежедневно публиковались «Ведомости о состоянии города Москвы», которые содержали информацию о числе зараженных, умерших и выздоровевших от холеры [4, с. 6–7].

С точки зрения здравого смысла, организация противоэпидемических мер выглядит относительно эффективной. Но слова современника тех событий позволяют усомниться в эффективности данных мер: «В первых числах сентября под Москвой разразилась губительная холера. Паника была всеобщая. Массы жертв гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размеры. Университет, все учебные заведения, присутственные места были закрыты, публичные увеселения запрещены, торговля остановилась. Москва была оцеплена строгим военным кордоном и учрежден карантин. Полиция силой вытаскивала из лавок и лабазов арбузы, дыни, ягоды, фрукты и валила их в нарочно вырытые (за городом) глубокие наполненные известью ямы. Оставшиеся жители заперлись в своих домах. Никто без крайней надобности не выходил на улицу. <…> Внутри карет или мучился умирающий, или уже лежал обезображенный труп. Всего в течение 1830 г. в России была поражена 31 губерния, заболело 68 091 человек и умерло 37 595» [3, с. 251].

Что касается Нижегородской губернии, то ситуация была схожа с Москвой. Особый интерес вызывает эпидемиологическая ситуация в Арзамасе.

Холера 1830-х гг. стремительно приближалась к Москве, проходя через Арзамас. Но сначала эпидемия проникла в Нижний Новгород, где во время ярмарки умерло несколько человек. На ярмарку приезжало огромное количество людей, в т.ч. и арзамасцы, торговавшие ходовым товаром. Юфть и холст расходились быстро, поэтому торговцы приезжали на ярмарку несколько раз. Именно они могли привезти из Нижнего Новгорода холеру. В целях предотвращения проникновения болезни в сам город был устроен карантин. Въезд и выезд из Арзамаса строго воспрещались. Около него были вырыты канавы, через которые переезд был воспрещен. Но даже такие меры не смогли обезопасить город. Холера проникла в Арзамас, и виной тому стала торговля капустой, которая была разрешена. Жители подвозили капусту к канаве, через канаву овощи перекидывали на другую сторону, деньги передавали по той же схеме. Считалось, что холера передается только через телесный контакт, а вещи эту «заразу» не передают. Это суждение, как мы видим, оказалось ошибочным. Примерно 20 сентября холера вышеуказанным способом проникла в город [9, с. 136–137].

Меры по предотвращению распространения эпидемии, предпринимавшиеся правительством, были, зачастую, весьма оправданными. Но как население эти меры исполняло? Как люди реагировали на подобные ограничения? Это очень важно, т.к. от людей, в большинстве своем, зависит скорость распространения инфекции. К подобному выводу пришла и международная санитарная конвенция 1866 г. в Константинополе: «Холеры распространяет человек, и никогда холера не шла быстрее человека в его передвижениях: это закон, который до сих пор не представляет исключений» [3, с. 245].

Несомненно, многие правительственные меры вызывали недовольство населения, чаще всего, оно имело под собой основания. Так, МВД разработало «Краткое наставление к распознаванию признаков холеры, предохранение от оной и средства при первоначальном ее лечении». В этом документе встречались меры, имевшие весьма специфический характер. Например, запрещалось «после сна выходить на воздух», «предаваться гневу, страху, утомлению, унынию и беспокойству духа», запрещалось «пить воду нечистую, пиво и квас молодой», «жить в жилищах тесных, нечистых и сырых» [5, с. 8]. Конечно, подобные запреты редко исполнялись населением. Даже самое простое указание относительно чистой воды было мало осуществимым, т.к. водопроводы, по большей части, отсутствовали. А если вспомнить ситуацию в Арзамасе, то качество воды в самом городе оставляло желать лучшего.

Сопротивление населения проявлялось, к примеру, в систематическом укрывательстве больных. Это, в свою очередь, приводило к репрессиям со стороны правоохранительных органов, о которых с ужасом вспоминали современники. Реакцию населения на меры правительства упоминала Н.И. Голицына: «То ли из упрямства отвергать все лекарские средства, то ли из страха перед карантинами, но раздражение сделалось таково, что народ взбунтовался» [6, с. 138]. «Город был запуган сперва предостережениями, наставлениями, распоряжениями и разнородными тревожными требованиями от полиции; далее оцепление домов, квартир, хватание на улицах, в лавках, в жилищах людей, которые от выпитой рекомендованной перцовки... Прибавьте, что пьяных появилось более обыкновенного», – вспоминает А.П. Башуцкий о ситуации в Петербурге [1, с. 227].

Подобную мрачную картину описывает еще один очевидец: «Больничные кареты разъезжали по городу и в них забирали заболевших на улицах и домах. Чтобы попасть в подобную карету простолюдину, достаточно было быть под хмельком или присесть у ворот, у забора, на тумбу. Не слушая никаких объяснений, полицейские его схватывали, вталкивали в карету и везли в больницу, где несчастного ожидала зараза. <…> Умирали в больницах вследствие чрезмерного старания и совершенного неумения

докторов. <…> Мушки, горчичники, микстуры, горячие ванны, наконец, кровопускания – вся эта масса средств рушилась на несчастных больных целой лавиной и, разумеется, чаще всего отправляла их в могилу» [5, с. 9].

Действительно, ситуацию осложняло то, что эффективных лекарств от холеры не было. Сама вакцина появилась только в конце XIX века, а до тех пор народ справлялся с холерой разными средствами. Бытовало мнение, что холера передается через воздух, и нужно очищать его. Лучшим средством для очищения признавалась хлорная вода, приготовленная из хлорированной извести. Весьма полезным считалось курение уксусом и другими кислотами [4, с. 6]. Но одним из самых распространенных методов считалось обращение к Богу. По всей России начались крестные ходы, проповеди и молитвы. «Я бы хотел переслать тебе проповедь мою здешним мужикам о холере; ты бы со смеху помер, да не стоишь ты этого подарка», – иронизировал в своем письме А.С. Пушкин, запертый карантинами мерами в своем нижегородском имении [5, с. 5].

Арзамас не стал исключением. В сентябре был совершен крестный ход вокруг города. В октябре архимандрит Александр совершил в соборе молебствие об избавлении от холеры. Однако крестные ходы приносили только вред населению, болезнь распространялась быстрее. Еще одним специфическим средством, которое использовалось в Арзамасе против холеры – курение навозом. Считалось, такой метод очищает воздух и отгоняет холеру [9, с. 136].

Еще одним фактором осложнения эпидемиологической ситуации стали всевозможные слухи, которые распространились по всей стране. Слухи рождались по причине непросвещенности и малообразованности большинства населения. Суть слухов сводилась к тому, что холеры не существует, что «зараза» является результатом злых замыслов правительства. «Наша чернь не могла себе усвоить, что удивительная смертность происходила от эпидемии. Народ приписывал тогда эпидемию господам, они будто бы подсыпали в реки, колодцы яд и отравляли людей» [10, с. 1–2].

«Народ совсем не верил в эпидемию и не желал знать про холеру. Он взбунтовался против докторов, которые приказывали забирать больных и насильно везти их в лазарет», – вспоминала Н.И. Голицына [6, с. 138].

А.К. Гриббе вспоминал: «Тщетно стараясь объяснить внезапность болезни и быстроту почти всегда смертельного исхода ее, народ остановился на мысли об отравлении ее начальством. Такое мнение мгновенно облетало в народе. А тут еще в некоторых местностях начальство распорядилось заблаговременно заготовить могилы и гробы, на случай большей смертности в народе» [8, с. 515].

Но население не просто распространяло слухи, оно начинало действовать под влиянием этих слухов. «Народ вдруг начал повсюду останавли-

вать пешеходов, а потом и ездивших в экипажах, обшаривая их карман и строго допрашивая. Находя порошки, склянки, чернь нередко заставляла захваченного тут же глотать всю свою аптеку. Видя несомненно вредное действие как испуга, так и подобной медикаментации, народ еще более убеждался в существовании отравлений», – вспоминал А.П. Башуцкий [1, с. 228].

Так развивались события первой пандемии, которая бушевала в России в 1830-х гг. Однако ей суждено было пробыть недолго. Например, в Арзамасе холера перестала проявляться уже зимой, унеся сравнительно немного жертв.

В 40-х гг. XIX века ситуация повторилась. Меры, предпринимавшиеся властями на тот момент, также были аналогичны мерам 1830-х гг. Представляется интересным рассмотреть лишь эпидемиологическую ситуацию в Арзамасе.

Вторая пандемия проникла в город в 1848 г. Первыми ее жертвами стали три человека из семьи Щелкиных. От холеры скончался сторож при соборе по имени Андрей. В начале июля началось молебствие в соборе о прекращении холеры. Как и в первую пандемию, был проведен крестный ход. От холеры умер и купец В.И. Шкарин, с похоронами которого связана весьма интересная ситуация. Старик, который обмывал его тело, тоже умер от холеры; между тем, Шкарина не хоронили до третьего дня, потом похоронили с выносом и торжественным отпеванием в приходской церкви. Сами поминки были обычными, без всяких ограничений. Это свидетельствует о том, что события недалекого прошлого мало чему научили арзамасцев. Все это имело последствия: эпидемия 1848 г. была самой сильной в Арзамасе за все XIX столетие. Но, как ни странно, число жертв было незначительным. Причину этого видели в известковом свойстве воды, которое, якобы, препятствовало распространению холеры. Когда холера закончила свое хождение по Арзамасу, было совершено молебствие с крестным ходом вокруг всего города, причем у кладбищ были отслужены панихиды по умершим от болезни [9, с. 163–164].

Из всего сказанного выше можно сделать ряд выводов, которые послужат основанием для последующих рассуждений. Эпидемиологическая ситуация в стране была достаточно тяжелой. Стоит заметить, что инфекция была в стране практически все XIX столетие и, несомненно, это имело печальные последствия, которые выражаются в показателях смертности.

Официальные данные Медицинского департамента МВД дают следующую информацию о последствиях урона от холеры: по приблизительным подсчетам, в течение XIX века в России холерных заболеваний было 4 837 236 случая, умерло от холеры 1 984 049 чел. При этом следует учесть, что официальные показатели сильно занижены [3, с. 247].

Подобные данные заставляют задуматься о причинах таких высоких показателей смертности. Из описанного выше положения дел в стране следует несколько умозаключений. Одной из причин массовой гибели людей является не столько опасность самой болезни, сколько меры, предпринимаемые против инфекции. Холера распространялась слишком быстро, и одной из причин этого были правительственные меры, которые носили малоэффективный характер. Если подробнее вспомнить ситуацию в городах, то закрытие города не всегда было эффективным, т.к. многие люди могли проникнуть в него, не соблюдая при этом 14-дневный карантин. Несоблюдение должных мер по самоизоляции привело к тому, что инфекция охватила все слои населения, в т.ч. высшие эшелоны власти. Например, цесаревич Константин и фельдмаршал Дибич умерли именно от холеры.

Еще одним фактором являлась нехватка медперсонала. Случалось, что на два уезда был всего один врач. Например, в Кирсановский уезд был отправлен безграмотный ветеринар [5, с. 14].

Мало того, не знали, чем конкретно лечить данную болезнь. Это незнание вынуждало людей обращаться к высшим силам, устраивать массовые крестные ходы, что, разумеется, лишь способствовало распространению болезни. Большое значение для распространения холеры имело плохое санитарное состояние населенных пунктов. Благоустройство многих городов оставляло желать лучшего. Источники водоснабжения в городах были повсеместно загрязнены.

Но стоит заметить, что русские врачи упорно боролись с эпидемиями холеры, многие из них погибли, но воспрепятствовать распространению инфекции не смогли.

И последнее, на что стоит обратить внимание – это поведение масс. Народ, в силу неверия и незнания, не соблюдал многие меры, не верил в средства, которые были способны частично предотвратить распространение инфекции. Неграмотному и непросвещенному человеку трудно было понять суть складывавшейся ситуации. Жители России XIX века, глубоко верующие, видели причины таких ужасных последствий в чем угодно, только не в результате распространения инфекции в стране. Итогом было огромное количество жертв, в т.ч. детей, смертность которых «зашкаливала». Например, в начале XIX века в России из 1 000 новорожденных мальчиков около 555 достигало шестилетнего возраста, менее половины – десятилетнего. Такая ситуация продолжалась вплоть до начала XX века. По величине детской смертности Россия стояла на одном из первых мест в мире [3, с. 212].

Теперь вернемся в настоящее время. Видя причины складывания ситуации в XIX веке, можно смело заявить, что события XXI века практически

ничем не отличаются. Отдельно хочется обратиться к нижегородцам, в частности к жителям Арзамаса. Несмотря на меры, которые предпринимаются правительством, в т.ч. губернатором Нижегородской области Г.С. Никитиным, значительная часть населения ведет себя так же, как это было в XIX веке. Предписания и рекомендации специалистов и властей по профилактике коронавирусной инфекции соблюдаются мало. Причиной тому становится либо неверие, либо полное непонимание серьезности складываемой ситуации. При этом наши с вами современники хорошо проинформированы о причинах распространения инфекции; доказана эффективность мер, направленных на противодействие распространения COVID-19. Но именно пренебрежительное отношение к мерам со стороны населения нашей страны (которое проявляют и жители Нижегородской области) ведет к еще большему распространению инфекции. Примером может послужить ситуация в Дивееве, куда, несмотря на сложную эпидемиологическую ситуацию, многие люди продолжали приезжать на церковную службу. Результат всем известен – массовое заражение прихожан и служителей COVID-19. А в марте 2020 г., по причине несоблюдения профилактических мер, заразилось 30 монахинь [11].

Несмотря на указы Г.С. Никитина, многие отказываются пользоваться средствами индивидуальной защиты, что приводит к росту заболеваемости. Общая картина плачевна – Нижегородская область в числе первых в рейтинге самых зараженных COVID-19 мест в России [12].

Меры, которые предпринимают власти, можно перечислять долго. Но эффективность этих мер по большей части зависит именно от населения, которое в силу скептицизма не всегда соблюдает их.

В заключение хочется добавить, что холера продолжалась без малого целое столетие, унесла тысячи жизней, а современная пандемия началась чуть более года назад. Медицина сделала огромный прорыв, но побороть инфекцию до сих пор не удалось... Как скоро мы сможем победить COVID-19? Повторится ли ситуация таких продолжительных пандемий в России XXI века? Это зависит и от каждого человека в отдельности. Надеемся, что рассмотрение эпидемиологической ситуации в России XIX века поможет прочитавшим эту информацию переосмыслить многое, задуматься и предпринять конкретные меры, которые помогут предотвратить повторение ситуации 200-летней давности.

Источники и литература

1. Башуцкий А.П. Первая холера в Петербурге // Русский вестник. – 1866. Т. 64. – № 7. – С. 225–236.

2. Толковый словарь С.И. Ожегова // Коллекция словарей и энциклопедий. – URL: https://gufo.me/dict/ozhegov

3. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. – М., 1960.

4. Скворцов Н.П. Материалы к истории холерных эпидемий в Москве. – М., 1893.

5. Гессен С.Я. «Холерные бунты». (1830–1832 гг.). – М., 1932.
6. Княгиня Н.И. Голицына о польском восстании 1830–1831 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. – М., 2004. – С. 61–165.
7. Записки и дневник Н. И. Бахметева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М., 2003. – С. 242–301.
8. Воспоминания А.К. Гриббе: холерный бунт в Новгородских военных поселениях, 1831 г. // Русская старина. Т. XVII. – СПб., 1876. – С. 513–536.
9. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас., 1911.
10. Слезскинский А.Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 г.: (по неизданным конфирмациям). – Новгород, 1894.
11. Викулова А.В Дивеевском монастыре до 30 сестер могут быть тяжело больны // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4331817
12. Оперативные данные // СтопКороновирус. – URL: https://xn--80aesfpebagmfblc0a.xn--p1ai/information/

СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСТРЫХ НАРУШЕНИЙ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ В АРЗАМАСЕ И АРЗАМАССКОМ РАЙОНЕ

Татьяна Александровна Кончина[1], Екатерина Александровна Морозова[2], Владимир Николаевич Кончин[3]

[1, 2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ,
[1] кафедра биологии, географии и химии, кандидат биологических наук, доцент
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: tatyana.konchina@mail.ru
[2] естественно-географический факультет, студентка
Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: morozova.ekaterina1407@mail.ru
[3] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Медицинский институт, студент
Россия, Республика Мордовия, г. Саранск; e-mail: arzvladimir@gmail.com

В статье приводится анализ статистических данных по заболеваемости населения г. Арзамаса и Арзамасского района острыми нарушениями мозгового кровообращения за 2017–2019 гг. Показано, что по сравнению с 2000–2002 гг. показатели заболеваемости ОНМК выросли, а число летальных исходов значительно уменьшилось благодаря своевременной госпитализации и профилактическим мероприятиям. В связи с ростом заболеваемости актуально просвещение населения о сердечно-сосудистых заболеваниях и способах оказания первой помощи.

Ключевые слова: *мозговое кровообращение; ОНМК; инсульт; Арзамас и Арзамасский район.*

Заболевания головного мозга являются одной из важнейших медико-социальных проблем, являющейся причиной заболеваемости, инвалидности и смертности во всех возрастных группах населения [1; 2, с. 17]. Проработка и реализация мероприятий, направленных на снижение смертности населения от острых нарушений мозгового кровообращения (ОНМК) и

в целом сердечно-сосудистых заболеваний, является злободневной в настоящее время.

Цель работы: изучить состояние проблемы острых нарушений мозгового кровообращения в г. Арзамасе и Арзамасском районе. **Объект исследования:** статистические данные по заболеваемости ОНМК на базе неврологического отделения ГБУЗ НО ЦГБ г. Арзамаса.

Материалы и методы исследования. На базе неврологического отделения ГБУЗ НО ЦГБ г. Арзамаса была проведена статистическая обработка историй болезней пациентов с ОНМК за три года (с 2017 г. по 2019 г.) и сравнение результатов с данными за трехлетний период начала XXI века (с 2000 г. по 2002 г.).

Результаты и обсуждение. При сравнении статистических данных на основании историй болезней пациентов с ОНМК за три года видно, что патологический процесс в 90% случаев связан с недостаточностью кровообращения, что приводит к ишемическому инсульту, а внутричерепное кровоизлияние составляет 10% от проанализированных историй болезней (рис. 1).

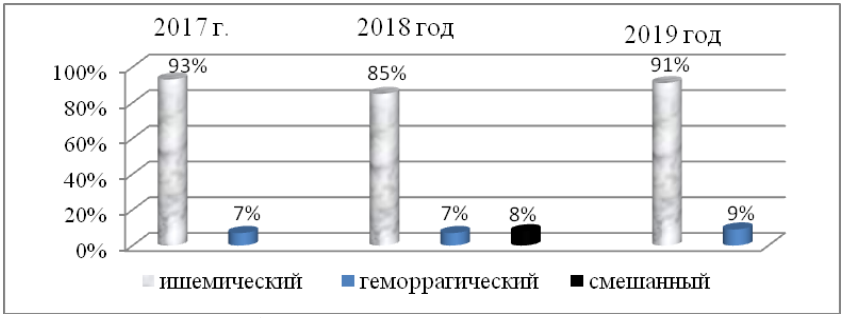


Рис. 1. Классификация ОНМК (в %) у пациентов за 2017–2019 гг.

Показано, что большую часть пациентов составляют граждане старше 60 лет – 2 186 чел. (61%), отмечено достоверное снижение количества заболевших этой возрастной группы с 814 чел. в 2017 г. до 559 чел. в 2019 г., что, возможно, связано с усилением профилактических мероприятий (табл. 1).

Таблица 1

Зависимость заболеваемости ОНМК в зависимости от возраста (2017–2019 гг.)

Возраст	***2017 г.***	***2018 г.***	***2019 г.***	***Всего***
60–69 лет	814	813	559	2 186
50–59 лет	224	289	656	1 169
40–49	49	26	141	216

30–39	35	4	0	39
20–29	10	0	0	10
Всего	***1 122***	***1 132***	***1 356***	***3 610***

Число людей, перенесших инсульт в возрасте 50–59 лет, за три года исследования оказалось вдвое меньше по сравнению с шестидесятилетними и старше, составляет 1 169 чел. (32%), а в возрасте 40–49 лет – в 10 раз меньше: 216 чел. (6%). В то же время, в 2019 г. наблюдается рост заболеваемости среди людей в возрасте 40–49 лет в три–пять раз по сравнению с двумя предыдущими годами, что, видимо, связано с усилением воздействия на организм человека различных стрессовых ситуаций в последнее время. К сожалению, ОНМК встречается у пациентов больницы и у молодых людей, хотя количество пациентов в возрасте от 20 до 29 лет и не превышает 1% (в 2017 г.), но этот процент дает начальную статистику заболеваемости молодежи.

За период 2017–2019 гг. среди пациентов, перенесших инсульт, летальность в стационаре в среднем за год находилась на уровне 1–3% (рис. 2).

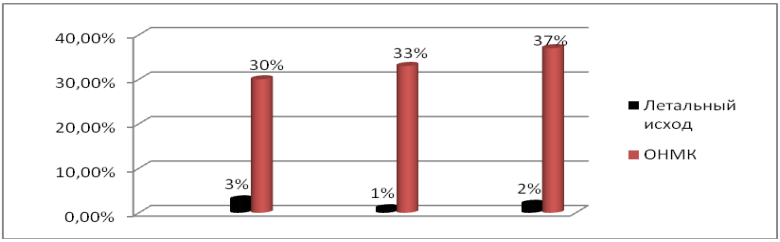


Рис. 2. Количество летальных исходов больных с ОНМК за 2017–2019 гг. (в %).

Имея такие низкие показатели летальности от инсульта, можно говорить об эффективности ухода за пациентами, перенесшими ОНМК.

Об эффективности ухода за данной категорией больных говорят и показатели реабилитации после перенесенного ОНМК, которые составляют 97% от общего числа госпитализируемых.

Основной контингент постинсультных больных неврологического отделения ЦГБ г. Арзамаса составляют лица среднего и пожилого возраста, являющиеся инвалидами 1, 2 и 3 группы (83%). Среди пациентов данной категории работоспособными являются 37%, из них 18% – инвалиды 2 и 3 группы, а 63% пациентов в силу своего возраста и состояния здоровья не имеют возможности работать (рис. 3).

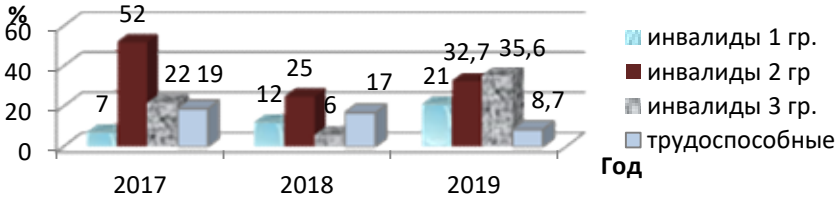


Рис. 3. Инвалидизация и трудоспособность среди больных за 2017–2019 гг. (в %)

Нами для сравнения была взята статистика госпитализаций и смертности от ОНМК за 2000–2002 гг. (табл. 2).

Таблица 2

Госпитализация и смертность от ОНМК в 2000–2002 и 2017–2019 гг.

Показатель	***2000***	***2001***	***2002***	***2000-2002***	***2017***	***2018***	***2019***	***2017-2019***
Госпитализация больных с ОНМК, чел.	203	200	231	211,3 ± 17,1	1125	1217	1358	1233,3 ± 117,4
Смертность, чел.	50	47	54	50,3 ± 2,0	34	12	25	23,7 ± 6,4

Из обработанных данных видно, что госпитализация больных с инсультами в 2017–2019 гг. достоверно значительно выше, чем в 2000–2002 гг., но смертность больных гораздо ниже! С открытием сосудистого центра в рамках программы «Развитие здравоохранения Нижегородской области» и регионального проекта Нижегородской области «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» всех пациентов с подозрением на ОНМК стали привозить своевременно в стационар и не оставлять дома с формулировкой «нельзя довезти» или «нельзя тревожить»; отсюда увеличение числа пациентов в 5,8 раза. Использование интенсивной терапии в первые три часа после того, как человек почувствовал себя плохо, позволяет спасти многие жизни, о чем говорит падение смертности в стационаре в 2,1 раза за последние 17 лет.

В плане снижения риска развития осложнений в отделении проводятся меры профилактики с учетом фаз восстановления организма.

Выводы. Таким образом, согласно статистических данных за 2017–2019 гг. выявлено преобладание случаев ишемических инсультов над геморрагическими, возрастной период заболеваемости в большей степени приходится на лиц 60–69 лет и старше 70 лет. С каждым годом число госпитализируемых в неврологическом отделении ЦГБ г. Арзамаса и Арзамасского района растет. Сравнив показатели заболеваемости ОНМК за

2000–2002 гг. и 2017–2019 гг., видно, что число летальных исходов значительно уменьшилось благодаря своевременной госпитализации больных в неврологическое отделение, функционированию центров здоровья, где можно выявить заболевания на первых стадиях. В поликлиниках в целях профилактики проводится ежегодная диспансеризация населения, что является очень важной мерой предотвращения и развития сердечно-сосудистых заболеваний [3, с. 11]. В связи с ростом числа госпитализируемых больных актуально просвещение школьников и населения в целом о сердечно-сосудистых заболеваниях и оказании первой помощи.

Источники и литература

1. Чазова И.Е., Ощепкова Е.В. Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями: проблемы и пути их решения на современном этапе // Вестник Росздравнадзора. Научно-практический журнал. – 2015. – № 5. – С. 7–10.

2. Ярош А.С., Пирогова Л.А., Филина Н.А. Современное состояние проблемы острых нарушений мозгового кровообращения // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2014. – № 3. – С. 17–20.

3. Бойцов С.А., Калинина А.М., Ипатов И.В. Диспансеризация взрослого населения как механизм выявления сердечно-сосудистых заболеваний и формирования диспансерного наблюдения // Вестник Росздравнадзора. Научно-практический журнал. – 2015. – № 5. – С. 11–18.

К ИСТОРИИ РАМЗАЙСКОЙ МЕСТНОСТИ

Алексей Александрович Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: blauer-reiter@yandex.ru

Статья посвящена истории одного из экологических объектов, находящихся в черте города Арзамаса – пруда Рамзай. Акцент сделан на борьбе за использование Рамзая в качестве источника городского водоснабжения в 1889–1936 гг.

Ключевые слова: *Арзамас; Рамзай; водопровод; источник; Ф.И. Владимирский.*

Современное состояние Рамзайской местности, как ее называли в позапрошлом веке, почти не позволяет представить себе ее изначальные облик и значение. В наши дни она разорвана индустриальной застройкой на несколько фрагментов: пруд Рамзай (три небольших заболачивающихся водоема на пересечении улиц Калинина и 9 Мая); Пушкинская роща; источник на территории Арзамасского машиностроительного завода; овраг, отделяющий садоводства №№ 2 и 3 от основной территории города. Основная часть оврага Рамзай занята в наши дни автомобильной дорогой, ведущей в 11-й микрорайон.

Облик Рамзайской местности позволяют ныне восстановить лишь архивные источники и указания Н.М. Щеголькова и Ф.И. Владимирского. Самая общая орографическая характеристика Рамзая дана в проекте К.И. Калиновского по водоснабжению Арзамаса за счет оврагов Шамки, разработанном в середине 30-х гг. XX века: «Последними из крупных оврагов в системе Шамки являются два оврага Рамзая с общей водосборной площадью ½ км; овраги эти узки, глубоки и при небольшой длине довольно круты» [1, д. 283, л. 93]. Столь же схематичен автограф Ф.И. Владимирского, на котором мы можем видеть общее расположение оврага Рамзай относительного города ***(Приложение 7, рис. 1)***.

Гораздо больше подробностей сообщает нам «Гидрологический очерк города Арзамаса», составленный гидрогеологом по фамилии Подосиновик 4 апреля 1932 г.: «На восток от города Арзамаса расположено четыре оврага... Три отдаленных оврага и сама балка Шамка, за исключением времени паводков, сухи. Ближайший же овраг “Рамзай”, отстоящий от города Арзамаса в 0,5 км, может давать воды не больше 1 000 ведер в сутки, вода удовлетворительного качества. Анализ воды оврага “Рамзай”: запах – отсутствует, цветность – незначительная, вкус – удовлетворительный, реакция – кислая, окисляемость – 16,46, жесткость – 3 градуса, аммиак – есть, хлор – слабые следы, азотная кислота – слабые следы, азотной и серной – нет (Перетрутов). Ниже “Рамзая” расположен “Горячий пруд”, возможность водоотдачи которого колеблется от 500 до 1 000 ведер в сутки» [2, д. 1, л. 3]. Анализ воды отчасти объясняется тем, что в те времена вокруг Рамзайских прудов располагалось городское парниковое хозяйство, засорявшее пруды отчасти отходами, отчасти – органическими удобрениями. Богата подробностями и схема Рамзайской местности из опубликованной в 1915 г. «Записки об устройстве водосбора…» Ф.И. Владимирского ***(Приложение 7, рис. 2)***. Ромбиком на ней обозначен старый Рамзайский колодец, тщательно прорисованы все боковые вершины, отражены водоемы, существовавшие в верховьях Рамзая.

Наконец, благодаря указаниям Н.М. Щеголькова и Ф.И. Владимирского нам известно, что в середине XIX века в Рамзайской местности сохранялись еще остатки соснового бора, изначально росшего на его водосборной площади, а там, где бор уже был сведен, деревья были замещены плотными зарослями орешника. За счет этого водосборная площадь Рамзая хорошо удерживала и талые, и дождевые воды. Однако вскоре бор был сведен окончательно, а орешник постепенно вырубался, и в конце XIX века Рамзай представлял собой абсолютно открытую местность, использовавшуюся под городской выгон. Скот выбивал почву, на которой не было теперь достаточно растительности, чтобы удержать воду, а также уплотнял ее, затрудняя проникновение в нее воды.

Таким образом, первоначальное состояние Рамзайской местности можно охарактеризовать следующим образом: территория ее охватывала около квадратного километра и представляла собой водосборную площадь глубокого короткого оврага с двумя вершинами (получивших названия ближнего и дальнего или 1-го и 2-го Рамзаев), поросшую сосновым бором с зарослями орешника на опушках.

Основных объяснений названию «Рамзай» два. Во-первых, формант *«ай»* указывает на личное мужское имя. Соответственно, Рамзай – это антропоним, превратившийся в гидроним, т.е. имя, указывающее на принадлежность данного места какому-то лицу. Таким образом толкуются все топонимы, оканчивающиеся на «ай». Во-вторых, корень *«рамз»* возводится к *«рамсемс»* – покупать, что трактуется как указание на существование рынка в этом месте. Также «Рамзай» можно возвести к *«рамазь»* – купленный, и перевести как «купля», т.е. выкупленная кем-то у кого-то земля. Однако, учитывая дальнейшее использование Рамзая, возможно, что речь все-таки идет именно о месте покупки хорошей питьевой воды.

Рамзай – один из немногих гидронимов Арзамаса, сохранивших свое мордовское звучание. Это понятно по отношению к рекам Шамке и Тёше, текущим не только в городской черте. Однако овраги и водоемы в Арзамасе и окрестностях носили вполне русские названия: Мокрый овраг, Чибисов (потом – Цыбышевский) овраг, Воровской овраг, Брёхово болото, Горячий пруд, Сальниковы пруды, Чистое озеро, Святое озеро и т.д. Возможно, объяснением этому является применение оврага Рамзай в культовых целях арзамасской мордвой. Этнографами зафиксирован обряд моления первого выпаса скота (*литвем панем озкс*). Он проводился обычно в овраге с родником, по склонам которого зажигали костры. После молитвы верховному богу и покровителю скотоводства Велень пазу стадо прогоняли между огнями. Причем, если поблизости от села не было оврага, то для скота делали специальную траншею [3, с. 122]. Очевидно, мордва, проживавшая в Арзамасе, не могла бы найти лучшего места для исполнения этого обряда.

Гипотеза об обрядовом значении Рамзая подкрепляется и тем, что Н.М. Щегольков в главе «Арзамаская жизнь от Пугача до француза (1775–1812 гг.)» указывает, что 24 июня, т.е. на праздник Рождества Иоанна Крестителя, арзамасцы устраивали гуляния именно на Рамзае. Гуляния проходили вечером, а утром этого дня к Рамзаю от Всехсвятской церкви отправлялся крестный ход. Сам характер гуляний был ритуальным, на них не допускались игры и хороводы, только дети могли поиграть в стороне в лапту. Даже угощение считалось неприличным, а гуляющие были жестко разделены по половозрастным группам [4, с. 144–145]. Это, на наш взгляд, было призвано удержать в узде оргиастические традиции дохристианского

праздника летнего солнцестояния, ведь арзамасцы в XIX столетии праздновали на Рамзае Ивана Купалу (слово «Купала» представляет собой возможный перевод греческого «Баптистос» – Крститель). Для мордовского населения Арзамаса это был очень удобный повод отметить свой праздник летнего солнцестояния, который в наши дни реконструируется под названием *«Валда шинясь»*. Необходимым атрибутом этого праздника в мордовском варианте было питье воды из источника, а в русском – ночное купание.

В повседневной жизни арзамасцев Рамзай играл другую, но куда более важную роль. В XIX веке он являлся основным источником качественной питьевой воды, особенно в зимний период. План города, составленный титулярным советником Петром Дроновым 26 августа 1832 г., так описывает снабжение арзамасцев водой: «Жители водою довольствуются. Живущие под горою из колодезей, а живущие на горе – из двух прудов Сальниковых, коих на зимнее время для употребления в пищу и на прочие потребности недостаточно, а ездят на состоящие в выгонной земле пруды для сей надобности запруженные, Рамзай и Горячий называемые, на расстоянии от городской межи двух верст. Бедные же жители тают снег и употребляют на пищу и прочие потребности» [цит. по: 5]. На самом деле жители Арзамаса вовсе не довольствовались водой. В статье, посвященной эпидемии холеры 1848 г., Н.М. Щегольков писал: «Эпидемия 1848 г. была самой сильной в Арзамасе за все XIX столетие. Умерло сравнительно немного, и врачи пришли к заключению, что само известковое свойство воды в Арзамасе препятствует развитию холеры. Это, кажется, единственное утешение для Арзамаса, очень бедного хорошею питьевою водою» [4, с. 212].

Поэтому значение Рамзая как источника мягкой питьевой воды для города было не просто велико, а огромно. Не известно достоверно, откуда планировал вести городской водопровод Н.Я. Стобеус в 1849 г., но весьма вероятно, что из Рамзайской местности. В 1874 г. идею водопровода пытался реанимировать Ф.И. Владимирский, избранный тогда гласным. В 1889–1891 гг. Рамзай и Горячий пруд стали объектом исследований городского головы Ивана Ивановича Потехина на тот же предмет (в некоторых работах указан 1899 г., но это ошибочная дата). Во всех трех случаях проекты были закрыты по настоянию Городской управы, не хотевшей финансировать «водопровод для бедных». Только в последнем случае отделались формальным указанием на недостаточность источников для устройства водопровода [6].

В 90-е гг. XIX века монополия Рамзая на снабжение города мягкой водой была нарушена. В 1890 г. стали использоваться источники Мокрого оврага. Оттуда вывозили от двух до четырех тысяч ведер в сутки, тогда как

Рамзай давал только одну тысячу ведер в сутки. Вода с Мокрого оврага стоила 40 коп. за бочку (1 коп.у за ведро – 12 литров) [7], а с Рамзайских колодцев – вдвое дороже [8]. Однако если на Рамзай еще можно было ходить пешком, то с Мокрого оврага воду необходимо было возить.

Именно с этого момента начинается письменная, задокументированная (хотя и неравномерно) история Рамзая. В 1889 г., по свидетельству Ф.И. Владимирского, был проведен первый опыт исследования Рамзайских источников методом бурения. Работы проходили под наблюдением Алексея Львовича Ядринского, однако результаты их были опубликованы лишь в 1915 г. Ф.И. Владимирским. По замечанию последнего, недостаточная техническая оснащенность помешала тогда исследовать водоносный слой на всю глубину. Однако продолжение этих работ в 1890 и 1891 гг. позволило засвидетельствовать катастрофический момент в истории Рамзая – резкий упадок мощности его водоносного слоя, выразившийся в двойном падении дебета с двух до одной тысяч ведер питьевой воды в день [9]. Это стало результатом сочетания двух факторов – морозной зимы в сочетании с жарким летом и деградации почвы Рамзайской местности под влиянием выпаса скота.

Соответственно, именно с начала 1890-х гг. начинается история борьбы за освоение новых источников водоснабжения и одновременно – за реконструкцию Рамзая. Первый раунд этой борьбы относится к периоду с 1896 по 1901 г., когда очередной «водный голод» заставил Городскую управу вернуться к исследованию источников водоснабжения и рассмотрению проектов их улучшения. На 25 января 1896 г. дело с источниками воды в Арзамасе обстояло следующим образом: «…в самом Арзамасе имеется река Теша, 9 общественных прудов, 50 прудов частных, колодцев частных до 300, колодцев общественных 4, затем близ города водосборы или колодцы Рамзайские и озеро, именуемое “Горячий”» [10, д. 40, л. 4]. Однако «Доклад, подготовленный комиссией по изысканию способов снабжения города Арзамаса питьевой и пищевой водою» указывал уже на «крайнюю недостаточность питьевой воды в Рамзайских колодцах», при том, что и Мокрый овраг давал тогда не более 4 000 ведер [10, д. 40, л. 9].

Именно в этих условиях появился первый вариант «Записки по устройству в городе Арзамасе водопровода» Ф.И. Владимирского, в которой в очередной раз констатировалась недостаточность источников Рамзайской местности, а водопровод предлагалось проводить сразу из нескольких мест: в нижнюю часть города – из Рамзая и Горячего (это было удобно, так как вода могла идти самотеком), в верхнюю – из Мокрого оврага (здесь уже нужна была насосная станция). Процитируем источник: «Вся площадь Рамзайской местности, около одной квадратной версты, может дать воды только до 2 000 ведер в сутки, а в сухие годы, как, например, 1891 и 1892,

и было в Рамзайских источниках не более 1 000 ведер; Горячий же пруд, натурального происхождения, оказался обыкновенным скоплением вешних вод… Наконец, без особенных денежных затрат легко можно подать в город воду Горячего пруда, настоящий уровень вод которого находится не менее, чем на 3 сажени выше нижней части города. Настоящий же уровень воды Горячего пруда можно поднять, в свою очередь, тоже без особенных затрат на одну сажень, и тогда Горячий пруд имел бы до 2 000 000 ведер. Вода Горячего пруда, хотя и скопная, но как полевая и тем более дезинфицированная лежащим на дне пруда торфом, может считаться довольно безвредною и для питьевого довольства… А всего следовательно воды Мокрого оврага, Горячего пруда и колодцев Рамзайских к нижней части города преимущественно для питьевого довольствия можно иметь в пользовании города от 25 000–30 000 ведер в сутки» [10, д. 40, л. 22–23]. Заметим, что из этих объемов питьевой воды на Рамзай и Горячий приходилась не более пятой части.

Однако Городская управа упорно не хотела менять положение дел и даже попыталась «научно» опровергнуть мнение оппонентов о недостаточности источников Рамзая. Двадцать третьего декабря 1897 г. член управы Василий Иванович Михайлов получил задание сравнить дебет Рамзая и Мокрого оврага, причем довольно экстравагантным способом (орфография подлинника частично сохранена):

«От управы. Декабря 23 дня 1897. № 1812. Отпуск. Члену Городской Управы Василию Ивановичу Михайлову.

Нуждаясь в точных сведениях о количестве питьевой и пищевой воды, получаемой жителями г. Арзамаса ежедневно из всех водосборов, колодцев и прудов в Рамзайской местности, Городская управа просит Вас принять все зависящие от Вас меры к тому, чтобы 24 декабря – в Рождественский сочельник – были записаны все без исключения лица, которые воспользуются в этот день – с раннего утра до поздней ночи – водою из всех указанных Рамзайских водосборов, колодцев и прудов, причем должны быть записаны все водовозы, посланные от обывателей и от всех учреждений, а равно и бедные жители с кадками, и против каждого из них должно быть отмечено о числе взятых бочек или кадок и какой приблизительно емкости. Для исполнения сего поручения Вы можете пригласить Заведывающего городским хозяйством Тихонова, лесного объездчика Владимира Белянинова и двоих санитарных сторожей, если же Вы найдете это неудобным, то можете пригласить для сего посторонних лиц за плату по Вашему усмотрению» [10, д. 40, л. 45].

Мощность источников планировалось сравнить по количеству взятой из них воды в день, когда, с одной стороны, расход ее был максимален, а, с другой, в силу зимнего времени, дебет источников должен был быть неда-

лек от минимума. В этом было рациональное зерно, но в эксперименте абсолютно не учитывался тот факт, что Мокрый овраг был гораздо дальше от города, чем Рамзай, в связи с чем расход воды на Рамзае никак не мог быть меньше, чем на Мокром. Итоги никого не удивили. Согласно «Ведомости воды, отпущенной обывателям 24 декабря 1897 года на водосборе Мокрого оврага», таковой было 59 бочек и 60 ведер (2420 ведер) [10, д. 40, л. 48, 48 об., 49]. На Рамзае же, по рапорту В.И. Михайлова, поданному почему-то лишь 8 января 1898 г., было взято воды в полтора раза больше. Вновь процитируем документ: «Представляю при сем эти ведомости, из которых усматривается, что 24 числа декабря с раннего утра до поздней ночи из всех вышеуказанных рамзайских источников обывателями было взято воды 92 сорокаведерные бочки или 3 680 ведер, имею честь объяснить, что накануне, то есть 23 числа того же декабря жителями г. Арзамаса было взято воды из тех же Рамзайских источников в полтора раза более, то есть, свыше 5 000 ведер и как 23, так и 24 декабря все обратившиеся в данную местность за водою были таковою удовлетворены, то есть, без воды из Рамзайской местности не уехал никто» [10, д. 40, л. 50–50 об.]. Именно из этого пассажа пошла уже в советское время гулять цифра в 5 000 ведер, но под ней, как мы видим, не было никаких оснований. Конкретно 24 декабря 1897 г. было взято: из водосбора на дальнем Рамзае – 19 бочек, из водосбора на ближнем Рамзае – 16 бочек и 44 ведра, из Рамзайских колодцев – 21 бочка, из Рамзайского пруда – 35 бочек [10, д. 40, л. 51–52].

Доказав недоказуемое, Городская управа хотела успокоиться, но летом 1898 г. чашу в споре о перспективах Рамзая качнули в другую сторону профессионалы Горно-технического бюро «Устьяновский горный инженер Мирецкий и Компания». В заключении от 20 августа 1898 г. упоминаются источники Рамзай 1-й и Рамзай 2-й, причем Рамзайские колодцы характеризуются как мелкие, находящиеся в поверхности песчаного слоя. Тем самым подчеркивалась бесперспективность ставки на Рамзай – многого его мелкие источники дать не могли [10, д. 40, л. 276].

Однако сам Ф.И. Владимирский не считал возможным полностью отказаться от Рамзая. В 1899 г. он организовал посадку Пушкинской рощи, преследовавшую своей целью поддержать источники Рамзая, которые стали пересыхать по мере сведения кустарника. Но в выбитой скотом почве прижилось лишь около 1 400 саженцев из 5 600 посаженных, что означало неудачу попытки восстановить водосборную площадь [11]. При этом нужно отметить обоснованный подход Ф.И. Владимирского к делу облесения Рамзайской местности – на ней предполагалось восстановить именно первоначальную растительность.

Еще весной 1901 г. Городская управа сопротивлялась планам устройства водопровода из Мокрого оврага, причем в обсуждениях ссылались

как на альтернативу «на Рамзайские источники, которые были исследованы о. Владимирским, и хотя признаны недостаточными для устройства водопровода, но при облесении и обнесении местности их запрудами, подобно Мокрому оврагу, они могут быть усилены» [10, д. 40, л. 396 об.]. Окончательная победа планов Ф.И. Владимирского была связана с деятельностью А.И. Бебешина в должности городского головы. Однако даже решение провести водопровод из Мокрого оврага не отменяло значения Рамзая и планов его реконструкции. Поэтому 1 мая 1911 г., в день закладки водонапорной башни в Арзамасе, в качестве источников воды были освящены и Мокрый овраг, и овраг Рамзай [10, л. 682, л. 103–103 об.].

Новый виток борьбы за реконструкцию Рамзая приходится на 1915–1921 гг., когда существовали планы по снабжению из него поселка строящейся станции железной дороги Арзамас–Шихраны (Арзамас–Канаш) – будущей станции Арзамас II. В строительстве этой дороги было заинтересовано, прежде всего, Военное ведомство, которое планировало использовать станционный поселок в качестве перевалочного пункта для призывников. Мягкая вода Рамзая была одинаково нужна и солдатам, и паровозным котлам. Судя по документам более позднего происхождения, в 1915 г. было построено водопроводное сооружение, включавшее деревянные водонапорную башню и баки для воды. Водозабор был снабжен двумя паровыми двигателями мощностью 12 л.с. каждый [12, д. 160, л. 160–161]. Однако пуск станции так и не состоялся, отчасти, видимо, потому, что в 1916 г. в ситуации очередного «водного голода» дебет Рамзая должен был снова упасть.

Вновь к проблеме Рамзая вернулась уже советская власть. «Водный голод» 1921 г. заставил городские власти обратиться и к этому источнику воды. Девятого мая 1921 г. Президиум Арзамасского уездного исполнительного комитета постановил «…использовать воды “Рамзая”, произведя там необходимые земляные работы, предложив Укомтруду в обязательном порядке снабдить Коммунотдел землекопами в количестве 15 человек; Коммунотдел должен в самом срочном порядке выполнить эту работу» [12, д. 160, л. 48].

Однако оказалось, что все эти сооружения нужно сначала забрать у Наркомвоендела РСФСР, которому они достались по наследству от Военного ведомства Российской империи. Лишь зимой 1921 г. комиссия уисполкома смогла посетить Рамзайскую станцию и оценить ее состояние. Вновь процитируем источник: «При обследовании инженер Муравин нашел следующую картину: станция “Рамзай” находится в самом плачевном состоянии, как сама станция, так и водонапорная башня никем не охраняется, не имеется даже и признака замков, обслуживающие станцию 2 паровых двигателя по 12 сил куда-то исчезли, можно опасаться за то, что

в самое ближайшее время как само помещение, а также и баки будут растаскиваться на топливо. С какого времени не работает водопровод, судить трудно; причем, если не будут приняты со стороны Уисполкома своевременные самые решительные меры к восстановлению разрушающегося сооружения, станции грозит полное разрушение. Между тем, имеются опасения, что для города с городского водопровода вследствие различных причин воды не хватит. Если же станцию "Рамзай" оборудовать и включить в общую сеть городского водопровода, последний может подать для города 2 000 ведер в день в зимнее время и до 5 000 ведер в летнее время; данное количество воды может оказать весьма большую услугу для граждан города и для городского водопровода» [12, д. 160, л. 160].

Состояние станции было плачевным, но значение документа было в другом – в нем окончательно прописалась мифическая цифра дебета Рамзая в пять тысяч ведер, которая будет смущать умы управленцев и гидрологов полтора десятилетия, не имея, увы, под собой никаких оснований. По итогам доклада инженера Муравина президиум уездного исполкома решил изъять станцию «Рамзай» из «Военного ведомства» (так!), причем договаривающимися сторонами должны были стать коммунальный отдел исполкома и уездный военкомат. Далее предполагалось разыскать пропавшее оборудование, наказать виновных и, наконец, включить отремонтированную станцию в общую сеть городского водопровода [12, д. 160, л. 161].

Этим планам не суждено было сбыться совершенно. В докладе того же инженера Муравина от 9 июня 1923 г. о водоснабжении в Арзамасе Рамзай уже не упоминается [13, д. 92, л. 1–1 об.]. Власти забыли о нем, но жители помнили. «Дополнения к наказу, внесенные на перевыборных собраниях делегатов в Арзамасский Городской совет (1931 год)» содержат, в частности, такой пункт: «Обратить внимание на состояние источника "Рамзай", могущего служить резервом запасов воды для города» [1, д. 169, л. 4]. У властей планы, однако, были иными. По свидетельству документа от 18 ноября 1931 г., у Пушкинской рощи оборудовался аэродром [1, д. 196, л. 136].

Ситуация изменилась, когда Арзамас попал в планы индустриализации. Стабильные источники воды были нужны большому промышленному городу, и в 1934 г. власти вновь вернулись к проблеме Рамзая. Коммунальная секция Арзамасского горсовета 18 апреля 1934 г. обсуждала этот вопрос всерьез. С одной стороны, ее члены Мокрушин и Олькеницкий (госсанинспектор на тот момент) предложили очистить и использовать Рамзай. С другой – член секции Будылин подчеркнул: «На Рамзай, который дает не более 1 500 ведер, нецелесообразно расходовать большие средства». В

итоге постановили обследовать Рамзай силами Саннадзора до 1 мая [1, д. 261, л. 28–29 об.].

Обследование было проведено в указанные сроки и дало следующий результат: «Группа членов водопроводного сектора ком. секции, обследовавшая “Рамзай”, установила, что источник этот находится в запущенном состоянии. От водопровода, подготовленного к открытию с этого источника в 1916 г., не осталось почти никаких следов. Болотца в верховьях оврага спущены, кустарники исчезли; парники, находящиеся в районе “Рамзая”, портят воду его; еще больше портит навоз и мусор, который вывозился к источнику этой зимой. Пушкинская роща, находящаяся в верховьях Рамзая, также сильно опустошена. Вода Рамзая была исследована в мае и найдена в бактериальном отношении небезвредной из-за соседства парников и навоза» [1, д. 128, л. 245 об.].

Еще красноречивее «Докладная записка о санитарном состоянии водосбора “Рамзай” и мерах по его восстановлению для временного использования его для питьевых нужд», составленная 23 мая 1934 г. И. Олькеницким: «В настоящее время водосбор совершенно запущен. Смотровые колодцы, расположенные по ходу дренажных труб, засорены. Очевидно, вся система дренажей также засорена. Бетонный приемник наполнен доверху водой и в настоящее время судить о санитарно-техническом состоянии его не представляется возможным. В настоящее время население примыкающих улиц, главным образом, Глухой и ул. Рыкова, пользуются водой из калужины, питаемой родником совершенно не обделанным, что ведет к значительному загрязнению. Лабораторный анализ, произведенный 5 мая 1934 года в период подтока талых вод, показал повышенную против нормы окисляемость, зависящую в значительной мере от подтаявших вешних вод со значительным содержанием органических остатков. В остальном вода хорошего качества» [1, д. 283, л. 35].

Таким образом, в период между 1921 и 1934 гг. вокруг Рамзая было развернуто огородное хозяйство, пользовавшееся его водой для полива посадок в парниках. Использование навоза в хозяйстве делало рамзайскую воду не совсем пригодной для питья. Соответственно, предложения по реконструкции Рамзая, поступавшие в 1934 г. в коммунальную секцию Арзамасского горсовета от руководителя сектора по благоустройству и госсанинспектора, включали в себя следующие меры: отвод запретной зоны вокруг источников и ее охрану; ликвидацию парников; каптаж (усиление) родника и оборудование фильтр-колодца с качком; расчистку дренажей, оборудованных в 1915 г.; облесение местности и даже создание нового нижнего пруда [1, д. 128, л. 247, 276 об.; д. 283, л. 35, 35 об., 36].

Горячие сторонники реконструкции Рамзая подключили к дискуссии областную прессу. Шестнадцатого мая 1934 г. горсовету даже пришлось

объясняться перед газетой «Горьковская коммуна», опубликовавшей критическую заметку: «В отношении Горсовета было сказано о несоответствии заметки с действительностью, как в отношении сроков упадка “Рамзая”, так и дебета источников, и автор заметки очевидно недостаточно внимательно прочел наше отношение, где приведены выдержки из записок Владимирского. Там сказано про источники, что “минимальное количество не превышает 1 000 ведер”, а не про один колодец. Мнение же 5 000 ведер в сутки ни на чем реальном не основано, а это лишь предположение автора. Даже если это и так, то из-за 5 000 ведер строить водокачку и затрачивать средства не представляется возможным. Что раньше была построена водокачка только для Военного городка, это известно. В данное время вопросом о “Рамзае” занимается коммунальная секция Горсовета и предположено в дальнейшем облесение местности. Строить же водокачку без тщательного изучения дебета источника Рамзая по меньшей мере неразумно, несмотря на хорошее качество источников» [1, д. 283, л. 32].

А дальше началась эстафета рапортов о выполнении задачи, поставленной перед коммунальщиками. Уже в отчете о работе Комсекции за период до 1 августа 1934 г. указано, что Рамзай введен в эксплуатацию [1, д. 261, л. 59]. Об этом же горсовет отрапортовал 31 августа в редакцию «Горьковской коммуны»: «1. Колодец водоисточника “Рамзай”, как могущий служить дополнительной (хотя и незначительной) базой в питьевой воде для города – отремонтирован для забора воды через ручные насосы. 2. Осенью этого года будет произведено облесение местности вокруг этого источника, но все это вместе взятое ни в коей мере не разрешает вопроса снабжения города питьевой водой в размере его минимальных потребностей» [1, д. 283, л. 101].

В реальности дела обстояли совершенно иначе. Протокол № 13 Комсекции от 17 сентября 1934 г. сообщает нам следующее: «Информация т. Катющенко по вопросу обследования Рамзая, которое проводилось комиссией в составе тт. Катющенко, Сурошниковой и доктора Олькеницкого и содоклад т. Романычева, который сообщил собранию, что Президиум Горсовета постановил отремонтировать Рамзай. Работа на Рамзае уже начата, рабочие наняты, но с отсутствием т. Романычева во время командировки работа приостанавливается. Очистка и устройство колодца еще не закончено, но комтрест по докладу т. Романычева должен закончить эту работу в самое непродолжительное время». По итогам заседания собравшиеся постановили закончить работы к 15 октября [1, д. 128, л. 292–292 об.].

К 5 октября работы еще были далеки от завершения, и лишь 11 октября коммунальщики начали прорабатывать задачу облесения Рамзая. Оказалось, что для озеленения Рамзая требовалось 12 тысяч черенков ив на 80

возах. В распоряжении комсекции не было ни посадочного материала, ни транспорта в таком количестве. Закономерным итогом стало заключение, сделанное 27 октября 1934 г.: «…озеленение Рамзая едва ли удастся произвести». При этом остальные работы не были закончены и к 1 ноября – в отчете за октябрь все еще предлагалось «работу по его (*Рамзая – А.И.*) реставрации усилить, закончив до заморозков» [1, д. 169, л. 188; д. 128, л. 231, 305 об.; д. 169, л. 190]. Кроме всего прочего, решение о посадке ивняка было неверным – ивы способствуют заболачиванию водоемов и порче воды.

Несмотря на это, «Сводка Горкоммунотдела по благоустройству города Арзамаса на 1-е ноября 1934 г.» громогласно сообщала, что «в особенности (коммунальная) секция (горсовета) много уделяла внимание водоснабжению. Она в течение около 4 лет указывала на те или другие недочеты в этой области, но особенно секция забила тревогу о неблагополучии с питьевой водой в последние четыре месяца. Секцией (была) организована комиссия, куда были приглашены специалисты. <...> Комиссия и секция обратили внимание на источники “Рамзая”, рекомендовали его для получения оттуда воды <...>, причем источник “Рамзай” по предварительным подсчетам может дать около 5 000 ведер в сутки» [2, д. 86, л. 213 об.]. «Сводке» вторил «Отчет о работе Комсекции за второе полугодие 1934 года»: «По инициативе секции реставрирован источник “Рамзай”, по проверке работа выполнена и источник может дать в сутки от 3 до 4 тысяч (ведер) прекрасной питьевой воды» [1, д. 262, л. 7].

Реальность, увы, очень сильно отличалась от этой радужной картины рапортов. Согласно протоколу Комсекции от 9 сентября 1935 г., «на Рамзае насос не действует, потому что в городе хорошей воды много, и с Рамзая никакой воды не берут». В итоге этот насос в 38 л.с. был переброшен на водокачку на Тёшу, так как тогда рассчитывали снабжать город умягченной тёшской водой (этим планам тоже не суждено было сбыться, несовершенная технология смягчения воды не годилась для Тёши). Несмотря на фактический отказ от Рамзая, резолюция была выдержана в духе предыдущих рапортов: «На время постройки нового водопровода будет улучшаться Мокрый овраг и возможно использование Рамзая, где можно рассчитывать на 5 000 ведер» [1, д. 262, л. 57 об.]. Состояние местности было соответствующим. Протокол Комсекции от 17 сентября 1935 г. сообщает: «Пушкинская роща содержится без дополнительного надзора: понакопаны ямы, куда сваливается кем-то мусор, и, коснувшись попутно зоны Рамзая, который предполагалось облесить, молодые побеги березок уничтожаются скотом и там же валяется брошенный кем-то культиватор». Резолюция была логичной: «Запретить выпас скота в Пушкинской роще и зоне Рамзая» [1, д. 262, л. 114–114 об.], только исполнять ее никто не со-

бирался. В целом местные власти совершенно не знали, что делать с Рамзаем. Истратив немалые деньги (7 760 руб.) на его реконструкцию, они сразу же забросили источник и перестали следить за состоянием его водоохранной зоны.

Поэтому неудивительно, что вскоре на «плохо лежавший» Рамзай нашелся новый хозяин. Им стал Наркомат внутренних дел, который возводил в городе хлебную базу с элеваторами, при которой также создавался барачный городок. Для водоснабжения базы и городка 26 апреля 1936 г. Управление НКВД по Горьковскому краю без лишних совещаний и формальностей потребовало передачи водоохранной зоны «Рамзай» в ведение участка № 1 Особого строительства: «Ввиду того, что Особое строительство ремонтирует и восстанавливает пруды “Рамзая” как источники водоснабжения будущего городка, необходимо оформить Постановлением Президиума Горсовета отвод водоохраной зоны в ведение Особого строительства. Нач. работ Газенко». Горсовету лишь оставалось наложить резолюцию: «Источник передать. Водоохранную зону закрепить. 7760 р. возместить Комтресту» [14, д. 50, л. 77]. Таким образом, НКВД стал владельцем ближнего Рамзая ***(Приложение 7, рис. 3)*** до начала 1950-х гг., а сам режим водоохранной зоны продержался здесь до начала индустриальной застройки местности в 1960-е гг.

Это была лебединая песня Рамзая, но для города он был потерян, и уже в 1954 г. не упоминался среди значительных источников воды: «Недостающее количество воды получается из реки Теши и имеющихся небольших прудов» [15, д. 31, л. 173]. Несмотря на поддержание режима водоохранной зоны, оборудование водокачки и расчистку дренажей, Рамзай так и не был облесен. Актуальность его использования снизилась после введения в строй Цыбышевской плотины в конце 1940-х гг. и полностью исчезла после постройки пустынского водопровода в 1960-е гг. Именно в это время принимается решение о создании на востоке Арзамаса промышленной зоны, которая и уничтожила в итоге Рамзайскую местность. И если пруд еще использовался как место для купания до 1980-х гг., то в овраге возникла свалка промышленного мусора и стихийные садовые участки, убранные только при строительстве дороги в 11-й микрорайон в 1990-е гг.

Подводя итоги, следует отметить, что арзамасцы традиционно пренебрегали значением Рамзайской местности. Уже в середине XIX века на водосборной площади единственного источника хорошей питьевой воды в городе был устроен выгон для скота. В дальнейшем эта территория также использовалась в ущерб родникам – например, для огородничества в 1920-е – начале 1930-х гг. Успехи в освоении и реконструкции Рамзая связаны исключительно с деятельностью «силовых структур» (Военведа и НКВД) и всякий раз означали потерю доступа к рамзайской воде для горожан.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области (далее – ГАНО), г. Арзамас. Ф. Р-322. Исполнительный комитет Арзамасского городского Совета народных депутатов Нижегородской области, г. Арзамас. 1923–1993 гг. Оп. 1.

2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-785. Муниципальное учреждение «Служба городского хозяйства» г. Арзамас Нижегородской области. 1929–2009 гг. Оп. 2.

3. Козлова Т.А. Традиционные обряды мордовского народа, связанные с хозяйственной деятельностью этноса // Вестник угроведения. – 2013. – № 1 (12). – С. 121–124.

4. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. С видами и портретами. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. – 272 с.

5. Златые осколки // URL: http://arzamas-rajon.ru/zlatye-oskolki.html

6. Каплун М. Сказ о воде // Арзамасская правда. – 1962. – 7 апреля, 8 апреля.

7. История Арзамасского водоканала // URL: http://www.vodokanal-arz.ru/o-kompanii/istoriya

8. Голнощекова Е.А. К 100-летию открытия Арзамасского городского водопровода // URL: http://www.archiv.nnov.ru/?id=5050

9. Владимирский Ф.И., прот. О Рамзайских источниках // Владимирский Ф.И., прот. Записка об устройстве водосбора из источников «Мокрого» оврага в городе Арзамасе. – Арзамас: Тип. Доброхотова, 1915. – С. 43–53.

10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Арзамасская городская управа Нижегородской губернии. 1870–1921 гг. Оп. 1.

11. Из истории Пушкинской рощи: [документы] / подготовил В. Булыгин // Арзамасские новости. – 2005. – 13 сентября.

12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Исполнительный комитет Арзамасского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Нижегородского края, г. Арзамас. 1917–1930 гг. Оп. 1.

13. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-306. Коммунальный отдел исполнительного комитета Арзамасского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Нижегородской губернии, г. Арзамас. 1918–1924 гг. Оп. 1.

14. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-322. Исполнительный комитет Арзамасского городского Совета народных депутатов Нижегородской области, г. Арзамас. 1923–1993 гг. Оп. 2.

15. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-2959. Департамент экономического развития администрации города Арзамаса Нижегородской области. 1946–2010 гг. Оп. 1.

ГИДРОНИМЫ СЕЛА КРАСНЫЙ БОР

Ильина Вероника Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, студентка

Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас; e-mail: ferenike201544@gmail.com

Статья посвящена названиям гидронимов села Красный Бор Шатковского района Нижегородской области. Проводится исследование и систематизация гидронимов по группам.

Ключевые слова: *гидроним; болото; колодец; озеро; пруд; река; Красный Бор.*

Село Красный Бор – старинный населенный пункт с интересной историей, входящий в состав Шатковского района Нижегородской

области. По преданию, возникло село вскоре после похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г., получив название Собакино (так оно называлось вплоть до 1937 г.) [1]. Однако по мнению П.И. Мельникова-Печерского, здесь уже существовал гордок мордовского феодального правителя [2, с. 31].

Для совсем небольшого населенного пункта (9,81 км^2), Красный Бор хранит в себе большое количество традиционных топонимов. В данной статье мы рассмотрим названия гидронимов села. Выбор темы статьи обусловлен тем, что гидронимы менее подвержены изменениям, часто имеют большой возраст. Как указывают специалисты в области топонимики, «изучать топонимические субстраты легче всего по названиям рек и озер (гидронимам): эти названия, особенно крупных рек, наиболее стойки» [3, с. 308]. С древних времен водные объекты играли важную роль в жизни людей. Вода являлась для них источником пищи и воды, транспортными и торговыми путями. Кроме того, они являлись естественной защитой от врагов. Эти особенности гидронимии делают ее интересной для историка, т.к. позволяют заглянуть в то далекое прошлое, о котором молчат даже письменные источники.

Наиболее интересно происхождение названия реки Тёша ***(Приложение 8, фото 1)***. Оно, наиболее вероятно, возникло из мордовской мифологии, в которой большую роль играет эпический герой Тюштя – идеальный правитель мордовского народа. Как пишет А.В. Малышев, «…если в ранних песнях о Тюште этот термин имеет смысл как титул выборного вождя, то в позднем цикле песен Тюштя – уже собственное имя мордовского властителя, с добавлением титула Тюштя каназор (оцязор у эрзи, инязор у мокши), то есть повелитель. В некоторых песнях он вообще называется как “Масторонь кирди” (держатель страны, самодержец), а древний период мордовской истории называется “Тюштень пинге” (век Тюшти)» [4, с. 55].

Эвгемеризацию этих представлений мы видим в версии, бытовавшей в XIX веке в Арзамасе и сохраненной для нас П.И. Мельниковым-Печерским и Н.М. Щегольковым, в 1245 г. в 26 верстах от Арзамаса, где находится селение Втарес (ныне село Вторусское), населенное обрусевшей мордвой, жил мордовский князек Тёшь. Однажды Тёшь охотился с детьми своими в тех местах, где ныне стоит Арзамас. Наловили много дичи, нажарили, наелись и улеглись спать. Они увидели вещие сны, в которых было показано, где кому селиться, а потом они рассказали увиденное во сне друг другу, и разделили окрестную местность между собой, поселившись каждый на своем участке. Сам Тёшь поселился на горе, где сейчас стоит церковь Святого Духа, а протекавшую внизу реку назвали Тёшей [2, с. 30–31; 5, с. 9–10]. В данном случае эпический герой превращается в якобы реального исторического деятеля.

Л.Л. Трубе оценивает соотношение антропонима Тёш и гидроним Тёша так же: «...название произошло, как гласит предание, приведенное Мельниковым-Печерским в “Очерках мордвы”, от имени мордвина Теша, который первым вместе с сыновьями поселился на берегах этой реки, на месте современного Арзамаса. Но скорее наоборот – Теш получил свое прозвание по реке (как это бывало в иных случаях)» [6, прим. 138].

Заметим, что в современной исторической ономастике принято считать, что «одним из древнейших финно-угорских формантов является … окончание -кша, -кса (Икша, Колокша, Шилекша, Ковакса, Юндокса и т.д.), которое в древних языках этой группы, вероятно, означало реку или ручей (например, в современном марийском языке икса – ручей)» [3, с. 309]. Поэтому исторически название «Тёша» может и не быть связанным с личным именем эпического героя.

А.В. Малышев полагает, что название может иметь и тюркское происхождение: «На Северном Кавказе есть селение Тез-кхалой, где *тез* производят от тюркского *таза*, а в Сибири есть речка Теш, название которой этимологизируют из тюркского *теш* – “спокойный”. Но в этом случае можно полагать, что у Тезы в России есть топонимический двойник. Это правый приток Нижней Оки – река Тёша. В период ордынского господства эта река была границей Золотоордынских владений и Нижегородского княжества, и вполне могла быть названа тюрками Теш (Таза) как “тихая” граница, или “священная” граница» [7].

В целом, вопрос о происхождении названия Тёша, видимо, еще ждет своего окончательного решения.

Остальные гидронимы в селе Красный Бор представлены весьма разнообразно. Для удобства разделим их на несколько групп по характерным признакам.

Первая группа – это названия гидронимов, происходящие от имен и прозвищ людей. В этой группе все водные объекты называются так потому, что они либо находились рядом с земельными участками или домами тех людей, в честь которых они названы (например, Маркино болото, Панютино болото, Алемаев родник, Поляков родник и др.), либо эти люди принимали участие в строительстве водного источника.

Информанты так характеризуют названия объектов этой группы: «Старик был по фамилии Горин. Он этот колодец рыл, следил за ним, собирал деньги на ремонт. Так и прозвали: Горин колодец» [8] ***(Приложение 8, фото 2)***; «Этот колодец находится на огороде у Килячихиных. Фирс Килячихин вырыл этот колодец, следил за ним, ремонтировал его. Так и прозвали колодец – Килячихин» [9].

В эту группу также входят пруды. Например, Соков пруд, который находится на улице Тани Савичевой, получил свое название потому, что

находился за домом Соковых. Кроме этого пруда в Красном Боре есть большое количество прудов с названием того же происхождения (Сулин пруд, Мишин пруд, Тюрин пруд, Язев пруд) [10].

Ко второй группе мы отнесли названия, связанные с религиозными верованиями и практиками. Одной из достопримечательностей села Красный Бор является Святой колодец ***(Приложение 8, фото 3)***. Свое название он получил за то, что в этом месте когда-то давно стояла часовня, где проходили церковные службы, а вода в этом месте считалась целебной. К Святому колодцу приходили больные люди. Здесь они купались и пили целебную воду [8]. В настоящее время этой часовни нет. Сам колодец переделали, поставили деревянный сруб. Каждый год на Святом колодце проходит освящение воды.

Третья группа гидронимов – те, название которых связано с историческими преданиями и легендами. Озеро Золотое донышко ***(Приложение 8, фото 4)*** является главной достопримечательностью данной группы. С названием этого озера связана легенда. Во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина, когда его войско отступало от Арзамаса через «Собакинские ворота», дорога проходила по замерзшему озеру. Войско двигалось с добычей. Лед не выдержал тяжести кареты и она, вместе со всем золотом, находившимся в ней, провалилась в озеро. Много было охотников за этим золотом, но карету так никто и не смог найти. Осталось только название – «Золотое донышко».

Названия четвертой группы гидронимов раскрывают свойства водного объекта (особенности формы, расположения, качество воды). Одним из представителей этой группы стало Долгое озеро ***(Приложение 8, фото 5)***. Вероятно, это озеро свое название получило за вытянутость в длину [9]. Не менее известным представителем этой группы является Черное озеро ***(Приложение 8, фото 6)***. Оно получило свое название от того, что вода в нем кажется черной. Черный цвет озеру придают находящиеся на дне залежи черной лечебной грязи [9]. Глуховское озеро ***(Приложение 8, фото 7)*** является самым посещаемым и популярным водным объектом Красного Бора. И неудивительно – красота и простор этого озера поражают всех его посетителей. Название озеро получило потому, что находится оно далеко в лесу в глухом месте, и раньше люди редко туда заезжали, т.к. дорога туда была трудная, непроходимая [11].

К четвертой группе близка пятая – к ней мы отнесли гидронимы, которые получили свое название от названия растительности, произраставшей в этом месте. Березовое болото ***(Приложение 8, фото 8)*** находится в окрестностях Красного Бора, уходя в сторону горы Маркоськи. Вокруг этого болота растут березы, и именно поэтому его назвали Березовым [9]. Моховое болото ***(Приложение 8, фото 9)*** является еще одной достопри-

мечательностью данной группы. Находится болото за селом на Репищах. Свое название оно получило за то, что на этом болоте много мха. Раньше этот мох использовали для строительства домов и бань, ведь он является лучшим природным утеплителем [9].

Конечно, эти многочисленные гидронимы уже не имеют для историка такого значения, как название реки. Однако они заметно способствуют сохранению памяти на микроисторическом уровне, аккумулируя в себе информацию о жителях села, фольклоре, характере местности в прошлом.

Источники и литература

1. Карпенко В.Ф. Земля Шатковская. – Арзамас, 2004.
2. Мельников П.И. Очерки мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. – 134 с.
3. Вспомогательные исторические дисциплины: учеб. для студентов вузов / Под ред. Г.А. Леонтьевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ВЛАДОС, 2015. – 381 с.
4. Малышев А.В. Как Теша стала русской рекой. Очерки по истории и топонимике Окско-Сурского междуречья. – М.: Эдитус, 2017. – 338 с.
5. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. – 274 с.
6. Трубе Л.Л. Как возникли географические названия Горьковской области. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1962. – 192 с.
7. Малышев А.В. Топонимические этюды Шуйской земли // http://malishev-history.ru/?p=332
8. Запись беседы с коренной жительницей села Красный Бор Ниной Ивановной Власовой (1933 г.р.). Записано в 2018 г. // Хранится в личном архиве В.С. Ильиной.
9. Запись беседы с коренным жителем села Красный Бор Владимиром Арсеньевичем Китаевым (1953 г.р.). Записано в 2020 г. // Хранится в личном архиве В.С. Ильиной.
10. Запись беседы с коренной жительницей села Красный Бор Марией Николаевной Ботяковой (1932 г.р.). Записано в 2019 г. // Хранится в личном архиве В.С. Ильиной.
11. Запись беседы с коренной жительницей села Красный Бор Тамарой Васильевной Шаргавниной (1934 г.р.). Записано в 2018 г. // Хранится в личном архиве В.С. Ильиной.

Раздел VII.
АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, МУЗЕЙНОЕ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

НЕИЗВЕСТНАЯ КЕРАМИКА ИЗ КСТОВСКОГО РАЙОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОЙ КОРОБОЧКИ)

Анастасия Дмитриевна Муратбакиева
Санкт-Петербургский государственный университет,
Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия
им. Г.С. Лебедева, исследователь-стажер
Россия, г. Санкт-Петербург; e-mail: NMuratbakieva@gmail.com

Статья посвящена разбору керамического материала, случайно найденного во время ремонта в квартире одного многоэтажного дома в Санкт-Петербурге. Находки происходят из Кстовского района Горьковской (ныне Нижегородской) области. По аналогиям материал датируется серединой III – серединой II тыс. до н.э.

Ключевые слова: *керамика; отщеп; Кстовский район; неолит; бронзовый век; орнамент.*

При слове «археолог» у обывателя в голове возникает образ бесстрашного путешественника и разрушителя гробниц. На самом деле профессия археолога чуть менее романтична, чем описывается в книгах. Причем, шанс решить загадки истории появляется каждый день. Загадки могут встречаться как на раскопе, так и во время камеральной обработки материала. Одной такой интересной истории и посвящена данная статья.

В 2014 г. автору этих строк была передана коробочка, содержащая несколько находок и сопроводительную записку. В записке значилось: «Археологические раскопки 1971 г. Мордовский могильник. IV тыс. до н.э. Кстовский р-н Горьковской обл.». На обороте было лишь несколько слов: «К. Маркс и Ф. Энгельс правильно отме…». Учитель, предоставившая материал, рассказала, что коробка была найдена под ванной во время ремонта квартиры в доме № 4 по проспекту КИМа в Санкт-Петербурге. Данный многоквартирный дом был построен в 1970 г. По ее словам, ванная в квартире не менялась и не ремонтировалась с самой постройки дома. Квартира же продолжительное время сдавалась разным жильцам, которые проводили там недолгое время, поэтому установить, кто бы мог оставить коробочку, не представляется возможным. Последние владельцы и вовсе переехали в США на постоянное жительство. Обратимся к содержимому коробочки.

Она содержит 20 фрагментов керамики, один ошлакованный камень и два кремневых отщепа. Ниже приведены описания находок, даны размеры в формате: длина–ширина–толщина (в мм), охарактеризованы орнамент и примеси.

1. Фрагмент верхней части лепного керамического сосуда. Размеры: 40х38х6 мм. Диаметр по венчику около 80 мм. Глиняное тесто темно-коричневого цвета, содержит отощитель – дресву. Внешняя сторона фрагмента заглажена и орнаментирована. Орнаментация верхней части фрагмента, прилегающей к венчику, выполнена с помощью оттисков зубчатого штампа, расположенного «елочкой» снизу вверх, слева направо и справа налево. Сам же венчик орнаментирован гребенчатым штампом длиной 10 мм и шириной 2 мм, расположенным справа налево. На 7 мм ниже находится орнамент в виде ямок, расположенных в шахматном порядке, выполненный с помощью оттисков круглого тонкого предмета. Каждая ямка имеет в диаметре 5 мм. Линии штампованного орнамента пересекаются ***(Приложение 9, рис. 1:1)***. Аналогии орнаменту найдены среди материалов Волосовской культуры (IV–III тыс. до н.э.), а именно поселений Гавриловка I [1, табл. IV.5, рис. 1] и Гавриловка II [1, табл. III.9. рис. 11].

2. Фрагмент верхней части сосуда. Размеры: 30х41х6 мм. Диаметр по венчику – 90 мм. Отощитель – дресва. Темно-коричневое тесто заглажено и залощено внутри и снаружи. Выступающий венчик орнаментирован косыми насечками, идущими снизу вверх слева направо. Внизу фрагмента имеется полукруглое углубление, оставшееся от ямки. Линия венчика неровная ***(Приложение 9, рис. 1:2)***. Подобный орнамент венчика встречается на поселениях Маслово Болото 2 [1, табл. VI.5, рис. 11] и Фефеловская-Придорожная [1, табл. VI.4, рис. 5].

3. Фрагмент стенки. Размеры: 36х28х7 мм. Отощитель – дресва. В правой части имеется ямка диаметром 4 мм. Внешняя поверхность покрыта слегка выступающими линиями. Поверхность заглажена ***(Приложение 9, рис. 1:3)***.

4. Фрагмент верхней части сосуда. Размеры: 29х28х5 мм. Диаметр по венчику около 70 мм. Уплощенный венчик. Отощители – дресва и асбест. На профиле видны пустоты от выпавших фрагментов примеси. Венчик орнаментирован гребенчатым штампом длиной около 9 мм и шириной 2 мм. Орнамент расположен снизу вверх и слева направо. Внешняя сторона орнаментирована выемками овальной и подпрямоугольной формы, расположенными в три ряда. Орнамент нанесен тонким острым предметом ***(Приложение 9, рис. 1:4)***. Аналогии данному орнаменту встречаются на поселении Гавриловка 3 [1, табл. V.1, рис. 5].

5. Фрагмент стенки. Размеры: 20х24х6 мм. Темно-коричневое тесто. В верхней части имеется несколько тонких параллельных линий. Орнамент в виде овалов, отстоящих друг от друга на разном расстоянии, нанесенный, скорее всего, острым предметом. Поверхность залощена и заглажена ***(Приложение 9, рис. 1:5)***.

6. Фрагмент придонной части сосуда. Темно-коричневое тесто. Размеры: 42х34х7 мм. Отощитель – дресва. Линии орнамента выполнены оттиском зубчатого штампа. Линии расположены внахлест снизу вверх, слева направо и справа налево. Поверхность покрыта светло-коричневой глиной ***(Приложение 9, рис. 1:6)***.

7. Фрагмент верхней части сосуда. Темно-коричневое тесто. Размеры: 34х28х6 мм. Диаметр по венчику – 70 мм. Отощители – дресва и асбест. С внутренней стороны имеются оттиски, выполненные, скорее всего, стеблями растений. Венчик орнаментирован оттисками зубчатого штампа. Линии идут снизу вверх и слева направо. Такой же след зубчатого штампа расположен внизу на внешней стороне фрагмента. С правой стороны имеется ямка диаметром 4 мм. Поверхность не заглажена, имеются неровности и оттиски от растений ***(Приложение 9, рис. 1:7)***.

8. Фрагмент верхней части сосуда. Обжиг печной. Размеры: 20х26х6 мм. Светло-коричневое тесто. На венчике имеются глубокие оттиски гребенчатого штампа размером 8х4 мм. Прямо под венчиком идут три тонкие параллельные линии. Под ними большой круглый выступ, от которого на внутренней стороне имеется углубление. Диаметр выступа – 10 мм. В правой части имеется ямка диаметром 6 мм, от которой на внутренней стороне остался круглый выступ ***(Приложение 9, рис. 1:8)***.

9. Фрагмент стенки. Размеры: 24х13х6 мм. Светло-коричневое тесто. Обжиг в печи. Отощитель – дресва. В правой части имеется глубокая ямка диаметром 4 мм. На внешней стороне имеются следы от выпуклых линий ***(Приложение 9, рис. 1:9)***. Аналоги найдены в Верхневолжской культуре (IV – начало II тыс. до н.э.) на поселении Николо-Перевоз I [1, табл. III.3, рис. 11].

10. Фрагмент стенки. Размеры: 32х25х5 мм. Светло-коричневое тесто. На внешней стороне имеется орнамент в виде трех рядов оттисков зубчатого орнамента в форме прямоугольников, расположенных в шахматном порядке. Линии расположены параллельно друг другу. Оттиски штампа одинакового размера. Поверхность залощена, но в верхней части имеется маленькое блестящее пятно ***(Приложение 9, рис. 1:10)***. Аналогии из Верхневолжской культуры, с поселения Одоевские фермы [1, табл. II.3, рис. 11].

11. Фрагмент стенки. Размеры: 20х30х7 мм. Поверхность светло-коричневая. Отощитель – дресва. На внутренней стороне видны горизонтальные линии. На внешней стороне – выступы от линий. Поверхность заглажена ***(Приложение 9, рис. 1:11)***.

12. Фрагмент стенки. Размеры: 30х32х8 мм. Отощитель – дресва. Светло-коричневое тесто. На внутренней стороне имеются оттиски, возможно, от стеблей растений. На внешней стороне – чередующиеся линии высту-

пов и углублений. С правой стороны имеется ямка диаметром 4 мм. Поверхность залощена ***(Приложение 9, рис. 1:12)***.

13. Фрагмент стенки. Размеры: 22х18х6 мм. Светло-коричневое тесто. На внутренней стороне имеются горизонтальные параллельные линии. На внешней – вертикальные линии и небольшие выступы. Поверхность залощена ***(Приложение 9, рис. 1:13)***.

14. Фрагмент стенки. Размеры: 30х33х8 мм. Светло-коричневое тесто. Обжиг печной. С внутренней стороны тонкие вертикальные линии перерезаются косыми. С внешней стороны имеются горизонтальные прямые выступы-линии. Справа имеется ямка диаметром 4 мм. Поверхность залощена ***(Приложение 9, рис. 1:14)***.

15. Фрагмент стенки. Размеры: 21х35х7 мм. Отощители – дресва и шамот. На внутренней стороне есть следы выпавших фрагментов отощителя, в том числе растения. На внутренней поверхности параллельные тонкие линии. На внешней стороне имеются лишь незначительные следы, возможно, от прикладывания растений или фрагментов текстиля. Поверхность неровная и бугристая ***(Приложение 9, рис. 1:15)***.

16. Фрагмент стенки. Размеры: 15х23х7 мм. Слоистая структура теста. Примесь – песок. На внешней стороне орнамент в виде косых штрихов, расположенных снизу вверх и слева направо ***(Приложение 9, рис. 1:16)***.

17. Фрагмент стенки. Размеры: 22х46х7 мм. Отощитель – дресва. Обжиг печной. На внутренней стороне имеются параллельные линии. На внешней стороне – выпуклые косые линии, сделанные, вероятно, оттиском стеблей растений. Поверхность заглажена ***(Приложение 9, рис. 1:17)***.

18. Фрагмент стенки. Размеры: 21х16х5 мм. Светло-коричневое тесто. Отощитель – дресва. Внешняя сторона орнаментирована оттисками зубчатого штампа. Линии орнамента расходятся из центра сверху вниз. Между двумя линиями квадратных оттисков находятся круглые ямки диаметром 1 мм. Поверхность заглажена ***(Приложение 9, рис. 1:18)***.

19. Фрагмент стенки. Размер: 11х10х4 мм. Серое тесто. Отощитель – дресва. На внешней стороне имеются два прямоугольника – оттиски зубчатого штампа. Поверхность залощена ***(Приложение 9, рис. 1:19)***.

20. Ошлакованный камень. Размеры: 20х31х7 мм. Внешняя поверхность пористая. На внутренней стороне присутствует слоистая корка.

21. Кремневый отщеп белого цвета. Размеры: 28х24х5 мм. Мореный камень с утилизационной ретушью. На дорсальной стороне имеется корка. Ударный бугорок выпуклый, ударная площадка прямая ***(Приложение 9, рис. 1:20)***.

22. Кремневый отщеп светло-бордового цвета. Размеры: 31х18х6 мм. Пластинчатый отщеп низкого качества. Сырье имеет слоистую структуру.

Ударный бугорок выпуклый, ударная площадка прямая ***(Приложение 9, рис. 1:21)***.

С какого памятника может происходить эта керамика? Казалось бы, с Мордовского могильника, который указан в записке. Однако под Мордовским могильником имеется в виду средневековый Безводнинский-2 грунтовый могильник. Он расположен в Кстовской районе Нижегородской области на склоне левого берега реки Кудьмы близ впадения ее в Волгу [2, с. 163]. В 1970 г. могильник был открыт В.Ф. Черниковым, а в 1970–1972 гг. был полностью раскопан Ю.А. Красновым [3]. Всего вскрыто 168 могил, среди которых большинство – трупоположения, но присутствуют три конских могилы и четыре пустые. Мужское погребение с полным набором вооружения (№ 141) сопровождалось женским трупосожжением. Интересно также погребение женщины-литейщицы с многочисленными бронзовыми предметами и богатым костюмом. Датируется могильник V–VIII вв. и, предположительно, относится к группе финно-угорских народов, близких, как мере и муроме, так и мордве [2, с. 163–164]. Близ села Безводное также находится 23 стоянки, датируемые в целом от VII по II тыс. до н.э. Имеется шесть стоянок неолита, на которых находят черепки лепной посуды ямочно-зубчатой керамики, кремневые отщепы и резцы. На пяти безводнинских стоянках бронзового века обнаружены наконечники, скребки и гладкостенные орнаментированные сосуды. Относятся стоянки к балановской культуре (II тыс. до н.э.) [4]. Однако, например, стоянка Безводное-13 (III–II тыс.до н.э.), исследованная Л.Д. Шакуловой в 1984–1987 гг., относится к балахнинской культуре эпохи неолита [5, с. 147]. Так, известно, что в 1971 г. на этом месте исследовался лишь средневековый могильник; поселения неолита-бронзового века раскапывались в 80–90-х гг. XX века [6, с. 224–225].

Далее следует определиться с датировкой находок. Согласно этикетке, материал датируется IV тыс. до н.э. Однако, по мнению специалистов, к которым мы обращались, керамика более поздняя и относится к периоду ранней бронзы. Характерным элементом орнамента являются неглубокие ямки и оттиски зубчатого штампа. Данный штамп представлял собой пластинку, на прямоугольном конце которой были сделаны пропилы, оставлявшие оттиск в виде зубчика. Штампы изготавливались из кости, раковины, камня, дерева; могли также использоваться в хозяйстве [7]. Как указывалось выше, многие орнаменты имеют аналогии в материалах эпохи неолита.

На территории Нижегородской области имеются памятники нескольких неолитических археологических культур: верхневолжской, балахнинской и волосовской. В керамике верхневолжской культуры (IV – начало II тыс. до н.э.) обильно используются органические примеси. Наиболее рас-

пространены гребенчатый, пунктирный и ямочный орнаменты [1, с. 57]. Балахнинская культура (середина IV – середина III тыс. до н.э.) была открыта в 1935 г., а ее эпонимный памятник – поселение Гавриловка-2 в 1950–1951 гг. было раскопано И.К. Цветковой, выделившей три этапа культуры на основе изменений керамических изделий [8]. Главные неизменяемые признаки – полуяйцевидная форма и коническое дно сосуда. На среднем этапе балахнинской культуры распространяется орнамент из оттисков гребенчатого штампа, ногтевых и ямочных вдавлений, отпечатков веревки. На позднем этапе активно используется чередование ямок разной формы. Все эти культуры можно считать локальными вариантами ямочно-гребенчатой керамики, в которую еще входят рязанский и волосовский варианты. Н.П. Третьяковым для рязанского варианта выделены такие признаки, как ямки, расположенные в шахматном порядке, линии насечек и гребенчатого штампа. Датируется данный этап IV –началом III тыс. до н.э. [9]. На смену балахнинской культуре приходит поздненеолитическая волосовская культура, датируемая серединой III – первой четвертью II тыс. до н.э. [9]. Сосуды волосовской культуры имеют горшкообразную форму и орнамент в виде оттисков зубчатого штампа, ямок и вдавлений разных форм.

В начале II тыс. до н.э. в Волго-Окском междуречье появляются скотоводы – носители фатьяновской культуры эпохи бронзы. Сосуды фатьяновской культуры имели разнообразные формы и изготавливались, вероятно, женщинами. Характерными элементами орнамента являлись солярные знаки, зигзаги, решетки, «елочки», вертикальные насечки и т.д. [10].

Итак, упомянутый нами орнамент – редкие ямки и оттиски зубчатого штампа – существует с неолита до средней бронзы. Поэтому нашу керамику можно приблизительно датировать серединой III – II тыс. до н.э.

Наконец, последний вопрос к нашей коробочке: как связана керамика бронзового века и средневековый могильник? В данном случае мы можем лишь предполагать, что, возможно, это подъемный материал, собранный на могильнике, который начальник раскопок бегло датировал IV тыс. до н.э. Кроме того, на сопроводительной полевой документации обычно пишут название экспедиции и контекст находки. Слова «археологические раскопки» для понимания не требуются. Данная мелочь показывает, что коробка, скорее всего, досталась кому-то из работников экспедиции, который забрал себе на память массовый материал. Или же взялся обрабатывать, но забыл под ванной на съемной квартире. Количество вопросов не уменьшилось, однако именно из таких мелких, но существенных открытий складывается картина прошлого: далекого каменного века и близкого советского периода.

Источники и литература

1. Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. – М: ИА РАН, 2008.

2. Вайнер И.С., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А., Цветкова И.К. Работы Чебоксарской экспедиции//Археологические открытия 1972 года. – М: Наука, 1973. – С. 161–165.

3. Памятники археологии Нижегородской области. – URL: http://komanda-k.ru/Россия/памятники-археологии-нижегородской-области (Дата обращения: 24.11.2020).

4. Кстовские древности. Все про Кстово. Кстово.ру. – URL: http://kstovo.ru/content/3 (Дата обращения: 23.11.2020).

5. Николаенко Т.Д. История изучения памятников Балахнинской культуры в Нижегородской области // Культурный слой: сб. научных статей. – Н. Новгород, 2012. Вып.1. – С. 139–150.

6. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Г. Нижний Новгород, Богородский, Вачский, Выксунский, Кстовский, Кулебакский, Навашинский, Павловский районы / Российская акад. наук, Ин-т археологии; под. ред. А.В. Кашкина. – М.: ИА РАН, 2008.

7. Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1995. – Вып. 57. – С. 137–145.

8. Цветкова И.К. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1963. – № 110. – С. 54–84.

9. Куличков А.А. Периодизация древностей с ямочно-гребенчатой керамикой эпохи неолита Восточной Европы (историографический аспект) // История: факты и символы. Научно-теоретический и прикладной исторический журнал. – 2016. – № 8.

10. Крайнов Д.А. Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Серия: Археология СССР. – М., 1987. – С. 58–76.

Выражаю сердечную благодарность учителю химии ГБОУ СОШ № 29 И.В. Дроботовой за предоставленный материал и информацию. Выражаю также благодарность В.Л. Филипповой, Д.В. Гусевой и доценту кафедры археологии СПбГУ М.А. Холкиной за помощь в атрибуции находок.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МУРОМА

Валентина Юрьевна Неупокоева

Муромский историко-художественный музей,
г. Муром, Владимирская обл.;
заведующий сектором научно-информационной работы
Россия, Владимирская обл., г. Муром; e-mail: valya.neupokoeva@mail.ru

Речь в статье пойдет о гончарных клеймах на средневековой посуде, обнаруженных в ходе археологических раскопок в г. Мурome. Автор предлагает вариант систематизации клейм и делает предварительные выводы на ее основе.

Ключевые слова: *археология; этнография; керамика; ручной гончарный круг; клейма; гончарные клейма; Древняя Русь; символика огня; геральдические знаки Рюриковичей.*

Муром – один из старейших городов Руси, впервые упоминаемый в летописи в 862 г., хотя для этого времени еще не следует говорить ни о сла-

вянском городе, ни о городе вообще. Летописец, скорее, имел в виду «град» в качестве некого укрепления муромы, которое функционировало в IX веке, однако при раскопках пока не обнаружено.

Город же возник не позднее второй половины X века, как опорный пункт княжеской власти. Славяне закрепились на Нижней Оке в результате походов Святослава на Оку и Волгу в 965 г. и Владимира Святославича на Волжскую Булгарию в 985 и 997 гг. Славянская колонизация земель шла довольно медленными темпами, тем не менее, происходил процесс постепенного смешения славянского и финского населения в середине X – начале XI века.

Современный город Муром расположен на высоком коренном левом берегу Оки, где изначально и располагался, судя по насыщенности и характеру культурного слоя. Только сегодня границы города, естественно, сильно шире, чем в X–XV вв. Город вместе со слободами максимально вытянут по линии северо-запад – юго-восток вдоль берега Оки на расстояние более 10 км. И довольно большую часть города вдоль реки занимает территория объекта археологического наследия «Культурный слой г. Мурома, X–XIX вв.».

Этот археологический объект исследовался неравномерно, тем не менее, удалось установить, что мощность культурных напластований на территории города достигает 0,5–4 м. При исследованиях было обнаружено большое количество керамического материала, который является самым массовым для большинства археологических памятников, поскольку обожженное глиняное тесто максимально устойчиво воздействию разрушающих сил воды и ветра, что обусловливает ее сохранность.

В исследованиях древнерусского керамического материала существует ряд вопросов, одним из которых является вопрос о гончарных клеймах. В исследовании гончарных клейм существует ряд проблем, которые пытаются решить современные археология и этнография: проблемы исследования семиотики клейм, выявления мотивации клеймения и создания классификации клейменой керамики.

Больше всего споров в вопросах, связанных с клейменой посудой, разгорелось вокруг назначения клейм. Основной проблемой долгое время оставался вопрос о том, почему такой маленький процент от всех донцев имеет клеймо. Многие выдвинутые теории не учитывали всех фактов, либо становятся нерентабельными при накоплении материала.

Наша позиция по данному вопросу состоит в том, что необходим комплексный подход, ведь мотиваций к клеймению могло быть несколько, при использовании одной и той же технологии. Скажем, повсеместно распространенные знаки-обереги несли сакральный смысл, что очень убедительно подтверждается многими археологами и этнографами [1; 2]. В то

же время, бытовали и локальные знаки, находки которых иногда не выходят за пределы не слишком большой территории, либо распространены повсеместно, но встречаются редко: геральдические и буквенные символы, силуэты животных. Они могут оказаться как знаками мастеров, так и знаками заказчиков.

В ходе исследования нами было обработано 220 клейм, обнаруженных в культурном слое Мурома. При этом чуть больше половины из них происходят из Окского парка, т.е. территории, где некогда располагался кремль. Остальную территорию на небольшом расстоянии от кремля мы разделили сообразно близости к Кремлевской горе: это мыс у Музейного оврага и прилегающие территории, Николо-Набережное селище, территория от Богатыревой горы до Спасского монастыря, Селище Кожевники, Пятницкое селище, село Карачарово. Распределение клейм по этим объектам выглядит следующим образом ***(Приложение 10, рис. 1)***.

При этом только у 178 фрагментов клейменых донцев можно увидеть полностью или достаточно достоверно достроить изображение. Остальные 42 невозможно атрибутировать.

При систематизации знаков, обнаруженных в Муроме, мы основывались на принципах классификации, предложенных Е.К. Кадиевой [3], поскольку в ее варианте достаточно достоверно прослежена хронология бытования изображений для данного региона, а также потому, что большая часть хранящихся в МИХМ клейм уже была атрибутирована согласно данной классификации. Тем не менее, нам кажется справедливым несколько изменить порядок описания и распределения знаков внутри групп. В основу систематизации знаков на донцах муромских сосудов было положено определение назначения использования тех или иных мет.

Дело в том, что недавно были опубликованы заметки А.А. Бобринского, где он приводит любопытный обряд, который практиковали гончары в пределах Украинской ССР, с использованием символики огня. При подготовке керамики к обжигу некоторые гончары помещали сосуды в камеру для обжига сначала по углам – если она квадратная, или в центре горна. При этом один или несколько первых сосудов помечают крестом, который выцарапывают на днище или сбоку сосуда. И только после этого помещают в печь остальную посуду, уже не помечая ее крестами. Но в конце установки последний сосед также помечается. По словам гончаров, так посуда должна хорошо обжечься [1, с. 13–14]. По мнению исследователя, такое наблюдение достаточно ясно объясняет назначение символов огня на средневековой керамике. Символика огня как раз является самой распространенной на клеймах средневековой посуды во всем славянском мире [4, с. 149]. Более того, это объясняет, почему клейма имеют такое небольшое число найденных донцев.

При классификациях изображений клейм, предлагаемых большинством исследователей, за основу берется графический элемент, который кажется автору важным, вследствие чего близкие по другим характеристикам клейма могут оказаться в совершенно разных группах.

Мы же решили сгруппировать знаки на донцах сосудов по принципу определенности назначения знака, а внутри этих групп сохранить разделение по графическому принципу, используемое сегодня для Северо-Восточной Руси. Так, в первую группу клейм, которую мы назвали «знаками, связанными с магическим мышлением», вошли, помимо солярных (огненных) символов, кресты, связанные с христианской символикой, и изображения ключей, которые многие исследователи называют знаками для сохранения домашнего очага [4, с. 154; 5, с. 29].

Вторую группу составляют знаки, по всей видимости, определяющие собственность – геральдические и буквенные обозначения. Мы не можем достаточно достоверно судить о том, являются ли они метами гончара, мастерской или заказчика, но при этом ясно, что таким образом гончар мог обозначать принадлежность посуды какому-то лицу (или, возможно, княжескому двору).

И в третью группу мы определили те знаки, у которых остается не объясненным назначение: несколько геометрических типов по Е.К. Кадиевой [3] и несколько изображений, аналоги которым не встречены.

По такому распределению получилось, что в группу знаков, связанных с магическим мышлением, ожидаемо вошло большинство клейменых донцев – 147 штук; 17 можно отнести к знакам собственности, и всего 14 остались неопределенными ***(Приложение 10, рис. 2)***.

К знакам огня ***(Приложение 10, рис. 3)*** нами были отнесены классические изображения, связываемые с огненной символикой: окружности, концентрические окружности, свастики, а также колеса. Простой крест в круге, изображенный как окружность и две пересекающиеся в центре окружности линии, доходящие до ее границы, нами отнесен условно к изображениям колеса, поскольку из данных этнографии мы знаем, что этот символ принадлежит к сакральным знакам огня. Б.А. Рыбаков пишет, что изображения колеса и частные проявления этого знака – кресты в круге, часто являются символами не только солнца, но и огня [6, с. 310]. Всего в Муроме обнаружено 142 фрагмента клейм, имеющих изображения, связанные с огненной символикой. Большинство таких изображений для нашего региона датируются XI–XIII вв.

Следующий тип изображений, связанных с магическим мышлением – кресты, отсылающие нас к православной культуре. В ходе нашей беседы с гончаром, практикующим изготовление керамики на ручном гончарном круге, он рассказал о том, что многие ставят изображение креста с такой

мотивацией: «Крестом осенило, и все должно быть хорошо. Бог в работе поможет». Это не противоречит также записанному А.А. Бобринским наблюдением о постановке креста на круг, «чтобы черт не крутил» [1, с. 13]. Всего в Муроме зафиксировано 13 крестов, отнесенных нами к христианской традиции ***(Приложение 10, рис. 4)***. Датировать их мы можем XII–XIV вв.

Последний тип знаков, относящихся к магическому мышлению – ключи, включенные Е.К Кадиевой [3, с. 186] и прочими исследователями в категорию предметных клейм. Ключи в славянской традиции являются знаками домашнего уюта и благополучия, поэтому представляется логичным ставить их на домашнюю утварь, к коей мы, конечно же, причисляем посуду. Подобных изображений в Муроме зафиксировано четыре штуки, все фрагментарные, но явно читающиеся ***(Приложение 10, рис. 4)***. Вообще на территории Древней Руси изображения предметных клейм редки, за исключением Среднего Поочья, Старой Рязани и Мурома [3, с. 187]. Датированы клейма с изображениями ключей XII – началом XIII века.

Геральдические изображения ***(Приложение 10, рис. 5)***, как правило, находят в культурном слое поселений, являющихся в древности крупными городскими центрами. Потому, наличие в Муроме 15 символов, которые можно отнести к данной категории, закономерно. Это знаки, названные Е.К. Кадиевой двузубцами, куда относятся «знаки Рюриковичей», прямоугольных или колоколовидных очертаний с двумя зубцами и отрогом в основании фигуры [7, с. 131], а также изображения трезубцев (также прямоугольных или колоколовидных), знаки, названные Е.К. Кадиевой «птичками» и «птичьими лапками». Для Северо-Восточной Руси такие изображения датируются XII – первой половиной XIII века.

Подгруппа буквенных клейм представлена двумя изображениями: буквы «ферть» – Ф и буквы Н (тут поставим знак вопроса, но все же на донце она явственно читается – это не технические линии). Учитывая немногочисленность буквенных клейм, мы можем допустить, что таким образом могли подписываться отдельные мастера в каких-то исключительных случаях.

И последняя группа клейм, куда мы отнесли некоторые специфические изображения. Так, в эту группу попали окружности с дугами, поскольку мы не нашли подтверждений тому, что подобные изображения можно отнести к символике огня. Их в культурном слое Мурома обнаружено четыре штуки. Также несколько геометрических изображений: пятиугольник и угол.

Трехчастная розетка – специфическое клеймо, распространенное практически исключительно на Владимиро-Суздальских землях, отнесена нами сюда же. Она может оказаться как специфическим знаком местной княже-

ской власти, так и просто местной традицией, распространившейся между гончарами, и не вышедшей за пределы региона. Таких клейм в Муроме пока обнаружено четыре штуки.

Интерес представляют два клейма с зооморфными изображениями. Первое – изображение очертаний кошки ***(Приложение 10, рис. 5)*** в профиль (кошкой это изображение названо на трех конференциях участниками секций археологии; при выступлениях проводился опрос, чтобы исключить искажения в восприятии самим автором). Второе – двойное колесо с вписанной в него фигуркой птицы. У птицы обозначена вытянутая голова на согнутой шее, тело и крылья, две тонких лапки. Оба клейма имеют широкую датировку середина XI – начало XIV века. Соответствия в литературе не обнаружены.

Стоит упомянуть, что многие фрагменты круговых горшков с клеймами имели следы нагара, что подтверждает мнение многих исследователей о том, что такая посуда использовалась в быту, а не носила исключительно ритуальный характер, как предполагали на заре исследования клейменой славянской посуды.

Также подавляющее большинство исследованных горшков было изготовлено из красножгущихся глин. Фрагментов сосудов из беложгущихся глин всего 16 штук, против 204 красножгущихся. Такое распределение соответствует в целом соотношению красноглиняной и белоглиняной керамики, находимой в городском слое. Из чего мы можем сделать вывод, что горшки клеймили вне зависимости от того, какая глина была выбрана для их изготовления.

Таким образом, нами были исследованы все гончарные клейма, хранящиеся в культурном слое г. Мурома. Всего было обработано 220 фрагментов клейменой посуды, из которых у 178 возможно было достоверно определить изображение на клейме. Также определено, что, в основном, клеймили керамику из соображений, связанных с магическим мышлением и описанных в этнографии.

При этом на данном этапе исследования мы пока только изучили морфологию знаков на донцах керамики, обнаруженной в Муроме и создали распределение, согласно предполагаемого назначения изображений на глиняной посуде. В дальнейшем мы планируем продолжить изыскания с технологической точки зрения.

Источники и литература

1. Бобринский А.А. О назначении средневековых гончарных клейм (этнографические заметки) // Вестник «История керамики». Вып. 1 – М.: ИА РАН, 2019. – С. 12–14.

2. Куфтин Б.А., Россова М.А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. Вып. 5. – М., 1928. – С. 9–30.

3. Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Поволжья. Вып. 3. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 172–188.

4. Тухтина Н.В. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. Вып. 37 – М., 1960. – С. 148–155.

5. Гупало В.Д. Раннесредневековые гончарные клейма // Российская археология. Вып. 1. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 27–36.

6. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян – 4-е изд. – М.: Академический проект, 2016. – 640 с.

7. Кадиева Е.К. Геральдические клейма на круговой посуде центра Ростово-Суздальской земли: морфология и хронология // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 221, 2007. – С. 130–137.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА КУЛЕБАКИ

Алексей Владимирович Малышев

Межрегиональная общественная организация
социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»,
руководитель отдела этнологии
Россия, Нижегородская обл., г. Кулебаки; e-mail: ma2502@mail.ru

В статье анализируются версии происхождения названия города Кулебаки Нижегородской области, обосновывается тюркская версия происхождения этого топонима.

Ключевые слова: *ономастика; топонимика; юго-запад Нижегородской области; г. Кулебаки.*

Внимание исследователей ономастики Нижегородского края всегда привлекало необычное название одного из районных центров Нижегородской области – города Кулебаки. Это название действительно уникально, так как в нем слышны фонемы не чуждые как русскому, так и мордовским и тюркским говорам. Тем не менее, придирчивый анализ с привлечением как лингвистических, так и исторических данных поможет более полно установить происхождение этого топонима.

Существует два основных пути толкования названия Кулебаки. Первый предлагает делить это слово на два равнозначных, создавших топоним. Второй путь предлагает видеть в основе названия Кулебаки единое слово.

Сторонники первого пути уверены, что топоним Кулебаки состоит из двух слов – *кули* и *баки*. Впервые версия была озвучена в краеведческой литературе, где говорилось, что название связано с промыслами углежжения и смолокурения – в кули складывали уголь, а в баки сливали смолу [1, с. 120]. Но местные жители, в XVI – начале XVII века ничем подобным не занимались, и это толкование с самого начала подверглось сомнению. Другая версия уже соединяла два слова из разных языков – мордовского и русского. Слово *кули* выводилось от мордовского *кулу* (зола). Золу в этих краях когда-то заготавливали. А баки – это емкости, в которые золу складывали. Несмотря на всю свою искусственность, эта версия очень долго держалась как основная, и даже вошла в топонимический словарь [2, с. 119]. Возникновение подобных толкований может быть объяснено та-

ким явлением как «народная» (мнимая) этимология, когда к непонятному названию подбирается какое-то похожее по звучанию слово, а смысл как бы подгоняется. Следует отметить, что явления «народной» этимологии присущи не только русскому но и мордовскому языку, и в попытках иных краеведов объяснить любое название Волго-Окско-Сурского междуречья мордовским происхождением, мы встречаем такие этимологии названия Кулебаки как, допустим, состоящее из мордовского слова *куля* (веселая, радостная новость) и мордовского суффикса отрицания *–аки*. Что-то вроде «место, где нет хороших новостей» [3].

Еще одна «двухсловная» версия происхождения, также озвучена кулебакскими любителями топонимики. Была предложена этимология из тюркских *куль* (озеро) и *бака* (лягушка), что означает «озеро лягушек» [4, с. 6–11]. Существование в средневековье озера на территории Кулебак вполне возможно. Карстовая природа пермской геологической системы бассейна реки Тёши такова, что озера возникали и исчезали здесь на протяжении всего новейшего геологического периода постоянно. Вода уходит в карстовые провалы, и этот процесс продолжается, и по сей день. Версия «Озера лягушек» («Лягушачьего озера») имела бы права на существование, если бы, опять же, не морфология, которая не позволяет ее принять.

Дело в том, что в топонимике известны тюркские названия, имеющие слово *куль* (озеро) в начале слова. В Спасском районе Нижегородской области есть речка с чувашским названием *Кулюлсерма*, переводимым с чувашского как «озерная речка», «речка, вытекающая из озера» [5, с. 7]. В Башкирии есть болото *Кульбаш*. В Зеленодольском районе Татарстана есть село *Большой Кульбаш (Олы Кульбаш)*. В республике Марий Эл, в Моркинском районе находится татарская деревня *Кульбаш*. Во всех случаях топонимы толкуются словами *куль* (озеро), и *баш* (голова, начало). Нечто вроде «озерный глава» [6]. То есть, в приведенных выше тюркских топонимах слово *куль* (озеро) везде служит определяющим. И если Кульбак – это озеро и лягушки, то смысловой перевод звучит как некий оксюморон («озерные лягушки»). А «озеро лягушек» по-татарски – *Бакакуль*, и озеро с таким названием действительно есть в Башкирии. Таким образом, данная версия также не может быть принята, хотя тюркский след, как мы увидим впоследствии – самый верный.

Существует еще одна «мордовская» версия, объяснявшая топоним Кулебаки как два мордовских слова. Первое – *Кулеба* – древнее дохристианское имя мордовского старейшины, второе *ки* – дорога. Получалась нечто вроде *Кулебова дорога*. Хотя сам автор настаивает на «Кулебовой тропе» [7, с. 32–36], видимо, не зная, что «тропа» по-эрзянски и по-мокшански – *«ян»*. Данная версия не может быть принята из-за того, что ни в одном источнике не упоминается подобное мордовское имя. В мордовском языче-

ском ономастиконе есть имя *Кулеват*, но образовано оно по тому же принципу, что и *Водоват, Череват, Инжеват* и др., и к Кулебе отношения не имеет. К тому же, в мордовских языках существует притяжательный суффикс *-нь*, который применяется к именам нарицательным, и если бы Кулеба существовал, то *Кулебова дорога* по-мордовски должна была звучать как *Кулебаньки*. Несостоятельность этой и других «мордовских» гипотез показывает, что мордва не имеет отношения к топониму Кулебаки. Хотя слово *кулеба* известно, только это не имя мордвина, а название южнорусского кулинарного блюда. В Днепропетровской области есть село *Кулебовка*. Жители Кулебовки (Кулебівки) выводят название своего села от слова «кулеба» означающего густой кулеш из пшена [8].

Редко какой топоним дается нам в «застывшем» виде. Ошибаются те, кто думает, что название произносилось во все времена своего существования так же, как оно произносится теперь. Что касается топонима Кулебаки, то впервые оно зафиксировано в писцовых книгах как «деревня Кулебака», и «речка Кулебака», в женском роде, в единственном числе. Деревня впервые упоминается в XVII веке уже как существовавшая, не говоря уже о речке [9, с. 6]. Очевидно, что здесь топоним воспринят русскими чиновниками, ведшими записи, как иноязычное название. И склонение свое топоним получил согласно роду названия (река и деревня женского рода). Так речку и деревню называли русские переселенцы. Как название произносилось на языке автохтонного населения, можно восстановить путем аналогий и сопоставлений.

В записках путешественников XVIII века мы читаем это название как «Кулюбака» [10, с. 100], т.е. наблюдается переход гласного *«е»* в *«ю»*, в соответствии с местным произношением. Исходя из этого, следует допустить, что после звука «*л*» шло смягчение (*кульбака*), передаваемое в устной речи как звук «*ю*». Однако на русских картах XVIII–XIX вв. это название писалось и через *е* (Кулебака), и через *ю* (Кулюбака). Дело в том, что твердые правила написания топонимов установились в России только в начале XX века, а до этого написание регулировалось только родом названия и прихотью самого писавшего. Таким образом, с большой долей вероятности можно утверждать, что в оригинале название местности и реки звучало как Кульбака или Кульбак, в зависимости от того как произносилось это слово на языке аборигенов.

Но теперь населенный пункт имеет название Кулебаки, и это также требует своего объяснения. Как и любая другая деревня, Кулебака (Кулюбака) после устройства в ней церкви, стала селом. Соответственно, в любом подобном случае мы можем наблюдать трансформацию названия в средний род. Условная Иванова деревня превращается в село Иваново, но значит ли это, что деревня, допустим, Вишенка станет Вишенкино? Ско-

рее, в русском языке деревня Вишенка обратится в село Вишенки. Если же название какой-то деревни представляет собой иноязычное слово, то здесь уже можно быть уверенным во множественном числе нового названия. Так появлялись на карте Поволжья село *Саконы*, село *Мурзицы*, село *Туртапки* и др. Кстати, названия многих местных сел заканчивающиеся на *–ей* (*Пушлей, Размазлей, Липелей*), старожилы до сих пор произносят во множественном числе (*Пушле-и, Размазле-и, Липеле-и*).

То же произошло и с топонимом Кулебака (Кулюбака). При смене статуса оно превратилось в Кулебаки (Кулюбаки). Так в XIX веке, на карте России появилось село Кулебаки. При получении статуса города, в 1932 г., когда уже были сформулированы и приняты твердые правила фиксации и неизменяемости произношения топонимов, село Кулебаки благополучно стало городом Кулебаки. Но для того чтобы понять из какого языка произошло это необычное название, следует выяснить, единственное ли оно в своем роде, и какие есть у него аналоги?

Выше мы говорили, что в объяснении этимологии топонима Кулебаки есть два пути. Второй путь указывает, что в основу названия положено цельное слово, и нужно только выяснить из какого языка происходит это слово. В момент начала изучения топонимики, местность, где располагаются Кулебаки, была населена русскими, и поэтому естественным их желанием было объяснить происхождение названия из русского языка. Тем более, давно известно русское слово *кулебяка*, обозначающее пирог из кислого теста с обильной начинкой из рыбы, капусты, каши и др., и некоторые исследователи прямо предлагают не мудрить и искать корни названия города в русской кулебяке. Однако здесь тот случай, когда возникновение фонемы древнее, чем возникновение кулинарного блюда. Первое упоминание о пшеничном пироге относится к XVI–XVII вв. [11], а слово *кульбак* к этому времени имело совсем другое значение.

У В.И. Даля указано, что в ярославских говорах ватрушку с творогом называли *калюбакой*, а в вятских – пирог с рыбой звался *кулбака*. Сам он в *кулебяке* предполагал немецкое *kohlgeback* – капуста в тесте [12, с. 219]. Однако связывал происхождение пирога-кулебяки с глаголом *кулебячить*. Также он отмечал слово *кульбака* как южнорусское название седла. В словаре Шанского слово *кулебяка* связано с *колебятка* (*колобуха*) – последний хлеб из остатков квашни, и с русским словом *колоб* – круглый небольшой хлебец [13, с. 225–226].

Известно диалектное псковское или северорусское *колюбака*, означающее человека с веснушчатым лицом. Считается, что фамилии Кулибакин, Кулебакин, Колюбакин имеют в своей основе какое-то из упомянутых выше слов. Впервые подобная фамилия фиксируется в русских документах в 1560 г., а имя собственное Кулебяка известно с 1603 г. по расходным

книгам Кирилло-Белозерского монастыря [14]. Есть на карте России и топонимы произошедшие, без сомнения, от этих слов. На северо-востоке современной России обнаруживается крошечная деревня *Колюбаки* в Великолукском районе Псковской области. Можно допустить, что здесь не обошлось без пирогов, хотя можно предполагать и веснушчатое лицо первого жителя деревни. Также в Сергиево-Посадском районе Московской области есть деревня *Кулебякино*. Таким образом, предположение, что в основе названия нижегородского города Кулебаки лежит цельное слово, причем русского происхождения, имеет право на существование, если бы не некоторые обстоятельства.

Прежде всего, необходимо установить смысловое соответствие топонима и слова, употребляемого для его толкования. Для чего и почему русским поселенцам речку, а затем и деревню, понадобилось называть кулинарным блюдом? Разумеется, тут же рождаются легенды о вкусных кулебяках, которые здесь пекли и которыми угощали путников, или о кулебяке, которую здесь изволил откушать сам Иван Грозный, следовавший в 1552 г. на Казань. Но все это – не более чем легенды, пытающиеся «притянуть смысл», и не имеющие под собой никакой основы. Да и сама кулебяка откуда взялась в русском языке? Для этого следует разобрать этимологию этого слова. Нет ли чего похожего в языках других народов, населявших Западное Поволжье до начала русской колонизации?

М. Фасмер считал происхождение слова *кульбак* (*кульбака*) неясным [15, с. 601]. Ему было известно тюркское слово *kaltak* (седло), но он считал его слишком далеким от *кульбак* фонетически. Но мы не зря указывали выше, что у Даля *кульбака* толкуется в южнорусских диалектах как *седло*, и что он связывал *кулебяку* с глаголом *кулебячить*. Отсюда выводилось прилагательное *кульбачный* – к седлу относящийся и глагол *кульбачить* – седлать. Известно, что переметные седельные сумки назывались *кульбачными* сумками, или просто *кульбаками*. В тамбовских говорах казачье седло называлось *кульвак*. В белорусском и украинском языках *кульбака* тоже означает седло. Как и в польском языке, седло – *kulbaka*, а седлать коней – *kulbaczyc*.

Следовательно, должен был существовать какой-то прототип обозначения седла как *кульбака* (*кульбак*), который распространился затем в нескольких областях. Такой прототип мы находим в трудах средневекового ученого Юрия Крижанича, подвизавшегося при дворе царя Алексея Михайловича. В своем фундаментальном труде о России, называемом «Политика», он упоминает слово *кулбак*. Боровшийся за чистоту русского языка, Крижанич требовал искоренения татарских слов из лексикона московских солдат. В числе других слов, Крижанич называет *кулбак* как обозначение татарского седла. И, кстати, требует заменить его славянским словом *седло*

[16, с. 144–145]. Следовательно, в средневековье у татар так называлось седло. Распространение такого названия на Руси, на Украине, в южных степях, и в Великом княжестве Литовском, откуда «вышли» Польша с Белоруссией, легко объяснимо влиянием Золотой Орды. Конница степняков была передовой в Восточной Европе, и неудивительно, что тюркские военные термины нашли свое применение в военном деле указанных стран. Видимо от *кульбак* (*кулбак*) и произошла фамилия Кульбак (Кулбак), так распространенная в Польше и Белоруссии. Но остался ли *кулбак* в самих тюркских языках? Безусловно. Фасмеру в XX веке был известен тюркский *калтак*, а в тюркской антропонимике довольно часто встречаются фамилии с основой *кульбак* (*кулбак*). Все это является реликтом древнего, возможно, еще дотюркского, а потом и древнетюркского обозначения седла как *кулбак*, распространившегося из степей по всему югу Восточной Европы, и занесенного в Литву и в Поволжье. Что же может связать *кулбак* с названием русского пирога? Возможно, ассоциации с седлом, изготовленным из нескольких «слоев» различных материалов, а, скорее всего, – с переметными седельными сумками казаков южнорусских степей, называвшимися *кульбаками*, и набитыми всякой всячиной, как и начиненный различной снедью пирог.

Город Кулебаки расположен на одном из самых древних сухопутных транзитов Среднего Поволжья. Назвать речку и деревню «седлом» (*кулбак*) древние путешественники могли или из-за особенностей рельефа местности, когда на фоне равнинного ландшафта, именно в месте, где протекает Кулебака, резкий подъем сменяется стремительным спуском. Сейчас это место называют в Кулебаках «Рыночной» горой.

А скорее, так они могли обозначить место, где можно было поменять лошадей (почтовый ям) и починить или купить сбрую (седло). Существуют топонимы, подтверждающие последнюю версию.

Самым западным из названий с основой *кулбак* является белорусская деревня *Кульбаки*, которую в XX веке переименовали в Банцевичи. Деревня, известная с 1669 г., стояла на проезжем тракте и была станцией смены лошадей. Жители однозначно толковали название своего селения как «седло». Местными краеведами предполагается, что и получила деревня свое красноречивое название из-за того, что здесь можно было «поменять седло» [17].

Так как мы предполагаем родиной седла-кульбака юг России, следует полагать, что в степном краю такие названия должны встречаться наиболее часто. Это действительно так. В Курской области, недалеко от границы с Украиной есть село *Кульбаки*. Легенда о его названии гласит, что казак, ехавший через деревню, потерял часть сбруи, и, вернувшись, стал спрашивать у жителей – не видели ли они «кульбаки». Русские переселенцы не

понимали его, но вскоре выяснилось, что казак потерял седельные сумки – кульбаки. Так и стали называть потом село [18]. Также в Ростовской области, к северу от Таганрога есть село *Кульбаково*, а западнее Ростова-на Дону, в Азовском районе стоит хутор *Кульбакин*. Кроме этого, в Одессе известен микрорайон с неофициальным названием *Кульбака*. От *кульбак* произошли тюркские фамилии *Кульбакин, Кулбакин, Кулбакаев*. Любопытно, что подобное имя – *Кулбай* – есть в ономастиконе тюрок, и от этого имени образованы некоторые топонимы. В Нурлатском районе Татарстана есть село *Кульбаево-Мараса* на речке Марасе, а восточнее, в Башкирии просто *Кулбаево*. Известно, что это башкирское Кулбаево названо по имени Кулбая Такаева – землевладельца XVIII века. А вот в Кигинском районе Башкирии находится деревня *Кулбаково*, в названии которой, очевидно, положено слово *кулбак* (седло).

Таким образом, наряду с русской версией, основанной во многом на созвучии топонима и названия кулинарного блюда, нами выдвигается тюркская версия, достоверность которой подтверждается географическим расположением Кулебак на древнем торговом транзите, что и обусловило обстоятельства возникновения топонима.

К вышесказанному следует добавить, что версия о двухсловном образовании названия Кулебаки имеет право на существование, но ведет свое происхождение, опять же, из тюркских наречий. Слово *баки* имеет соответствие в тюркских языках, в виде термина *бак* – управлять (от устаревшего *бакмак* – пасти, управлять). В частности, слово *ногайбак* объясняется как составленное из *ногай* и *бак,* где *бак* означает управление [19, с. 1099]. Известно татарское имя *Бака*, оставшееся в фамилиях и уличных прозвищах жителей юго-запада Нижегородской области (*Бакин*, *Баков*, *Бакинский*). Кроме того, в нижегородской топонимике *бак (бака)* встречается и как самостоятельное название – поселок Бакин Выксунского района, и райцентр Красные Баки, который до революции назывался просто Баки, а до этого был деревня Бака. В этой связи можно упомянуть и название столицы Азербайджана – города Баку.

Кулебаки – один из самых древних топонимов Европейской России. Древнейшее название уверенно заняло свое место в российской топонимике. Оно не стало чуждым русскому языку. В Кулебаки, из Кулебак, за Кулебаками, в Кулебаках – название свободно склоняется, и с полным правом может считаться русским названием. И, вероятно, уже русские переселенцы, заселявшие в XIX – начале XX века Сибирь, принесли туда этот топоним. В Гурьевском районе Кемеровской области имеется деревня *Кулебакино*, в основу названия которой, вероятно, положен наш древний топоним.

Источники и литература

1. Головастиков А.М. Приокский (Выксунско-Кулебакский) индустриальный район. – Горький, 1960.
2. Морохин Н.В. Нижегородский топонимический словарь. – Н. Новгород, 1997.
3. Из сообщения краеведа В. Архипова (г. Москва) от 11.02.17 // Запись хранится в личном архиве А.В. Малышева.
4. Маскаев А. Мы на пути // Кировец. – 2018. – 3 марта. – № 9 (8725).
5. Ледров С.М. Малая Родина – Спасский край. – Н. Новгород, 1999.
6. Деревня кульбаш моркинского района – старинная мечеть. – URL: http://komanda-k.ru/2009/mariiel-1
7. Чернов В.Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка… Тайны географических названий. – Кулебаки. 2009.
8. Кулебовка. – URL: http://yandex.ru/turbo/s/ru.wikipedia.org/wiki/
9. Чижова И.А. История Кулебак (XVII–XIX вв.). – Кулебаки, 1997.
10. Штевен А.А. Из записок сельской учительницы. – СПб., 1895.
11. Кулебяка. – URL: http://yandex.ru/turbo/s/ru
12. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. II. – СПб.; М., 1881.
13. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.Е.. Краткий этимологический словарь русского языка. – М., 1971.
14. Происхождение слова «кулебяка». – URL: https://rus.stackexchange.com/guestions/
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. – СПб, 1996.
16. Крижанич Ю. Политика. – М., 2003.
17. Имения Лидского уезда. Имение Кулебаки. – URL: http://www.lida.info/imeniya-lidskogo-ue
18. Кульбаки (Курская область). – URL: ru.wikipedia.org
19. Альметьев Ф. Этнографическая заметка: «Нагайбак» // Оренбургские епархиальные ведомости (Оренбург). – 1911. – № 49.

К ИСТОРИИ СЕЛА ТУРКУШИ АРДАТОВСКОГО РАЙОНА И СУЩЕСТВОВАВШЕГО В НЕМ ОБЫЧАЯ «УРОЗА»

Алексей Владимирович Малышев

Межрегиональная общественная организация
социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание»,
руководитель отдела этнологии
Россия, Нижегородская обл., г. Кулебаки; e-mail: ma2502@mail.ru

Статья посвящена некоторым аспектам истории села Туркуши Ардатовского района Нижегородской области и происхождению этого топонима. Также описывается бытовавший в Туркушах сельскохозяйственный обычай Уроза, даются версии происхождения его названия.

Ключевые слова: *юго-запад Нижегородского края; село Туркуши; топонимика, этническая история, сельскохозяйственный обычай Уроза.*

Данная работа посвящена происхождению топонима Туркуши и описанию одного малоизвестного сельского обряда, бытовавшего до недавнего времени в селе Туркуши Ардатовского района Нижегородской области. Селение впервые упоминается в источниках в 1649 г., под названием деревня *Туркуша* [1, с. 309]. В 1710 г. в Туркуше строится церковь в честь

Архангела Михаила, после чего она становится селом и получает еще одно название – Архангельское [1, с. 310]. В XVII–XVIII вв. это была очень распространенная практика в Среднем Поволжье, когда нерусское название селения изменялось в документах по именованию построенной в нем церкви. Например, Ардатов назывался село Знаменское, Саконы – село Никольское, крупное мордовское село Кузятово назвали Вознесенским, а Туркуша получила название Архангельское.

Новые названия плохо приживались среди местного населения, являвшегося в большинстве своем потомками угро-финнов. Поэтому многие селения сохранили свои древние имена. Например, Ардатов так и остался Ардатовым, а вот Кузятово, например, стало селом Вознесенским (ныне райцентр). Туркуша тоже сохранилась в первозданном виде, сменилось только окончание, по роду названия – село Туркуши.

Туркуши расположены на древнейшем тракте региона, который активно использовался в Российской империи еще и в XIX веке. Дорога из Мурома в Саров и Темников, через Кулебаки – Теплово – Туркуши – Измайловку – Леметь – Ардатов, была «столбовой», и именно по ней, например, ехал А.С. Пушкин в Болдино, и по ней шел Серафим Саровский на богомолье в Муром.

Среди местных жителей название села, согласно «народной» этимологии, трактуется от прозвища *туркаш* (турок, принадлежащий турку). Якобы, когда-то владелец села проиграл его в карты соседу-помещику, в сердцах назвав того «злым турком». Соответственно и проигранных крестьян стали звать *туркаши*. Конечно, это народная, мнимая этимология, но свойственна она, как мы увидим в дальнейшем, не только русскому языку.

Название действительно своеобразное, и для русского уха звучит непривычно. Очевидно поэтому М. Пестов, составлявший во второй половине XIX века описание Ардатовского уезда, куда входили Туркуши, нигде ни словом не обмолвился об этом селе. Зато во многих местах он приводил сведения о никогда не существовавшем в уезде селе Турманки, при этом упоминает в нем плотницкий промысел, характерный именно среди жителей Туркуш. Можно думать, что чиновник просто не смог правильно прочитать неразборчиво написанное от руки необычное название и транскрибировал его, как село Турманки [2, с. 74–75, с. 78]. А плотницкий промысел действительно имел в селе очень серьезное развитие, и о бригадах туркушских плотников говорилось в специальной литературе [3, с. 424].

Между тем, этимология названия Туркуши имеет мордовское происхождение. Именно мордве свойственно создавать топонимы с формантами *–кужо* (поляна). Сомнения вызывает первая часть топонима. В современных мордовских языках такого слова не обнаруживается, и здесь вступает в дело мордовская «народная» этимология.

Исследователи справедливо делят название на формант *–кужо* (поляна) и апеллятив *тур,* и производят этот «тур» от похожих по звучанию мордовских слов, выискивая глубинный смысл в полученных словосочетаниях. Мордовское *тарка* (укромное место) или *турема* (драка) звучат похоже, и отсюда предположение, что Туркуши – это «укромная поляна», или «поляна для драк» [4]. Кроме того, в областях правобережья Средней Оки, в старину заселенных родственной мордве мещерой, краеведами зафиксировано слово «тур» означающее «меч», которому информанты приписывают мордовское происхождение [5]. Отсюда толкование названия Туркуши как «Поляна меча», т.е. опять осмысляемое как «место битвы».

Н. Морохин выводит название Туркуши от эрзянского «турк» – «поперек» или «тур» – «ловушка для птиц» и «кужо» – «поляна» [6, с. 438]. То есть, подбирает похожие по звучанию слова и подгоняет под них смысл названия.

Но, если говорить о происхождении топонима, то нельзя исключать, что средневековая мордва, заселяя эти места, использовала названия из уже сложившейся здесь «домордовской» топонимии. Можно допустить, что в названии скрыто древнетюркское «тур» – «стоять, жить, обитать», и связанное с этим тюркское «тура» – «город, крепость» [7, с. 565–567]. Дело в том, что, как уже говорилось выше, селение располагалось на древнем тракте, соединявшем Муром и Темников, и вполне могло существовать как некий форпост тюрков на пути из Руси в Орду.

Следует добавить, что в чувашском языке слово *тур* сохранилось как обозначение подъема: «тури» – «вверх» [8, с. 25, 79]. Селение расположено в трех километрах от места впадения в Тёшу реки Леметь, и как раз от устья Лемети дорога поворачивает и следует вдоль ее левого берега. Здесь «тури» (вверх) могло служить обозначением направления пути вверх от устья реки Лемети по ее течению. Данная версия отсылает возникновение названия к волжским булгарам, язык которых был родственен чувашскому.

Мордвины, заселившие впоследствии обжитое место уже добавили к имеющемуся названию свой топоформант «кужо» – «поляна».

Если говорить о ближайших к Туркушам реках, то их названия также нельзя толковать однозначно. Название реки Тёша, в которую впадает Леметь, не имеет объяснений в мордовских языках, за исключением попытки П.И. Мельникова связать его с именем легендарного мордовского вождя [9, с. 410]. Что касается Лемети, то Н. Морохин допускал, что это название связано с мордовским словом *лемзер* (черемуха) оттого, что по берегам много черемухи [6, с. 196]. Действительно, в Поволжье есть похожие гидронимы (Лемзьер, Лемзяйка, Лемдер), однако нельзя сказать, что берега Лемети прямо-таки утопают в черемухе. Скорее, здесь мы опять видим

подходящее по звучанию слово из мордовских языков, и в таком случае, вполне может подойти эллиптированное в русских говорах эрзянское «лемтеметь» – «безымянный». Но если допустить, что мордва восприняла название реки от неких жителей, уже освоивших ее берега, то найдется и другое объяснение названию Леметь.

В Башкирии существует река *Лемеза,* названная по имени родового подразделения *лямеэс,* в составе угорского племени *мэн*, вошедшего в башкирский этнос. Может быть, здесь разгадка древнего топонима, и башкирское племя *лямеэс,* жившее когда-то в Волжско-Окско-Сурском междуречье, дало свое имя реке.

Проживание башкир в данном регионе в Средние века могло быть обусловлено тем, что, начиная с XII века, он входил в состав Золотой Орды. Исследователи говорят о том, что значительная часть нынешней Нижегородской области, начиная от линии Навашино – Кулебаки – Арзамас, входила в улус Мохши [10, с. 314]. Следовательно, границы улуса проходили по реке Тёше, и для охраны этих границ золотоордынские правители вполне могли поселить здесь некое подразделение степняков-башкиров, обосновавшихся на жительство.

Их присутствие подтверждается источниками. В 1539 г. в грамоте Ивана IV, данной князю Кугушеву, говорится о дарованном ему праве «татар и тарханов и башкирцев и можерян которые живут в Темникове судить и ведать по старине» [11, с. 36–37], а именно в Темников вела дорога, проходящая через Туркуши. При этом нельзя игнорировать тот факт, что в списке жителей деревни Туркуши, датированном XVII веком, есть человек по имени *Федька Фомин сын Башкир* [1, с. 310].

Село исторически делится на три части. Центральная часть называется *Середка,* северная часть *Морозовка,* а южная часть называется *Курмыш.* Название Курмыш чрезвычайно широко представлено в Среднем Поволжье, в виде небольших поселков или отдельных частей села. В связи с вышесказанным следует добавить, что Э. Мурзаев допускал происхождение этого названия от тюркского глагола «кур» – «строить» [8, с. 319], что опять отсылает нас к тюркам.

В Туркушах до недавнего времени существовал любопытный сельскохозяйственный обычай. Суть его в том, что в лесистом краю, где находятся Туркуши, было очень мало угодий для сенокоса. Большая часть полезных земель была занята под пашню, и заготовку сена жители вели, главным образом, по поймам, опушкам, и небольшим лесным пустошам. Разумеется, этих «угодий» на всех не хватало, в связи с чем родился обычай занимать эти «угодья» явочным порядком. То есть, в заранее определенный день каждый домовладелец должен был встать как можно раньше и «закосить» как больше участков с травой. Закосить – значить скосить неболь-

шой участок сенокосного угодья, тем самым обозначив, что данный участок занят («закошен»). По существовавшему общественному договору такой участок никто другой из односельчан занять не смел. Таким образом, чем больше участков удавалось «закосить», тем больше сена мог заготовить наиболее поворотливый туркашанин.

Данный обычай бытовал в селе до самого начала XXI века, и сошел на нет в связи с уменьшением поголовья скота на селе. Назывался этот обычай Уроза. При этом следует заметить, что у соседей ничего подобного не было, и при распределении сенокосных угодий метался «жербий» (жребий). К необычному названию обычая мы и хотим привлечь внимание исследователей.

Принимая во внимание то, что русскоязычное население села Туркуши имеет значительный финно-угорский субстрат, о чем говорят такие уличные фамилии сельчан как *Кулдаев, Малявин, Панай, Панок, Понин, Гурёв* и др., можно допустить, что в данном названии скрыто мордовское «уроз» – «сирота». Оно имеет и смысловое наполнение в случае практических целей практикуемого обычая – занятия ничьих (осиротевших) участков с травой.

Однако, учитывая высказанные выше аспекты возможного тюркского прошлого села, можно допустить и другое толкование названия данного обычая. Повторим, что село стоит на старинном торговом пути, ведшем из Мурома в бассейн Цны и Мокши. Учитывая приведенные выше данные о золотоордынском прошлом края, нельзя исключать, что на этом пути селились и представители тюркских этносов Поволжья. В таком случае можно допустить, что это название осталось от тюркских предков.

Дело в том, что начало сенокоса здесь приходится на конец июня – начало июля. И именно на это время иногда выпадает празднование мусульманского праздника *Ураза-Байрам* (окончание Рамадана). Возможно, в названии хранится память о древнем «исламском» прошлом края.

Таким образом, в названии Уроза можно увидеть как следы угрофинского, мордовского происхождения жителей Туркуш, так и не менее древние тюркские. Данный факт еще раз указывает на многокомпонентный этногенез современного русского населения юго-запада Нижегородской области, включающий представителей самых разных этносов.

Источники и литература

1. Базаев А.В. История сел и деревень Ардатовского района. – Арзамас, 2015.

2. Пестов М.Н. Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1869.

3. Хорев Б.С., Рогов Н.А. О путях развития бывших «кустарных» промыслов (на примере Горьковской области) // Известия Всесоюзного Географического общества. – 1962. – Т. 94. Вып. 5.

4. Запись беседы с краеведом В. Архиповым (г. Подольск Московской области) 12.02.2017 // Хранится в личном архиве А.В. Малышева.
5. Запись беседы с этнографом А.Н. Гавриловым, методистом Шиловского районного краеведческого музея 28.07.2020 // Хранится в личном архиве автора.
6. Морохин Н.В., Арзамазов А.А. Наши реки, города и села. – Н. Новгород, 2014.
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М., 1984.
8. Нестеров В.А. Над картой Чувашии. – Чебоксары, 2017.
9. Мельников-Печерский П.И. Очерки мордвы // Полное собрание сочинений. – СПб., 1909. – Т. VII.
10. Белорыбкин Г.Н. Улус Мохши // Ислам в центрально-европейской части России. Энциклопедический словарь. – М., 2009.
11. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. – Уфа, 1999.

К ИЗУЧЕНИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО АССИРИЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Сергей Сергеевич Михайлов
Независимый исследователь, г. Москва; e-mail: mesherdkray@mail.ru

В статье автор рассказывает об ассирийском некрополе г. Нижнего Новгорода. Диаспора данного этнического сообщества сформировалась в XX столетия, в основном после прибытия в Россию беженцев из юго-восточных районов Турции, спасавшихся от геноцида христианского населения. В Нижнем Новгороде исторический ассирийский некрополь расположен компактно на двух городских кладбищах – Бугровском и Красной Этне. В основу статьи положены полевые материалы автора.

Ключевые слова: *ассирийцы; диаспора; некрополь; кладбище; Нижний Новгород; могила; памятник.*

В истории и культуре локальных городских сообществ, в т.ч. и этнических, важную роль всегда играла и тема некрополя, т.е. места (или мест), на котором находили последнее пристанище их умершие представители. В данной работе нам хотелось бы коснуться темы ассирийского этнического некрополя такого важного центра, каковым является Нижний Новгород. Сообщество этого народа здесь явно начало формироваться к началу XX века, однако основная масса семей, известных в городе, оказались в России в годы Первой мировой войны, уходя от геноцида, развязанного в отношении христианского населения на востоке Турции и северо-западе Ирана. Основные переселения представителей рассматриваемого народа в Нижний Новгород (Горький) происходили двумя волнами в 1919–1920 гг. и в 1930-х гг.; сообщество насчитывало несколько десятков семей. В настоящее время диаспора этого народа насчитывает более трех сотен человек.

История ассирийской диаспоры в Нижнем Новгороде (в советский период – Горьком) прежне специально никем не исследовалась, и почти нет публикаций, в которых она как-то бы была затронута. Исключением составляют работы заведующего библиотекой Санкт-Петербургской Духов-

ной Академии, архимандрита Стефана (Садо), посвященные репрессированным соплеменникам, где также упоминаются и арестованные в Горьком и городах Горьковской области, а также наша первая попытка выяснения участия в формировании нижегородской областной диаспоры выходцев из одного из ассирийских регионов, а именно из области Джилу [1, с. 251–257]. Автор этих строк впервые столкнулся с темой нижегородских (горьковских) ассирийцев в 1994 г., когда специально приезжал в рассматриваемый город для бесед с ассирийцами-старожилами и записи устной истории диаспоры. Следующая подобная поездка состоялась только через два десятка лет, в начале марта 2015 г. В 2019 г. автор начал исследование ассирийских городских некрополей Центральной России, в рамках которого к настоящему времени осмотрено некоторое число компактных мест погребения ассирийцев – представителей семей волны беженцев времен Первой мировой войны, прибывших в Россию и участвовавших в создании диаспор в 1920–1930-х гг., в т.ч. и находящиеся в Нижнем Новгороде. В основу данного повествования положены полевые материалы автора.

Разумеется, в таком крупном промышленном и торговом центре, каковым являлся Нижний Новгород, ассирийцы из Турции и Персии, отходники и экономические переселенцы, могли появиться достаточно рано, уже во второй половине XIX века. Такое место, где всегда можно было найти заработок, привлекало само по себе, да и, конечно же, какие-то ассирийцы явно бывали на знаменитой Нижегородской ярмарке. Русский вице-консул в г. Ван, В.Т. Маевский в своей книге, посвященной военно-статистическому описанию Ванского и соседнего Битлисского вилайетов (где в т.ч. проживали и ассирийцы, в дальнейшем оказавшиеся в России беженцами), упоминал, что в крупных городах мира, куда уже в конце XIX века в качестве отходников наведывались ассирийцы-горцы, у них существовали своеобразные неофициальные «подворья», на которых были даже церкви, где те могли останавливаться во время регулярных посещений этих мест [2, Приложения, с. 85]. Однако по этому периоду истории мы теперь вряд ли что-то сможем узнать: свидетелей той эпохи давно нет в живых, а документальных свидетельств посещения города мелкими торговцами и отходниками не сохранилось. В начале XX века ассирийцы уже селятся в Нижнем. По биографиям некоторых репрессированных в 1938 г. в Казани представителей семьи Гиворгиз, выходцев из села Алсан, представленным в книге архимандрита Стефана (Садо), мы видим, что сюда сразу после пересечения российской границы в 1916 г. направляется Николай Авру Гиворгиз, и проживает до 1918 г. В следующем году он перебирается в Казань, где его и застают репрессии 1938 г. [3, с. 258] В том же 1916 г. в Нижний направляется и Самано Гиворгиз, родственник Николая Авру [3, с. 259]. В Нижнем Новгороде в 1918 г. родился и еще один впо-

следствии репрессированный представитель казанской диаспоры и родственник первых двух фигурантов – Василий Давидович Гиворгиз [3, с. 257]. Понятно, что эти беженцы направились туда, где было у кого остановиться. Большинство аласная в то время обосновалось в Екатеринодаре (современный Краснодар), где пытались переждать события на родных землях и дождаться благополучного исхода; по городам Центральной России они стали расселяться только после ухода русских войск из северо-западной Персии. Исключением были лишь некоторые выходцы из Алсана, которые, как и Гиворгизы, отправились в Оред, Тверь, Москву, Владимир и Рыбинск, т.е. в города, где жили родственники. К сожалению, современные потомки данной семьи, живущие в Казани, зная о том, что их предки какое-то время жили в Нижнем, ничего не помнят про тот период. Нижегородские старожилы-ассирийцы также не знают ничего про представителей семьи Гиворгиз из Алсана, отметившейся в их городе на раннем этапе формирования диаспоры.

Во время полевой поездки автора в 1994 г., прежде всего со слов старожила Давида Васильевича (на могильном памятнике его отчество – Азизович) Багзо (1911–1998) удалось записать, что ассирийцы – беженцы из Турции – стали селиться в Нижнем Новгороде в 1919–1920 гг., и что это были представители многих групп, прежде всего аширетных, т.е. из горских независимых («би-ашират») племен-маликств. Про более ранний период информант, видимо, ничего не знал. Большая часть из них происходила из областей Диз (племя дизная) и Джилу (джильвая). Селение (селения), откуда происходили первые, выяснить не удалось, джильвая же были выходцами из известного нам Алсана и, скорее всего, подселялись к соплеменникам, которые жили здесь и до 1914 г. Также Багзо упомянул, что в Нижнем на раннем этапе жило некоторое число семей из аширетных племен базная, тхумная и тьяра (области Баз, Тхума, а также Верхнее и Нижнее Тьяри), но они быстро выехали из города. Из трех указанных племен в Россию ушло небольшое число беженцев, так как их представители, в основном, оказались на территориях, контролируемых в годы Первой мировой войны англичанами. В Центральной России их оказалось весьма мало: базная, числом две-три семьи, известны в Москве, тьяра, порядка десятка семей, из которых большинство затем выехали из страны. Также обосновались в столице тхумная, исключительно уроженцы села Мязра (локальная группа мазерная), несколькими семействами были представлены в московской диаспоре, а также поселились в Туле и, предположительно, в Рязани. Кстати, другие информанты из числа нижегородских ассирийцев-старожилов, говорили, что в городе, помимо выходцев из села Алсан, также были ранее представлены и уроженцы другой части Джилу – маликства Джилу Сорта (Малая Джилу) – из сел Серпель и Самсики. В

более поздний период их потомков в городе, вроде бы, уже не было. Помимо горцев, здесь осело и небольшое число уроженцев иранской Урмии (урмижная). Мы можем предположить, что представители этих групп так же, как и аласная из семейства Гиворгиз, знали Нижний Новгород до 1914 г.

От ранней нижегородской диаспоры, обосновавшейся здесь до начала 1920-х гг. включительно, в более поздние периоды практически ничего не осталось, семьи разъехались по другим городам или вообще выехали из страны. По крайней мере, уже в послевоенные десятилетия в тогдашнем Горьком основу диаспоры составляли семейства, которые стали селиться уже в 1930-х гг., т.е. те, кого можно назвать «второй волной» ассирийской миграции в рассматриваемый город. Среди них преобладают представители племен нудызная (область Нудыз в Ванском вилайете Турции), преимущественно из села Марвана (Марванан) и ханса (местность Хананис в горах Хяккяри там же, на юге Ванского вилайета). Первые перебрались в город из Москвы, вторые – из Краснодарского края. Помимо них, в более поздней диаспоре представлены ассирийцы племени барварная (область Барвар), преимущественно потомки выходцев из села Севине (группа севиная). Также в 1930-х гг., по рассказам старожилов, из Москвы в Горький перебралась как минимум одна семья гяварная (выходцы из равнинной области Гявар, на юге Ванского вилайета), но из какого именно селения, а в данном регионе их было много, никто сказать не мог.

Выходцы из маликства Диз переселялись в Горький и на втором этапе формирования диаспоры. В 1929 г., по словам Д.В. Багзо, из города Александров нынешней Владимирской области сюда переселились порядка 6–7 семей дизная. Из какой локальной группы, т.е. конкретное село (села?) происхождения данных ассирийцев, информант сообщить ничего не смог. В 1994 г. никаких потомков этих дизная в городе найти не удалось. В 1930-х гг. с юга России (Владикавказ и др.) в город перебралось несколько семей уроженцев села Шемаши: Ливан, Ахтияровы и, предположительно, Ядидо (Ядида, в книге Садо они названы выходцами из Барвара) [3, с. 638, 639]. Их потомки проживают в Нижнем Новгороде до сих пор.

Кстати, здесь нам хотелось бы упомянуть и о таком моменте. Поскольку в Горьком, равно как и в других городах России, представители поколения беженцев занимались чисткой обуви, то надо учитывать и то, где находились «стоянки» чистильщиков, на коих трудились представители ассирийских городских семей. В послевоенный период, когда в городе преимущественно оставались семьи «второй волны», большинство таких мест располагались практически на одном пространстве – возле Московского вокзала и соседнего с ним рынка. В разговорах членов диаспоры это место так и именовалось «базар-вокзал». В Верхнем городе, где были цен-

тральные улицы и площади, всегда было много народу, находились театры и иные места, на коих услуги чистильщиков были бы весьма востребованы, стоянок было крайне мало. Мы можем предположить, что там в период, когда выделялись рабочие места под чистку обуви, последние могли получать представители семей «первой волны», которые затем выехали из города. Впоследствии более поздние поселенцы, которым были выделены места на Московской вокзале и на рынке, смогли получить только несколько «точек» на ул. Свердлова (Большой Покровской) и на Советской площади (в 1943 г. переименована в площадь Минина и Пожарского).

Изначально ассирийская диаспора Нижнего Новгорода относительно компактно проживала в Верхнем городе – на Почаинке и на Большой Покровской улице. Скорее всего, данные места этого расселения сформировались еще во времена раннего посещения города ассирийскими торговцами и отходниками. Возможно, именно в одном из этих мест, или же в двух сразу, в конце XIX – начале XX века находились «подворья», вроде тех, что упоминал В. Маевский. Более поздние поселенцы селились большей частью в Нижнем городе, где большая часть ассирийских семей обосновалась в поселке Володарского. Семья Ливан, выходцы из села Шемаши, области-маликства Диз, перебравшиеся в Горький в 1930-х гг. с юга России, до репрессий 1938 г. жила на Гордеевке.

В Нижнем Новгороде ассирийский некрополь, а мы рассматриваем только места погребения семей, которые поселились в городе в период становления диаспоры, т.е. до 1930-х гг. включительно, находится на двух городских кладбищах – Бугровском и Красной Этне. Бугровское (Красное) кладбище, возникшее еще в конце XIX века, было выбрано ассирийцами для погребения усопших на более раннем этапе истории диаспоры, Красная Этна, устроенная как кладбище только в 1930-х гг., пришла на смену ей ориентировочно только в 1940-х. Захоронения представителей интересующей нас группы в обоих случаях расположены компактно. Автором они были осмотрены во время трех посещений: 14 ноября 2019 г., а также 24 января и 18 марта 2020 г.

Ныне небольшой ассирийский некрополь на Бугровском кладбище являет собой остатки места погребения членов ассирийской диаспоры, возникшего на раннем этапе ее истории. К сожалению, историю его формирования мы проследить уже не сможем, поскольку данная информация не зафиксирована в архивных источниках, а лица, бывшие в курсе событий, уже давно ушли из жизни. Скорее всего, первое ассирийское погребение здесь могло быть сделано еще до 1914 г., т.е. до начала войны и прибытия в Россию волны беженцев. В ноябре 2019 г. автором на 7-м участке Бугровского кладбища было обнаружено всего несколько ассирийских захоронений, расположенных небольшим «кустом» на расстоянии считанных

метров друг от друга. Самым старым из сохранившихся является погребение двенадцатилетней девочки Марии Азизовны Якуб (1925–1937). Памятник на могиле однозначно сделан уже в наше время и явно сменил какое-то более старое надгробие. Другие члены семьи Якуб, умершие уже после 1940-х гг., похоронены уже на Красной Этне. Наверное, самым загадочным погребением здесь можно назвать могилу пожилого ассирийца, умершего после Великой Отечественной войны, про которое нам не удалось ничего выяснить во время бесед с ассирийцами-старожилами. На скромном железном кресте помещено фото и на табличке под ним сделана надпись: «Любимому дедушке Сулака. 1853–1946. От внуков». Надпись, сделанную на железной табличке обычной черной краской, явно не так давно поновляли. Могила расположена на относительно запущенном с виду участке, хотя автор видел ее в промежуток времени с поздней осени по раннюю весну, когда сложно было говорить о том, ходят ли на нее или нет. Вокруг захоронения сохранилась железная ограда, внутри которой пространство, однозначно охватывающее не только могилу «дедушки Сулаки», но и как минимум еще одно погребение, следов которого не сохранилось. Помимо мужского ассирийского имени «Сулака» и фото, а также крайних дат жизни, никакой информации о человеке нет. Непонятно, почему эту, более чем скромную внешне могилу, сохраняют более чем семь десятков лет, но рядом не появилось ни одного нового погребения членов семьи. По идее, за период времени, прошедший с 1946 г. (к тому же учитывая и возраст Сулаки), уже давно ушли из жизни и сами внуки, посвящение которых так аккуратно поновляют, и должны уходить из жизни представители поколения детей этих внуков. Скорее всего, члены семьи уже давно выехали в другой город, и могилы их умерших после переселения находятся именно там. Наши попытки выяснить фамилию Сулаки и привязать его к какому-то проживающему ныне в городе ассирийскому племенному сообществу пока не увенчались успехом. Возможно, Сулака – представитель ранней городской диаспоры, что отчасти подтверждается и местом его погребения.

Вблизи могилы Сулаки, в одной ограде, под двумя памятниками, находятся две супружеские могилы. Первая из них – Григорий Назарович Юльев (1900–1945) и Софья Гасановна Саркисова (1907–1988). Второе захоронение принадлежит супругам Ишо – Леониду Хамисовичу (1921–1998) и Серафиме Григорьевне (1926–2003). Л.Х. Ишо происходил из ассирийцев, осевших после исхода в Ханларе (Азербайджан), фронтовик, и в тогдашнем Горьком оказался уже после Великой Отечественной войны. В 1951–1992 гг. он работал в Горьковском институте иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, где дослужился до поста заместителя ректора. Ря-

дом с Юльевым и Саркисовой он, а потом и его супруга, были погребены, поскольку находился с ним в родственных отношениях.

Бугровский ассирийский некрополь, однозначно, прежде был более обширный, однако к настоящему моменту от него осталось лишь несколько описанных выше могил, включая и две (супруги Ишо), устроенных в относительно недавнее время. Ныне сохраняются только те старые могилы, за которыми продолжает кто-то ухаживать.

Возможно, что представители самой ранней нижегородской ассирийской диаспоры, помимо Бугровского, погребали своих усопших еще на каком-то из старинных городских кладбищ, ныне утраченном (т.е. или на Казанском, или Петропавловском). По аналогии с Москвой и Санкт-Петербургом, мы можем предположить, что и здесь, в большом городе, где изначально стали селиться ассирийцы – выходцы из разных субэтнических сообществ, последние могли хоронить членов своих групп на разных кладбищах. К сожалению, подтверждения или же опровержения этой информации мы уже не найдем.

Большое городское кладбище Красная Этна, названное по соседнему предприятию, было устроено уже в советское время, в 1934 г. Ассирийские захоронения расположены здесь компактно, недалеко от ворот и кладбищенской конторы. В некоторых городах, например, в Воронеже, ассирийцы-старожилы могут рассказать, что диаспоре, по просьбам ее представителей, властями были выделены особые места на новых погостах, дабы создать более-менее компактное место погребения соплеменников. В Нижнем такое никто не сообщал, однако компактное расположение большинства могил также заставляет предположить такой момент, каковой мог произойти еще при основании Красной Этны.

О том, кто первый из ассирийцев и в каком именно году был похоронен на кладбище Красная Этна, нам выяснить не удалось. Самым старым погребением на этом ассирийском некрополе мы можем назвать могилу Касыма Ахтиярова (1860–1949), к которому несколько позже были похоронены: Хатун Ахтиарова (1895–1968) и Елизавета Ахтиарова (1930–1989), имена и фото которых находятся на одном памятнике с К. Ахтиаровым. Остальные захоронения относятся уже в 1950-м, 1960-м гг. и более поздним периодам. Здесь мы видим погребения представителей семей: Юнановых, Фарис, Ливан (Леван), Ядидо, Давыдовых, Осиповых, Саркисовых, Хошаба, Сулак, Лазаревых, Якуб, Шабо, Заду (Зяду), есть также могилы лиц с фамилиями Ишо, Инвия, Габо, Гиву Дохо, Малгам, Мирзоева, Абдалова, Сада, Дешту, Одышо. В двух случаях представители ассирийских семей погребены рядом с породнившимися с ними русскими семьями. Ахтиаровы и Иван Мирза Габо (1910–1988) похоронены в одной ограде с тремя представителями семейства Кирюшиных, с кем находились в род-

стве. Д. Багзо погребен в одной ограде с русской женщиной Валентиной Николаевной Бугровой (1914–1977). Подробный рассказ об истории в Нижнем Новгороде упомянутых ассирийских семей, включая и племенное происхождение последних – тема отдельного исследования.

Несколько в стороне от основного массива ассирийских захоронений, на углу с главной аллеей, идущей от ворот, находятся две могилы, обнесенные одной оградой. Там погребены отец и дочь: Григорий Иосифович Хошаба (1925–2002) и Ася Григорьевна Набиева (1959–1994). Больше никаких ассирийских захоронений на прилегающих участках Красной Этны не обнаружено.

В книге Садо, помимо ряда фамилий, встречающихся на Красной Этне, мы видим и Абдыш, Арсанесова, Бабаева, Бархо, Беньяминова, Бит-Лазарева, Варда, Гавердисова, Геворгизова, Гурмис, Данилова, Данильяна, Денхаева, Исаковых, Манико, Марогилова, Мушуло, Окопова, Петрова, Савришева [3, с. 114–115, 131–132, 155, 156, 169, 190–191, 221, 247, 264–265, 287, 292, 297, 343–344, 410, 439, 450, 467, 497], членов семей которых не видим ни на Красной Этне, ни на Бугровском. Эти лица были репрессированы в 1938 г. и, возможно, их семьи были высланы или сами выехали из города, хотя потомки многих других пострадавших в то время остались здесь. Возможно, какие-то родственники умерли в Горьком и были похоронены на Бугровском кладбище, однако ставшие затем бесхозными могилы впоследствии были утрачены.

Если на некоторых московских ассирийских некрополях, прежде всего, на Ваганьковском кладбище, где традиционно погребаются представители племен-миллет аласная и куная, мы до сих пор можем найти намогильные памятники, на которых, прежде всего, у людей, родившихся в местах традиционного проживания и попавших в Россию беженцами, мы можем встретить упоминания о селах, локальной племенной принадлежности и даже (в основном, у аласная) о роде-отжах, то нижегородские погребения такового не имеют. Здесь, даже захоронения людей, родившихся до 1914 г., отличаются только характерными фамилиями-именами-отчествами. Тем не менее, лиц, родившихся еще в исходных селениях в Турции, на надгробиях мы видим достаточно много. Памятники в остальном мало отличаются от аналогичных надгробий русских и представителей других национальностей, которые ставились в те же годы. Исключением являются только два современных надгробия, установленных уже в 2010-х гг., на тыльной части которых, в одном случае изображен национальный ассирийский флаг (Лазарева Алевтина Нимрудовна), в другом – эмблема Ассирийской Церкви Востока (семейное надгробие Лазаревых-Осиповых). Кстати, другая религиозная символика, которая присутствует на каждом надгробии, ничем не отличается от аналогичной на погребениях

русских и иных представителей православных народов – те же кресты, чаще всего, в восьмиконечном варианте. Ни одного креста, выполненного в ассирийском стиле, нами не обнаружено.

Во время осмотра ассирийского некрополя на Красной Этне автором не было обнаружено место погребения Гавриила Бит-Зая – ассирийца, репрессированного в 1938 г. и жившего до ареста в подмосковных городах Егорьевск и Павловский Посад. В последний период своей жизни Г. Бит-Зая жил в Горьком, где и умер в 1982 г. [3, с. 186–187] Скорее всего, он держался особняком от местного городского сообщества соплеменников, поскольку ни один из опрошенных автором старожилов-ассирийцев никогда не слышал, чтобы в городе жили носители такой фамилии. Явно он и погребен был на одном из городских кладбищ, без привязки к сложившимся местам традиционного погребения членов диаспоры.

Помимо Нижнего Новгорода, ассирийцы в 1920-1930-х гг. проживали в городах Арзамас, Бор, Лукоянов, Павлово, Семенов, Дзержинск, Выкса [3, с. 55, 99, 257, 277, 325, 588, 608]. Хотя местные диаспоры были немногочисленными и явно нестабильными – во многих случаях семьи представителей данной этнической группы быстро переезжали в другие места – за периоды проживания здесь, кто-то мог умирать и усопших где-то погребали. Там, где ассирийцев – членов семей волны беженцев времен Первой мировой войны – нет уже много десятилетий, такие захоронения, однозначно, к настоящему времени утрачены. В городах, где потомки семей проживают до сих пор, семейные некрополи явно сохраняются, но более старые надгробные памятники уже могут быть давно замененными более поздними, поставленными после погребения представителей поколений детей, внуков и уже правнуков тех, кто в период формирования городских диаспор обосновался в городе. В любом случае, некрополи, представленные погребениями членов одной–двух семей, без предварительного получения информации о их расположении от родственников или иных осведомленных лиц, искать крайне сложно. Вполне возможно, что в ходе дальнейших поисков на территории Нижегородской области, в некоторых из упомянутых городов, будут выявлены и описаны какие-то еще места погребения представителей ассирийской диаспоры, сформировавшейся в 1920-1930-х гг.

Изучение ассирийского некрополя Центральной России, включая Нижний Новгород, другие города Нижегородской области, продолжается, и мы надеемся, что в дальнейшем нам удастся выявить и ввести в научный оборот новые интересные и важные сведения. Нижегородский некрополь рассматриваемой этнической группы представляет большой интерес в деле и изучения истории ассирийцев данного города, и для изучения этнической

истории в целом, а также как неотъемлемая часть общей ассирийской культуры России.

Источники и литература

1. Михайлов С.С. К истории формирования ассирийской диаспоры Нижегородского края: выходцы из области Джилу (племя-миллет джильвая) // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников региональной научно-практической конференции (5 декабря 2019 г.). – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – С. 251–257.
2. Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. – Тифлис, 1904.
3. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е гг.). – СПб., 2017.

О ГОНЧАРАХ СЕЛА ВИНЯЕВО

Ангелина Игоревна Ушакова (Кузьмина)

Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Россия, Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола;
Музейно-выставочный центр, р.п. Выездное МБУК музей «Природа»
им.С.И. Трофимова, научный сотрудник
Россия, Нижегородская область, Арзамасский район, р.п. Выездное
E-mail: angelinakuzmina@mail.ru

В данной статье идет речь о гончарах села Виняево – одного из гончарных центров Арзамасского района. Основным материалом исследования послужило письмо виняеских гончаров 1962 г. о своем ремесле, а также экспедиции к жителям села.

Ключевые слова: *этнография; краеведение; история Арзамаса; керамика; хозяйство и быт.*

Виняево – село в 22 км от города Арзамаса на юго-востоке района, издавна являвшееся одним из центров гончарного ремесла. О специализации села впервые мы узнаем у М.П. Пестова в труде «Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии», где говорится, что в 1869 г. в Виняеве уже занимались горшечным промыслом [1, с. 197]. Изначально село не входило в административные рамки района, только после 1929 г. село присоединили к Арзамасскому краю [2, с. 47]. С тех пор торговля с виняевскими гончарами пошла более оживленно. Исходя из этого, изучение гончарства в селе можно отнести к изучению села в нашем районе.

В труде известного краеведа и фольклориста А.В. Карпова «Кустарные промыслы Арзамасского уезда» среди селений, занимающихся гончарным ремеслом, Виняево не упоминалось [3, с. 284]. Однако, по материалам опроса местных поселковых советов комиссией по изучению гончарного промысла под руководством А.А Бобринского (1961 г.), мы можем судить, что виняевская керамика на территории Арзамасского района все же была распространена. Это связано, в первую очередь, именно с присоединением села к Арзамасскому району. Скорее всего, торговые связи были и тогда,

когда Виняево относилось к Ардатовскому району, но письменных подтверждений этому нет.

Основным источником по изучению гончарства в селе являются материалы работы Комплексного отряда А.А. Бобринского (КОИГ). Работа отряда заключалась в сборе разнообразной информации по тематике исследования, для чего проводилось анкетирование населения. В результате было собрано свыше 3 000 писем от представителей местных властей и учителей школ, а также и от самих гончаров и членов их семей. Среди этих писем были и письма из Арзамасского района [4, с. 19].

В этих письмах респонденты давали ответы на важные для изучения гончарного ремесла вопросы, такие как: кто занимается ремеслом, где добывают глину, как выглядит горн, как делают посуду, на каких кругах, как заготавливают глину и т.д. Названы имена и адреса мастеров гончарного дела.

На запрос Бобринского был получен ответ из пяти сельсоветов района: Абрамовского, Красносельского, Морозовского, Слизневского и Шатовского. Два письма дают развернутый ответ на вопросы анкеты, еще три отсылают нас к уже известным центрам гончарного производства. Письмо из Слизневского сельсовета рассказывает о гончарстве в Виняеве.

Письмо написано главой сельсовета, чье имя не указано. В начале текста идет пояснение, о каких гончарах села пойдет речь:

«А.А. Бобринскому

В связи с Вашей просьбой об истории изучения гончарного ремесла сообщаем следующее от гончаров Горьковской области Арзамасского р-на с. Виняева:

Глухов Степан Васильевич – русский, год рождения 1911.

Григорьев Михаил Иванович – русский, год рождения 1906, место рождения с. Виняево» [5].

Очевидно, что гончары, чье ремесло описывается в письме, являлись потомственными ремесленниками. Подтверждение о династии гончаров Глуховых можно найти и в архивных документах от 1925 г., где мы можем видеть упоминание о еще двух представителях этой фамилии: Василии Ильиче Глухове (1870–1937/1938) и Николае Васильевиче Глухове (1900–1941). В документе перечислены в общей сложности 16 гончаров [2, с. 48]. По данным 1889 г., производством глиняных изделий в Виняеве занимались 26 работников из общего числа 250 мужчин [1, с. 204].

Далее в письме описывается добыча, подготовка глины, формовочная масса, техника формовки, обжиг и обработка посуды. Есть рисунки горна и ручного круга. Примечательно, что во многих селах к 1961 г. уже перешли на ножной круг, а в Виняеве все еще работали на ручном. Также местные мастера много внимания уделяли лепке. Жители села Виняево

делали самые «тонкие» и красивые работы – игрушки-свистульки [1, с. 197]. Помимо этого, из глины также изготавливали дудки [2, с. 48]. Лепили их на досуге из остатков глины в виде птичек, уточек, лошадок и расписывали в свободной форме. Есть упоминание о том, что в Виняеве лепили барана о трех головах [6]. Со свистульками играли дети, зачастую даже на праздник Пасхи вместо яйца им дарили глиняную свистульку. Но, помимо этого, вместе с другими товарами такие игрушки активно вывозили на продажу.

Бытует мнение, что виняевцы ходили по деревням, продавали свистульки и кричали: «Свирульки! Свирульки!», за что впоследствии виняевских мастеров стали называть свирулями. Также возможно, это слово произошло от названия древнего музыкального инструмента – свирели. У всех игрушек-свистулек делали два больших отверстия по бокам, одно в хвостовой части и одно снизу, образуя, таким образом, пути для продувания воздуха, свиста [2, с. 50].

Что касаемо добычи глиняного сырья, то в письме указывается на местоположение ближайшей глинницы, или, по-другому, глиняной ямы. Она располагалась в восьми километрах от Виняева.

«Глину добывали еще с давних времен.

Залежи глины находятся в земле на глубине от 1 м и больше. Залежи глины слоями земля – песок – глина. Эта глина имеет синеватый цвет. Местные гончары добывали ее ручным способом» [5].

О добыче глины подробно рассказала Мария Михайловна Рябова (1947 г.р.), дочь вышеупомянутого *Михаила Ивановича Григорьева.*

Музейно-выставочным центром в 2020 г. была предпринята экспедиция к одной из дочерей Михаила Ивановича – Марии. Она дополнила некоторые данные из письма отца, а также рассказала о его жизни.

Михаил Иванович жил в селе Виняево, его семья не являлась потомственными гончарами. Ремеслу его учил его старший брат Ефим; кто, в свою очередь, обучил его – неизвестно. Однако Мария Михайловна предполагает, что Григорьевых могли обучать Глуховы, т.к. те были ремесленной династией, а также друзьями семьи.

История Михаила Ивановича, как гончара, является специфической. Он родился в 1906 г. и в детстве в результате несчастного случая во время игры с братом получил повреждения роговицы глаза. Он был инвалидом по зрению всю жизнь и при этом занимался гончарством. Сначала в добыче глины и е обработке ему помогала жена; после ее смерти все обязанности по дому, а также помощь отцу легла на плечи Марии. Далее именно она помогала отцу в его ремесле.

Вместе они ходили добывать глину недалеко от поселка Идеал – в Виноградовку, или, как называли ее местные, – «в чащобу». Мария помогала отцу вести тележку с глиной – он вез, она вела.

Известно о добыче глины и от других односельчан. Так, известно, что Федора Васильевича Сучкова специально нанимали для перевозки глиняного материала, а Алексей Степанович Глухов в детстве со своим отцом Степаном Васильевичем сам помогал добывать глину, очищать ее от корней травы и перевозить на тачке для последующей работы на дому [2, с. 51].

В XIX веке территория глинниц принадлежала жителям села Кологреево, и за право пользования глиной хорошего качества виняевцы платили по 10 руб. в год с человека [1, с. 209].

«Метод приготовления: Глину исщепляют на мелкие кусочки, смачивают водой, сутки дают ей мокнуть, потом разваливают по полу и топчут ногами и прочим. В глину ничего не добавляют» [5].

Мария Михайловна Рябова также участвовала в обработке глины. Вместе с отцом они выкладывали кучу глины сначала в угол, там она какое-то время лежала, потом брали ее часть и «топтали» ногами по кругу до состояния «теста».

«Формовка. Вначале наводят от руки, ибо она очень крепкая, а потом обрабатывают мокрой тряпкой. Обработке деревянным ножом на круге» [5].

В письмах арзамасских гончаров никаких дополнительных инструментов не описывается. Однако М.М. Рябова обратила внимание на то, что нигде не упоминается наличие при круге таза с водой, а ведь без него работать с глиной невозможно.

«Работают на ручных кругах. Круг круглый диаметром 80 см, толщиной 6 см, материал – дерево. В центре имеется железный шкворень, вставляющийся в низкую скамейку, раньше были ножны из 2-х полотен» [5] ***(Приложение 11, рис. 1)***.

Здесь стоит еще раз обратить внимание на то, что письмо было написано в 1962 г., когда практически везде уже перешли на ножной круг. Например, в селе Забелино такой переход случился в 1917 г., а в Виняеве он не произошел. Это может свидетельствовать о небольшом объеме производимой керамики и небольших размерах. Принято считать, что Виняево славится именно своими свистульками, хотя, по словам все той же М.М. Рябовой – ее отец крутил и глиняные трубы высотой 1,5 м., и «цветочницы» (горшки для цветов), и крынки.

После того, как изделие было скручено, его выставляли на «заветрие» или, другими словами, давали керамике подсохнуть, прежде чем ставить в горн.

«Обжиг производят в горне, стенки которого обложены кирпичом. Обжиг длится 5 часов. Горн рассчитан на 100 мест. Раньше в селе Виняеве насчитывалось 12 горн. В настоящее время – 2» [5].

Горн имели только богатые горшечники, а те, что победнее, просили обжигать свои изделия в чужих горнах. В основном, это было бесплатно, т.к. весьма удобно для хозяина: ведь при следующем обжиге нагретый горн требует меньше дров. Некоторые горшечники устраивали общие горны, по пять–семь человек. В холодное осеннее время для первоначального нагрева горна метали жребий, кто будет нагревать первым, и кому больше всех придется потратить дров. Весной, после разлива реки часто приходилось поправлять горн или даже строить заново [1, с. 201]. У Михаила Ивановича Григорьева горн был кирпичный и стоял в саду.

К письму прилагаются рисунки горна ***(Приложение 11, рис. 2).***

«Краска: Раньше был сурик свинцовый, выработанный на гос. фабрике. Впоследствии начали пережигать свинец, после чего он превращался в порошок, который в смеси с водой давал новую краску, которой и пользуются наши современные гончары. Изделия красят сырые, а потом обжигают и делают посуду любой формы» [5].

Дочь гончара Григорьева говорит, что ее отец для покрытия изделий глазурью использовал кисть, а в качестве краски использовал порошок медного купороса. Металл расплавляли в порошок, потом просеивали и смешивали с водой. Окрас таких изделий получался коричневый и зеленоватый.

По словам М.М. Рябовой, гончары брали свинец слитками в магазине, который располагался селе Выездном.

Последний пункт письма содержит дополнительную информацию: говорится о комиссии, которая ранее уже изучала глину в селе Виняево. Скорее всего, речь идет о Комиссии по изучению кустарной промышленности, которая изучала ремесленные отрасли страны на рубеже XIX–XX вв. [6].

«Как говорят старые гончары, на проверку глины приезжала комиссия еще с бывшей Горьковской губернии, и ими было выяснено, что эта глина идет на добычу фарфора. Залежей глины, по словам наших гончаров, – много» [5].

Младшие дети М.И. Григорьева – Михаил (1956 г.р.) и Мария (1947 г.р.) – помогали отцу и со сбытом товара. Горшечник давал детям гончарные трубы и отправлял их в соседние деревни (Личадеево и Стёксово) на рынок. Дети вспоминают: «Возьмешь одну трубу за спину, другую спереди повесишь и идешь. Не дай Бог упасть – разобьешь, папка отругает. А если все продадим, тогда сладость какую-нибудь купить можно будет».

М.И. Григорьев закончил заниматься гончарством после того, как второй раз женился. Он устроился работать в начале 1960-х гг. на завод «Автопровод» в специальный цех для инвалидов (общество слепых). Работал он на дому. Мария Михайловна уехала в город учиться, позже вышла замуж и в село уже не возвращалась.

Сбыт осуществлялся на базарах в Арзамасе, Ардатове, Туманове, Стёксове, Кологрееве, Личадееве, Мечасове. Цена товара в зависимости от его предназначения, размеров и емкости варьировалась от 1 до 10 копеек. Так, мелкая посуда, вмещающая в себя один ковшик воды, стоила 1 копейку. Молочные горшки и горшки до ¼ ведра и меньше продавали по 3 и 2 копейки, горшки для варения щей от ¼ ведра и до ½ ведра – по 4 и 6 копеек, корчаги для варения браги и водоемные сосуды объемом в одно–два ведра стоили от 7 до 10 копеек. Продажи были, в основном, розничные, но иногда в Арзамасе, например, виняевцы продавали изделия оптом скупщикам, и через них виняевская посуда попадала уже в Нижний Новгород. Известно, что скупщикам товар продавали по следующим ценам: горшки – по 2 руб. 50 копеек за сотню, дудки – по 80 копеек за тысячу. В некоторых случаях происходил обмен глиняных изделий на хлеб. Воз горшков и корчаг мастер мог обменять на 1,5 четверти ржи и еще овса, который шел на корм лошадям. Порой это бывало весьма выгодно, т.к. торговля на базарах не всегда шла активно [1, с. 204–206].

Конечно, изучение гончарного промысла в селе Виняево не заканчивается одним письмом. Необходимы еще экспедиции к старожилам села, детальное изучение гончарных предметов быта, и по возможности – археологические изыскания, в т.ч. и для того, чтобы узнать, существовала ли на территории села керамика, ранее не зафиксированная. Другими словами, в теме виняевского гончарства есть еще много вопросов для изучения.

Источники и литература

1. Пестов М.П. Описание Ардатовского уезда Нижегородской губернии. – Н. Новгород, 1869.

2. Маслова Е.И., Щетинин А.И. Виняево: наша история. – Н. Новгород, 2020.

3. Карпов А.В. Кустарные промыслы Арзамасского уезда / А.В. Карпов; ред.-сост. Е.П. Титков, Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас, 2010.

4. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М., 2017.

5. Материалы Лаборатории «История керамики» и Архива Института археологии РАН (г. Москва).

6. Гусарова Т., Шмелев Е. Гончарные промыслы Нижегородчины. – URL: http://www.opentextnn.ru/museum/nn/aetnolog/crafts

7. Олейников Г.Г. Гончарное производство Нижегородской губернии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности. Т. VI. – СПб., 1900.

Автор выражает благодарность Е.И. Масловой за отзывчивость и помощь в работе над темой.

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МЕДНОЛИТОЙ ПЛАСТИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА

Марина Владимировна Фёдорова
Муниципальное бюджетное учреждение культуры историко-художественный музей
г. Арзамаса Нижегородской области, научный сотрудник
Россия, Нижегородская обл. г. Арзамас; e-mail: Fedorova.mary2010@yandex.ru

В статье приводится анализ коллекции медной пластики историко-художественного музея г. Арзамаса, описаны наиболее редкие, уникальные произведения, датированные XVII–XX вв., а также приводятся отдельные особенности культуры старообрядцев.

Ключевые слова: *коллекция медной пластики; Арзамасский уезд; старообрядцы; традиции; кресты; иконы; складни; разноцветные эмали.*

Памятники медного художественного литья представляют собой одну из наиболее интересных коллекций историко-художественного музея г. Арзамаса Нижегородской области. Большое количество, прежде всего, византийских церковных предметов, в т.ч. и произведений медной пластики, появилось на Руси с принятием христианства.

Производство медной пластики развивалось во многих древнерусских городах, особенно в Новгороде и Москве. Новой страницей в истории развития этого вида прикладного искусства стали произведения старообрядческих меднолитейных мастерских XVIII – начала XX века [1, с. 5].

В Арзамасе не было производства медной пластики, однако и сам город, и его окрестности с давних времен давали приют старообрядцам. После указа Николая II о веротерпимости, в котором заявлялось о прекращении гонений на старообрядцев (17 апреля 1905 г.) в Арзамасском уезде были зарегистрированы 17 старообрядческих общин; в Чернухе, Коваксе, Мотовилове, Собакине открывались старообрядческие храмы, а также молельные дома и женский скит.

На сегодняшний день в Арзамасе ведется строительство нового полноценного храма во имя святого Николы для старообрядцев. Старый храм был открыт в 1997 г. , располагался на ул. Владимирского в здании бывшего детского сада и не мог вмещать всех желающих, т.к. люди приезжают даже из окрестных районов. Еще один старообрядческий храм находится в селе Чернуха Арзамасского района.

Медная пластика, наряду с книжностью и иконописью, занимала одно из важных место в формировании духовной жизни старообрядческого населения. В новых исторических условиях старообрядцы стали продолжателями сложившихся традиций, не дав исчезнуть этому чисто национальному явлению.

Историко-художественный музей был основан в 1957 г., и главным направлением деятельности на первом этапе становления было формирование его коллекций. Из первой книги поступлений видно, что много

предметов передал музей-заповедник г. Горького. Среди них были литые нательные образки XVI–XVII вв., а также трехстворчатый складень «Деисус» конца XIX века. Музейная коллекция меднолитых предметов формировалась с основания музея вплоть до 2005 г.

Самая большая коллекция предметов меднолитой пластики поступила в музей в 1979 г., когда было закуплено 10 нательных иконок у жителя г. Арзамаса И.И. Щипачкина. Много предметов поступило в 1990-е гг. путем закупки в основном у жителей г. Арзамаса. Всего, согласно документам, поступило 79 предметов меднолитой пластики: 39 иконок, 19 складней, 21 крест.

На протяжении многих веков крест был и остается главным символом христианства. Этим объясняется невероятное разнообразие форм и декора крестов, в особенности меднолитых.

В музейной коллекции присутствуют меднолитые кресты следующих видов.

1. Крест-тельник (один предмет), предназначенный для ношения под одеждой. Нательные кресты были разной формы и имели размер 3–6 см.

2. Крест наперсный (10 предметов), размером 6–12 см. Восьмиконечный наперсный крест предназначен для ношения поверх одежды. В русле православной традиции его использование было принято только в облачении патриарха и митрополита. У старообрядческих согласий, не отрицающих священство, наперсные кресты носят на груди священники; старообрядческие толки, отвергшие священников, применяют наперсные кресты в быту, располагая их в наиболее важных местах: вблизи воды (на колодце, в бане, над входной дверью).

3. Крест напрестольный (восемь предметов).

Крест напрестольный (крест-распятие) представляет собой крест размером 19–40 см, который размещали в алтарной части храма на престоле. Его называли также осеняльным, воздвигальным, благословенным.

Наибольший интерес в музейной коллекции напрестольных крестов представляет «Распятие Христово с предстоящими и избранными святыми» ***(Приложение 12, фото 1)*** или «Патриаршее распятие». Крест украшен композиционной группой, в центре которой «Распятие с предстоящими» – Богоматерь и Св. Мария, Иоанн Богослов и сотник Лонгин. Сверху крест украшен пятью клеймами с изображением основных православных праздников. На боковых частях креста размещены изображения Архангела Михаила и апостола Петра, Архангела Гавриила и апостола Павла. В навершии шесть херувимов на штифтах. Распятия такого типа изготавливались путем сварки. Они составлялись из распиленных складней и отдельных иконок [2, с. 21].

Также особый интерес в коллекции вызывает крест «Троица Нечестивых» ***(Приложение 12, фото 2).*** Свое название он приобрел от сюжета, изображенном на нем – метание жребия о ризах Христа.

Их нижняя часть обычно посвящена Воскресению и победе над Адом, но иногда на лопасти помещали сцену разделения Христовых одежд, композиционно противопоставляя Образу Святой Троицы, занимающей верхнюю часть креста.

Интересно, что изображали обычно не четырех воинов, а трех и чаще показывали не разделение одежд, а метание жребия о цельнотканном хитоне.

Впоследствии нераздираемый хитон стал символизировать единство Церкви.

Крест интересен не столько своим возрастом и отличной сохранностью, сколько сценой на его нижнем луче – не метание жребия о хитоне, а именно разделение одежд. Со второго десятилетия XVIII века этот сюжет уже не использовался.

В коллекции историко-художественного музея представлены иконы трех видов: односторонние, двусторонние и двустворчатые. Наиболее широко представлены односторонние иконки. Их носили поверх одежды изображением наружу на шнуре. Для закрепления шнурка в верхней части образка были предусмотрены петля или ушко.

Для медного литья малых форм характерны сокращенные иконографические изводы, поэтому наиболее часто на медных иконках изображали поясные и ростовые фигуры святых. Подбор орнаментальных мотивов меднолитой пластики также был строго ограничен. Основными типами орнаментации были геометрический и растительный, обычно в виде стилизованного вьюна [3, с. 35].

Иконографический состав изображений на различных меднолитых иконах свидетельствует о преимущественном почитании святых, целителей и змееборцев, жития которых были известны на Руси. В музейной коллекции меднолитых икон наиболее часто встречаются иконы с изображением Святого Николая Чудотворца. Старообрядцы использовали древнюю форму имени этого святого – Никола. Иконография старообрядческого Николы – это вариации двух изводов: Николы Зарайского – с Евангелием в руках и Николы Можайского – в рост, с храмом в левой руке и мечом в левой. В нашей коллекции есть две прорезные иконки «Св. Никола Можайский» ***(Приложение 12, фото 3)***, которые относятся к XVII столетию.

В музейной коллекции есть редкая прорезная икона, изображающая святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба ***(Приложение 12, фото 4)***. В литье Борис и Глеб всегда изображаются на конях, с копьями, украшенными флажками. Икона увенчивается круглым медальоном с изображени-

ем Троицы, над которой располагается небольшая пластина с изображением Спаса Нерукотворного, снабженная отверстием для гайтана. В поздних отливках шапки на головах князей сменяются шлемами [4]. Это дает примерный ориентир датировки хранящейся у нас иконы, на которой князья изображены в шапках (примерно XVII век).

В музейной коллекции преобладают несколько иконок с изображением образа «Богоматери всех скорбящих радость», а также в нашей коллекции есть иконки «Казанская Божья Матерь», икона «Распятие», «Знамение пресвятой богородицы», «Страстная» икона Божьей Матери (Одигитрия), икона «Смоленская Божья Матерь», нательная иконка-четырехчасник «Кирик и Иулита», икона «Скоропослушница», икона «Троица», икона «Воскресение Христово» сошествие Во Ад, икона «Св. Борис и Глеб», Икона «Казанская Божья матерь», икона Божья матерь «Неопалимая купина», икона «Владимирская Божья Матерь», икона «Святитель Николай Чудотворец с Деисусом и избранными святыми», икона «Георгий Победоносец», икона «Иоанн Богослов в молчании», икона «Ангел-Хранитель, преподобные Зосима и Савватий Соловецкие».

Складни представляют собой достаточно интересную часть музейной коллекции меднолитой пластики. Складень – это складная икона, написанная на доске либо отлитая из меди или серебра. Размер створок древних складней определялся средником (центральной частью) и был равен его половине, т.е. створки не заходили одна на другую, а закрывались встык. Прообразом такого типа складней, вероятно, послужили Царские врата, закрывавшие вход в алтарь церкви [5, с. 42].

Коллекция складней нашего музея содержит три четырехстворчатых складня «Двунадесятые праздники», трехстворчатые складни «Деисус», «Богоматерь Одигитрия. Избранные святые», «Богоматерь Страстная», «Богоматерь Всех Скорбящих радость. Избранные святые». Часть коллекции содержит лишь отдельные створки и насчитывает 10 предметов с изображением разных святых и сюжетов.

Особый интерес вызывает четырехстворчатый складень с изображением Двунадесятых праздников ***(Приложение 12, фото 5)*** – так называемые «большие праздничные створы». Он покрыт темно-синей и белой эмалью. Четырехстворчатый складень был найден при сносе дома на ул. Ленина. Этот складень, являющийся целым походным иконостасом, пользовался необычайной популярностью.

Большие створы отливались, наверное, самыми большими тиражами – путевой иконостас хотела иметь каждая старообрядческая семья. Однако до нашего времени в полном четырехстворчатом составе дошли немногие иконостасы. Советская власть, провозгласившая борьбу с религией и атеизм, разрушила даже веками проверенный на прочность уклад старообряд-

ческого семейного быта. Семья разрасталась, сыновья уходили на сторону, и складень разбирали на створки, каждая из которых уходила в новую семью. И по сей день во многих семьях, которые едва помнят о своих старообрядческих корнях, хранятся потемневшие, стершиеся почти до полной неразличимости изображений отдельные створки праздничного складня [3, с. 32]. Это объясняет, почему в нашей коллекции много отдельных створок от четырехстворчатого складня Двунадесятых праздников.

Отличительной особенностью большинства произведений старообрядческого медного литья XVIII – начала XX века являются яркие разноцветные эмали, покрывающие средник и поля образков, икон, складней и крестов как нарядные драгоценные оклады [1, с. 16]. В нашей коллекции имеется семь экземпляров, покрытых разноцветными эмалями.

Достигшее высокого мастерства искусство покрытия меднолитых произведений стекловидными эмалями сделало каждое изделие, отливавшееся из одной и той же формы неповторимым произведением.

В XIX веке литые иконы и складни с эмалью стоили довольно дорого, а нанесение эмали поднимало цену еще выше. По этой причине специально делали более «бюджетные» формы для литья складней без эмали вообще.

«Аскетические нормы жизни старообрядцев требовали отсутствия в быту драгоценных образов, такие образа должны были находиться только в Храмах и общих молельнях» [1, с. 19].

В настоящее время коллекция меднолитой пластики в музее полностью описана. Безымянные иконы и кресты получили свои имена. Готовится каталог, где будет представлена вся коллекция медной пластики с описанием по каждому предмету.

Сложность исследования данного вида вещественных источников заключается в отсутствии сведений о месте производства, определении времени создания и мастера. Можно лишь утверждать, что хронологически она укладывается в период конца XVII – начала XX века.

Источники и литература

1. Неповторимые краски русской эмали. Меднолитая пластика XVIII – начала XX веков из частных собраний / [Авт. проекта Е.С. Сиротников; текст Т.А. Петренко]. – СПб.: Маркус, 2004.

2. Из истории музейных коллекций. Вып. 1. – Самара: ЗАО «ФайнДизайн», 2000.

3. Русское медное литье. Сборник статей. Вып. 1. – М.: СелСистем, 1993.

4. Зотова Е.Я. Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в Московском регионе. – URL: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/103.html

5. Русское медное литье. Сборник статей. Вып. 2. – М.: СелСистем, 1993.

ГАРМОННЫЕ МАСТЕРА ИЗ СЕЛА БАЙКОВО МУХИНЫ

Людмила Борисовна Танских
Независимый исследователь
Россия, Нижегородская область, г. Бор; e-mail: erzya@mail.ru

Целью написания статьи является восполнение пробела в повествовании о культурных ценностях Починковского района, отметившего в 2019 г. свое 90-летие. О том, что в Починковском районе родились шесть гармонных мастеров, в настоящее время мало кому известно. Народный промысел – производство гармоней – не признан на территории Нижегородской области, несмотря на то, что в XX веке почти три сотни кустарей-гармонщиков изготавливали хромки и русские гармони. В статье особое внимание уделяется родственным связям музыкальных мастеров. В результате работы в архивах и с потомками гармонщиков составлено родовое дерево Мухиных и повествование о жизни мастеров. Статья может быть интересна жителям села Байково и выходцам из него, а также любителям народной музыки.

Ключевые слова: *село Байково; Мухины; народный промысел; кустари-гармонщики.*

Гармонщики из села Байково Иван и Григорий Мухины были старшими сыновьями в большой семье байковского кузнеца Василия Матвеевича (1874–1939) и его жены Анны Федоровны (1877–1939).

Байково – старинное село на юге Нижегородской области на реке Алатырь, расположенное в 5 км на запад от железнодорожной станции Ужовка. Но если Ужовка в 2020 г. отметила свое 120-летие, то село Байково упоминается в старинных документах уже с 1628 г.

У Матвея Яковлевича Мухина – деда гармонщиков Ивана и Григория – были многочисленные родственники. Вблизи села Байково есть даже небольшой населенный пункт, который до войны носил название Мухин поселок. В Центральном архиве Нижегородской области удалось установить год рождения деда Матвея, двух его сестер и брата, дату венчания деда Матвея, а также дату рождения отца гармонщиков – Василия.

Матвей Яковлевич Мухин имел брата Сергея, жена которого Прасковья была крепкой здоровой женщиной и родила ему с 1867 по 1874 год шестеро детей: Елену в 1867 г. [1, д. 1834, л. 6], Иоанна в 1868 г. [1, д. 1834, л. 44], Илию в 1869 г. [1, д. 1834, л. 97], Акилину в 1871 г. [1, д. 1834, л. 204], Иоакима в 1872 г. [1, д. 1834, л. 255], Иоанна в 1874 г. [1, д. 1834, л. 365]. В XIX и начале XX века наличие в семьи детей с одинаковыми именами не было редкостью. Однако повторно встречающееся имя в метрической книге могло означать, что первый ребенок умер в младенчестве.

Матвей и Сергей Мухины имели сестер Ирину 1850 г.р. (в браке Панкратова) [1, д. 1834, л. 66] и Марию 1855 г.р. (в браке Череп… – *запись в метрической книге не прочитывается* – ***Авт.***) [1, д. 1834, л. 320].

В карточке подворной сельскохозяйственной переписи 1917 г. села Байково Лукояновского уезда Нижегородской губернии [2, д. 156, л. 845] есть сведения о семье Матвея Яковлевича Мухина. Ему в 1917 г. 75 лет,

откуда можно вычислить год его рождения – 1842. В этой же карточке указана его национальность – великоросс, он имеет в пользовании 5,88 десятин земли, в его хозяйстве одна лошадь и четыре коровы с телятами.

В метрической книге Троицкой церкви села Байково первый брак 21-летнего Матвея Яковлевича Мухина с 28-летней крестьянской вдовой Аграфеной Степановной зарегистрирован 20 января 1871 г. [1, д. 1834, л. 220].

Первый из гармонщиков в роду Мухиных – Василий Матвеевич родился 1 марта 1874 г. [1, д. 1834, л. 355]. У него были старший брат Иван 1871 г.р. [2, д. 156, л. 845], [1, д. 1834, л. 215] и младший брат Степан 1887 г.р. [2, д. 156, л. 861].

Семейство Василия Мухина проживало в селе Байково на ул. Покровка вблизи пруда. Сейчас этот водоем полностью высох и похож на неглубокую яму, обросшую по контуру ивами. А когда-то в пруду была чистая родниковая вода и водилась рыба.

Кузнец Василий Мухин с женой Анной ***(Приложение 13, фото 1)*** воспитали семеро детей: три дочери и четыре сына. Трое из них – Иван, Федор и Марфа (в браке Гурьянова) – остались жить в родной деревне, трое – Григорий, Алексей и Полина (в браке Лаврова) – уехали в областной город Горький, а младшая дочь Анна волею судьбы оказалась в г. Луганске. Семейная легенда Мухиных донесла до нас следующий факт: Василий Матвеевич принимал деятельное участие в строительстве церкви в селе Байково.

Трое сыновей Василия Мухина – Иван, Григорий и Федор, а также внуки – Иван Иванович и Николай Иванович – воевали на фронтах Великой отечественной войны, защищая родную страну от фашистских захватчиков.

Сложное дело изготовления планок, наклепки голосов гармошки, а также методы настройки можно освоить только под руководством опытных наставников. В редких случаях, если у начинающего гармонщика не было наставника, он в процессе ремонта гармошек сам разгадывал секреты старых мастеров-гармонщиков, доходил до тонкостей технологии своим умом.

Интересно, что потомки Василия Матвеевича Мухина не имеют единого мнения о том, где обучились мастерству изготовления гармоней Иван Васильевич и Григорий Васильевич. От Веры Ивановны Черпаковой-Мухиной исходит легенда о том, что Василий Матвеевич отправил старшего сына Ивана на обучение к старому гармонщику в Починки. Освоив в Починках тонкости ремесла, Иван уже в Байково передал свои знания младшему брату Григорию. Но внук Григория Васильевича – Владимир Коченов – утверждает, что его прадед Василий Матвеевич Мухин сам

умел делать гармошки, что именно он обучил Ивана и Григория тонкостям ремесла, и уже в 10 лет его сыновья умели клепать голоса. Мнение старожила села Ильинское Валентины Ивановны Гавриковой, утверждающей, что «Байковский кузнец Василий Мухин изготавливал гармошки, а его сын Иван ходил по деревням и продавал их», обеспечивает перевес версии внука Григория.

Починковский краевед М.А. Фуфаева сообщила нам, что в 1920–1930-х гг. в Починках были ремесленники, занимавшиеся ремонтом гармошек, но фамилии гармонных мастеров ей неизвестны.

В дополнение к первой версии мы бы хотели назвать свою кандидатуру на роль учителя Ивана Васильевича Мухина: Василий Королёв. Гармошка этого починковского мастера есть у борского гармониста Ивана Епифанова (деревня Зимёнки), мама которого родом из деревни Мадаево. Также Иван Епифанов утверждает, что его дед упоминал гармонного мастера Виктора Федоровича Рябова из Наруксова. Что касается судьбы кустаря-гармонщика Василия Королёва, то он, якобы, переехал в Саранск, где и похоронен. И фамилия у него по отцу другая (Кокурин или Трегубов), также возможно, что Королёв – это деревенская кличка мастера.

Старший из гармонных мастеров Иван Васильевич Мухин ***(Приложение 13, фото 2)***, как и его отец, работал в селе Байково кузнецом, потом освоил профессию токаря и, по воспоминаниям односельчан, был хорошим механиком, мог починить и сельхозорудия, и даже часы. Иван Васильевич женился на высокой красивой девушке из соседнего села Ильинское – Марии Михайловне Кануновой-Ерофеевой (1904–1974) и воспитали они троих сыновей и две дочери: Ивана 1922 г.р., Николая 1926 г.р., Анатолия 1936 г.р., Валентину 1929 г.р., и Веру 1931 г.р.

Иван с Марией построили свой дом в селе Байково ***(Приложение 13, фото 3)*** напротив родительского дома на ул. Покровка на другой стороне пруда. Они были большими тружениками и вставали, как говорится, ни свет, ни заря – в 2 часа ночи. Обрабатывали большой огород в 25 соток.

Сыновья Ивана Васильевича – Иван и Анатолий – были хорошими гармонистами.

У Ивана Ивановича Мухина ***(Приложение 13, фото 4)*** трагическая судьба – он погиб в Великую Отечественную войну. Про него рассказывали, что он был очень талантливым музыкантом.

В детстве все его звали Янька. В четырехлетнем возрасте, когда его подбородок еще не доходил до корпуса гармошки, он уже отлично играл плясовые и подбирал на слух песни. Девушки возили маленького гармониста на санках, чтобы он поиграл в кельях и на посиделках. На ул. Покровка в Байково девичьи посиделки (кельи) устраивали в доме многодетной семьи Ларькиных. Вот какие частушки пели тогда байковские девушки:

Самолет летит // Все колых-колых
Ребята хитрые, // А мы хитрее их.

Страдание моё // Стало никудышним
А Мариночка моя // На улицу не вышла.

Ну, подруга моя Таня, // Мы с тобою ладили
Только наши-то малиночки // В любви подгадили.

А мне милый изменил, // А мне больно наплевать
Я после его измены // Веселей буду гулять.

Иван Иванович Мухин был призван на фронт не в Починковском р-не, а где-то в дальних краях, куда он уехал на заработки. С фронта он писал родителям письма; потомки помнят, что его мама и их бабушка всю свою жизнь берегли фронтовые треугольнички, но никто не поинтересовался их содержимым. И досадно, что на обелиске «Павшим воинам в Великой Отечественной войне» в селе Байково на стеле вписан Иван Яковлевич (?!) Мухин и нет Ивана Ивановича Мухина.

Второй сын гармонщика Ивана Васильевича – Николай Иванович после окончания Байковской семилетней школы в 1940 г. поступил учиться в Горьковский электро-радиотехнический техникум, но вынужден был уйти со 2-го курса, т.к. его отец И.В. Мухин был призван на фронт, и Николаю нужно было содержать семью. Шестнадцатилетним подростком Николай работал на Ворошиловском торфопредприятии Починковского района машинистом локомобиля, а с осени 1943 по январь 1945 г. трудился машинистом водокачки на станции Ужовка. В январе 1945 г. он ушел на войну добровольцем. Успел повоевать, дойдя до Праги и Вены.

Сразу после демобилизации в 1946 г. Николай Мухин поехал в Саранск и выучился на фельдшера, получив красный диплом, а затем получил высшее медицинское образование в Ленинграде и стал военным врачом. Н.И. Мухин женился на девушке Зинаиде из родного села Байково и вырастил с ней двух дочерей: Ирину и Светлану. Военврач Николай Мухин принимал участие в исследованиях воздействия радиации на организм человека на Семипалатинском полигоне и сам облучился, тяжело болел.

Средняя дочь гармонного мастера И.В. Мухина Валентина, выучившись в Саранске на акушерку, работала в соседнем большом селе Никитино. Там она вышла замуж за фельдшера Виктора Филонова и родила троих детей: Татьяну, Юрия и Надежду. Только сын Юрий остался вблизи родителей; он окончил сначала техникум в Арзамасе, затем сельхозинститут. Ю.В. Филонов женился на девушке Татьяне из деревни Ужово и работал в Починках в организации «Сельхозхимия». Юрий отлично играл на гар-

мошке и баяне. Гармошку изготовил внуку Юрию дед Иван Васильевич Мухин ***(Приложение 13, фото 5)***. Ю.В. Филонов имел красивый голос, знал много песен, был от природы музыкальным человеком. Юрий с женой Татьяной воспитал дочь Наташу и сына Александра. Его жизнь трагически оборвалась в возрасте 48 лет.

Младшая дочь кустаря-гармонщика из села Байково Вера Ивановна получила высшее финансово-экономическое образование в Ленинграде и была преподавателем бухгалтерского учета. У Веры Мухиной есть сын Андрей и внук Максим.

Иван Васильевич Мухин еще до войны изготовил русскую гармошку для гармониста Ивана Резонова из соседнего села Ильинское ***(Приложение 13, фото 6)***. На корпусе этой гармошки вместо фамилии МУХИН вырезано слово «ТАНГО». Возможно, это дань моде того времени.

О судьбе младшего из гармонных мастеров Мухиных – Григория – много интересного рассказал его единственный внук Владимир. Мало того, что в 10 лет Григорий уже умел клепать голоса на планки гармоней, да еще в столь юном возрасте он был и хорошим гармонистом. «Мелкий, не пьёт – находка для развлечения гостей на свадьбе!» – рассуждали деревенские жители из Байковской округи и частенько приглашали Григория поиграть на свадьбе. Гуляли по две недели! А после свадебных гуляний доставляли юного музыканта в родительский дом на Покровку в сопровождении воза хлеба. Об этом с гордостью рассказывал дед Григорий своему внуку.

Интересно, что, как и его отец Василий, Григорий Мухин рано обзавелся семьей – в 16 лет. Причем всю жизнь прожил с одной женой в невенчанном браке, т.к. спутница его жизни байковская девушка Прасковья Егоровна Удалова была староверкой (кулугуркой). Для венчания один из супругов должен был поменять вероисповедание, но этого не случилось. Так без штампа в паспорте Мухины и прожили в согласии всю жизнь.

Сначала молодые жили в Байкове в доме Марфы. Григорий выстрогал деревянные вилки и ложки, изготовил ведро и кастрюлю. Но долго пожить в доме Марфы не пришлось; обстоятельства сложились так, что еще до призыва в Красную Армию на срочную службу Григорий с Прасковьей уже приехали в г. Горький.

Г.В. Мухин работал гармонным мастером в мастерской сначала на ул. Свердлова, а затем на ул. Черниговской. Прасковья ждала его из армии. В 1932 году у Мухиных родилась единственная дочь Нина.

На фронт Григорий был призван с Горьковской фабрики музыкальных инструментов «Гармония», которая располагалась на ул. Маяковского возле речного вокзала.

Однозначно, возможностей для изготовления и совершенствования гармошки у Григория было намного больше, чем у его старшего брата Ивана, т.к. на фабрике «Гармония» работали как местные старые опытные мастера, так и переехавшие из Вологодской области волокославинские гармонщики (В.Т. Михайлов, Т.В. Карягин, С.П. Палашкин, П.Г. Рыбаков, И.П. Вешкарев, В.А. Китаев, А.М. Караванов, В.И. Рогов, Б.Я. Потехин, Н.Я. Потехин и др.).

Григорий Васильевич, по воспоминаниям внука, после войны долгие годы ходил в гимнастерке и галифе. Жили сначала в деревянном восьмиквартирном доме без удобств, с печным отоплением на ул. Горького, а в 1967 г. получили квартиру-хрущевку в верхней части города, на ул. Корейской.

Григорий и Прасковья Мухины с удовольствием трудились в саду на Щербинках. После ухода из жизни сестры Полины Григорий Васильевич купил для себя ее сад на ул. Батумской в садовом обществе «Яблоко», а сад в Щербинках подарил дочери Нине.

У Григория был мотоцикл ИЖ, но в сад он любил ходить пешком. Там у него в сарае был склад заготовок для гармоней. В гости к нему часто заглядывал гармонный мастер Владимир Васильевич Потехин (1926–1977), живший неподалеку, в Высоково.

Внук Григория Мухина – Владимир Коченов вспоминает, что В.В. Потехин звал его к себе в ученики-подмастерья. На вопрос подростка Вовы Коченова: «А сколько лет нужно будет обучаться гармонному ремеслу?» знаменитый гармонщик ответил: «Пять–семь лет». Также В. Коченов вспомнил, что его дед Григорий мог починить гитару, делал корпуса из мореного дуба для настенных часов и даже пытался изготовить скрипку, но столкнулся с трудностями выбора древесины для нее. По рассказам внука, Григорий Мухин каждый день вечером садился на диван и с удовольствием музицировал на гармошке. У него даже был вальс собственного сочинения – «Байковский».

Также интересен тот факт, что почти каждый вечер в его дом на ул. Горького приходили из консерватории музыканты, которым завтра предстояло участвовать в концерте. Григорий Васильевич старательно подправлял все голоса у баянов и просил исполнить музыкантов два–три произведения. Так дочь Григория Нина и его внук Вова в стенах дома имели счастливую возможность услышать много музыкальных шедевров.

Последние годы перед выходом на пенсию Григорий Васильевич трудился в Канавинском районе в организации Бытремонт, которая находилась справа от входа в Канавинкий рынок (ныне там располагается магазин «ИЗОТ»). Интересно, что в Канавино в мастерской вместе с Григорием работал сын его друга – Николай Владимирович Потехин (один из послед-

них мастеров знаменитой династии гармонщиков из 15 человек из Семеновского района).

Дочь Григория – Нина имела филологическое образование, работала корректором в типографии. Нина и ее сын Владимир окончили музыкальную школу по классу фортепиано. Внук намеревался и далее продолжать музыкальное образование, но мама настояла, чтобы он стал врачом.

В статье о музыкальных мастерах Мухиных нельзя не упомянуть младших сыновей Василия Матвеевича Мухина – Алексея (1912–1985) и Федора (1915–1995).

Алексей Васильевич Мухин уехал в Горький, окончил сначала радиотехникум, а затем и радиотехнический факультет политехнического института. Он был проектировщиком радиолокационного оборудования для военных самолетов. Как рассказала его дочь Тамара Алексеевна, А.В. Мухин летал в одном боевом самолете со знаменитым летчиком-испытателем В.К. Коккинаки, испытывая новые образцы радиооборудования для истребителей.

О младшем сыне в семействе Василия Мухина рассказала дочь, Тамара Брагова: «Мой папа, Федор Васильевич, по профессии биолог, был человеком ищущим, любознательным. Это и побуждало его выискивать разные сорта клубники, создавать коллекции гладиолусов, выискивать новые виды томатов. Пришкольный участок, на котором он обучал учеников трудиться, был всегда лучшим в районе. По натуре он был человеком необыкновенно добрым, щедрым и отзывчивым. Его нет уже 25 лет, а завезенный из Ботанического сада г. Горький сорт клубники Фестивальная почти у всех байковцев как память о прекрасном человеке живет».

Жители села Байково Починковского района Нижегородской области могут гордиться тем, что в их селе жили такие интересные люди – музыкальные мастера Мухины ***(Приложение 13, фото 7)***.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 570. Оп. 10.
2. ЦАНО. Ф. Р-124. Оп. 4.

СИСТЕМА КРАЕВЕДЧЕСКИХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АРЗАМАСА

Елена Викторовна Ямщикова
Муниципальное бюджетное учреждение культуры
централизованная библиотечная система г. Арзамаса Нижегородской области.
Центральная городская библиотека им. А.М. Горького,
информационно-библиографический отдел, библиограф
Россия, Нижегородская область, г. Арзамас; e-mail: arz-ibo@yandex.ru

В статье освещается одна из сторон краеведческой работы Центральной городской библиотеки Арзамаса: создание ею рекомендательных библиографических пособий разных жанров и видов, отражающих источники информации по истории города, его культурной и литературной жизни.

Ключевые слова: *краеведческая библиография; краеведческие библиографические пособия; календари знаменательных дат; тематические библиографические указатели; малые библиографические формы; биобиблиографические указатели; персональные указатели; вспомогательные указатели; прикнижные списки.*

Мы давно считаем первейшим источником информации интернет, и привычно «гуглим», если нужно получить сведения о чем-то из любой сферы деятельности: от быта до науки. Большинство запросов удовлетворяется в сети быстро, проблема освещается со многих позиций, с разной глубиной, задача пользователя сводится лишь к правильному выбору. Не совсем так обстоит дело с краеведческой информацией. Ее и в доинтернетовские времена было найти непросто в силу разных причин: немногочисленны ряды создающих ее энтузиастов, готовых тратить свободное время на архивы и библиотеки; недоступность для исследования многих документов; слабая издательская база, плохая сохранность бумажных носителей, как правило, местных газет, где она публиковалась. В наше время, конечно, многое изменилось, но найти краеведческие сведения и онлайн, и офлайн по-прежнему намного сложнее, чем любые другие: мало что издается, еще меньше оцифровано, то, что есть, размещается на задворках интернета. В этих условиях задача краеведческой библиографии осталась прежней – аккумулировать, систематизировать, популяризировать публикации о фактах и событиях из жизни местного сообщества. Этой работой занимаются все структурные подразделения Центральной городской библиотеки (ЦГБ) Арзамаса, но, прежде всего, ее информационно-библиографический отдел (ИБО). В его ведении находится краеведческий каталог библиотеки и фонд краеведческих рекомендательных библиографических пособий, о котором и пойдет речь. Набор составляющих этого фонда универсален для всех типов библиотек и включает в себя календари местных знаменательных и памятных дат, отраслевые и тематические пособия, а также списки литературы о знатных земляках. Все эти виды биб-

лиографической продукции представлены в ЦГБ Арзамаса. Поговорим о них подробнее.

Начнем с **календарей знаменательных дат**. Они выпускаются ИБО ежегодно за несколько месяцев до наступления очередного года. Календари – это издания универсального содержания, включающие сведения о событиях и людях города, расположенные в хронологическом порядке. В идеале предполагается следующая их структура: дата в строгом хронологическом порядке, текстовая справка о памятном событии из местной истории, произошедшем в этот день в предшествующие годы, и аннотированный список литературы об этом событии. Если речь идет о дате, связанной с чьей-то жизнью и деятельностью, то необходимо и составление краткой биографической справки об этом человеке. Желательно также наличие вспомогательных указателей: именного и географического. Работа над такими пособиями весьма кропотлива из-за разночтений, приблизительности дат, недостатка информации, а, следовательно, необходимости сотрудничества с краеведами, работниками музеев и архивов, ознакомления с местными законодательными актами, неопубликованными материалами. Даже непосвященному человеку понятно, что подобный труд требует очень больших ресурсных затрат, прежде всего, временны́х, которыми муниципальные библиотеки не располагают. Приходится лавировать между возможностями назвать в календаре как можно больше дат или максимально осветить немногие из них. Мы пошли по первому пути (что сближает наш календарь с хроникой), а возникшие в связи с этим трудности компенсируем тем, что в течение следующего года готовим подробные списки к наиболее значимым датам.

«Знаменательные и памятные даты Арзамаса» создаются в электронном виде, а также распечатываются по мере необходимости. Регулярно наша библиотека издает их с 2012 г. Объем со временем возрастает, т.к. с каждым годом накапливается все больше фактического материала: если выпуск 2012 г. состоял из 12 страниц, то календарь на 2021 г. насчитывает уже 30 страниц текста.

Как любое универсальное пособие, календарь знаменательных дат предназначен широкому кругу пользователей, занимающихся краеведением профессионально или на любительском уровне, а также учителям, учащимся, организаторам массовых мероприятий, журналистам, библиотекарям, работникам предприятий и организаций, отмечающих юбилейные даты.

Отраслевые и тематические библиографические пособия отражают литературу по отдельным сферам деятельности (история, медицина, экономика, искусство, религия и т.д.) и частным проблемам, вопросам, темам внутри них. Задача такого рода списков – раскрыть фонды библиотеки,

дать читателям представление, прежде всего, о печатных источниках информации, которыми они могут воспользоваться в ее подразделениях. Значительную их часть составляют газетные материалы, т.к. выход в свет краеведческой книги в небольших городах – явление достаточно редкое. Но мы пропагандируем и качественную электронную продукцию (при ее наличии, т.к., повторимся, краеведческие материалы – нечастый гость на просторах интернета), особенно, если статьи по теме на традиционных носителях немногочисленны. В некоторых случаях, например, в указателях на правовые темы электронные тексты вообще незаменимы, т.к. справочно-правовые системы интернета (КонсультантПлюс, Гарант) располагают наиболее полным блоком местных законодательных актов. С их помощью мы составляем, в частности, памятки и листовки с указанием региональных источников о правах отдельных категорий граждан (инвалидов, матерей-одиночек, пенсионеров и др.) или правонарушениях в той или иной сфере (терроризм, распространение наркотиков, коррупция).

За последние годы в нашей библиотеке создано немало рекомендательных указателей краеведческого характера на разные темы. Например, в библиографическом пособии «История образования в Арзамасе» собраны материалы о школах, училищах, средних и высших учебных заведениях города, как ныне действующих, так и оставшихся в прошлом. Другой указатель – «Комсомол наш проверен и в бою, и в труде», вышедший к 100-летию арзамасской организации ВЛКСМ, включает в себя статьи и книги об истории создания союза молодежи в городе и уезде, ее лидерах, конкретных больших и малых делах местных комсомольцев. Одно из последних по времени издания пособий ЦГБ называется «Здесь сходятся человек и Господь». В нем приводится около 600 источников (книги, статьи, стихи) о православных храмах Арзамаса и Арзамасского района. Каждый блок библиографических записей о той или иной церкви снабжен краткой исторической справкой о ней. На сегодня это наш самый большой тематический указатель, в нем более 100 страниц. Но мы не гонимся за объемом и издаем также немало пособий малых форм. К таковым относится, например, буклет «Арзамасский во имя Алексия, человека Божия (Новодевичий) женский монастырь». Для него мы подготовили статью «История Алексеевского монастыря» и список наиболее значимых книжных публикаций о нем. В 2019 г., объявленном Годом театра, вышел буклет «Арзамасский театр драмы». Здесь представлена как фактографическая информация: краткий исторический очерк, список ведущих актеров, перечень значимых спектаклей из репертуара театра за 75 лет его существования, так и библиографическая: литература по истории театра и список рецензий на его постановки. Мы также выпускаем закладки, листовки, памятки. Например, в один из Дней города всем желающим раздавали книжную

закладку с небольшим текстом об Арзамасе и списком книг по его истории.

От тематических пособий перейдём к самому объемному собранию собственной краеведческой печатной продукции библиотеки – **биобиблиографическим указателям**. Они выпускаются с целью пропаганды деятельности выдающихся земляков, которые прославили себя, а следовательно, и свою малую родину на том или ином поприще. Среди них – политики, ученые, писатели, деятели искусства и культуры, оставившие заметный след в истории нашего региона или имеющие всероссийскую известность.

Один из самых ранних указателей ИБО такого рода – «Арзамасцы – Герои Советского Союза» – включает материалы о наших земляках, совершивших в годы Великой Отечественной войны подвиги, удостоенные высшей награды страны. Он состоит из двух разделов: в первом представлены работы общего характера, где рассказывается обо всех или нескольких Героях, во втором – списки литературы о каждом из них. Указатель издан в 2005 г., и с той поры эти списки неоднократно редактировались и пополнялись новыми записями. Другое пособие, рассказывающее сразу о нескольких знаменитых людях края, отражает библиографическую информацию об арзамасцах, удостоенных звания «Почетный гражданин города» в новейшее время. Он открывается разделом «Законодательство», в котором названы юридические документы по теме, затем даются общие материалы о звании и лицах, получивших его за период с 1968 г., когда было принято решение о возрождении этой награды. Следующий и основной элемент структуры – книги и статьи персонально о каждом лауреате. Так как записи расположены в алфавите персон, указатель снабжен приложением «Хронология присвоения звания».

Биобиблиографические пособия, в которых собраны источники о жизни и деятельности одного человека, называются персональными. Традиционно в их состав включают краткий биографический очерк, перечень основных дат жизни и деятельности, список произведений деятеля и записи о книгах, статьях и других материалах о нем.

В истории Арзамаса немало лиц, достойных персональных указателей. Одно из первых наших пособий такого рода было издано в 2007 г. к 140-летию патриарха Сергия (Страгородского). Через 10 лет мы его переиздали, значительно дополнив. Второе издание открывается биографической справкой, далее идут перечень трудов, речей, писем патриарха, имеющихся в нашей библиотеке, и список литературы о нем. Последний состоит из трех подразделов: энциклопедии и словари, книги и статьи, отзывы на книги о Сергии, написанные арзамасцами: «Жребий пастыря» В.М. Панкратова и «Патриарх Сергий (Страгородский): подвиг служения

Церкви и Родине» Е.П. Титкова. Завершает указатель часть, названная «Арзамас – родина патриарха Сергия». Она отражает литературу о роде Страгородских, о месте нашего города в биографии будущего главы РПЦ, об увековечении его памяти и о музее патриаршества.

«Труды и дни патриарха Сергия» – не единственный персональный указатель о наших земляках-священнослужителях. В 2013 г. вышло библиографическое пособие к 170-летию со дня рождения протоиерея Ф.И. Владимирского, личностью и общественной деятельностью которого восхищался знавший его А.М. Горький. В одном из писем к Федору Ивановичу он писал: «Весьма сожалею, что все еще не нахожу времени достойно описать подвижническое житье ваше». В указателе мы поместили биографический очерк, хронику жизни, информацию о материалах, рассказывающих о Федоре Ивановиче и его потомках, отдельно выделив статьи о деле всей жизни Ф.И. Владимирского – строительстве водопровода в Арзамасе. Завершает пособие небольшой список стихов об этом замечательном человеке.

В разное время вышли также биобиблиографические указатели «Алёна Арзамасская», «Педагог-просветитель В.П. Вахтеров», «А.В. Ступин и арзамасская школа живописи», «Летописец земли арзамасской» о Н.М. Щеголькове, буклет о нем же, который мы раздали участникам Щегольковских чтений 2019 г.

Отдельный блок составляют указатели о писателях. В феврале 2020 г. исполнилось 100 лет со дня рождения старейшего поэта Арзамаса А.И. Плотникова – не только автора стихов, но и наставника большинства местных литераторов, на протяжении десятилетий возглавлявшего литературную группу при газете «Арзамасская правда». На 65 страницах посвященного ему указателя мы разместили очерк о жизни Александра Ивановича, списки его книг и публикаций в коллективных сборниках и в периодике, а также автобиографических заметок и статей о писателях-земляках. Четверть брошюры заняли библиографические записи, отсылающие к многочисленным публикациям о А.И. Плотникове и к рецензиям на его книги. Неожиданно большим оказался список стихов о поэте: память о нем почтили и арзамасские, и нижегородские авторы.

Подобные же краеведческие указатели изданы библиотекой и о других писателях. Вот некоторые из них: «Со страной, со своей стороной…» о Н.Б. Рачкове, «А.М. Горький в Арзамасе», «П.В. Еремеев – хранитель арзамасской старины». Из малых библиографических пособий хочется остановиться на комплектах книжных закладок. К одному из Пушкинских дней информационно-библиографическим отделом были выпущены четыре закладки, объединенные темой «Пушкин и Нижегородский край». Они обращали внимание читателей на литературу о пребывании поэта в Ниж-

нем Новгороде, Болдине, Лукоянове и возможном посещении Арзамаса. Другой цикл, «Максим Горький в Арзамасе», состоял из 10 закладок, каждая из которых текстом и списком литературы освещала определенную тему: «Арзамасская ссылка», «Письма из Арзамаса», «Гости М. Горького в Арзамасе», «Арзамасское окружение», «Творчество в ссылке», «Арзамас в творчестве А.М. Горького», «Дом-музей А.М. Горького», «С именем А.М. Горького», «Центральная городская библиотека имени А.М. Горького», «Пьесы А.М. Горького на арзамасской сцене».

Своеобразным симбиозом тематического и биобиблиографического пособия стал комплект книжных закладок «Улицы Арзамаса, названные в честь деятелей революции», выпущенных к 100-летию октябрьских событий 1917 г. На их лицевой стороне мы разместили фактографическую информацию об арзамасце-революционере (краткая биография и фотография) и улице, носящей его имя (прежнее название, дата и причина переименования). На обратной стороне – списки литературы в том же порядке: сначала о персоне, потом об улице. Так появились оформленные в едином стиле мини-пособия о С.Ф. Шер, М.В. Гоппиус, Н.С. Березине, М.Ф. Владимирском.

Важное место среди нашей библиографической продукции занимают прикнижные списки литературы. Они составлены к ключевым, на наш взгляд, краеведческим изданиям, к которым обращается всякий, интересующийся историей города. Прикнижные списки позволяют существенно облегчить работу с источниками, значительно сократить время на поиск определенной информации в книге, т.к. указывают страницы, на которых исследователь найдет то или иное понятие. Первый подобного рода вспомогательный указатель был сделан нами к книге, которая является основой почти любой краеведческой работы, тематически связанной с нашим городом. Это изданные в 1911 г. «Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым». Указатель к этой книге создавался еще в «докомпьютерный» период работы нашей библиотеки, поэтому на его создание ушло очень много времени, т.к. книга достаточно велика по объему. Составляющие его понятия не подразделены по какому-либо формальному признаку (имя, предмет, географическое название), а расположены в общем алфавитном порядке. Так же построен прикнижный список к другой значимой книге Н.М. Щеголькова «Арзамасский Воскресенский собор. История и его описание». В дальнейшем мы стали разделять лексический массив на блоки: именной, географический, предметный. Из них состоит, например, указатель к хронике И.А. Гордеевцева «Город Арзамас: люди, события, факты». Подобного рода пособий в нашем фонде немного, кроме названных, составлены еще прикнижные списки литературы к двум

книгам краеведа советского периода П.В. Еремеева: «Арзамас-городок» и «Арзамасские мастера».

Выше речь шла о достаточно крупных формах краеведческой библиографической продукции, изданных отдельными брошюрами. Кроме них, информационно-библиографический отдел ЦГБ ежегодно составляет менее значительные по объему пособия, тематически связанные с историей, экономикой, культурой, искусством края. Все они существуют не только в печатном, но и в электронном виде, т.к. обязательно размещаются на сайте библиотеки (http://arzbiblio.ru). Здесь можно посмотреть списки: «На карте Тёша – ниточка тонка…», «Арзамас в кино. Кино в Арзамасе», «Противодействие терроризму и его предупреждение: законодательные акты Нижегородской области», «Легенды о бункере Сталина», «Не потускнела до сих пор корона города – собор…», «Арзамасский ужас Л.Н. Толстого», «Род Чаадаевых и Нижегородская губерния» и многие другие. Конечно, они не претендуют на полное и всестороннее освещение той или иной темы, т.к. отражают источники, выявленные библиографами в фондах только нашей библиотеки, но в этом недостатке кроется и достоинство: со всеми названными в них материалами можно познакомиться на месте.

Такова в общих чертах система краеведческой библиографической продукции Арзамасской центральной городской библиотеки, сложившаяся в последние десятилетия. Работа по ее совершенствованию и количественному росту представляется если не бесконечной, то весьма протяженной по времени, т.к. ежедневно появляются новые печатные и электронные материалы о крае, пользователи библиотеки обращаются с все более разнообразными запросами, еще далеко не все темы отражены в библиографических пособиях. Осознавая важность и необходимость краеведческой деятельности, мы будем и дальше заниматься ею в своем сегменте.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ПУРГАСОВО ГОРОДИЩЕ – САРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ
А.А. Инжутов, Е. И. Парадеев …… 4

ДВОРЦОВАЯ ТОЛОКОНЦЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ БАЛАХНИНСКОГО УЕЗДА В КОНЦЕ XVII ВЕКА: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ, СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЙ СОСТАВ, НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ (ПО ПЕРЕПИСНОЙ КНИГЕ 1691 - 1692 ГГ.)
Л.Ю. Варенцова …… 34

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО И ФУРАЖНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛКОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1812 Г.
Д.А. Николаев …… 45

ВОПРОС О СБОРЕ НЕДОИМОК В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПОЛКОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ В 1814 Г.
Д.А. Николаев …… 50

НЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СРЕДЕ СЕЛЬСКИХ КУСТАРЕЙ-ТОВАРОПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
И.В. Чиркунов …… 55

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ В СОСТАВЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.
Л.Ю. Варенцова, С.Ю. Варенцов …… 61

УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА АРЗАМАСА В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА
И.Г. Потороева …… 71

ПОМОЩЬ ЗЕМСТВА НАСЕЛЕНИЮ В НЕУРОЖАЙНЫЕ ГОДЫ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРЗАМАССКОГО УЕЗДНОГО ЗЕМСТВА)
С.А. Зотов …… 79

РАЗДЕЛ 2. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

ИСТОРИЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ В СЕЛЕ ВИНЯЕВО
Е.И. Маслова, А.И. Щетинин …… 86

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА МЕСТАХ И ОБЩЕСТВА В ПЕРИОД ДВОЕВЛАСТИЯ 1917 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ)
М.И. Николаев, И.А. Субботина 93
УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В РЕАЛИЗАЦИИ ДЕКРЕТА О ЗЕМЛЕ
О.В. Ефимов 97
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЛХОЗОВ В АРЗАМАССКОМ И ДИВЕЕВСКОМ РАЙОНАХ В 1920-1930-Х ГГ.
И.Н. Балахонова 107
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЮННАТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР В 1940-Е-1950-Е ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)
А.Е. Смирницкий 116
АРЗАМАССКАЯ ОБЛАСТЬ: УСПЕХИ И НЕУДАЧИ
А.А. Гурьянов 122

РАЗДЕЛ 3. ПРАВОСЛАВИЕ В ИСТОРИИ РЕГИОНА
ЦАРСКИЕ МОНАСТЫРИ НА РЕКЕ ПЬЯНЕ
И.В. Морозова 128
ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА СЕЛА КОЖИНО
О.В. Исусова 132
ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР И НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕЛЕ ПОЧИНКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
М.А. Бегоутова 139
ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СВЯТЫХ МЕСТ ЖИТЕЛЯМИ ДИВЕЕВСКОГО И ПЕРВОМАЙСКОГО РАЙОНОВ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
О.И. Александрова, О.Н. Ляпаева 143

РАЗДЕЛ 4. ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РЕГИОНА
ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ В РАБОТАХ НИЖЕГОРОДСКОГО ИСТОРИКА П.И. МЕЛЬНИКОВА О КУЗЬМЕ МИНИНЕ
А.И. Клюева 148
АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ И АРЗАМАССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ
Н.А. Пакшина 159
АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ УЛЫБЫШЕВ: МИФЫ, ДОМЫСЛЫ И ФАКТЫ БИОГРАФИИ
Андрей В. Малышев 165

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ З.А. ПЕШКОВА – КРЕСТНОГО СЫНА М. ГОРЬКОГО
Т.В. Казнина …… 179
«ИСТОРИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК. АРЗАМАССКАЯ АЛЬМА-МАТЕР». О РАБОТЕ НАД СБОРНИКОМ.
С.В. Борисова, А.А. Бабикова …… 184
ИВАН ПАНКРАТЬЕВИЧ ГОРЯЧКИН: ЛИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ В МОЗАИКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ГОРЯ
С.В. Завьялова, А.А. Завьялова …… 189
НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ ХРИПУНОВ – ПОЧЕТНЫЙ ХИМИК СССР
М.О. Яшина, Н.В. Хорева …… 196

РАЗДЕЛ 5. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ РЕГИОНА

ГОЛУБАЯ СВАСТИКА ПРОТИВ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ. ВОЙНА В ВОЗДУХЕ МЕЖДУ СССР И ФИНЛЯНДИЕЙ 1939-1940 ГГ. ОПЫТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
Е.И. Подрепный, Е.П. Титков …… 203
ТАНКИ С БЕРЕГОВ ВОЛГИ (1941-1942 ГГ.): ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ
Е.И. Подрепный, И.А. Калмыков …… 211
ЛЕГКИЕ ТАНКИ Т-60, Т-70 В БОЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ
Д.П. Капьятец …… 219
ПРОИЗВОДСТВО ЛЕГКИХ ТАНКОВ Т-70 НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО ДОКУМЕНТАМ НИЖЕГОРОДСКИХ АРХИВОВ)
Д.П. Капьятец …… 226
«ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ» Е.В. СЕРЕБРЯКОВА И ЕГО ФРОНТОВАЯ БИОГРАФИЯ
Е.В. Колосунин …… 233
ПАВЕЛ ФАДЕЕВИЧ СОЛОВЬЁВ: ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЗА РОДИНУ
С.В. Завьялова, А.А. Завьялова …… 237
АРЗАМАССКИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ (ПО МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ)
А.Е. Щеглетова …… 243
СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СЕЛЕ БОЛЬШОЕ ТУМАНОВО АРЗАМАССКОГО РАЙОНА
А.В. Токарева, А.А. Безруков …… 251

РАЗДЕЛ 6. ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ АРЗАМАССКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
М.С. Любов, Д.С. Машинов …… 257
ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ”УЧАСТКИ ДУБРАВ В КОММУНАРСКОМ ЛЕСНИЧЕСТВЕ“ ПОЧИНКОВСКОГО РАЙОНА НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ»
В.А. Шеманаев, Д.М. Кривоногов, А.В. Щегольков …… 262
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ», ИЛИ ПАНДЕМИИ В XIX ВЕКЕ
О.В. Ратушная …… 268
СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСТРЫХ НАРУШЕНИЙ МОЗГОВОГО КРОВООБРАЩЕНИЯ В АРЗАМАСЕ И АРЗАМАССКОМ РАЙОНЕ
Т.А. Кончина, Е.А. Морозова, В.Н. Кончин …… 277
К ИСТОРИИ РАМЗАЙСКОЙ МЕСТНОСТИ
А.А. Исаков …… 281
ГИДРОНИМЫ СЕЛА КРАСНЫЙ БОР
В.С. Ильина …… 294

РАЗДЕЛ 7. АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, МУЗЕЙНОЕ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

НЕИЗВЕСТНАЯ КЕРАМИКА ИЗ КСТОВСКОГО РАЙОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОЙ КОРОБОЧКИ)
А.Д. Муратбакиева …… 300
СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОНЧАРНЫЕ КЛЕЙМА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МУРОМА
В.Ю. Неупокоева …… 306
К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТОПОНИМА КУЛЕБАКИ
Алексей В. Малышев …… 312
К ИСТОРИИ СЕЛА ТУРКУШИ АРДАТОВСКОГО РАЙОНА И СУЩЕСТВОВАВШЕГО В НЕМ ОБЫЧАЯ «УРОЗА»
Алексей В. Малышев …… 319
К ИЗУЧЕНИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО АССИРИЙСКОГО НЕКРОПОЛЯ
С.С. Михайлов …… 324
О ГОНЧАРАХ СЕЛА ВИНЯЕВО
А.И. Ушакова (Кузьмина) …… 333

МУЗЕЙНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МЕДНОЛИТОЙ ПЛАСТИКИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА
М.В. Федорова …… 339
ГАРМОННЫЕ МАСТЕРА ИЗ СЕЛА БАЙКОВО МУХИНЫ
Танских Л.Б. …… 344
СИСТЕМА КРАЕВЕДЧЕСКИХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АРЗАМАСА
Е.В. Ямщикова …… 351

Приложение 1 (к статье А.А. Инжутова, Е. И. Парадеева)
Приложение 2 (к статье Е.И. Масловой, А.И. Щетинина)
Приложение 3 (к статье О.В. Исусовой)
Приложение 4 (к статье А.Е. Щеглетовой)
Приложение 5 (к статье М.С. Любова, Д.С. Машинова)
Приложение 6 (к статье В.А. Шеманаева, Д.М. Кривоногова, А.В. Щеголькова)
Приложение 7 (к статье А.А. Исакова)
Приложение 8 (к статье В.С. Ильиной)
Приложение 9 (к статье А.Д. Муратбакиевой)
Приложение 10 (к статье В.Ю. Неупокоевой)
Приложение 11 (к статье А.И. Ушаковой)
Приложение 12 (к статье М.В. Федоровой)
Приложение 13 (к статье Л.Б. Танских)

Научное издание
**ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО
И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ**
Сборник статей участников
II Региональной научно-практической конференции
11 февраля 2021 г.

Научный редактор *А.А. Исаков*
Ответственный редактор *В.И. Грубов*
Технический и художественный редактор *С.П. Никонов*
Дизайн обложки *Д.С. Парадеев*
Верстка и вывод оригинал-макета *А.А. Исакова*

Подписано в печать 01.02.2021 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. листов 21. Тираж 100 экз. Заказ № 125

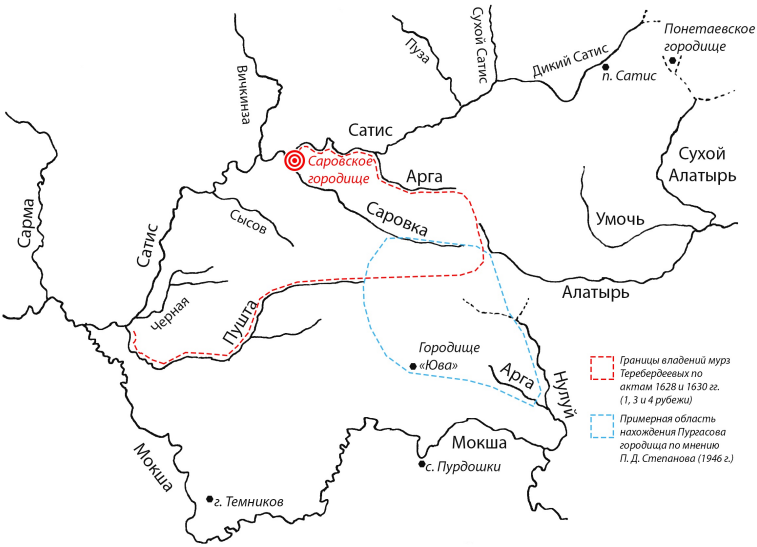
Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37

Приложение 1

Илл. 1. Речка Сатис выше поселка Сатис (снимок с квадрокоптера).

Илл. 2. Русло речки Сатис выше поселка Сатис.



Илл. 3. Схема местности, прилегающей к Саровскому городищу, с указанием границ угодий Теребердеевых и области поисков, определенной П.Д. Степановым.

Приложение 2

Фото 1. Ученики Виняевской школы. 22 сентября 1948 г.

Фото 2. Ученики Виняевской школы, 1958 г.
(учительница – Мара Васильевна Бурова).

Фото 3. Здание Виняевской школы, 1979 г.

Приложение 3

Фото 1. Церковь Рождества Христова села Кожино, 1947 г. (?).

Фото 2. Служители церкви Рождества Христова села Кожино, 1930-е – 1940-е гг. (?).

Фото 3. Внутренний интерьер Церкви Рождества Христова, село Кожино. После 2016 г.

Фото 4. Церковь Рождества Христова, село Кожино. Современный вид снаружи. Фото В. Бакунина.

Приложение 4

Фото 1. Бойцы 29-го отдельного радиобатальона ВНОС.
В верхнем ряду первая слева – В.С. Гришина.

Фото 2. Полеводческая бригада колхоза им. Чкалова (с. Выездное).

Приложение 5

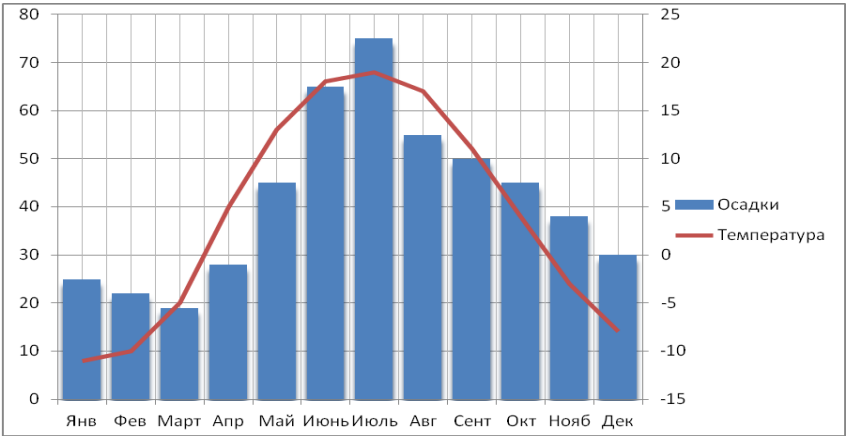


Рис. 1. Климатическая диаграмма XX века.

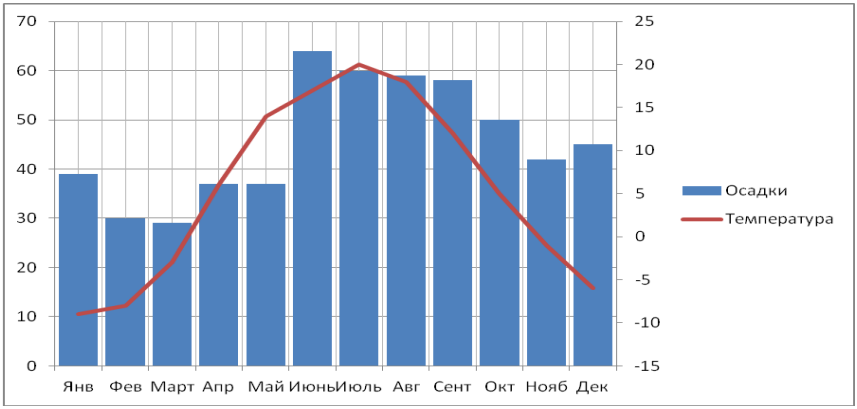


Рис. 2. Климатическая диаграмма XXI века.

Приложение 6

Рис. 1. Схема территории памятника природы регионального значения «Участки дубрав в Коммунарском лесничестве» (http://docs.cntd.ru/document/465500902).

Рис. 2. Участок дубрав в Коммунарском лесничестве.

Приложение 7

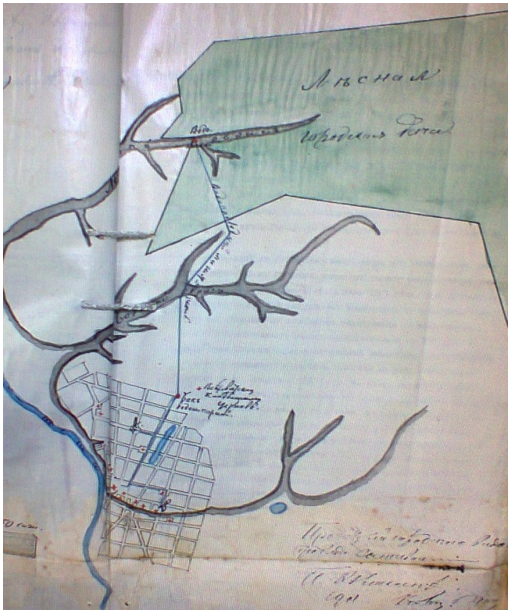


Рис. 1. Схема арзамасского водопровода, автограф Ф.И. Владимирского. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 23. Оп. 1. Д. 40. Л. 460.

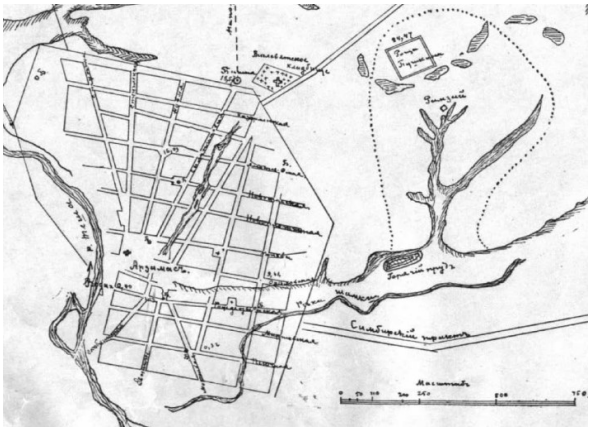


Рис. 2. Фрагмент собственноручного чертежа Ф.И. Владимирского.
Воспроизводится по изданию: Владимирский Ф.И., прот. Записка об устройстве водосбора из источников «Мокрого» оврага в городе Арзамасе. – Арзамас: Тип. Доброхотова, 1915.

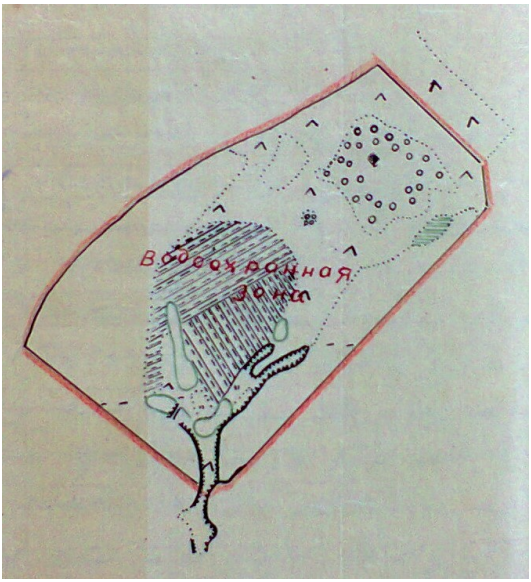


Рис. 3. Фрагмент выкопировки с плана пригородных земель г. Арзамаса Горьковского края участка водоохранной зоны «Рамзай». ГАНО, г. Арзамас. Ф. 322. Оп. 2. Д. 50. Л. 78.

Приложение 8

Фото 1. Река Тёша у села Красный Бор.

Фото 2. Горин колодец.

Фото 3. Святой колодец.

Фото 4. Озеро Золотое донышко.

Фото 5. Долгое озеро.

Фото 6. Черное озеро.

Фото 7. Глуховское озеро.

Фото 8. Березовое болото.

Фото 9. Моховое болото.

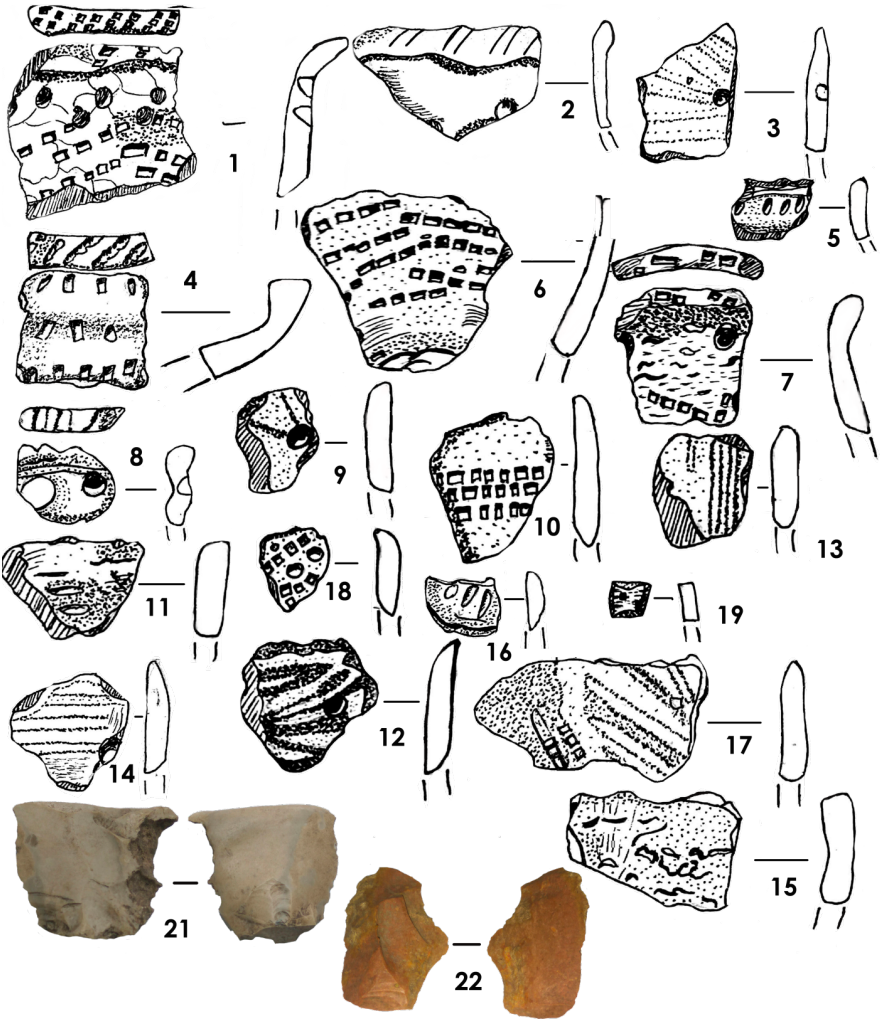


Рис. 1. Керамические и каменные находки из коробки.

Приложение 10

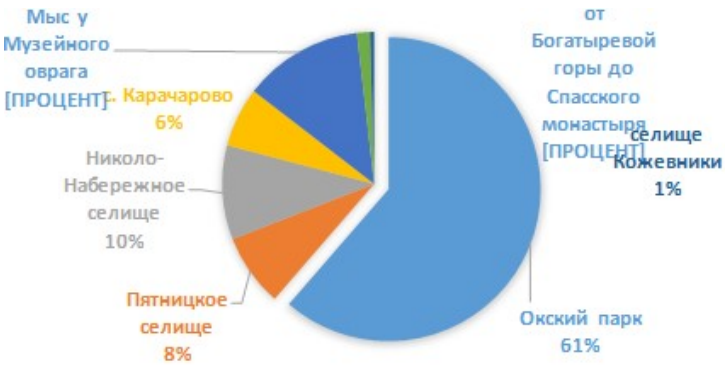


Рис. 1. Распределение клейменой средневековой посуды по культурному слою г. Мурома.

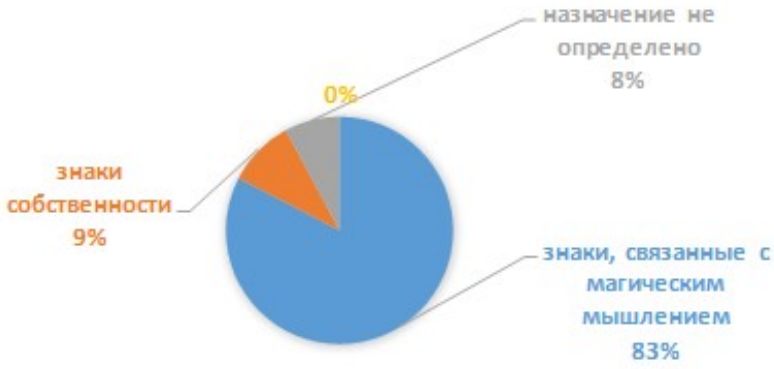


Рис. 2. Распределение клейм с учетом предполагаемого назначения знака.

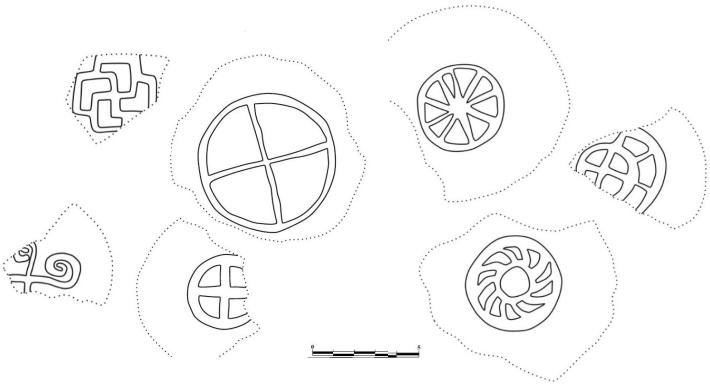


Рис. 3. Гончарные клейма из коллекции МИХМ
с изображениями символики огня.

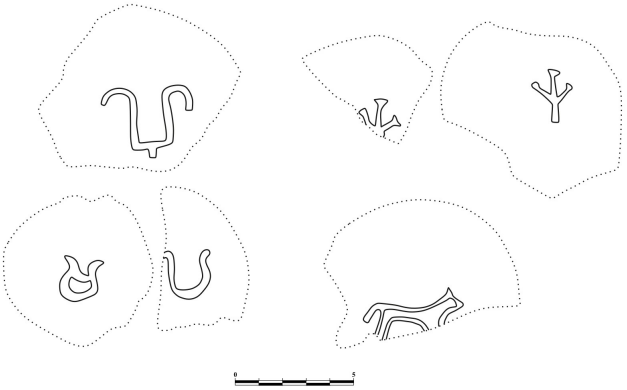


Рис. 4. Гончарные клейма из коллекции МИХМ.
Кресты, выполненные в христианской традиции; изображения ключей.

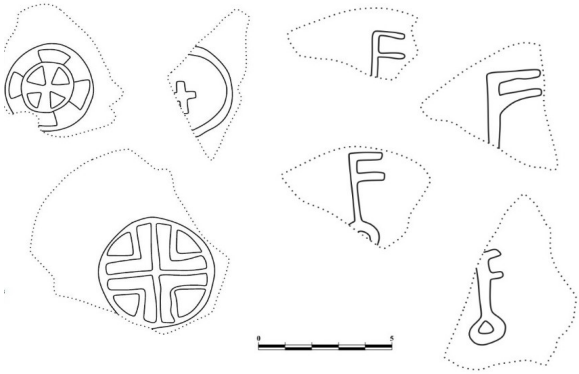


Рис. 5. Гончарные клейма из коллекции МИХМ.
Геральдические изображения: двузубец, «птички», «птичьи лапки»; изображение кошки (?).

Приложение 11

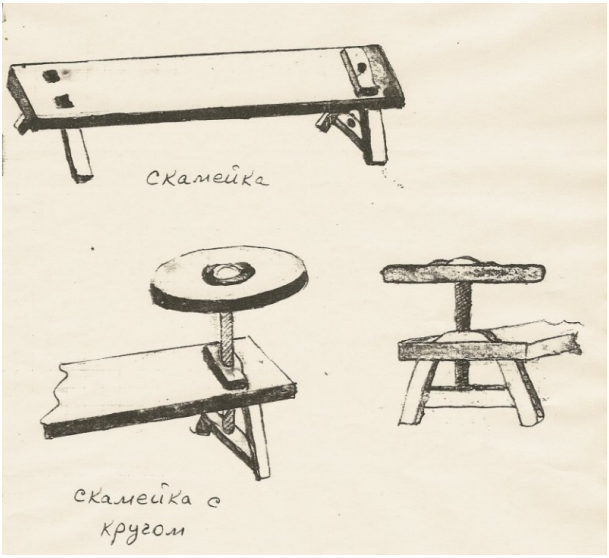


Рис. 1. Рисунок ручного круга из письма виняевских гончаров.

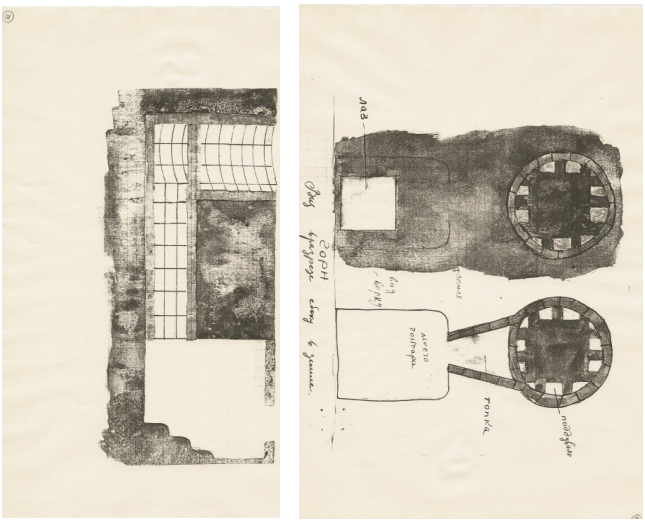


Рис. 2. Рисунок горна из письма виняевских гончаров.

Приложение 12

Фото 1. Распятие Христово с предстоящими и избранными иконами (Патриаршее распятие).

Фото 2. Крест. Троица Нечестивых.

Фото 3. Икона. Св. Никола Можайский. (примерно XVII век).

Фото 4. Икона. Св. Борис и Глеб.

Фото 5. Четырехстворчатый складень. Двунадесятые праздники. Медный сплав, эмаль.

Приложение 13

Фото 1. Василий Матвеевич Мухин с женой Анной Федоровной.

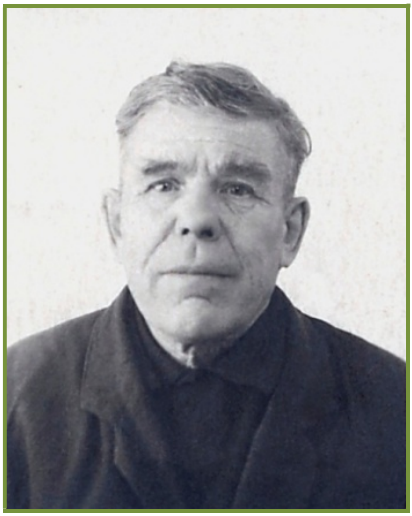


Фото 2. Иван Васильевич Мухин (1902–1986).

Фото 3. Дом И.В. Мухина в селе Байково.

Фото 4. Иван Иванович Мухин (1922–1942).

Фото 5. Гармошка работы И.В. Мухина (для внука Юрия Филонова).

Фото 6. Русская гармошка работы И.В. Мухина, изготовленная для гармониста из села Ильинское Ивана Резонова.

Фото 7. Гармонный мастер Григорий Мухин в окружении родственников. Сидят справа налево: Алексей, Григорий и Федор Мухины. В верхнем ряду: жена Алексея Лидия Майорова, Полина Мухина, жена Григория Прасковья Удалова, жена Федора Софья Черноус.